

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ II.

мѣсяцъ Январь.

печашано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
путнаго Шляхепнаго Кадетскаго Кор-
пуса,

1778 года.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1958

1958

1958

1958

1958

1958

1958

1958

1958

1958

Особы, подписавшіяся въ Январѣ мѣсяцѣ,
въ Санктпетербургѣ.

Его Сіятельство Князь Василій Никитичъ Трубецкой, 2 ексем. 25 руб.

— Высокоблагородіе Пётръ Андрѣевичъ Щербининъ, 1 ексем. 5 руб.

— — Аврамъ Ивановичъ Анненковъ, 1 ек. 5 руб.

— Превосходительство Снепанъ Фёдоровичъ Ушаковъ, 1 ексем. 5 руб.

Аглицкой церкви паспоръ г. Тукъ, 1 ексем.

Его Благородіе Фёдоръ Петровичъ Фрезе, 1 ексем.

Въ Императорскую Академію наукъ, 2 ексем.

Купецъ Снепанъ Борисовичъ г. Андрѣевъ, 1 ексем.

Его Высокоблагородіе Григорій Андрѣевичъ Полъника, 1 ексем.

Шпалерной мануфактуры живописецъ Матвей Пучиновъ, 1 ексем.

Тульской купецъ г. Поддѣльчиковъ, 1 ексем.

Алексей Яковлевичъ г. Ослоповской, 1 ексем.

Санктпетербургской купецъ г. Бѣлавинъ, 1 ексем.

Въ Москвѣ.

Его Высокопреосвященство. Платонъ Архіепископъ Московскій и Калужскій, 2 ексем. 25 руб. для его особы; слѣдующіе же для означенныхъ мѣспъ:

Для Московской академіи, 2 ексем.

— Троицкой семинаріи, 3 ексем.

— Перервинской Московской семинаріи, 2 ексем.

— Калужской семинаріи, 1 ексем.

— Звѣнигородской семинаріи 1 ексем.; а всѣхъ Его Высокопреосвященство подписалъ 11 ексем.

Его Высокоблагородіе Андрѣй Михайловичъ Сушковъ, 1 ексем. 10 руб.

— Сіятельство Князь Пётръ Александровичъ Шаховской, 1 ексем. 10 руб.

Ия Благородіе Настасья Ивановна Плѣщева, 1 ексем. 8 руб.

- Его Высокоблагородіе Карлъ Ивановичъ Бланкъ, 1 ексем. 10 руб.
- — — — — Благородіе г. Бѣлавинъ, 1 ексем. 10 руб.
- Фабрикантъ Сергій Сидоровичъ г. Поповъ, 1 ек. 6 р.
- Его Высокоблагородіе Иванъ Васильевичъ Плѣщевъ, 1 ексем. 5 руб.
- — — — — Федоръ Петровичъ Дремлеръ, 1 ексем. 5 руб.
- — — — — Василій Васильевичъ Чулковъ, 1 ек. 5 руб.
- — — — — Сіятельство Князь Вадбальской, 1 ексем. 5 руб.
- Академикъ Федоръ Степановичъ г. Рокоповъ, 1 ек. 5 руб.
- Его Сятельство Графъ Левъ Францовичъ Саншій, 1 ек.
- — — — — Высокоблагородіе Аванасей Николаевичъ Зубовъ, 1 ексем.
- — — — — Петръ Андрѣевичъ Тургеневъ, 1 ексем.
- Г. Невзоровъ, 1 ексем.
- Его Превосходительство Лукьянъ Ивановичъ Камынинъ, 1 ексем.
- — — — — Сятельство Князь Сергій Федоровичъ Хованской, 1 ексем.
- — — — — Князь Алексій Борисовичъ Голицынъ, 1 ек.
- Ея — — — — — Княжна Елисавета Александровна Черкасская, 1 ексем.
- — — — — Княгиня Прасковья Дмитриевна Гагарина, 1 ек.
- Его — — — — — Князь Бѣлосельскій, 1 ексем.
- — — — — Волконскій, 1 ексем.
- — — — — Никита Ивановичъ Трубецкой, 1 ек.
- — — — — Благородіе Роспиславъ Евграфовичъ Тапищевъ, 1 ексем.
- — — — — Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ, 1 ексем.
- — — — — Федоръ Ивановичъ ф. Керперъ, 1 ексем.
- — — — — Петръ Ивановичъ Аленинъ, 1 ексем.
- — — — — Высокопреподобіе Павелъ Архимандритъ Донскаго монастыря, 1 ексем.
- — — — — Высокоблагородіе г. Лашкевичъ, 1 ексем.
- — — — — Александръ Ивановичъ Терневъ, 1 ексем.
- — — — — Николай Ивановичъ Евреиновъ, 1 ексем.

Ея Высокобл. Александра Ивановна Толстая, 1 экс.
 — Екатерина Алексѣевна гжа. Трегубова, 1 эксем.
 Московскаго театра актеръ Иванъ Ивановичъ Кали-
 графовъ, 1 эксем.

Его Благородіе г. Капишанъ Иванъ Васильевичъ Ти-
 бѣкинъ, находящійся при Его Превосходитель-
 ствѣ Иванъ Варфаломѣвичъ Якобій, Астрахан-
 скомъ г. Губернаторъ, по усердію своему къ
 пользѣ общественной и соспрананію къ бѣднымъ,
 принялъ на себя достохвальный трудъ, споспѣ-
 шествовать намѣренію нашему. Мы воздавая ему
 достоподложную нашу благодарность, сообщаемъ
 здѣсь имена подписавшихся у него особъ

Въ Астрахани.

Его Превосходительство Иванъ Варфаломѣвичъ Яко-
 бій, 1 эксем. 20 руб.

— Высокоблагородіе г. Цыпляшевъ, 1 эксем. 15 руб.

— — Александръ Григорьевичъ Толстой, 1 эксем.
 4 руб. 50 коп.

— — г. Турчаниновъ, 1 эксем. 4 руб. 50 коп.

Астраханскаго Губернскаго Магистрата Президентъ
 г. Бодровъ, 1 эксем. 4 руб. 50 коп.

Астраханской купецъ г. Иванъ Телепневъ, 1 эксем.
 4 руб. 50 коп.

Астраханскаго Губернскаго Магистрата г. Бурго-
 мистръ Левъ Кобяковъ, 1 эксем.

Его Благородіе Андрѣй Воронинъ, 1 эксем.

Астраханской г. купецъ Степанъ Шарыпинъ, 1 эк.

— — Левъ Михайловской, 1 эксем.

— — Алексѣй Яцковъ, 1 эксем.

Его Высокоблагородіе г. Карлъ Фунтъ, 1 эксем.

Его Сіятельство Князь Романъ Мелиховъ, 1 эксем.

— Высокоблагородіе Григорій Персидской, 2 эксем.

— — Высокоблагородіе Данила Машкинъ, 1 эксем.

- Его Благородіе Николай Бахметевъ, 1 ексем.
- — Илья Бречинскій, 1 ексем.
- — Карлъ Габлицъ, 1 ексем.
- — Алексѣй Порецкой, 1 ексем.
- Сіяпельство Князь Николай Сергѣевичъ Долго-
руковъ, 1 ексем.
- Высокоблагородіе г. Перкинъ, 1 ексем.
- Благородіе Николай Быковъ, 1 ексем.
- Высокоблагородіе Михайла Барановъ, 2 ексем.
- — Иванъ Пешровичъ Баллей, 1 ексем.
- — Авксентій Горихвосновъ, 1 ексем.
- Сіяпельство Князь Алексѣй Федоровичъ Донду-
ковъ, 1 ексем.
- Высокоблагородіе Николай Аванасьевичъ Бѣке-
шовъ, 1 ексем.

Его Высокоблагородіе г. Секундъ-Маіоръ Иванъ Пе-
шровичъ Тургеневъ, находящійся при Его Сія-
пельствѣ Князь Александръ Александровичъ
Прозоровскомъ, извѣспясь о намѣреніи нашемъ
по сообщенному отъ насъ извѣспію, изъ особли-
выя своя любви къ полезнымъ заведеніямъ въ
Отечествѣ нашемъ, оказалъ опыты доспихваль-
наго усердія своего, предпринявъ на себя шрудъ,
споспѣшествованъ сему предпріятію сообщені-
емъ имянь подписавшихся у него особъ:

- Его Высокоблагородіе г. Ломанъ, 1 ексем. 10 руб.
- — Г. Бандре, 1 ексем. 10 руб.
- — Г. Шамшевъ, 1 ексем. 10 руб.
- Благородіе г. Мейеръ, 1 ексем. 10 руб.
- Высокоблагородіе г. Кончининъ, 1 ексем. 5 руб.
- Благородіе г. Нарсѣ, 1 ексем. 4 рубли.

Во Гданскѣ.

- Его Благородіе Семенъ Сергѣевичъ Волчковъ, 1 екс.
25 рублей.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	спра-
I. Разсужденіе на новый годъ. -	1
II. о Симпатіи, изъ Сочиненій г. Ви- ланда. - - - - -	11
III. Ода міръ. - - - - -	74
IV. Проспираниѣ желанія свои превы- ше необходимостей, еспѣ наи- опаснѣйшая успешность. - -	77

X O X

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

OF ABABAHIA

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
 5 EAST COLUMBIA STREET
 CHICAGO, ILLINOIS 60607
 U.S.A. AND CANADA
 THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
 100 Brook Hill Drive
 West Nyack, New York 10994
 U.S.A. AND CANADA
 THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
 32 Avenue des Lanquards
 1200 Geneva 14, Switzerland
 U.S.A. AND CANADA

X O X

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

I РАЗСУЖДЕНІЕ на новый годъ.

Желашь другъ другу счастья при разныхъ произшествіяхъ въ жизни нашей, кажешся естъ дѣйствіемъ самой человѣческой природѣ свойственнымъ, когда оное почти между всѣми просвѣщенными народами вошло въ обыкновеніе: слѣдовательно никимъ образомъ похулишь не можно, что друзья челоѣковъ, при наступленіи новаго года, другъ друга поздравляютъ.

Начало сего обыкновенія неоспоримо изпекаетъ отъ истиннаго дружества и любви, производящихъ отъ того превозходнаго удовольствія, которое ощущаемъ мы, взирая на совершество возлюбленныхъ нами особы, и которое состоитъ во стремленіи нашемъ ко всему, что только сей особѣ приятно и полезно. Сіе стремленіе

изъявляеяся шбмь, что любимому нами человеку или всяческое благо доставляемь, если оно зависитъ отъ нашей власти; или по крайнѣй мѣрѣ желаемь ему онаго, когда сами доставимъ ему того не въ силахъ. И такъ можно сказать, что люди другъ друга не прямо любящъ, когда они при достопамятныхъ случаяхъ другъ другу не всякаго добра желаютъ. Къ жѣ другому никогда искренно счастья не желаетъ, пошъ въ разсужденіи благополучія другихъ сподъ равнодушнымъ кажется, что для него все едино, дурное или хорошее имъ приключается. Можетъ лижъ такое равнодушіе согласоваться со истиннымъ человеколюбіемъ, со предѣломъ добродѣтелей, со свойствомъ прямого человека?

День новаго года, по истинѣ, въ разсужденіи внутренняго своего качества и свойства, ни чѣмъ отъ прочихъ дней не отличается: но вниманіе наше заслуживаетъ онъ совѣмъ по иной и не недостоинной причинѣ. Нѣкоторый духъ порядка, или лучше сказать, нѣкоторая любовь къ порядку, прирожденная почти всѣмъ людямъ, понуждаетъ насъ, раздроблять жизнь нашу на извѣстные отдѣленія и періоды, а по нихъ уже и располагать всѣ случающіяся съ нами переменны и произшествія, равномѣрно дѣянія и предпріятія наши. И по тому люди, такъ сказать, естественнымъ образомъ, простираютъ свое вниманіе какъ

на совершенную ими часпъ свося жизни, такъ и на предвидущую, копорую начинапъ довлѣпъ, пропекши чрезъ одно оидѣленіе свося жизни; подобно пупешеспвеннику, копорый пробѣжавъ одинъ станъ, пускается въ пупъ до другаго. Сіе по причину, что *въ день новаго года*, будучи духомъ порядка возбуждаемы, какъ на прошедшій годъ, такъ и на вновь припекщее непроницаемое предбудущее взираютъ. При таковыхъ обспояпельспвахъ, разумномыслящимъ сущеспвамъ воображаются сами собою премѣнныя судьбы человѣческія жизни; и ихъ чиспое и нелицемѣрное человѣколюбіе изпоргается въ доброжелательспва своимъ сочеловѣкамъ, друзьямъ и брапїямъ. И такъ *желанїя въ новый годъ*, съ сей спорони разспашприваемыя, должно почишпть дѣйспвіемъ разумнаго и похвальнаго обыкновенїя.

Но какъ со всѣми хорошими дѣлами случается, что онѣ злоупотребленіемъ искажаются, а не рѣдко поспыдными или смѣшными спановятся; по и съ симъ испинному человѣколюбїю свойспвеннымъ обыкновенїемъ произошло пожъ самое. Нѣсколькo пому назадъ въ разныхъ большихъ городахъ, *въ день новаго года*, всюды были видимы шолько однѣ шолпы служиптелей, бѣгающихъ по улицамъ съ огромными свшпками бумаги, исписанной именами пѣхъ, къ копорымъ они онѣ господѣ своихъ по-

сылались съ поздравленіями. Но какъ господа примѣшили, что слуги проклинали ихъ за то начали; что изъясненіе таковыхъ рассылаемыхъ *поздравленій съ новымъ годомъ* зависить отъ искусства и отъ немѣнныя служителя; и что на конецъ изъ числосердечныхъ желаній вышли одни лажайскіе комплементы; по внявъ гласу хорошаго вкуса и здраваго разсудка, опмѣнили сіе плагостное обыкновеніе. Со всѣмъ тѣмъ на мѣсто онаго вступили еще другія, кои кажутся намъ не менѣе спранными.

Одинъ изъ сочленовъ нашихъ былъ свидѣтелемъ довольно забавнаго происшествія. Находясь *въ день новаго года* у одного знашнаго человѣка, примѣшилъ онъ, что лакей донесъ, что гость прибжалъ. Опворили двѣри; въ комнату вошелъ разобранной человѣкъ, въ бѣлыхъ весьма гладко натянутыхъ персичашкахъ. Онъ вдругъ переѣнился въ лицѣ; дѣлалъ нѣкопорыя движенія руками; глаза его казалось совсѣмъ оспанивились, и едва не опрокинулъ онъ сполна наполненнаго дорогимъ фарфоромъ. Сперва подумали, что ему конечно какой нибудь припадокъ сдѣлался: но когда на конецъ слышали, что онъ спалъ говорить *поздравленіе съ новымъ годомъ*, съ такими обрядами, какъ будешь въ академіи читалъ торжественную рѣчь, препровождая многообразными поклонами; по слушатели узнали о своемъ заблужденіи. Хотя совершенно

шенно и не разумѣли, что поздравитель хощѣлъ сказаши: ибо можеть бысть опѣспраха многія цѣблыя рѣчи и періоды выпустилъ; однакожъ можно было примѣспить, что не мало учился онѣ, какѣ ему поздравить, и что мысли имѣлъ довольно хорошія; а сіе то и было лучшимъ изѣ его поздравленія.

Но какѣ чипашелямѣ нашимѣ не принесемѣ никакія особливыя пользы, если предспавимѣ имѣ проспранное и крипическое описаніе *поздравленій въ новый годѣ*; то мы оспавляемѣ оное; а толькo скажемѣ совокупно съ людьми благоразумными, что въ семѣ случаѣ должно болѣе всего смощрѣть на искренность доброжелательства поздравителя.

Образѣ, копорымѣ въ день новаго года желаютѣ счастья, не соспавляютѣ толикой важности, что бы его опровергашъ надлежало: онѣ самѣ по себѣ не заслуживаетѣ вниманія. Однакожъ разспашривашъ должно, какого блага въ новый годѣ другимѣ желаютѣ. Многіе поспавляютѣ оное во счастья свѣпскомѣ. Они другѣ другу желаютѣ здравія, долголѣтныя жизни, скорыя женишбы и тому подобнаго. Сколь же часто сими благами міра ввергаешся человекѣ въ погубель! И шакѣ легко видѣть можно, что человекѣ кромѣ сего ничего инаго другимѣ нежелашщій, не знаетѣ, чего имѣ хочеть; и что шакovyя желанія соспавляютѣ одинѣ пустыя

обрядѣ: ибо исполненіе оныхъ не опѣ насѣ,
а опѣ удачи, зависящѣ.

Однакожѣ должно признасться, что
иногда *въ новый годѣ* производящѣ такія
желанія, копорыя заключаая въ себѣ про-
спошу, бывающѣ весьма мѣпки. Къ сему
принадлежитѣ *вѣчное блаженство*, копо-
раго желалѣ кресьянинѣ немилосердому
своему помѣщику, да еще *какѣ возможно*
скорѣе; также и примѣрѣ одного поргую-
щаго заповѣдными поварами, копорый поз-
дравляя шаможеннаго служителя съ но-
вымѣ годомѣ, желалѣ ему, чшобѣ онѣ въ бу-
дущій годѣ смотрѣлѣ на него только од-
нимѣ глазомѣ. Но таковыя и симѣ подоб-
ныя желанія лишены неліцемерія, искрен-
ности, строгой добродѣтели и похваль-
наго, яко такихѣ существѣ, кои всѣ слова,
а особливо желанія наши оживошворятъ
долженствующѣ.

Какѣ сей нашѣ листѣ естѣ первый, въ
копоромѣ съ нашими чипашелями въ на-
ступившій *новый годѣ* бѣседуемѣ; шо шща-
пельно размышляли, какое бы желаніе
принесли имѣ опѣ всего нашего обще-
ства, копорое и съ намѣреніемѣ нашимѣ,
единожды въ сихѣ листахѣ пошпановлен-
нымѣ, было бы согласно, и неліцемер-
ностѣ бы души наша ко ближнимѣ изъ-
являло. По зрѣломѣ разсужденіи и по испы-
таніи внушренности сердецѣ нашихѣ, наш-
ли, что мы имѣ ничего превозходнѣйшаго
желашѣ

желать не можетъ , какъ только , чтобы они въ наступившей годѣ *содѣлались* лучшими *человѣками* , нежели какими они въ прошедшемъ году были.

Сіе искреннее желаніе приспойно безъ изъятія всѣмъ нашимъ чипапелямъ. Всякій *человѣкъ* , какъ бы онъ великъ , знаменъ , презищенъ , совершенъ , искусенъ , ученъ , разуменъ , добродѣтеленъ и цѣломудренъ ни былъ , можетъ да и долженъ во всемъ быти лучшимъ. Не въ томъ ли *состоитъ* главная *должностъ* , яко союзъ *всѣхъ* обязанностей *человѣка* , что бы онъ *всегда* совершеннѣйшимъ , и *безпрестанно* лучшимъ *искалъ* *содѣлываться*? Кпо о себѣ самомъ безрасудно воображаетъ , что ему уже не можно быти лучшимъ , томъ конечно *приспращенъ* къ себѣ до безумія , и *требуетъ* *врачеванія*. Но мы довольно превозходное о участи сихъ нашихъ *лицъ* мнѣніе имѣемъ ; и по тому не чаемъ , чтобы ихъ сталъ чипать *таковой* *самолюбецъ*. Мы льстимся надеждою , что никто не сравняетъ насъ съ обыкновенными *поздравителями* , кои по большей части изъ *нѣкоторой* корысти *привызаются* къ *нѣкоторымъ* обрядамъ , не смотря , всѣмъ ли они *приличны* , или *нѣтъ*.

И такъ сіе наше желаніе *заключаетъ* въ себѣ все , что только *своему* *сочеловѣку* *благоразумно* *пожелать* можно ; и наши *покровители* и *чипатели* , *представляя* *цѣль* сего *нашего* *Журнала* , конечно

легко познають , согласуется ли сие наше желаніе съ намѣреніями нашими. Ибо человекъ можетъ неоспоримо сдѣлаться лучшимъ , когда во знаніяхъ большее приобрѣтеть искусство , когда въ добродѣтели вѣщаго достигнетъ совершенства , и когда возлюбленному Отечеству , дражайшимъ согражданамъ , и Августѣйшей МОНАРХИНѢ явитъ еще превосходнѣйшія услуги.

Искусство объемлетъ всѣ совершенства человека, кои наипаче отъ его силъ познанія , отъ разума его, отъ ученія и проицаній его рождаются; и чрезъ кои онъ къ такимъ поощряется дѣйствіямъ и поступкамъ, которыя какъ до его собственнаго такъ и ближнихъ счастья касается. Слѣдовательно человекъ сдѣлавшись искусне прежняго, еще съ большимъ стремленіемъ совершаетъ по себѣ образъ жизни и по должности, которыя на него возлагаются. Какимъ же благополучіемъ насладится любезное Отечество наше, когда въ печеніе одного года всѣ чины, чиновники, теологи, судьи, врачи, философы, художники, ремесленники, опцы, мапери, чада, словомъ всякаго сословія и званія люди содѣлаются лучшими !

Добродѣтель приемлемъ мы во всемъ ся просперанствѣ ; и для того желаемъ усердно и нелицемѣрно чиновникамъ нашимъ , чтобъ они въ сей годъ содѣлались смиренномудрѣйшими , воздержнѣйшими , перплѣливѣй-

ливѣйшими, великодушнѣйшими, справедливиѣйшими, любезнѣйшими, услужливѣйшими, милосердѣйшими, жалоспливѣйшими, домоспроишельнѣйшими и проч. нежели до сего были. Приращеніемъ въ добродѣтели и другая часть природы человѣческой, по есть *воля*, исправится, такъ какъ приращеніемъ искусства первая часть оныя, по есть *разумъ*, болѣе изоспрится. Можемъ лижъ Опеческву нашему пожелапи лучшаго блага, какъ что бы во всѣхъ нашихъ любезныхъ согражданахъ обрѣли *исправленную волю и разпространенный разумъ*?

Когда въ человѣкѣ искусство и добродѣтель, разумъ и воля большаго достигнутъ совершенства; по чрезъ сіе самое возымѣетъ болѣе силъ и способовъ, явитъ превосходнѣйшія услуги, копорыя и будупъ доказательствомъ, что онъ сдѣлался лучшимъ. И по тому усерднѣйше желаемъ, чтобъ гражданскіе и военные для истинныя пользы имениныя своя **МОНАРХИИ** и для всего государства; наставники для слушателей; родители для чадъ; мужья для женъ, а жены для мужей; друзья для друзей, словомъ всѣ во всякихъ видахъ учинились достойнѣйшими, нежели какъ прежде были.

На конецъ желаемъ, чтобъ каждый, при вступленіи въ *новый годъ*, успремилъ вниманіе свое къ познанію самаго себя, изслѣдовалъ препровожденную жизнь свою, и

разсмотрѣлъ, какъ далеко достигъ въ добродѣтели, во искусствѣ и въ достоинствахъ? Многіе переходящъ изъ одного года въ другой, не помышляя о томъ ни мало, сколько бѣдственно пропекли прежніе годы. Сколько бы много принужденъ былъ иной самъ себя успыдидься, вспомняувъ, коль мало явилъ добродѣтели, коль мало приобрѣлъ искусства, коль мало показалъ достоинства, то есть, коль не пристойно званію человѣка препроводилъ годъ прошедшій!

И такъ если чипапели наши сдѣлаются въ сей годъ лучшими человѣками; то безъ всякаго сомнѣнія препроводящъ сей годъ во счастіи: ибо добродѣтельный и искусный въ разныхъ знаніяхъ человѣкъ не можетъ быть несчастливъ, хотябъ достойнства его и пребыли сокрыты; хотябъ заключенъ въ оковы, лишился жизни: онъ пребудетъ на высочайшемъ степеніи достойнства человѣческаго, и свѣтлозарнымъ сіяніемъ увѣнчается. По чѣмужъ желать чипапелямъ нашимъ бранныхъ благъ міра, кои сего дни насъ осіявають, а заупро пворящъ насъ бѣдственною жертвою несправедливости, насильствія и злобы? Онъ конечно не достойны были предмѣтомъ чистосердечнаго поздравленія въ новый годъ. Стремящейся за добродѣтелию и искусствомъ, и являющей оныя чрезъ прямыя свои заслуги и достоинства, приобрѣтетъ и все прочее: ибо любящимъ Бога да все послужитъ на пользу.

II.

O

СИМПАТІИ,

изъ Сочиненій г. Виланда.

I.

Сколь блаженно соспояніе, о I..., когда симпатическія души обрѣпающѣ здѣсь другѣ друга! Души, пылавшія можетѣ бытъ уже давно взаимною любовію, воспоминающѣ издалече о себѣ, узря нынѣ другѣ друга паки: подобно какѣ воспоминаемѣ мы нѣкое сновидѣніе, котораго впечатленіе хопя не ясное, однако приапное, сохраняемѣ вѣ памяти. Можетѣ бытъ разлучила ихѣ судьба, во время низхожденія ихѣ изъ блаженныхѣ оныхѣ жилищѣ вѣ сію чуждую спрану, для пропеченія крапкаго времени ихѣ искуса. Сводящѣ ихѣ паки благоприяпспвующіе имѣ духи, не взирая на разлучающія ихѣ лѣша, горы и рѣки. Едва возникающѣ сродспвенныя сіи души отѣ испуленія, вѣ которое погружены онѣ были низпаденіемѣ на сію земную глыбу, едва начинающѣ себя паки чувспвоваши; по сѣ ними воскресаетѣ ишайное оное желаніе, и самимѣ имѣ спраннымѣ кажущееся. Воздыхающѣ уже о единомѣ недоспающемѣ для нихѣ благѣ, не доумбющѣ, погружающа частю, во уединенной сѣни подѣ кровомѣ крылѣ мрачныя ноци, вѣ не-

ложныя

ложныя сновидѣнія. Неизсчисленное множество образовъ мимоидущъ мыслящимъ душамъ ихъ, не касаяся ихъ, но на конецъ обрѣтающъ достойный любви своей образъ. Начерпываютъ его, любящъ, и подобно *Пигмалиону*, желаютъ зрѣши его жива, не вѣдая еще, что образъ сей имѣетъ своего подлинника, и что сей воспоминаетъ шакожде о его чертахъ. Колико сладостно удивленіе сихъ сродственныхъ душъ при взаимномъ обрѣтеніи! нѣкая тайно привлекающая приятность сближаетъ ихъ; разсмаприваютъ они другъ друга, и чѣмъ долѣе взаимно на себя взираютъ, тѣмъ бывающъ любезнѣе другъ другу. Возможно ли не любими имъ себя? сердца ихъ успроены въ любезнѣйшемъ единоголасіи; еспество для обѣихъ имѣетъ равныя прелести; чистый сей лазурь неба, сіи благоуханные цвѣты, сія зеленѣющая спрана, дремлющая при шихомъ Луны сіяніи, и еще болѣе, духовныя красоты: порядокъ, благость, невинность смиренная, непознанная, непоощряемая и неподражаемая добродѣтель, пребывающая вѣрна небесному Гласу посреди неисправленнаго сего міра.... всѣ сіи красоты равно ихъ поражаютъ. Сколь любезно для нихъ открывати взаимно себѣ внутреннія чувствія! Сколь легко разумѣютъ они другъ друга! Сколь быспроможе чувствіе переходитъ изъ души одного въ душу другаго! Кажутся они быши двумя половинами, копорыхъ дружба совокупляетъ

купляеѣ паки во едину душу. Нѣтъ ни единыя великія мысли, ни единого прекраснаго чувствія, ни единого благороднаго дѣйствія, которое не было бы общимъ между ими. Нѣтъ шаковаго разногласія въ единомъ, которое бы чрезъ другаго не могло премѣниться въ согласіе. Желаніе приближиться оному Жилищу, Священной оной Спранѣ, гдѣ они произникли; сіе высокое хотѣніе (добродѣтелию нарицаемое) соединяетъ ихъ во всѣхъ мысляхъ и дѣянїяхъ; кромѣ добродѣтели бо что можешъ души привести во единомысліе.

Брегитесь вы, малыя души, прилепленныя къ единому бремени корысполюбіемъ или сладоспастіемъ (подлыми нуждами!), оскверняйте священное имя любви или дружбы. Не нарицайте поспыдное скопище *Симпатіею*. Тщешно содруженіе свое прикрываете вы именемъ любви или дружбы, подобно какъ щипся Леда сокрыти мерзскій нравъ свой богряностію ланиѣ своихъ. Довольствуйтесь звѣрскими своими побужденіями и забавами, не завиствуемы опѣ насъ, но пребывайте во своихъ предѣлахъ, и не возбраняйте намъ, разсмаприваяши мїръ сей другими очами. Вѣдайте, что мы желаемъ лучше великими и истинными упованіями духъ нашъ питати и разпространяши; нежели въ скоромимопекущихъ сладоспастїяхъ испавати; что мы желаемъ божественною Вѣрою, нежели въ мозгу спящаго

шаго только сущесивующими воображеніи, пишались хоцемъ; знайпе, что души наши охопнѣ желяють сами въ себѣ жиши, нежели въ неизсчепныя суепныя похопнѣнія и неисповсхва разливались, и что мы шѣмъ больше ошущаемъ жизнь свою, чѣмъ болѣе имѣемъ свободы духъ нашъ, възпаряпья выше, и когда пишмися разрѣшипья опъ узъ, привязующихъ насъ къ сей земной горѣ.

Не возможно одушевленнѣмъ шаковаго рода мыслями не быши въ нѣкоемъ шайномъ душевномъ союзѣ; соближаются они, хошя бы взоры ихъ никогда не вспрѣпились, и уша ни единожды въ жизни сей другъ для друга не опверзались. Склонности ихъ вспрѣчающся между собою, молишвы ихъ возходятъ вкупѣ къ Богу, духъ ихъ ушпремляется по единообразнѣмъ спезямъ къ совершенсшву, упованіе ихъ спекается къ единой мѣшѣ. Часто раздѣляетъ ихъ покровъ, възпрещающій познаши другъ друга; многіе обрѣтають себя взаимно уже во ономъ мѣрѣ. Тако учреждаетъ сіе Топъ, кошорый единъ естъ премудрѣ. Земля не должна быши Небомъ. Однако благополучная судьба приводитъ часпо и здѣсь во едино мѣспо сіи души; часпо вспрѣчають они и въ сей жизни другъ друга. Хошя время и мѣспо ихъ разлучаетъ, но разумъ избрѣлъ средство, подаваши помощь желаніямъ сердечнѣмъ, соединяши во едино мгновеніе жишелей

телей опдаленнѣйшихъ спранѣ, и преносиши нынѣ живущихъ въ сообщество къ онымъ достопочтеннымъ упокоевающимся уже душамъ, добродѣтель коихъ каждое сполнѣе возрождается.

Сколь часто душа моя изъ дневныхъ разпоченій въ безмолвную и уединенную сѣнь ночи удаляясь, прибѣгаетъ къ любезнымъ ей мыслямъ и невидимыми предметами занимается; сколь часто веселилъ меня сладостное представленіе, что есть сродство между душами, и что многія сродственныя мнѣ души разсѣяны по земному шару, копорыя можеть бытъ въ сіе мгновеніе, подобно мнѣ убѣгнувъ въ уединенную сѣнь, подобными мыслями упражняющся; предаюся я тогда въ шихомъ восхищеніи, сладостной сей мѣчпѣ, обещаю мысленно, взыскупя *симпатическія* сіи души, приемля участіе въ ихъ соспоянїи. Можеть бытъ, думаю я, воздыхаетъ сія о другѣ, желая опрыши ему свое сердце, о другѣ, копорый бы могъ разумѣть ея чувствіе, и могъ бы подашь нужный совѣтъ. Можеть бытъ неиспытанной хощя и благо-разположенной поprireбно наученіе; желающей предводитишельспвовати подкрѣпленіе; удрученной ободреніе; неразсмопрѣливой оспорожность. Такъ представляю я себѣ различныя обспояпельспва, въ копорыхъ ближайшіе и испинные мои сродники находяпся; вымышляю я тогда, исполненѣ

полненѣ дружества, какимѣ бы образомѣ ихѣ научишь или ободрить; какѣ утѣшишь или подкрѣпишь; наказашь или достойнымѣ одобреніемѣ наградишь. Начерпавая я сіи мысли, и сердце мое обрѣтаешѣ сладостное успокоеніе, разговаривая со своими опсупспвующими, и причиняя имѣ удовольствіе равное ощущаемому шайно вѣ себѣ.

Примите убо, дражайшія души, ближѣ мнѣ прочихѣ человекѣ соединенныя, примите сіи воспоминанія и ободренія опѣ своего друга, уповающаго вѣ лучшемѣ мѣрѣ узрѣши васѣ собранныхѣ окрестѣ себя. Вы едины разумѣете сіи листы, вы одни будете разумѣть сей языкѣ, и вѣ вашихѣ только сердцахѣ будутѣ опвѣспвовать моимѣ чувствіямѣ *симпатическія* чувствія.

II.

Прекрасная *Целія*! Еще не вѣдаешѣ ты иѣжнѣйшаго своего любовника. Прелестный швой образѣ собралѣ уже толпу ползающихѣ душѣ окрестѣ тебя: но они тебя не любяшѣ. Сколь мало зналабѣ ты свою цѣну, ежелибѣ гордилась ими! Не любовь, *Целія*, но желаніе ихѣ восплаешѣ; каждое приапспво вѣ тебѣ обѣщаетѣ особое удовольствіе, особое восхищеніе; они любяшѣ ихѣ такѣ, какѣ любила *Ева* оный красный видѣнїю и добрый еже сѣспи плодѣ. Но я незрѣвший тебя никогда шѣлесными очамѣ,

я могу разсматривать себя душевными
 взорами; си опкрываюшѣ мнѣ въ земномѣ
 пвоемѣ образѣ, нѣчто прекраснѣйше самая
 красоты. Цвѣтамѣ, живописанію, испуканомѣ
 могу я удивлятьсѣ; но сіе божественное
 свойство, превышающее земный пвой образѣ,
 превосходитѣ всѣ красоты, толико какѣ
 Ангелѣ превосходитѣ брение. Сія божествен-
 ная приятность преисполняетѣ мое сердце.
 Не лаская тебѣ [почто бо ласкать неви-
 димому любовнику душѣ], явлю нѣчто пре-
 восходящее того, которое неупомимые хва-
 лители цвѣтущихѣ твоихѣ прелестей мо-
 гутѣ въ тебѣ зрѣти; я желалѣ бы одуше-
 вить сердце пвое священнымѣ превосход-
 ствомѣ; сіе превосходство можетѣ вознести
 тебѣ надѣ оною розовыми ланитами гордя-
 щеюся двицею, въ которой природа или
 искусство знаменитѣйшее неисправленнымѣ
 оставила. Вся поѣсть сея красоты заклю-
 чается въ томѣ: что бываетѣ она садима,
 разцвѣтаетѣ, и на конецѣ увянетѣ. Се зри,
 созрѣваетѣ уже и ты въ такій возрастѣ,
 въ которомѣ тебѣ свѣтѣ ласкающими или
 жуждающими взорами разсматривать на-
 чинаетѣ. Привлекаетѣ уже красота пвоя
 вниманіе, каковаго едина красота не заслу-
 живаетѣ. . . . Время познаши тебѣ свое опре-
 дѣленіе. . . . Если сила *Симпатіи* меня не об-
 манываетѣ, то мню, что глаголетѣ пвоей
 душѣ нѣкій пайный гласѣ то, что я въ сіе
 мгновеніе помышляю. . . . Прекрасная *Целія!*

Все видимое естъ едина мечта, и сѣнь невидимаго, которое едино Божественно и вѣчно. Душа швоя естъ образъ Божества, лице швое естъ образъ души; цвѣтъ лица швоего и сѣи приятности суть блескъ души, разливающейся на шѣлѣ, которымъ она дѣйствуетъ. Красота естъ обѣщаніе души; симъ обязуется она производити великія, благородныя и доспойно подражаемая дѣйствія. Она естъ прелесть, призывающая учипеля добродѣтели внимати: ибо красавица долженствуетъ быти учипельницею примѣрами даемыми ею; добродѣтель одѣянная красою, входящая во среду челоувѣковъ, обращающаяся съ ними, и предъ очами ихъ дѣйствующая, нравится болѣе, нѣжнѣе касается, и въ сердцахъ глубже слѣды впечатлѣваетъ, нежели всѣ правила мудрыхъ, и всѣ прелестнѣйшія стихотворенія Р... Благонравіе является несравненно прелестнѣе въ нѣжномъ румянцѣ, играющемъ на прекрасныхъ ланипахъ; чувствія и порядокъ, показующія благость сердца, любезнѣе слышатся изъ розовыхъ устъ. И сколь сильно восхищаютъ насъ прекрасные очи, возводимые съ безпритворнымъ благоговѣніемъ къ небу, и являющіе веселымъ блескомъ своимъ Божественныя мысли, люющіяся во благочестивой душѣ! Когда мудрость, цѣломудріе, крепость, когда великія мысли Христіянскою Вѣрою вдыхаемыя, дѣйствуютъ во сей силѣ въ

въ сердцахъ умягченныхъ видимою красою, по высочайшая краса какъ невозбудивъ удивленія! Но во всякой благородной душѣ изъ удивленія любовь, изъ любви подражаніе родится. О Целія! ты можешь быти благодѣтельницею челоуковъ; коликихъ безумцевъ можешь ты посрамиши, которые не хотящъ въриши, что бы могла обидѣти испыпанная добродѣтель въ нѣжномъ сердцѣ вкупѣ со младосцію. Коликихъ можешь ты принудити, поидѣши добродѣтель противу воли ихъ! Колико спрашившихся прежде оныя, привлечены бывъ своими прелестями, въ близи взираши и познавъ любиши се спанути! Самая необыкновенность вещи, сколько произведетъ вниманія! Подумаютъ всѣ, что Ангелъ явился между челоуковъ, дабы примѣрами ихъ научиши. Красота и мудрость соединяся во едино, сильны пронуть невнимающихъ и полико прилепленныхъ къ блеснымъ чувствамъ, что не могутъ любити добродѣтели въ собственномъ ея видѣ. Не сотвори щещными, Целія, намѣреній Творца, прекрасною тебя создаваго. Не учини прелестей своихъ сиренами, въ смерть насъ влекущими. Проси! проси, прекрасный другъ, честной моей ревности. Вѣдаю я, что ты охотнѣе погубиши прелестный сей цвѣтъ, нежели возжелаешь нравственную мерзость сокрыши приятною личиною, или ушаши зѣбную душу подъ сими цвѣтами.

шамы. Зрю я нѣчто большее : благородное вѣденіе пылаетъ во очахъ твоихъ; чувствованіе самой себя, священное предвѣщаніе движетъ твое сердце. Посрамляешь ты тщетныя ублаженія несѣкомыхъ въ видѣ человѣческомъ, какими бы красками суесловія свои они ни разпещряли: ищешь ты благоволенія Царя и Судіи вселенныя, проницающаго даже въ лабиринтъ нашихъ склонностей, имущаго возвѣсипи нѣкогда наши дѣйствія. Какою красотою обогатишь ты сей обезображенный мѣръ! Колико любезна ты будешь всѣмъ друзьямъ добродѣтели! Какое небо обрящешь во владѣніи твоемъ поспѣшнѣй смертный, которому судилъ Божественный Промыслъ дароватьи тебя въ награду за его добродѣтели! Сколь блаженны будешь ты, которыхъ ты въ нѣжныхъ матернихъ объятіяхъ въ непорочности воспитываешь! Въ цвѣтущихъ лѣтахъ твоихъ будешь ты Ангелъ; во старости, когда серебру подобныя власы покрѣютъ главу твою, пребудешь достопочтенна, и старость отъявъ ланишь твоихъ нѣжныя розы, не помрачитъ согласныя черты лица твоего во вѣки.

III.

Какое мрачное облако, о *Алцестъ!* покрываешь лице твое, природою для дружбы сотворенное? Отъ чего печальные сіи взоры, сіи морщины на челѣ, созданномъ для веселія?

лія? На кого гнѣваешся ты, Алцестъ? . . .
На весь родъ человѣческой. . . . Люди въ очахъ
твоихъ суть спрашилища, ненависти или
презрѣнія достойныя. Безуміе ихъ, пороки,
воображенія, упорство, разномысліе, ложь
и злоба тебѣ больше несосны. Думаешь
ты, что взирая на нихъ со всѣхъ сторонъ, не
можешь обрѣсти въ нихъ ничего достойнаго
любви. Можешь быть были они любезны,
вышедъ изъ рукъ Создателя своего въ пер-
вой своей невинности. Но въ семъ образѣ,
въ какой скоро по помѣ перемѣнились, и по-
нынѣ пребывають, обрѣпаешь ты ихъ не-
сосными: гордящся они разумомъ, ко поро-
му никогда не слѣдуютъ; удивляющся
тѣмъ больше добродѣтели, чѣмъ меньше
ощущаютъ желанія, производя ея въ дѣй-
ство; напыщенны они и несповы во
благоуспѣяніи, и пресмыкаются по земли,
какъ скоро прикоснешся имъ что либо про-
тивное; воспаряють навсегда изъ самихъ
себя; ищутъ по всюду блаженства, гдѣ его
не находишь; истинна у нихъ въ презрѣніи;
посыднѣйшее заблужденіе въ прекрасной
личинѣ нравится имъ паче, нежели ис-
тинна, безъ украшенія въ лучшемъ видѣ
являющаяся; ненавиждятъ они другъ дру-
га во имя Господне, въ коего никогда Вѣры
не являють, развѣ когда удары грома о немъ
вспоминають, или когда предъ лицомъ
смерши, воспоминаніемъ собственныхъ дѣ-
яній, яко ошъ адскихъ сестръ, змѣиными
бичами

бичами ударяемы, предъ судилище влекущяся; безпреспанно полагающъ правила, а не испыпующъ, что есть праведно; пишущъ законы, долженствующѣе укрощати ихъ спраспи, а посспавляющъ спраспи сѣи единымъ закономъ во своихъ дѣлахъ. Многие не спрашашя предъ очами небеси и земли быши злодѣями; прочѣе же, могущѣе еще усрампися, изобрѣли для сокрыпѣя спыда своего ложныя добродѣтели, посспавляя ихъ на мѣспю испинныхъ, о кошпрыхъ не имбющъ ни чувспвѣя, ни поняшѣя. Бѣдныя! самая Вѣра, предспавляющая вѣчную радость во мзду, ежели восхопшѣя по исполняши, что долженствующъ шворипи для собспвенныя своея пользы, ежели бы и небеси не было; Вѣра не вѣ силахъ была учинипи ихъ разумными. Какѣй безпорядокъ! Какая молва нравспвенныхъ разногласѣй есть мѣръ сей! Сколь препрославленое шворенѣе былъ бы человекъ, если бы онъ былъ, что быши долженспвовалъ! Ангелъ земный. Но что онъ нынѣ? Спалъ спыдомъ себѣ, и пропиву самаго скоша вѣ сравненѣи способносспей его съ человекомъ. Что онъ нынѣ, когда изъ премудраго, благошворнаго, нѣжнаго сущеспва превратплся вѣ жестпкое, вредное и спранное? Преобразплся вѣ испинное чудовище, кошпраго природа не познаспвѣ за свое произведенѣе, и желаетъ охопно соспряспи съ себя во преисподнюю: шамо только есть ему

ему подобныя Довольно, довольно сего, Алцестѣ! могъ бы ты разсмащривая съ сей спороны челоѡковѣ, поносили ихъ цѣлые дни. Но что, заключаешъ ты изъ сего? Не иное что какъ только то, что жипельспвоваши среди сихъ спрашилищѣ адѣ есть для праведныя души; что несносное мученіе, взираши яко испукану, коего никпо не спрашишся, на гнусныя и постыдныя дѣла ихъ, или опверзая уста быши подвержену всечасно безумному ихъ ругательспву, насмѣшкамъ и кощунспву. Возможно ли обладая разумомъ пребываши при семъ равнодушну? Нѣтъ! не хошу я, да тщетная ревность сѣбдаетъ меня. Убѣгу въ пустыню въ непроходимыя дебри, гдѣ не изсохла прага подѣ спопами сихъ ядодышущихъ зверѣй; пусть обищаютъ тамо львы и пигры; пусть змѣи и аспиды испускаютъ окрестѣ меня свистѣ свой: спасенъ отъ взора челоѡковѣ; въ раю себя обищающимъ почищать буду Таково есть швое намѣреніе? Такимъ то образомъ хошешъ ты исправитъ свои обстоятельство? Желаетъ твоею мудроспю исправити проступку Промысла, благоволившаго помѣспитъ тебя между челоѡками? Безъ сомнѣнїя намѣренъ ты учинитъ большее чудо самаго Орфея, и силою любомудрїя своего здѣлать удобными дичайшихъ звѣрей для швоего сообщества; ибо, повѣрь мнѣ, когда не кому будетъ опкрыти швоихъ размышлений, ежели никпо

не можешъ тебя ни одобряти, ни любить, по принужденъ ты будешь перенести несносную скуку такъ разговаривать, какъ говорятъ сами съ собою любовники въ романахъ, приятно на малое только время. Но позволь мнѣ прежде спросить себя, что привело тебя въ сие огорченіе и во гнѣвъ прощиву рода человѣческаго? Признайся чиспосердечно. Оклеветанъ ты подлымъ человѣкомъ, въ кошоромъ никакъ здраваго разума и чести не видишь, кошорый при всемъ томъ нашелъ людей и ему повѣрившихъ. Сіе разлило желчь по сердцу швоему! Подлинно, мрачно есть сие дѣйствіе. Но долженшвовало ли оно въ мудромъ воздвигнуть бурю? Можешъ ты легко видѣть несправедливостъ, разливать безъ различія на всѣхъ гнѣвъ, единымъ заслуженный.

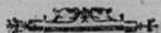
Правда, ошвѣтспвуешъ ты; но ежели бы не въдалъ я, что прочіе всѣ шoliko же злы, какъ и сей. Что можешъ прощивурещи правильному изображенію человѣка мною учиненному? . . . Можешъ быть весьма много. Но ошвѣтспвуй мнѣ на сей вопросъ: развѣ нѣтъ добродѣтельныхъ людей въ мірѣ? Есть, ошвѣтспвуешъ ты; но ихъ число шоль мало, что не могутъ никакъ въ сравненіе поставиться числу злыхъ людей. Ты весьма скоро опредѣляешъ. Единый добродѣтельный можешъ прощивупоставиться шлому аду злодѣевъ. Но по что мнишь ты были шоль малу числу добродѣтельныхъ?

Не

Не знаещи развѣ и самѣ шы различныхъ; а тѣхъ еще сколько, которые тебѣ не извѣстны! Ну, ежели число ихъ въ небесныхъ книгахъ еще большее. Не долженствуетъ ли единый добродѣтельный произвести во благоразположенной душѣ польь сильнаго удовольствія, что видѣ десяти злобныхъ не въ силахъ его уменьшить? Позволь мнѣ, *Алцестъ*, изъясниться чистосердечно, шы любишь чистосердечіе въ самомъ себѣ.... Не помрачило ли внушреннее швое око нѣкое воспаленіе, гораздо неблагороднѣйшее, нежели шы о немъ думаешь? Ты вѣдаешь силу воспаленій; онѣ увеличивающъ, придающъ вещамъ собственнй свой порядокъ; воспаленный симъ огнемъ послѣдователь *Магомедовъ* во время кровавья брани зришь небо исполненное черноокихъ дѣвицъ; въ воспаленіи слышишь и видишь окресивъ себя боязливый спрашилица; въ воспаленіи зришь и шы едино безуміе и пороки, единый безпорядокъ въ мѣрѣ. Всегда ли тебѣ казался мѣръ сей шoliko гнуснымъ?... Ты краснѣешь. Вчераь казалось тебѣ въ немъ все цвѣтущимъ, когда возвращался шы отъ прекрасная *Деліи*; Небо отверсто мнилъ шы видѣшь; мечшалася тебѣ едина невинность и нѣжность. Мѣръ пребываетъ въ равной невинности, какъ онѣ тебѣ ни кажется прекраснѣе ли истиннаго своего состоянія, или безобразнѣе. Приемли его за то,

что онъ есть, и приобучи себя взираши на
 него окомъ христіянина, тогда процвѣ-
 шествъ онъ паки въ райскую красоту. Хри-
 стіянская мудрость сильнѣе всякаго мудро-
 ванія. Она можетъ насъ перпльивыми, она
 едина можетъ насъ довольными учинити.
 Или ты думаешь, что поперпль бы Созда-
 шель едино мгновеніе землю предъ лицемъ
 своимъ, ежели бы нѣкая Ему благоугодная
 красота не обрѣпала въ Немъ превозмога-
 ющую благость? Или ты мнишь, что Сынъ,
 Слово Божіе, щещно благоволилъ низходи-
 ти на землю, дабы собрати невидимое свя-
 тыхъ обществъ; что щещно благоволилъ
 положиши за мѣръ животъ свой, дабы воз-
 спавети въ силу древнее пребываніе небесъ
 на землю? Спыдиися неразмысленныя своея
 ревности, хулу глаголющія на Бога, мя
 поносиши только человекѣвъ Какъ мо-
 жетъ быти совмѣсно огорченіе сіе проши-
 ву рода человекскаго благости, копорья
 долженъ ты опъ самага себя пребвати,
 когда за недоспапокъ оныя другихъ при-
 цаешь толь спрого. Не пребую я, да ты
 другомъ человекства будешь, доколѣ зрѣшь
 ихъ будешь достойными ненависти; но ты,
 яко гражданинъ вселенныя, не долженъ шво-
 рити неправосудія ниже малѣйшему несѣ-
 комому. И такъ если не можетъ ты про-
 спирати обвиненій своихъ на каждаго и
 на всѣхъ; ежели найдется, что можно раз-
 смашривати человекка и съ добрыя спороны,
 помра-

помрачающей несовершенства, и что источник правдивного зла больше недостатков есть, нежели злота; тогда будешь ты, по изречению собственнаго твоего сердца, неправосудным творением. Кому больше не прилично, сколько немилосердо гремяти на смертных? Позволь мне в сие мгновение заступити место твоея совести, и напомнимъ тебѣ: возри вспять въ жизнь свою и скажи, можешь ли ты отрешися, что принадлежишь ты самъ къ числу людей? Сколько безумія въ собственномъ твоёмъ сердцѣ откроешь тебѣ сие самаго тебя разсмотрѣнїе! Можешь быль найдешь ты при точномъ испытанїи, что родъ человѣчскій тогда бы достоинъ былъ презрѣнїя, когда бы каждый по содержанїю силы и средствъ ко исправленїю, столько многими одержимъ былъ пороками, сколько ты при всемъ томъ имѣешь оныхъ. Вижу я, сколько постыждаетъ тебя сие разсмотрѣнїе; не хочу я тебя унижать; однако надѣюсь, что вспомнешь о Божественномъ Учителѣ христіанъ, который безъ сомнѣнїя, изъ глубочайшаго Прозрѣнїя въ естество человѣческое, столь сильно научалъ крепости учениковъ своихъ. Крепость или познанїе самого себя есть лучшее врачевство противу подобнаго твоему чловѣконенавидѣнїя, происходяющаго хотя изъ ревности ко благу, но высокомерїемъ доспраши напыщающагося. Спраши сїя постыждаетъ чловѣ-

человѣческо , и возстаеиъ нѣкопорымъ об-
зомъ пропивиу Промысла.

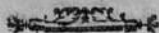
IV.

Въ полночныя часы , когда душа моя
покрыпа бывъ шихоу сѣнью путешество-
вала , услышала она внушренимъ слу-
хомъ , копорымъ внимаеиъ она пѣсни при-
роды , несравненно нѣжнѣйшій гласъ , одоб-
ряющій или оуждающій при каждой мы-
сли или дѣйствию нашу совѣсть. Сими то
душевными ушами услышала она про двухъ
духовъ , носившихся надъ главою спящей
Захариты. Легко можно было познаиъ еди-
наго за хранишеля ея благаго Ангела ; дру-
гаго же являль сѣрный его блескъ и зракъ
исполненный коварныя злоспи , что былъ
онъ изъ числа рыщущихъ во мракъ , иша
омрачипи чистое сердце невинноспи. Ибо
каждая душа , о *Захарита* , имѣеиъ двухъ ду-
ховъ. Единъ есиъ другъ и вѣрный спражъ ,
безпреспанно пекущійся провождаши душу
не вредно чрезъ лабиринтъ сея жизни ; дѣй-
ствуеиъ онъ тайными вдохновеніями во
благороднѣйшей душевной часпи ; въ ней
укрѣпляетъ онъ разумъ , и опъ шолъ изли-
вается въ желательное сердце. Не столько
сладокъ нѣжному юношѣ гласъ его возлюб-
ленной , ниже сердобольной мапери не-
ясныя рѣчи смѣющагося у персей ея чада ,
колико сладоспенъ небесный гласъ сего ду-
ха , шихо низходящій въ сердце , когда на-
граждаеиъ

граждаетъ онъ внутреннимъ одобреніемъ
 благое дѣло, и взываетъ побѣдную пѣснь
 самой въ себя собранной душѣ. Любезнѣе
 есть покоиться въ познаніи своея невинно-
 сти, подъ сѣнью крилъ его, нежели пла-
 вати въ морѣ пѣлесныхъ удовольствій. Его
 по дѣйствіе, прекрасная *Захарита*! когда
 ты чудеснымъ шайнымъ чувствіемъ предъ-
 осперегаешь, не попустиши мѣста въ душѣ
 швоей мыслямъ, сильнымъ рушиши душев-
 ное спокойствіе. Отъ него производитъ на-
 казаніе, ощущаемое побою въ ночи на ложѣ
 швоемъ, когда принесла ты день суешамъ на
 жершву, или когда изъ весьма великія бла-
 госклонности къ собственному швоему вку-
 су, соучаствовала безуміямъ, неизвиняемымъ
 обычаями. Блаженна ты, ежели не отпра-
 тила отъ себя поликаго и шаковаго Хра-
 нителя, и ежели не попустила проникнути
 въ сердце швое, легко поразиши могущее,
 коварному духу присно по ближѣ, по далѣ
 отъ тебя бдящему, и непрестанно ишу-
 щему обрѣсти недовольно охраненное мѣ-
 сто въ душѣ швоей! Колико непрудно учи-
 нишь ему сіе, имущему опасный даръ, по-
 добно обманчивому оспроумію воспринима-
 ти всякій образъ, коль часно скрывается
 онъ между юношескими забавами, копорыя
 онъ нарицаетъ невинными, и изъ подъ нихъ
 смотришь, яко скорпія подъ цвѣтами пая-
 щаяся! Не попусти прельстипи себя ла-
 сковыми его словами; шаковыми прель-
 стилъ

спилъ нѣкогда единъ изъ подобныхъ ему невиннѣйшую изъ женъ. Тогда ты невинна, тогда непорочна, когда можешь отверсти сердце свое предъ Всевѣдющимъ; когда никакія облаки суетныхъ похотѣній, никакія неразумныя желанія, никакая неперпѣливость, никакое высокоуміе о преимуществахъ, которыя на вѣсахъ Премудрости единою пылинкою превѣшены бытъ могутъ, не покрываютъ твоего духа. Не вѣрь неразумливому, нарицающему тебя богобоязливою, по тому что очи твои любезнымъ блескомъ разпаяли его сердце: онъ почитаетъ тебя добродѣтельною для того, что мнишь, буди въ ослабляющей груди долженствуешь необходимо обитать бѣлѣйшая снѣга непорочность. Ты столько благородна, что ощущаешь желаніе подражать добродѣтели высочайшимъ примѣромъ, но что отспуишь еще далеко отъ доспуженія оныя; хотя и научилась уже ты отъ нее нѣкимъ чувствованіямъ. *Клариса*, *Клелія*, *Амалія* суть величайшія украшенія человѣческаго; онѣ заемяютъ между Ангельскимъ и человѣческимъ естествомъ средину. Ты обладаешь всею ихъ нѣжностію; спремися, о *Захарита*, и ко всей ихъ великости. Первое есть даръ природы; послѣднее будешь собственное твое твореніе. Нѣжность нрава безъ крѣпости, безъ великодушія, есть слабость, есть простота въпрямъ колеблема. Но душа, приобучившая себя

себя къ высокимъ мыслямъ, слышишь не-
поражаема гласъ веселія, влекущаго со бре-
га въ бездну сладостраспныя смерти; не-
поколебимо пребываешь во время бури, яко
древо насажденно въ дому Божіемъ, распро-
спраняющее корни во глубину. И можешь
ли душа, помышляющая о благородствѣ
своемъ, не быти велика; душа соразмѣряю-
щая земную сію глыбу со онымъ небеснымъ
міромъ, и дни сіи яко сѣнь мимоидущую
сѣ вѣчностію! Чпо можешь тогда предло-
жиши душѣ сей суеша и сладострасптіе?
Какое сравненіе имѣешь прахъ сѣ небомъ? Не
долженствуетъ ли тебѣ шако помышляю-
щей, приносиши исполненіе малѣйшихъ
должностей больше удовольствія, нежели
пресмыкающіяся души вообразиши могутъ;
души, заблуждающія по полямъ безумія, не
изходя изъ своей окружности, и пожираю-
щія всѣ окрестъ себя вещи упоеннымъ и
ненадежнымъ окомъ? Нѣтъ, *Захарита!* да
не возшоржествуетъ завидящій благу духъ,
вовлекши тебя въ сей лабиринтъ: приклони
несовращаемо ухо швое ко гласу премудо-
рши; да шеспвуети опѣ часу швердѣйши-
ми шюпами по шпези, на коей миръ и спо-
койствіе во слѣдѣ тебѣ процвѣташи будущъ.
Тьмы Серафимовъ, приглашенны кропкою
швоею добродѣтелию, будущъ окрестъ тебя
лѣташи, и ограждая собою душу швою, со-
спавяшъ шоль швердую шпѣну, чпо никое
зло не возможетъ ее проникнуть.

V.

Въ какихъ поляхъ заблуждаешъ ты, Цѣанна! Окруженная упреннею зарею, какая сѣнь, какія самопроизрасшіе листья покрываютъ тебя; какій цвѣтъ привлекаетъ свѣтлое твое око на единообразную свою красоту, яко бы желая прилепленъ быши къ персямъ твоимъ? . . . Или внимаешъ ты тихій гласъ издающаго при возпареніи своемъ жавронка, который радостныя свои чувствія возсылаетъ въ пѣсняхъ, при началѣ дня, Богу, создавшему его ошупительна къ радости? Сколь покойно усмѣхаешься мыслящее лице твое, на которомъ сіяетъ неприкрашенная душа! Какъ украшается окрестъ тебя природа, когда духъ твой ошущаетъ присутствіе Создателя, присутствіе невидимыя души всея вселенныя духовеніемъ всѣ силы природы движущія, и неисчислимыя пріянности во всемъ видимомъ проливающія! Сколь весело проходишь ты сей уединенный лѣсъ! Чувствія твои опѣвываютъ тебѣ подобно Нимфѣ въ разсѣлинахъ горъ обитавшей; опѣвываютъ гласу природы возбуждающей тебя къ сладчайшему чувствованію существованія твоего. Ни едино попеченіе, ни едино скучное желаніе не помрачаетъ чистаго неба души твоея. Не осквернена нравами искаженнаго міра, едва извѣстно тебѣ и самое имя притворства, лицемѣрія, прикрашенной добродѣтели,

дѣтели и коварныхъ хитроспей градскихъ
искапельницъ славы или сладоспратія.
Ты легко лишаешься заняпаго ихъ огром-
наго убранства, украшена будучи собствен-
ною приятностію. Какъ разцвѣтаешъ невиди-
ма никѣмъ благовонная сія роза, такъ
процвѣтаешъ неувидяема, и безъ желанія
славы не вѣдаешъ ты прекрасная невинность,
что окружающъ тебя свидѣтели. Зрю я
ихъ приникшихъ изъ пурпуровыхъ облаковъ,
или лепящихся окрестъ тебя подобно
вешнему дыханію вѣтровъ. Они ослабляющъ
на тебя бражки, непорочность бо окру-
жена всегда ангелами. Ангели хранящъ ду-
ши написанныхъ въ живописныхъ книгахъ.
Коль часто ощущаешъ ты тихое ихъ ды-
ханіе! Услаждай, Ціанна, очеса ихъ; упраж-
няй ихъ кропками своими дѣлами. Они го-
повы ихъ замѣчати; сомомалѣйшее дѣя-
ствіе чистаго сердца, нѣжное попеченіе,
исполнящи должностіи званія нашего ис-
точникъ мѣ имущее, важно ешь въ очахъ
Предвѣчнаго, судиши насъ имущаго.

VI.

По что плачешъ ты, Глицерія! по что
является бывшая прежде всегда веселою
приятность твоя подобна увядшему цвѣ-
ту? по что убѣгаешъ ты общественныхъ
забавъ, и ищешъ мрачныхъ дубровъ, гдѣ
слезъ твоихъ никто поносили не можешъ?...
Ты оплакиваешъ потерянніе друга. За нѣ-
сколько

сколько часов процвѣтала она яко цвѣтъ
 сѣльный, и се внезапно похирила ее смерть.
 Увяла она какъ роза во полудни. Здравіе,
 обѣщавшее по видимому безсмертіе, пвер-
 дѣйшая бодрость, свѣжій цвѣтъ красоты,
 ничто не могло сохранить ее отъ гроба.
 Недавно увеселявшая всѣхъ очи, возжигав-
 шая во всѣхъ юношахъ желаніе и любовь,
 удивляемая и завистливаемая отъ всѣхъ,
 нынѣ уже не существуетъ жаркій огонь очей
 ея; цвѣтъ ланинъ подобенъ нынѣ увядшей
 лилеи; всѣ смѣющіяся сіи приятности из-
 чезли; сіе пѣло, въ которомъ казалось из-
 образила природа совершеннѣйшія свои мы-
 сли, днесъ учинилось гнуснымъ испраши-
 лиемъ, пищею червей. Гдѣжъ нынѣ красо-
 та, которой завистливали свои подруги;
 красота, для которой ласкатели тебя обо-
 жали, и по Ледю по Венерю нарицали?...
 Ты изумляешься, *Глицерія!* предвѣщающей
 прѣлѣнъ сотрясаешь свои кости; сѣнь
 окрестъ тебя суцая спановишя образомъ
 смерти; слышишь ты изъ шумящаго и
 почти уже лишеннаго листовъ куста,
 гласъ своего друга, взывающей тебѣ: *гряди
 по мнѣ. . . .* Ахъ, *Глицерія!* къ чему служишь
 сіи краски? къ чему горделивое сіе изобра-
 женіе? Онѣ суть начерпанная пища очесъ,
 и коль часто снѣдь сластолюбивыхъ взо-
 ровъ! пища суебы, и даже часто добычь
 порочныхъ, и предашельницы цѣломудрія...
 Какъ быспра, какъ мимошекуща жизнь и

по самому существу ся. . . . Блестящій пу-
зырь, разноцвѣтное ничпожество Про-
будися; воспани, душа! безсмертная на-
слабдница вѣчности воспани! вознесися
надъ симъ блестящимъ прахомъ! и познай
свое благородство! Добродѣтель есть кра-
сопа челоуѣковъ, шворенія возвышеннаго
надъ бездушнымъ и звѣрскимъ міромъ, и съ
единыя спраны, небеснымъ духамъ срод-
ственная. Презирай, *Глицерія*, сіи недоспой-
ными желаніями ползающія души. Зри, міръ
сей не мечпали есть, обворожающая сла-
дострастное юношество; онъ преходитъ
купно съ забавами своими. Обольщая обѣ-
щаетъ тебѣ непреспанную радость, и упо-
ваніе швое награждаетъ раскаяніемъ и ску-
кою. Да научишь себя премудрости гробъ
друга швоего.

Прииди, *Глицерія*, посѣшишь гробъ
умершій. Ты шихая луна приинки покров-
неннымъ задумчивымъ лицомъ швоимъ сквозь
осѣннїе пары, яви намъ путь. Здѣсь, въ
сей пусынной шичинѣ, гдѣ ночь и смерть,
между разсѣянными костями дремлющая,
скипающа на гробахъ христіянъ, иму-
щихъ воспани, здѣсь заключила союзъ съ
душами нашими. Ангельскіе лики смѣшав-
шись съ тѣнями, лепашъ едва невидимы
окрестъ насъ; вѣчный нашъ Судія внимаешъ
намъ. Учинимъ поржественный обѣтъ, му-
дрыми быши и жипельспововани для вѣч-
ности; попремъ ногами дѣшскія сіи суешы,

въ копорыхъ ищутъ безумцы своего покоя, и ища не обрѣтаютъ. Пустъ они упоенны виномъ неразумія, осмѣхаютъ насъ, яко проспыхъ и юродовъ. Довольно, что имѣемъ мы небесное благоволеніе, и что вкушаемъ мы счастье, копорого они не узрятъ во вѣки.

VII.

Что чпешъ ты, *Едонъ*, производящее сію довольную усмѣшку на лицѣ твоемъ, и удаляющее сонъ отъ вѣждей твоихъ, тогда какъ скрываются уже послѣднія звѣзды? . . . *Анакреонтовы* оды! Ты восхищаешься симъ любимцемъ природы? Въ пѣсняхъ его дышатъ тончайшее сладоспращіе и нѣжныя приятности; приобщилъ ты къ нему изрядное сообщество. Здѣсь лежатъ *Г.*, его соперникъ, шамъ *Шолье*. *Тибуллъ*, *Гай*, *Пріоръ*, твои друзья, лежатъ особо съ другими спихотворцами, разбѣянны въ приятномъ безпорядкѣ. Ослабляющаяся глубокомысленность являетъ мнѣ производящее въ душѣ твоей. Зришь ты на свѣтѣ изъ веселаго мѣста: видишь только мирповыя рощи, розовыя поспели, вѣчную весну; благосклонныхъ дѣвицъ *Фавновъ* и пляшущихъ *Дрїадъ*; соловьи прелеспнымъ пѣніемъ къ любви призываютъ Подобный сему видѣ, о чрезмѣрно пѣпическій юноша! разпроспраняла предъ очами *Ираклія* соперница добродѣтели, когда онъ преисполненъ размышленія сидѣлъ на распушій, и всеприлѣжно помышлялъ,

шлядѣ, (чего ты еще никогда не дѣлалѣ,) какую жизнь ему избрати. . . . Слыши, (когда умствование швое не отвлекло тебя шакѣ далеко, что бы почитати мудрымѣ *Анакреонта*;) слыши гласѣ швоего друга, убѣжавшаго заранѣе опасности, кѣ копорой ты носпѣшаешѣ. . . . Юношѣ, прилепляющемуся кѣ спихотворенію, одаренному опѣ природы шонкимѣ чувствіемѣ красотѣ ея, и изобильному оспроуміемѣ, пошребно болѣе другаго быши ученикомѣ истинныхѣ мудрецовѣ. Чѣмѣ далѣе разспросняшся предѣлы оспроумія, шѣмѣ шѣснѣе спановишся область разума; разумѣ же должен спвуешѣ царшвоваши вѣ штебѣ, яко вѣ швореніи превосходнѣйшемѣ всякаго звѣря. Совѣшѣ даемый мною не заключаешѣ вѣ себѣ ничего непришпаго. Позволяю я штебѣ насмѣхашся *Сварцу*, хотя ты его и не вѣдаешѣ. Долженѣ ты пройти все царшво красоты, и удостовѣришся, что находяшся еще красоты высочайшія розовыхѣ ланишѣ и снѣгу подобныхѣ персей; что бываюшѣ забавы высочайшія лѣющихся изѣ успѣ дѣвицы и исполненныхѣ чашѣ; что мудрость, добродѣтель, цѣломудріе заслуживаюшѣ величайшее наше удивленіе. Но что я говорю? Что значашѣ сїи имена? Что ешѣ мудрость? Что цѣломудріе? Наши времена восприяли новый языкѣ. *Анакреонтѣ* ешѣ мудрый; *Леонтиа* ешѣ цѣломудра. Не размышляли шогда шолико ложно и преврашно, когда *Ксе-*

нофонтъ и Плутархъ учениковъ имѣли. Научися опѣ сихъ, опѣ Платона или Шафтесбурк познавати, что естъ мудрость, и что добродѣтель? и упопроби, заклиная себя сею любовію ко удовольствію кипящею во груди швоей; заклиная безконечнымъ желаніемъ безсмертія души, упопроби хощя половину шаковаго пруда, научиши разумно мыслишь, какой упопробляешъ одна изъ непорочныхъ Нимфъ швоихъ, для показанія продажныя красоты своей. Прошивляйся по возможности прелестямъ шѣлесныя красоты, дабы избѣжати опасности возлюбити Цирцею равно съ преисполненною непорочности Лавинією. Долженшвуешь ли были любимы оспроуміе, красота, приятство, не вѣдая, правильное ли дѣлаемо было употребленіе сихъ дарованій природы? Долженшвуешь ли Овидію въ наукѣ любить, не казаться ужаснымъ за то, что онѣ прелестенѣ? Какое смѣшеніе мыслей! какое превращеніе природы и истиннаго образа вещей! Воспрями опѣ сна, опряси ослѣпляющую себя мглу. Пылкость разума, когда не служишь истиннѣ, естъ дѣволѣ, облеченный во ангела свѣшла. Онѣ похищаешъ алчною рукою непорочныя красоты природы, для украшенія оными безумія. . . . Ежели ты поoliko чувствительнѣ ко услажденію силъ воображенія, то не имѣешъ ли истинная непорочность приятности? Или мнишь ты, что

не

не возможно правду и Вѣру изобразить въ ихъ нравящемся образѣ, въ ихъ превосходномъ свѣтѣ, прияшными чершами, живыми красками? Но сіи легкомысленные купидоны, сіи уничили искусства лобзашь и упивашься, Анакреоны, сіи вліяли въ тебя вкусъ къ баснямъ, и шѣмъ учинили тебя равнодушнымъ къ поспояннымъ музамъ. Усрамися искаженнаго своего вкуса. Разшири душу свою, и научися быти поспояннымъ, ежели желашь зрѣти вселенную и всѣ въ ней вещи во истинномъ и прекраснѣйшемъ ея видѣ. Благочестивая древность придала во зло упопрѣбленному стихотворству истинное названіе, нарицая его виномъ діаволимъ, упояющимъ души, дабы симъ яко нѣкимъ волшебнымъ пиіемъ превратиши челоуѣка въ подлаго скопа. Но вишійсво и оспроуміе, упопрѣбленные рукою мудраго на службу истиннѣ, суть небесными плодами, душевною пищею издревльъ любезною. Коликія благодарности достойнѣ открывающій новыя прияшности въ добродѣтели; принуждающій насъ любить наиспрожайшія должности; наполняющій помышленія наши великими, полезными и небесными образами; исцѣляющій приспращія; врачующій насъ склонностію ко утѣшенію, отвлекшею насъ отъ добродѣтели, и вспяшь къ оной приводящій! Ежели ощущашь ты въ себѣ стихотворный огонь, по возъмѣй чесполобіе, заслужиши таковой

вѣнецъ побѣды, или молчи: будешь бо время, что возжелаютъ сіи сластолюбивые мудрецы, дабы не имѣли они тогда оспроумія, когда описывали они соловьевъ, и въ *Лидійскихъ* пѣсняхъ призывали ко слабости и ко усыпленію на персяхъ *Венеры*. Внимай, *Едонъ*, словамъ мудраго *Еллина*: *Музы*, говоришь онъ, никогда толико прекрасны не бываютъ, какъ служба добродѣтели. А ежели не шакъ, да испочаешь перо пвое безсмысленные слоги, и нескладныя мысли. При шупкѣ пвоей да скучаешь чипашель, и да заснешь какъ упоенный уже, когда зываешь ты его ко пьянству.

VIII.

Съ какимъ удовольствіемъ ослабляясь зришь машь сія на нѣжное чадо свое, играющее лилеями непорочныхъ персей ея! То подвемлешь она въ возхищеніи очи свои, возсылая тихія молитвы къ Богу, и паки низпускаешь взоръ свой на млекоссущаго младенца своего, въ лицѣ котораго являешся первая заря прекрасная души. Долго смотришь она на него, яко Ангелъ хранитель взираетъ на тебя, прекрасная К * * *. Покрытый небеснымъ невидимымъ свѣпомъ, когда покоишься ты цѣломудріемъ покровенна при шихомъ испочникѣ; разсмаприваешь онъ, не отвращая взора, любезное величество благочеспивыя дѣвическія души пвоея, изъ цѣвущаго образа пвоего, яко изъ
кри-

кристальновиднаго пока являющіяся: тако улыбається добродѣтельная мать на чадѣ сердца своего; радуется, что чрезъ нее имѣетъ умножиться число почитателей Божества, христіянъ, и ликъ Ангеловъ. Днѣсь помышляетъ она, коимъ образомъ, по укрѣпленіи нѣсколько шѣла его, когда молодая душа его изъ перваго заглушенія выйдити и себя ощущати начнетъ, коимъ образомъ будетъ она вложенная Создателемъ побужденія открывать и успроевати; какииъ образомъ будетъ она возвышати нѣжность его къ челоуколюбію, высокоуміе къ великодушію, любопытство къ правдолюбію. Изумляется и вымышляетъ приятныя басни и прогающія повѣствованія, въ которыя намѣрена она облещи испинну, дабы не повредилъ поражающій ея блескъ нѣжную и неиспытанную его душу. Обѣщывается бдѣти надъ собою, дабы не обезобразили успроеніе слабаго сердца, вредными впечатлѣніями, ни единъ видъ, ни едино слово. Ея жительство спвоуваніе долженствуетъ явить ему добродѣтель, и сколь она любезна. „Ахъ! съ какииъ сладчайшимъ удивленіемъ, [такъ мнишь достойная сія мать,] услышитъ онъ отъ меня, что есть челоукъ, и въ какой мѣрѣ онъ поставленъ? и что помѣшилъ его въ семъ мѣрѣ неизрѣченно благошворный Духъ. Когда спану я препровождати младыя его спопы по испещреннымъ цвѣтами полямъ; когда онъ

„сѣ радостною бодростію ошѣ одинаго цвѣща
 „прѣбѣгая ко другому, спанешѣ различные
 „образы и краски сѣ безмолвнымѣ удивлені-
 „емѣ сравнивати, и когда ему все окружаю-
 „щее его смѣющимся являлися будешѣ; ког-
 „да онѣ преисполненѣ восхищенія, будешѣ
 „обоняши сладчайшее благоуханіе розѣ; по-
 „гда посажу я его подѣ сїи цвѣщы, прижму
 „нѣжное чадо сїе къ персямѣ моимѣ и реку:
 „Се зри, любезное чадо! прекрасныя луга сїи
 „за нѣсколько недѣль были покрышы снѣгомѣ;
 „зеленыя сїи дрѣвеса спояли безѣ украше-
 „нїя, подобно изсохшимѣ; вся спрана сїя
 „являлася исчезающею ошѣ хлада, и мы бы
 „всѣ должны были исчезнуть сѣ нею: но
 „милосердый любящій насѣ Духѣ, живущій
 „надѣ симѣ небомѣ, и обрѣщающій вѣ томѣ
 „благоволеніе, чпо бы исполняши радостію
 „всѣхѣ живущихѣ, возвѣмѣль соспрананіе надѣ
 „нами, возвратилѣ къ намѣ шеплое все ожив-
 „ляющее солнце. Едва приклонилѣ онѣ весе-
 „лый взорѣ на землю, воззеленѣли дрѣвеса
 „и пысящи различныхѣ цвѣщовѣ произникли
 „изѣ нѣжныя шравы, усладяши око и обо-
 „нянїе наше, и сѣ нами пишаши неизчи-
 „слимое множеспво звѣрей. Но за чпо лю-
 „битѣ насѣ толико сей небесный Владѣ-
 „тель? Внемли, любезное чадо, сколь вели-
 „ко еспѣ наше блаженспво! все чпо зришѣ
 „пы окресѣ себя, небо и земля, еспѣ вла-
 „дѣнїе сего Бога, [симѣ бо священнымѣ име-
 „немѣ нарицаемѣ мы великаго и невидимаго
 „нашего

нашего Благодѣшеля,] всѣ сїи прїятныя ве-
 щї, сїи луга, сїи зеленѣющїяся дресеса,
 сїи любезно воспѣвающїя пшїцы, звѣри сїи
 и мы челоеѣки, все что ты видишь, все
 что живешь, дышешь и сущесшвуешь, не
 было изѣ начала; и мы также бы не бы-
 ли, какъ не былъ ты предъ нѣсколькими
 годами, если бы не создалъ насъ сей Богъ.
 Нынѣ же любишь Онъ насъ, понеже ешь
 Ошецъ нашъ, и обѣщаль безпресшанно по-
 даваши намъ благое, ежели мы пошщим-
 ся любя Его быши благими. На нѣсколько
 времени посшавиль Онъ насъ въ сїе прїят-
 ное жилище; въ немъ являешь Онъ ежеднев-
 но новыя къ намъ благосшї, дабы преуспѣ-
 вали мы въ любви, и были лучшими, да
 ниспосылаешь къ намъ большее благо;
 не можешь бо Благосшъ самая бывъ, шерѣ-
 ши зла. Такимъ образомъ намърена я,
 даваши пишу молодой сей алчушей позна-
 нїя душѣ. Но да будешь пища сїя млекоу
 только испшнны, по приличїю сего возро-
 сша. Приобучу сердце его любшї едїну
 испшнну и благосшъ; сїе ешь лучшее
 приугошвленїе челоеѣческїя души къ Вѣрѣ,
 яко къ величайшему сшвершенсшву еспесшва
 нашего, и испшчнику всего блаженсшва.
 Любящїй благое, долженъ любшї Бога;
 любящїй же Бога, презираешь все къ сшвер-
 шенсшву его неведущее, ибо чѣмъ сшвер-
 шеннѣе бываешь челоеѣкѣ, тѣмъ паче си-
 ленъ онъ любшї Бога. Тако буду я себя
 усшрое-

устроевати, сладчайшій любимецъ сердца моего! тако приуготовлю тебя къ каждому совершенству, приобучая съ самаго нѣжнѣйшаго младенчества къ истинѣ, порядку и благоспѣху. Матерняя любовь моя не будетъ при томъ имѣти предѣловъ. Не будетъ она по подобію молодыхъ оныхъ дѣвицъ, равно матерями бывающихъ, щадить вредныхъ склонностей твоихъ изъ снисхожденія и угодности. Любовь моя спрога будетъ прошиву пресупленій твоего сложенія тѣла, и прошиву малѣйшаго явленія въ тѣбѣ природнаго зла. Не забуду я никогда, что ты не мое твореніе, хотя я матерію твоею нарицаюсь; но что врученъ ты мнѣ опѣ Богъ, къ коему привести тебя обязана. Какое торжество для меня, представишь тебя во оный свѣтлый день твоему Создателю, котораго благоспѣхъ вѣрныхъ мои попеченія подкрѣпляла, и сотворила меня полезнымъ орудіемъ, для споспѣшествованія чести Его на сей земли!

Въ сихъ святыхъ помышленіяхъ, разливаются пихія чувствованія матерняго сего сердца. Быть таковою матерію есть высочайшая степень женскія славы. Опрекипелъ суешности и тщеславія, о красавицы! воздѣлайте разумъ вашъ, и разпрострийте сердце, да великая мысль, быти полезными членами общества, обрящеть въ немъ мѣсто. Вы учините симъ большую честь состоянію, въ которое вступити хотите; дѣлать

дѣши ваши меньше подобны будущѣ пификамъ, и мѣръ лучшаго упованія преисполнился, быши населенъ лучшимъ родомъ чело-вѣковъ.

IX.

Извлекися тѣла, и будещи ангеломъ, о прекрасная согласная душа! тѣмъ еще прекраснѣйшая, что смиреніе и благонравная себѣ недоувѣренность сокрывающѣ собственныя твои превосходства. Позволь, да духъ мой приблизится тебѣ въ ширинѣ, и да поможе тебѣ просвѣтити мысли наполняющія днѣсь блаженный духъ твой, и проспирающія на смиренномъ лицѣ тво-емъ сіе небесное веселіе. . . . Размышляешъ ты о вездѣсущей любви Милосердаго къ челоувѣкамъ. . . . О усыновленіи земли. . . . О возобновленіи святости и порядка. . . . О опверсныхъ небесахъ. . . . О неизрѣченной вѣчности! Истинны сѣи, сущія для большей части людей именами безъ знаменованія и силы, возхищающѣ днѣсь сердце твое: Зришъ ты переходящій сей мѣръ, бесполезную сію жизнь, сѣи ясныя или мрачныя мечпанія намъ снящіяся, и счастьемъ или несчастьемъ нами нарицаемыя. Зришъ ты ихъ не шаковыми, какъ являющѣ намъ ихъ обезумляющія приспращія. . . . Но каая премудрость вознесла тебя и научила вкушѣ, шако праведно о нихъ судити? Какими шаинствами овладѣлъ твой испытующій духъ? Кая

Кая сила помоществовала тебѣ, преврати-
 ти образъ вещей, и пренесися въ небо,
 когда другіе изнемогающе во юдоли плача
 и бѣдствій, и когда величайшая часть лю-
 дей обрѣтающе скорбь въ самыхъ объятіяхъ
 забавъ, и воздыхая низвергающа въ пучину
 бѣдствій? Не глубокомысленные ли Плато-
 ны и Епиклиты научили тебѣ сей мудро-
 сти? Или таинственныя преисполненные Еги-
 птскіе храмы опроверзли предъ побою свои
 святыни? Нѣтъ! далеко бы еще опсояла
 отъ блаженства, ежели бы искалъ его не
 на прямыхъ стезяхъ. Ты христіанинъ! лучь
 Божества проникъ во твою душу, и опроверзъ
 внутреннее твоѣ око, для показанія истин-
 наго образа вещей. Блаженная душа! ше-
 ствующая въ семъ свѣтѣ. Она есть сильное
 проповѣствованіе безумнымъ ругающимся
 въ христіанѣ. Не рцыте мнѣ, о суетные,
 ежели вы вѣдаете блаженнѣйшаго и величай-
 шаго человека, нежели истинный христі-
 янинъ. Коль возвышенъ образъ его мыслей,
 предъ пресмыкающимися мнѣніями скоп-
 скихъ чувствованій низкихъ душъ, не да-
 мысли свои проспирающихъ, какъ сколько
 постигающе ихъ чувства! Онъ обитаетъ въ
 другомъ отъ нихъ мѣрѣ. Мѣръ его преиспол-
 ненъ красоты и согласія, зришь бо онъ его
 во свѣтѣ разливающимся отъ Повсесущности
 Божія. Все бысть добро, когда почившій
 Создатель по окончаніи дѣла своего, доволь-
 нымъ озиралъ окомъ. . . . Все будеть добро,
 когда,

когда, по окончаніи сихъ временъ, Онъ все во всемъ быти имѣетъ. Хриспіянинъ зрѣтъ уже имущее быти, прикровенно наспоащимъ. Сіе успокоеваетъ его о всякомъ злѣ, копорымъ зрѣтъ онъ удрученнымъ мѣръ сей. Почипаетъ въ каждой судьбѣ премудрѣйшаго Ошца. Природа для него естъ впорымъ раемъ. Здѣсь почерпаетъ онъ свою радость; здѣсь возвышаетъ и разпроспраняетъ онъ свои склонности; здѣсь научается онъ божеспвенно мыслишь; всеобщую любовь преисполненное его сердце услаждается всеобщую красопоу и радостію вещей. Веселился онъ, зря благополучными всѣхъ живущихъ подъ властію Божіею. Ничпо его не оскорбляетъ, кромѣ нравспвеннаго бѣдспвія человѣковъ, ибо еспество человѣческое въ очахъ его велико естъ и достопочпенно. Не можетъ онъ низко мыслишь о человѣкѣ, созданномъ по образу Божію, къ сохраненію копорого сошворилъ онъ великія и шайнспвѣ исполненныя учрежденія, и копорого еспество Богочеловѣкѣ вознесъ превыше Архангеловъ. Сколь не равно въ семъ случаѣ мнѣніе его съ предразсужденіями безумцевъ! Ему ничпо малымъ не кажется, чпо до безспертія въ насъ принадлежитъ, чпо насъ исправляетъ или оуждаетъ. Но злопо, сокровища, пышные шиплы, и все блестящее вооруженіе суеты естъ малоспъ, и лѣжатъ дому его покрышы прахомъ. Сколь опмѣнный видъ имѣетъ въ очахъ его вселенная

ная предѣ образѣ, въ какомѣ она заблуждающимѣ очамѣ являешся! Тьмы Серафимовѣ лепашюшѣ хриспїянской душѣ только видимы, и внимаюшѣ дѣламѣ нашимѣ, защищашюшѣ безпомощное младенчесиво, провождаюшѣ невинность, и изчисляюшѣ капли слезѣ страждущїа добродѣтели. Высокая истинна, безумцами за мѣшпу, суемудрыми за приапный спихотворческой вымыслѣ почишаемая, проспосердечными хриспїянами вѣруема и ощущаема. Земля еспѣ садѣ и училище неба; Вездѣсущность примирившася Божесива, разпространена надѣ нею. Судїа нашѣ самѣ еспѣ надзирашель и свидѣшель жизни нашея. Жизнь сїа ничпо иное еспѣ, какѣ соспоянїе искуса и приуготовленїа; въ ней все опноспсїа кѣ будущему мїру; въ сей сѣемѣ мы, да пожнемѣ во оной намѣ неизвѣспной. Опѣ каждого часа сея жизни зависшѣ благо или зло вѣчнаго нашего пребыванїа. Здѣсь мы должны приобучашся, мыслиши небеснымѣ образѣ, яко да возможемѣ шамо вкушати уже радость въ небесныхѣ упражненїяхѣ. Здѣсь долженспвуешѣ душа наша очищена быши опѣ кваса собспвенности, ежеми желаемѣ, да чиспья воды неба не опвергнушѣ насѣ яко пѣну. Но уже и здѣсь можешѣ начати наше блаженспво, которое шамо совершишиши имѣшѣ. Здѣсь уже можешѣ духѣ нашѣ, яко Енохѣ, жиши сѣ Богомѣ, для зрѣнїа коего онѣ созданѣ. О неизреченная мысль!

возчувствуй ты ее со мною совершенно.
 Мысль сія есть уже предкушеніе небеси,
 имущаго опбѣяти всѣ земные вкусы. . . . И
 кто дерзнетъ, нареци насъ несчастными,
 хотя бы спраданія наши поль многочислен-
 ны были и поль пѣжки, яко первыхъ изпо-
 вѣдниковъ христіянства. . . . За что почтемъ
 мы гласъ или жалобу унынія иногда въ насъ
 восплающаго, какъ не за духовеніе ядови-
 тое злаго духа, ищущаго насъ учинити
 прошиву намбренія нашего неблагодарными
 прошиву Создателя, и сокрыти мѣшу опъ
 очей нашихъ, къ которой мы спремимся.
 Опспутише опъ насъ съ мыслями, происпе-
 кающими не опъ великія сея истинны,
 что мы для лицезрѣнія Всебѣчнаго созда-
 ны. Опспутише съ лбноспію, уныніемъ, и
 со всѣмъ удерживающимъ душу въ пареніи къ
 совершенству, и низлагающимъ ее. Да объ-
 имемъ священная радость души наши. Зри
 окрестъ себя и разсмапривай въ божествен-
 номъ свѣтѣ, испекающемъ опъ лица Того,
 который есть лучъ славы Божія. Сей есть
 Свѣтъ, въ коемъ должны ходити всѣ языки;
 въ немъ являеися міръ во истинномъ образѣ.
 Міръ. . . есть храмъ Божій! Земля. . . есть
 спрана опкровеній Его, гдѣ Онъ жишелъ-
 спвоваъ. Каждое твореніе, опъ солнца до
 малѣйшія былинки, суть свидѣтели при-
 сущеспвованія Божія. Люди. . . суть братія
 наши, други Ангеловъ. . . Жизнь сія. . .
 есть путь къ Богу. Смерть. . . любезный
 Часть II. Г вѣстникъ,

вѣстникъ, проповѣдающій истинную жизнь. Судъ есть торжество Божія благоспасающаго и возобновленнаго невинности. Вѣчность... есть безконечный видъ свѣта и радости.

X.

Могли бы мы были благополучными, о *Евдалья*! ежели бы умѣли употреблять пользы, завсегда въ нашей власти находящіяся. Чѣмъ больше мыслей нашихъ намъ свойственно? Все прочее есть внѣ насъ; имущества счастья суть непостоянны; любезнѣйшія и достойнѣйшія предметы сердца нашего могутъ отъ насъ быть отъ очей нашихъ; но мысли наши награждаютъ все. Тамъ есть душа, гдѣ мысли. Мыслями можешь она создать окрестъ себя небо среди самыхъ спаданій. Въ мысляхъ можешь ты, *Евдалья*, возвратиться во златые времена невинности, жить въ хижинахъ праотеческихъ, или подобно непорочнѣйшей *Маріи* присѣдѣши стопамъ Избавителя, и слышиши изъ любезныхъ Его устъ слова жизни въ часы, въ копорые, кромѣ себя самая, не имѣешь ты ничего, могущаго тебя веселить, или любезно упражнять; можешь ты удалая къ самой себѣ, разглагольствовать съ собственными мыслями, и находиши въ самой себѣ обхождение, сильное доставиши тебѣ приятнѣйшую бесѣду, и замѣняющее изящнѣйшія удовольствія и забавы. Не пропусти сихъ блаженныхъ, но бы-
стрыхъ

спрыхъ часовъ, безъ наслажденія; часовъ, въ копорые душа бывъ въ желаемомъ уединеніи, можетъ учинити себя блаженною. Единъ шаковый часъ разпростретъ на весь день тихое сіяніе, и влѣетъ новую силу ко истинной жизни. Скоро изчисли въ себѣ, сколь за многія благодѣянія обязана ты благодарностию Отцу всѣхъ духовъ. Возвратися вспяшь слишкомъ можешъ, и изчисли ихъ по единому. Сколь много найдешъ ты шаковыхъ, при копорыхъ душа твоя преисполнясь чувствій, пребудетъ въ моливленномъ восхищеніи, дабы поняла все ихъ достоинство. Сіи мысли приведутъ тебя въ то состояніе, кое Создатель наипаче возлюбяетъ, и въ коемъ мы наиспособнѣе бываемъ воспринимати отъ Него новыя благости. . . . Въ другое время да проходитъ собственное житіе твое, сіе сновидѣніе, мимо души твоея; вспомни бывшее разположеніе нрава твоего въ различныя времена онаго; вспомни какъ познавала ты себя поспепенно, какъ исправлялася, и что произвели счастливыя сіи премѣны, и чему способствовали. При воспоминовеніи добрыхъ дѣлъ, вкушай одобреніе совѣсти сего Божества въ насъ живущаго; и ежели узришь между мыслями своими безуміе и суепу между склонностями своими, копорымъ давала ты незаслуженное мѣсто въ сердцѣ своемъ, то погаси неприятныя сіи черты раскаянія кропкими слезами, или собери окрестъ себя воспоминовенія

миновенія любезныхъ тебѣ душъ; тѣхъ душъ, кои тебѣ подобно непознаваемы отъ міра, наивеличайшее имѣютъ попеченіе приугошати себя къ вѣчности; или тѣхъ, к и уже въ небесныхъ селеніяхъ предъ очами Царя и Брата своего жительствуютъ, или еще въ семъ мракѣ заблуждаютъ, и можетъ быть цѣлыми обласпями отъ тебя раздѣленны бывъ любимы супъ побою, и съ побою упѣшаются восхищающимъ упованіемъ, что собраны бывъ въ лучшемъ мѣрѣ увидятся. Когда спраданія и искусъ сей удручаютъ пвоею душу, и упруждаютъ перпѣнне пвое; по воззри на преперпѣвшихъ прежде тебя. . . на толикихъ свяпыхъ, вкусившихъ отъ міра поношеніе, гоненіе, мученіе и смерть. . . Воззри на свидѣтелей ИСУСА, веселившихся въ избраннѣйшихъ мученіяхъ, зря исполняся Вѣры и небеснаго восхищенія, небо отверсто. . . . Обращи взоръ на поль многія добродѣтельныя души, сіяющія нынѣ между Серафимовъ; въ семъ же мѣрѣ бывшія незнаемы, презираемы и оставлены, совершали тако свое печеніе, превозмогали всѣ препяпспвія, взирая на Подвигоположника своего, и вѣруя извѣспно получиши упокоеніе въ вѣчномъ жилищѣ, по совершеніи сего спранспвованія. Сіи мысли постыдятъ тебя вкупъ и укрѣпятъ. . . . Кто не возжелаетъ охотно вся преперпѣти, когда божеспвенный нашъ Ходапай своею смертію учинилъ креспъ знакомъ чеспи? Кто не возхощетъ

возхощетъ спрадаци, имѣя шоль великую
 надежду вниши въ божественный покой Бо-
 жій? Сїи помышленія, о Еелалїа, сошвори
 себѣ любезнѣйшимъ предмѣпомъ мыслей сво-
 ихъ. Оплучи коль часпо можешъ душу
 швою опъ шѣла, удалися во уединенїе, вос-
 паряй крилами Вѣры въ немерцающій свѣтъ
 блаженства; шамо водворися, приобщаяся
 духомъ ликамъ ангеловъ, немолчными ус-
 шами славящихъ Превѣчнаго. Можетъ бытъ
 низлѣтся въ сїи часы божественный лучъ
 въ душу швою, и дастъ возчувствоватъ во
 свѣплыхъ черпахъ живой образъ блажен-
 ства, кѣго смертное око никогда еще не
 зрѣло. Изъ сихъ высокихъ восхищенїй при-
 обрящешъ ты силу, прошекаши со удоволь-
 ствіемъ подвигъ сея жизни, быши неупруж-
 денною во брани спрасшей, воспашующихъ
 прошиву духа, и неупомимою въ терпѣнїи.
 Воспылаешъ любовїю къ Богу и ближнему.
 Къ сему бо служаешъ высокія сїи разсужде-
 нїя, и восхищенїя да спосѣшествуютъ, яко
 сильное сїянїе солнца, возвращенїю въ насъ
 добродѣтелей! Не пришло еще время, созер-
 цаши намъ опкровеннымъ лицемъ преслав-
 ныя Божїя шайнства; дорованныя намъ нынѣ
 преимущества, сушь вѣрные взоры въ вѣч-
 ность, шворяще насъ удобнѣйшими жи-
 тельствовати по званїю нашему въ семъ
 преходящемъ мїрѣ.

XI.

Прииди душа моя, награди мнѣ то, чего лишилъ меня рокъ. Скончалась, умерла любезнѣйшая *Исменія*! Другъ ея не собралъ послѣдняго ея дыханія, не осыпалъ и гробъ ея цвѣтами. Разстояніе мѣспѣ не воспрепятствуетъ духу, котораго мысли никакими предѣлами не заключаются; не воспретитъ ему ничто посѣпипи въ полночные сіи часы полныя костей поля, гдѣ почиаетъ твой драгоценный прахъ среди усопшихъ христіянъ; можетъ быть произникнетъ онъ по возвращеніи весны въ цвѣткѣ нѣкоемъ. Тамо окруженный важною смертною тишиною, приклонюся ко главѣ твоей, и послѣдую важнымъ мѣчпаніямъ, которыя возникнутъ изъ гробовъ сихъ въ мою душу. Блаженная тѣнь! если ты лепашъ здѣсь окрестъ плѣнныхъ оспашковъ пріятнѣйшія твоя хижина; или вѣчною любовью привлеченная, служишь духомъ *Сиднею* его благороднѣйшей и прекраснѣйшей душѣ, плавающей еще во брennemъ тѣлѣ; прости симъ слезамъ, проливающимся отъ нѣжности, а не отъ скорби. Коль сладосно мнѣ твое дѣсь воспоминаніе! Коль блаженно спокойствіе, ощущаемое мною, когда помышляю о нашемъ дружествѣ, основанномъ добродѣтелію, и водимомъ мудростію! Какъ одобряетъ себя душа моя, что не ослѣпляла ее она цвѣтущая младость, и пре-

прелестная красота; что взирала она на
 себя, яко на бессмертную, не прилепляясь
 ко приятностямъ погребеннымъ подъ симъ
 холмомъ, и не оставившимъ по себѣ ниже
 слѣдовъ; что помышляла она о дружесствѣ
 семъ, яко о средствѣ дарованномъ мнѣ для
 подкрѣпленія и утвержденія брагскою лю-
 бовію во блаженствѣ и добродѣтели, копо-
 рыхъ плоды вкушаетъ она нынѣ по совер-
 шеніи кропкаго подвига своего! Колико сча-
 сливъ я, что мыслилъ, бывъ другомъ не-
 инако, какъ помышляю нынѣ на гробъ сво-
 емъ! О священныя, поржесивенныя и вели-
 кія мысли! О чувствія возвышающія душу
 мою! не угасайте вѣчно! О кропкія помысле-
 нія о смерти любезныя сердцу моему! съ
 вами разсуждаетъ охотно душа моя, яко
 съ надежными друзьями. Какую благово-
 ную и спасительную силу вы испочаете!
 Колико достойна званія нашего важная ра-
 дость, вами вливаемая! Сколь несравненно
 сладчайшая безумій, бессмысленными радо-
 стями обавающихъ! Сколь сродственнѣе вы
 съ состояніемъ низпосланнаго отъ небесъ
 духа, въ тѣлѣ яко въ пустынѣ для искуше-
 нія терпѣнія и добродѣтели блуждающаго,
 гдѣ онъ долженъ спвуеть больше страдать
 нежели дѣйствовать, уповать блаженства,
 но не наслаждаться уже! Радость въ вос-
 кликновеніяхъ состоящая, есть радость без-
 умныхъ заключающихъ всѣ желанія свои во
 единой звѣрской жизни; таковой уповаетъ

въ объятіяхъ сладострастія возвратитися въ древнее ничтожество.... Но христіанинъ, (какое достоинство выражаетъ уже и имя сіе!) не находилъ въ себѣ отечесствъ звѣрей, ничего восхищительнаго, ничего могущаго привязати склонность его. Любилъ онъ едину невинность, цѣломудріе, добродѣтель, мудрость; но сіи бессмертныя красоты сущь чуждыя распѣвнѣя сему земному шару, имущія скоро пресадитися въ небесныя поля, и процвѣсти до ангельскаго совершенства. Чшо можетъ душа наша нареци добромъ, не прошивурѣча самой себѣ, кромѣ сихъ достоинствъ? Не ощущаемъ ли мы ежедневно, чшо все есть суепа, чшо не препровождаетъ насъ въ вѣчное жительство? Гдѣ такая преходящая радость, которая не обманула бы нашего упованія? Но при всемъ томъ мы полико слабы, чшо не осперегаемся бышь обмануты. Поспѣшите въ помощь мнѣ изображенія смерти, мрачности гроба и важныя вѣчности! Приидите, возвратите вспяшь душу мою, ежели восхощетъ совратитися съ пути истинны; когда восхощетъ ласкающее удовольствіе учинити мнѣ невѣрною совершеннѣйшую красоту, которую едину любилъ я обязанъ; когда возношеніе, богатство, и власть восхощатъ мнѣ явитися въ сіяніи, приобрѣтаемомъ ими въ нездравомъ воображеніи; когда ревность моя ко благу начнетъ ослабѣвати; когда поспоян-

ство мое опѣ препятствій на пути лѣжащихъ содрогается; когда я зараженъ царствующими примѣрами въ мѣрѣ, восхожу преспаши помышляши такъ, какъ говорю, дѣйствовать, какъ научаю, и быти, какимъ являюсь: тогда придите вы образы смерти, черты мрачнаго предшесствія, воспоминеніе послѣдняго часа, и порожественнаго дня суднаго; придите, прогоните, да исчезнутъ привидѣнія чувственности; одушевите сердце мое новою бодростію, и непобѣдимую силою, для побѣжденія низкія части самаго себя, и для побужденія меня въ слабо начатомъ подвигѣ. Величайшая премудрость человековъ есть то, что бы жительствовать толико не порочно, дабы возможи, при вспуленіи во враша вѣчности, безбоязненно и съ праведнымъ спокойствіемъ вспять озрѣться.... Такъ, любезная *Исменія*! Величавость моя спремится такъ помышляши здѣсь, имже образомъ мыслишь ты нынѣ, взирая смерть и живишь въ истинномъ ихъ образѣ. Не довольствуюся я человѣческими примѣрами; я желаю одобренія опѣ невидимыхъ зрителей. Хочу, да явиши ты спокойнымъ взоромъ благоволеніе свое: духъ мой признаетъ собственное свое достоинство; вѣдаетъ онъ свое упражненіе: непреспанное мое попеченіе да будетъ прославляши Бога, гдѣ я ни буду, въ тѣлѣ или внѣ онаго, на семъ или на иномъ мѣстѣ земли, въ сей чуждой странѣ, или

во ономъ истинномъ моемъ и другихъ духовъ опечесствѣ; да будетъ щцаніе мое хвала Господня. Да ушвердитъ швое совершенство, *Исменія*, всѣхъ любящихъ тебя, въ мысляхъ шакowychъ; ибо чѣмъ можемъ мы явити опыты чистой и совершенной любви, ежели не спараніемъ достпойными быши любви безплотныхъ? чѣмъ могу я заслужить любовь швою, какъ не попеченіемъ удостоишися быть соединенну, по совершеніи спранствованія моего, въ блаженныхъ небесныхъ спранахъ вѣчно?

ХІІ.

Большая часть людей, *Аретій!* напыщенны чувствованіемъ собшвеннаго своего достоинства: ибо они не вѣдаютъ, въ чемъ состоитъ истинное достоинство человека. Не знаютъ они самихъ себя; не вѣдаютъ, что они суть, ниже что быши должны спвуютъ. Мудрая душа не забываетъ никогда, что истинное ея достоинство измѣряется самимъ Богомъ; и что на всѣхъ правосудія не имѣетъ важности ни красота, ни пылкость разума, ни богатство, ниже власъ. Человѣкъ не болѣе имѣетъ важности и здѣсь, сколько будетъ имѣти тогда, какъ совлечшись тѣла, съ добродѣтелію или со знаніемъ злопровожденная жизни, въ невидимый міръ войти имѣетъ. Важная сія истинна лепаетъ безпрестанно предъ очами шакowychъ души; и слѣдственно должен спвуетъ она

она быти кропкою. Куда ни обратитъ она взоры свои, обрѣтаетъ повсюду предѣлы несовершенства ея являющія. Мыслитъ ли она о Богѣ; то зритъ, что не имѣетъ она въ себѣ ни чего благаго, которое не произпекало бы отъ Него. Размышляетъ ли она о Его благопвореніяхъ; то упруждается ихъ исчисляя. Сколь мало, речетъ она въ себѣ самой, употребила я въ пользу сихъ благопвореній! сколь далеко преуспѣлъ бы другой въ добродѣтели, ежели бы онъ былъ столь сильно и столь многократно къ нимъ привлекаемъ, какъ я! Взираетъ ли она на созданныя съ нею швари; то дѣлаетъ себѣ новыя укоризны. Бездушныя созданія Божія ее поспыждаютъ; вся природа повинуется мановенію своего Создателя; солнце и звѣзды неушомимо текутъ въ кругахъ своихъ; все въ движеніи, все спремится исполняти наміренія Превѣчнаго въ преисполненной почтенія пишинѣ А я колико медлѣнъ; медлѣнъ въ должностяхъ, коихъ исполненіе мое же собственное составляетъ благо! Мещетъ ли взоръ свой на вѣчное блаженство, опверстное ей божественнымъ Ходатаемъ, на неизмѣримую славу добродѣтельныхъ, соравненныхъ ангеламъ, и приобщенныхъ къ лицезрѣнію Бога; ахъ! колико сильныя причины къ смиренію ея представляющъ сіи мысли, столь высококомѣрными бытъ являющіяся. Самая сія великая мысль. . . . Ожидаетъ меня непрестанное и совершенное блажен-

женство. . . . Сія мысль показываесть недо-
 стоиство наше. Ахъ, *Аретій!* хотя жизнь
 наша была неразрывною цѣпью одного по
 другомъ слѣдующихъ добродѣтельныхъ,
 великодушныхъ и благопворительныхъ дѣй-
 ствій; но не имѣла бы она и тогда ни ка-
 коваго сравненія съ безпредѣльною мздою.
 Но сердце наше вопіесть намъ, сколь далеко
 мы еще не таковы, каковыми долженствуемъ
 быть по собственному нашему разсудку.
 Помысли только сіе единое, сколь часно,
 хотя въ тайнѣ, ропщеть душа наша про-
 тиву Божія опредѣленія, противу союза
 вещей, противу случаевъ, которыя всѣ со-
 отвѣтствуютъ намѣреніямъ Божиимъ? Сколь
 часно упруждаетъ насъ терпѣніе, хотя мы
 небо полное радости предвидимъ, радости
 таковыя, противу которыя всѣ спраданія
 вѣка сего едва могутъ почесться за спраш-
 ное сновидѣніе, быспро мимолетное, и
 намъ воспрянувшимъ отъ сна, блаженство
 соспоянія нашего пѣмъ оцущительнѣе шво-
 рящее! Ахъ сколь несовершенное, сколь
 неравнообразное, слабое, и безсильное есмь
 твореніе! сколь мало причины имѣемъ мы
 любоваться добрыми нашими свойствами,
 или по подобію *Нарциса* влюбляться въ
 собственную красоту нашу! сколько бы хо-
 роши мы ни были, но превосмогаютъ наши
 недостатки. Ежели мы истинно спремим-
 ся къ совершенству, то долженствуемъ
 смиришия. Деспное озираніе самихъ себя
 съ

сѣ прекрасной стороны мало пользуетѣ намѣ для учиненія насѣ лучшими ; ежели желаемѣ свободишься оубѣ преступленій , то долженствуемѣ ихѣ разсмаширивать и ошущати.

И по сему сколь вѣ милосердыхѣ намѣреніяхѣ научалѣ насѣ кропоспи, божественный нашѣ Учитель ; швердилѣ намѣ смиреніе предѣ Богомѣ ; показывалѣ неизцѣлимую скорбѣ души безѣ благодаши Божіей. . . . Чувствуя сіе по ученію Его бываемѣ мы удобны кѣ восприятію благоспей Его. Сіе научаетѣ насѣ моливѣ, сіе научаетѣ насѣ пещися о брашні нашей, безѣ копорыхѣ мы сами быши не можемѣ. Высокомѣрный умаляетѣ всегда во благѣ, понеже приращеніе мнишѣ быши невозможнымѣ. Онѣ испортаетѣ себѣ благодѣнія Божія безѣ признанія, яко принадлежашее ; и рощетѣ, ежели мнимымѣ его заслугамѣ не воздаетѣ справедливости ; не навидитѣ онѣ другаго за преимущеспва сіяющія вѣ немѣ ; почитаетѣ ихѣ за укоризну, являющую его недоспашки ; презираетѣ всѣ превосходспва , копорыхѣ онѣ не имѣетѣ, и гордится такими преимущеспвами, копорыя можетѣ быть супѣ ложное злопо. Онѣ естѣ спрожайшій хулишель наимаѣйшихѣ слабоспей вѣ брашні своей ; не вѣдаетѣ собспвенныя своя мерзоспи , и примѣчаетѣ на прошивѣ того малыя и едва примѣшныя пятна на прекраснѣйшихѣ душахѣ. Единому кропкому
удобно

удобно быти истиннымъ другомъ человѣчеству: онъ только можетъ имѣти правособолѣзованіе о нравственныхъ человѣческихъ бѣдствіяхъ; сіи бѣдствія достойны большаго сожалѣнія, нежели всѣ недоспѣшки пѣла, и прошивности счастья. Крошкѣй можетъ быти смиренномудръ, и любовью другихъ исправити; храня спрөгосъ къ единымъ своимъ порокамъ, возрастаетъ онъ непримѣтно во благѣ; возходитъ отъ единой степени добродѣтели и мудрости къ другой; и мя быти слабымъ только смерпнымъ, бываетъ равенъ ангеламъ.

Правда, что крошосъ сокрываетъ добродѣтели наши отъ очей безумныхъ, желающихъ единымъ шумомъ и блескомъ быти привлеченны ко удивленію; но симъ равняется она благоприспойной одѣждѣ дѣвическія красосы, пѣмъ паче мудрому нравящейся, чѣмъ паче щиптся она сокрыти непорочныя свои прелести. Что нужды намъ, примѣчаютъ ли насъ люди, когда имѣемъ ангеловъ удивляющихся неприпворной и крошкой добродѣтели: крошосъ бо есть ангельское свойство; Серафимы при всей чистотѣ и святости своей низлагаютъ вѣнцы свои предъ Безконечнымъ, покрываютъ лица свои, и признаютъ себя недостпойными зрѣти славу Его.

Но прославляя, *Аретій*, свойственную тебѣ добродѣтель, воспоминаю я, что спыдливыи спрахъ часпо удерживалъ добрыя души,

души, подѣ видомѣ крохотности, въ печеніи подвига ихѣ. Сей недоспапокъ бодрости лишалъ ихѣ силы. Не познавали часто они своея крѣпости, и даже согласовались, что душа наша долженствуетъ спрадапи, повинуюся шому, что Богѣ въ нихѣ непосредственно дѣйствовати благоволилъ; не прудяпса сїи о исправленіи своемѣ. Заблужденія сїи произникли отѣ неяснаго понятія о крохотности. Крохотность не исключаетъ ни прятнаго познанія добрыхѣ свойствѣ нашихѣ, ни ревностнаго спремленія къ высочайшимѣ степенямѣ превосходства. Она долженствуетъ намѣ спосѣшествовати паче, нежели возпяцати въ благородномѣ семѣ спремленіи. Ложная крохотность не только познаетъ несовершенство свое, но кажется еще и одобряетъ его: спрашася власпи въ гордость, спрашится быти и совершеннѣе. Презирай, *Аретій*, вредную сїю боязливостъ духа. Не забывай никогда, что ты, по первообразному естеству, малымѣ чѣмѣ умаленъ отѣ ангелѣ, и что ты по совершеніи подвига своего равенъ имѣ будешь. Не мысли низко о способностяхѣ человеческого естества, ибо сїе было бы презрѣніемѣ даровѣ Божіихѣ. Не мысли низко и о себѣ самомѣ, когда милостъ, праводушію швоему низпосланная въ помощъ, вознесла себя. Создатель даровалъ тебѣ плодоносную душу; пошребно ей согрѣвующее сїяніе мудрости, для произведенія множества прятныхѣ

ныхъ цвѣтовъ и здравыхъ плодовъ; провождалъ Онъ тебя чрезъ искушенія, научалъ терпѣливо предаватися въ Его волю; являлъ тебѣ недостойнства земныхъ вещей; устроивалъ сердце твое по Божественнымъ предписаніямъ ИСУСА къ непорочности и братолюбію. Усерднѣйшее твое удовольствіе естъ, зрѣши добродѣтель и благочестіе разпространенными. Величайшее попеченіе естъ, исправляши самого себя. Ты совершаешь съ охотнымъ повиновеніемъ мало кажуціяся должности, и нѣжнѣйшія твои склонности относятся къ вѣчности. Можешь ли такая душа быти когда печальна или малодушна? Не легко ли ей шествовати спезею міра? Спайся по всей возможности своей, усремляши познанія свои къ единому свѣту и истинѣ, любовь же учиниши опъ часу чищъ и пространнѣе. Симъ образомъ возраснешъ ты въ крепости вкупъ и совершенствѣ. Ибо все наше совершенство въ томъ состоитъ, дабы мы ежечасно опъ природныхъ и приобрѣненныхъ пороковъ, опъ незнанія, заблужденія, суебы, и всѣхъ ложныхъ и чрезмѣрныхъ приспастій очищались; трудъ, въ копоромъ и святѣйшіе мужи не достигли конца, бывъ въ смертномъ семъ плеси. Чѣмъ далъ опходимъ мы опъ несовершенства, тѣмъ ближе приступаемъ къ совершенству, которое заключается въ единомъ Богѣ; и сколь ни великія трудности обрѣтаемъ мы въ семъ пути; но любовь

все превозмогаетъ: любящей бо Бога душѣ чпо можеть быти сладчайше, какѣ возраспати въ познаніяхѣ, ведущихѣ къ Нему, къ непорочности и праводушію, насѣ съ Нимѣ соединяющими.

ХІІІ.

Духѣ, съ копорымѣ днесѣ душа моя разглагольспвуетѣ, еспѣ единѣ изѣ тѣхѣ, копорыхѣ Владѣпель вселенная опредѣлилѣ быти ангелами между наученныхѣ уже человѣковѣ, чрезѣ копорыхѣ исполняются Его намѣренія, получають чинѣ и испинну, и нравспвенный мѣрѣ сохраняетѣ отѣ совершеннаго неуспройспва. Онѣ еспѣ едина изѣ прехѣ великихѣ душѣ, копорыя поощряемы высокими склонностями, пвердыми силами, во всегдашнее движеніе приводятся, копорыхѣ духѣ имѣетѣ власпѣ надѣ множеспвомѣ другихѣ; и копорыя силою своихѣ воображеній и власпю своихѣ чувспвовапій, можеть умы другихѣ провождати, яко водные токи. Да позволено мнѣ будетѣ ободрипса съ нимѣ вкупѣ: необманчивое чувспвіе самага себя, речеть ему, чпо о немѣ я днесѣ мышлю, а *симпатическая* власпѣ принудитѣ его, услышати внимательпо мои напоминовенія.

Первое, любезный другѣ! взываемое къ тебѣ мною слово еспѣ: *знай самага себя*. Никпю сполько нужды въ семѣ гласѣ не имѣетѣ, какѣ пѣ, копорыхѣ природа, для

особыхъ намѣреній, вооружила великими способностями. Опыты намѣ являющѣ, что и сіи яко просныя люди, весьма склонны къ забвенію самихъ себя, и къ удаленію отъ важнаго ихъ опредѣленія; часто уже бывало, что ангельскія способности имущій духъ, упопреляялъ себя къ незначущимъ ничего упражненіямъ или къ единымъ шуткамъ. Кажется, что многіе изъ шаковыхъ мнѣшъ имѣши право, что бы не прилеплялися ни къ какому правилу, и быши самимъ себѣ законодателями. Но коль много погрѣшающѣ они въ семъ мнѣніи! всякое швореніе по шому единому добро, по елику исполняешъ опредѣленіе шествованія своего. Всякъ созданный духъ тогда есть великъ, когда ушпрояешъ себя сообразно высочайшему Духу. Что могло бы побудишь Безначальнаго къ шшворенію начало имущихъ духовъ, еслибы не имѣлъ Онъ при шомъ намѣреній, копорыхъ желаетъ зрѣти исполненіе? Можетъ ли когда швореніе премудрѣ быши, какъ послѣдуя намѣреніямъ Творца своего? Се есть размѣръ, опредѣляющій великость духовъ. Человѣкъ забываетъ ежечасно зависимость свою отъ Бога, прилепляешъ взоры на блескъ чувшвенныхъ вещей, и на обманчивый видъ собшвеннаго своего образа; и чрезъ шо пропускаешъ невнимательно вѣчные законы, на копорые бы долженшвовалъ онъ несоврашимо ушпремляшъ свои очи. Ангелъ преисполненъ

благополучія; пусть сіи полагають мѣшою спараній своихъ сласполюбіе или суешную славу. Пускай испощають они всю оспроту духа своего на то, какъ бы ушвердипсья въ сей непостоянной жизни, въ семъ мимотекущемъ мѣрѣ, яко въ вѣчности. Они зиждупь сданіе на водѣ. Пусть другіе пресмыкаются предъ князями и любимцами ихъ; пускай всегда пичипають пипла, чины, условія, зависными имѣніями, и отъ желанія владѣти ими изсыхають, подобно скупому надъ имѣніемъ въ осповѣ премѣняющемуся. . . Оспавъ малымъ душамъ таковыя попеченія, и упошреби для доспихенія своего предѣла всѣ силы, колико Промыслъ Всевышняго шебѣ благоволилъ даровати. . . . Ахъ сколь мало избравшихъ сіе соспояніе! Сколь малое число помышляють о томъ, о чемъ прежде всего долженспвовали бы помышляти! Коль всеобщее еспь злоупотребленіе силъ: ибо люди присвояють себѣ право, управляти сами собою по своему благоизволенію. Спихопворный духъ, воспипанный музами, и одушевленный *Граціями*, могущій быти лучшей *Пиндаръ*, еспь нынѣ *Анакреонтомъ*. Распочаюпсья въ похвалу вымышленные *Филиды* дары, чиняшіе его способнымъ, воспѣвати согласно съ небесными ликами чудеса Божія, высокимъ и сердце восхищающимъ гласомъ. Опредѣленный привлекаеть къ добродѣтели героевъ и героинь, и являти въ примѣрахъ,

что

что благородно, прекрасно, и прилично
 высокости человеческой души, и коль близ-
 ко Ангеловъ можешь достигнуть добродѣ-
 тельная душа; сей бессмысленный не произ-
 водишь ничего лучше Боккачическихъ повѣ-
 ствованій, и желаешь уговорить чисташе-
 лей приисповомъ сихъ басенъ и замысло-
 вапыми оборотами вещей, что порокъ есть
 свойственъ естеству человеческому. Какое
 множество легкомысленныхъ и непопроб-
 ныхъ скородумовъ возродило между насъ
 безумное зараженіе нравиться, копорые бы
 всѣ могли бытъ способны къ благороднѣй-
 шимъ и полезнѣйшимъ предпріятіямъ, еже-
 ли бы они изосприли духъ свой и прежде
 вспупленія во свѣтъ научились бы и успре-
 млялись сдѣлаться полезными. . . Не стыд-
 но ли унижаешься людямъ съ великими спо-
 собностями, сообразоваешься вкусу и пред-
 разсужденіямъ просполоудиновъ, копорымъ
 могли бы они давать законы? И можноли
 терпѣшь, что бы философическій духъ,
 опредѣленный къ обученію несозрѣлыхъ раз-
 умовъ, копорыхъ души младенчествуютъ;
 духъ, копорый на заблужденія и безумства
 долженсвуешь насупаши съ геркулесо-
 вою бодростію, и цблипи нравственныя бо-
 лѣзни сократическимъ искусствомъ; что бы
 шаковый духъ низходилъ до школьныхъ пон-
 жостей, монадологій, и споръ давно рѣ-
 шенныя задачи? Но что? должны мы на
 конецъ признацца. Прошло уже время

Платоновъ , Ксенофоновъ и Плутарховъ ; протекло и то уже время, когда избирали себѣ люди наставниками и учителями , вмѣсто школьныхъ сихъ мудрецовъ , оныя великія души , почерпавшія мудрость свою изъ числѣйшихъ источниковъ, и вдохновенныя любовью ко истиннѣ и великодушными побужденіями , почти чуждыми во времена наши. Блаженные дни сіи не только исчезли, но суемудрствующіе толки ослѣплены, толки упоены ученымъ своимъ невѣжествомъ, что не стыдясь хвалилися просвѣщеніемъ; и съ вершинъ скопленныхъ въ столбъ дѣлъ своихъ, въ сомнѣніи ихъ измѣряемыхъ, взирающіе съ безумнымъ презрѣніемъ на великія души въ древности, не вѣдая , что люди съ ихъ способностями въ Платоновы времена едва удостаиваны бывали и въ переписчики.

Ты, Аминторъ, хотя рожденъ подъ мрачнымъ небомъ, несчастливъ, имѣя лучшія мысли. Духъ твой научился шайными ображеніями съ мудрыми благочинныя древности. Они учинили тебѣ вѣдому природу, и открыли внутреннія пружины человеческого сердца; опъ ихъ напишался пы тонкаго онаго вкуса, знающаго искушати истинное и прищное, и соединя красоту съ правдою изображати ихъ въ собщвенныхъ мысляхъ и чувствованіяхъ. Они научили тебя, что любомудріе софисмами пощпаемое за искусство во словопрѣннн ,

ещѣ

есть искусство жипельспвоваши. Твори нынѣ мудрое упошребленіе сего ученія; возприими бодрость, подражаши учителямъ своимъ, и подобно имъ разливай въ сердца другихъ свѣтъ, возсіявшій въ разумъ швоемъ. Ежели хочешъ имѣти примѣры, избирай ихъ въ древности. Убѣгай заражающаго существа малыхъ душъ, и ихъ безумнаго поношенія не спрашася, совершай уединенное свое шествіе по спезѣ правды.

Но да будетъ главное намѣреніе швое предѣлѣ всѣхъ великихъ душъ: благо міра, котораго шы согражданинѣ, и сохраненіе нравспвеннаго порядка, который обрашлся бы въ безпорядокъ, ежели бы малое число мудрыхъ удержали спасительные лучи свои. . . . Но совершенству не вѣдомы ни зависп, ни боязнь! сего ради сообщающѣ они охотно свѣтъ, и духъ, приобрѣшщій вкусъ къ порядку и красотѣ, исполненѣ попеченій, изливаша шю на другихъ, что имѣетѣ въ себѣ приобретенное подѣ вдохновеніемъ Божеспвеннаго Духа. Не предприемли, воспановиши собою въ мѣрѣ и въ совѣтѣ князей образѣ *Епаминондовѣ* и *Аристидовѣ*. Наши времена сносяшѣ шерпѣливо *Епаминондовѣ* и *Катоновѣ* шамо, гдѣ безѣ дѣйствія они бышѣ долженствуюшѣ. Вельможи позволяющѣ намъ мыслишѣ и желаша. Обращися убо шы на другую сторону; помогай побѣждаши невѣжеспво, маперь всѣхъ нравспвенныхъ изверговѣ; разпротраняй истинну, не долженствуюшю

спвующую быши шайною между нѣкошоры-
ми избраными во всѣхъ соспоянїяхъ и чинахъ;
избискивай нужды челоувѣковъ, и не забуди
упопребляши ни единаго средспва, способ-
наго ко исправленїю нашего соспоянїя; успре-
мляй всѣ свои способности къ симъ благо-
роднымъ предпрїятїямъ, предоспавляя намъ,
яко *Омиръ*, зеркало челоувѣческой жизни; или
предводя насъ, яко *Платонъ*, подѣ прїятными
разговорами, къ возвышенному храму Истин-
ны; или исцѣляя насъ, яко *Лукїанъ*, челоувѣко-
любивою насмѣшкою опѣв безумїи нашихъ;
или соединяя различныя сіи искусствва, упо-
пребляя поперемянно разный родъ ученїя. Да
будетъ навсегда первымъ намѣренїемъ швоимъ,
какъ научиши насъ, не оспроумїе другихъ чи-
пашелей раздражая, ниже собспвенную швою
пылкость предлагая, яко красоту распуш-
ныя дѣвы; ибо оспроумїе, упопребляемое на
службу Истиннѣ, хошя драгоцѣнно еспъ: но
само собою еспъ безумїе, невѣждѣ единыхъ
увеселяющее, коихъ и плясатели по верев-
камъ увеселяютъ, по шому чшо искусствво
ихъ шрудно, а не по шому, чшо полезно.

Искусствво писанїя, такъ какъ почши всѣ
благородныя искусствва, учинилося вѣ наши
времена довольно презришельнымъ рукодѣ-
лїемъ, шрудомъ персповѣ шoliko же шребую-
щихъ духа, сколько нужныхъ и къ пряденїю
волны. Прежде сего писывали едины просвѣ-
щенныя души, главное упражненїе свое вѣ
шомъ полагавшїя, дабы испышывашъ истин-
ное

ное и доброе, благородное и прекрасное. Они сообщали свѣту свои опыты или разсужденія, открытыя ими въ вещахъ, сильнѣйшія впечатлѣнія въ душахъ ихъ учинившихъ; нынѣ пишушъ, не имѣя что иное дѣлать; большая же часть побуждаемы голодомъ, или прибыткомъ, или не научась ничему полезному бываюшъ издашелями. Толь далеко доведено злоупотребленіе и присвоеніе права къ писанію! Право сіе долженствуетъ быти преимуществвомъ, вооруженнымъ природою, для просвѣщенія міра, и проповѣданія Истинны во вселенной... Не хочешъ ли ты, *Аминторъ*, возвратити древній блескъ важному сему званію? Не хочешъ ли быти единственнымъ изъ малаго числа шѣхъ, для которыхъ мудрый *Шафесбури* издалъ во свѣтъ свои напоминовенія?

III.
О Д А
М І Р Ъ.

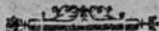
Отверзлась мнѣ завѣса міра:
Въ восторгѣ духъ, трепещешь лира:
Молчу, дивлюся и пою.
О коль видѣнія любезны!
Звѣздами полны вижу бездны;
Надъ тысящами міровъ спою;
На небо возвергаю взгляды,
Висящъ горящія лампы,
Сіверяи разливають свѣтъ:
Се градъ, гдѣ Царь міровъ живешь!

* * *

Какъ риза небо пропяженно,
Звѣздами зрится испещренно;
Преходящъ годы, дни летящъ;
Неподкрѣпленные сполпами
Въ пучинѣ воздуха съ водами
Огромные міры висящъ. —
Но кто движенье далъ планетамъ?
Какимъ послѣдуя совѣтамъ,
Парящъ безъ крылъ, текущъ безъ ногъ?
Кто водитъ солнце? — перстомъ БОГЪ?

* * *

Прекрасна и дивна вселенна!
Возникни муза изумленна!
Во свѣтѣ вижу скрытый свѣтъ;
Единъ изъ тѣлъ совокупленный;
Другій безплодный и неплѣнный;
И въ мірѣ міръ еще живенъ.
Въ восторгѣ низхожу на землю:
Древа, холмы, поля обѣмлю;
Къ источникамъ склоняю слухъ:
Въ нихъ чувствую и жизнь и духъ!

Матуру вижу на престолѣ;
 Лѣса, моря, спремнины, поле;
 Предъ ней проспекты хладъ и зной.
 Подобну полу мозаичну,
 Одежду вижу я различну
 На всей поверхности земной.
 Высоки кедры на ливанѣ,
 Усопъ и волны въ океанѣ:
 Всѣ вещи есть кора одна,
 Въ кошорыхъ жизнь заключена.

Но чѣмъ пространная Вселенна
 Жива, красна, одушевлена;
 То въ вѣкъ не можетъ умереть:
 Высокихъ горъ хребты сопрутся,
 Сполпы порфирны распадутся,
 Преспанетъ океанъ кипѣтъ;
 А что былинку оживляло,
 Лѣса и волны соспавляло,
 Сія всеобщая душа
 Жить буденъ, узы разрѣша.

Какія дивности вспрѣчаю!
 Я, БОГА зрѣть во славу, чаю:
 Явился мнѣ вселенной Духъ:
 Въ огнѣ Онъ свѣпипѣ и сіяетъ,
 Въ волѣ живошныхъ напаяетъ,
 Въ громахъ разитъ сердца и слухъ;
 Величественъ въ тѣлахъ небесныхъ;
 Премудръ вещей въ предѣлахъ тѣсныхъ;
 Въ пещинкѣ Онъ непосижимъ;
 Весь міръ и живъ и строенъ Имъ!

Царящаго отъ перва вѣка,
 Подобно вижу Человѣка:
 Вѣ его вникаю существо:
 О коль твореніе драгое!
 Вѣ немъ скрыто бытіе другое:
 И шамъ сіяешь Божество!
 Мнѣ вся являешся вселенна
 Вѣ его чертахъ совокупленна;
 И что напурѣ жизнь даешь,
 То вѣ немъ и мыслишь и живешь.

Но вся великолѣпность міра,
 Какъ вѣ полѣ вѣянье зефира,
 Какъ дымъ, исчезнетъ на конецъ;
 Погаснетъ солнце, твердь зашмищся,
 И токмо Духъ изобразится,
 Гдѣ мыслью преходилъ Творецъ.
 Но кпо пороки ненавидишь,
 Тотъ небо новое увидишь;
 Вѣ душевну облеченный площъ
 Вселишся шамо, гдѣ Господь:

Вѣ лучи божественнаго Свѣта
 Безмѣрность будетъ вся одета,
 И не погаснетъ Свѣтъ во вѣкъ.
 Престолъ и посохъ позабудетъ,
 И вѣ ликѣ Серафимовъ, будетъ
 Сіять безгрѣшный Человѣкъ,
 О Правящій моей судьбою!
 Моя душа полна Тобою:
 Отверзи вѣчный мнѣ чертогъ
 Вѣ грядущемъ Царствѣ, щедрый БОГЪ:

IV.

Простираетъ желанія свои превъше необходимости, есть наипаснѣйшая суетность.

Изъ разныхъ сравненій между *естественнымъ* и *нравственнымъ состояніемъ* себѣ усмотрѣно, что какъ блаженство, такъ и добродѣтель состоятъ во средственности или умѣренности; что съ сею умѣренностью только попу спокойнѣе и доволенѣе живеть, который наспоющимъ состояніемъ вещей спокойно и спасительнѣе пользуется, и отъ всего вѣшняго и случайнаго убѣгаетъ; что сія средственная стезя есть единый путь къ безопасности, по обѣимъ сторонамъ котораго глубина пороковъ и пропасть гибели обрѣщаются.

Слѣдую симъ основаніямъ, правило *Клеовулово*, что *средственность или умѣренность есть самое лучшее*, принято положеніемъ, коего неопровергаемая истинна простирается до всѣхъ обстоятельствъ жизни и успѣха. А по сему открываютъ и утверждаютъ намъ и самые опыты, что нѣтъ ни одной вещи, каковой она образа и содержанія ни была, коей бы нѣкоторыя предѣлы, въ ея силахъ и во употребленіи ея могущества, пресупитъ удобно было.

Природныя дарованія безпрекословно суть *наиважнѣйшія* и *твердѣйшія* преимущества *человѣчскія* изъ всѣхъ пѣхъ, которыми они въ *подлунномъ* кругѣ имѣютъ.

Еслиже

Еслиже симъ дарованіямъ предопредѣленную мѣпу или ихъ средспвенность, единожды пресшупимъ, то они конечно уже никакихъ надежныхъ основаній земнаго блаженства больше имѣть не будутъ; но на прошивъ того одаренныхъ ими низвергаютъ они въ разныя злоключенія, и на конецъ принудятъ пожелать лучше лишиться сихъ опмѣнныхъ и избыльныхъ дарованій, дабы освободиться отъ спраданія своего. Нѣтъ ли такихъ женщинъ, кои одарены опмѣнною красопою, обращають оную въ посрамленіе? Не видимъ ли ихъ въ бѣдспвеннѣйшемъ соспоянніи, когда напослѣдокъ спавъ презрѣнными, мучительное раскаяніе ощущають, что пріяпства юности своей толико разпочали? При оббихъ сихъ обспоятельстввахъ не очевидно ли, что бы онѣ большимъ наслаждались счастьемъ, если бы ихъ красапа держалася средспвенности? Да вообразитъ каждый во всей точности ужасное бѣдспвіе и чрезвычайный позоръ ихъ; неоспоримо каждый согласишься долженъ будетъ, что причину ихъ гибели не иное что было, какъ только ихъ безмѣрная красапа. И такъ славнаго *Бакона* мысль содержишь въ себѣ великую испинну, которая бы иныхъ красавицъ отъ многихъ вздохоевъ и заботъ о ихъ прелеспяхъ освободила, если бы онѣ захопѣли разобрать оную: „Чрезмѣрно прекрасныя женщины, говоритъ онъ, рѣдко удобны
„имѣть

имѣть великія совершенства, ибо большая часть оныхъ болѣе о вѣщности, нежели о добродѣтели пекутся.

Чрезмѣрность здравія, бодрости и счастливаго пѣблосложенія хопя много способствуеѣ ко удовольствію жизни, и исполненію человѣческихъ должностей; но мы изъ ихъ слѣдствій можемъ заключить, что онѣ не всегда бываюѣ полезны. Тѣ, кои часто выдаюѣ больныхъ, довольно о томъ свѣдомы, что наиболѣе пѣ подвержены сильнымъ и опаснымъ болѣзнямъ, копорые надѣяся на крѣпость своего сложения, предаюѣ неоспорожности и неводержности. Не менѣе шакже видно, что излишество силы, копорая какъ славы, шакъ и паденія многихъ была причиною, вѣ послѣдней части ихъ жизни часто инаго дѣйствія не производиѣ, какъ шолько, что оную принуждены бываюѣ вѣ печали и слабости препровождати.

Однакожѣ природныя дарованія сами по себѣ супъ наипреизящнѣйше дары Всевышняго; и мы долженствуемъ оныя, сѣ наилучшнѣйшею благодарностию опѣ сего милосердѣйшаго Существа приимати; и чѣмъ болѣе онѣ вѣ ихъ порядочномъ и благоумѣренномъ употребленіи и шеченіи пребываюѣ, шѣмъ превосходнѣе и блаженство наше спановится, но опѣ небреженія ими и злоупотребленія вѣрную погибель и бѣдствіе по себѣ влекуѣ. Онѣ супъ имущества, коихъ

мы сами себѣ доставить не можемъ, но кои ихъ мы сами себя лишимъ возможемъ, если оными владѣемъ. Мы не въ соспоянїи приобрести ихъ ни искусствомъ, ни прилѣжанїемъ; а сіе кажется для того, что бы мы ихъ прямую цѣну познавали; какъ истинную и рѣдкую драгоценность сохраняли, не разрушали и не портили. И такъ, если мы о ихъ ненадежномъ влїянїи въ человѣческую жизнь нѣчто упомянули, то сіе не для того учинено, что бы ихъ истинную цѣну умалили, но дабы неудовольствїе и ненависть шѣхъ челоѣковъ удручили, которымъ недоспашокъ сихъ естественныхъ дарованїй, возпрещаетъ размыслишь: что то составляетъ меньше несчастїя, не владѣть великимъ имуществомъ, нежели владѣя онымъ, не умѣть его употреблять.

Между всѣми попеченїями челоѣковъ, нѣтъ у нихъ сильнѣйшаго, какъ быть богатыми. Ни чего поль швердо и ревностно не желаютъ. Ни чего не ищутъ съ такою опасностїю, прудомъ, попомъ, попеченїями, истинною и неправдою. Бѣдность въ глазахъ челоѣческихъ, есть несчастїе, которое имъ представляется совокупленно съ большими прудностями; что всякъ старается всѣми силами избѣжать оной. Всякъ ищетъ прежде сполько имѣнїя, чтобъ избавишься нужды; но едва достигаетъ сего желанїя своего, то уже естественнымъ порядкомъ желаетъ также, что бы зло, коего онъ только

лико

лико спрашился, было отъ него совсѣмъ отдаленно. Онъ тогда подобенъ человѣку, который попавшись въ когти дикаго звѣря, изъ оныхъ вырвался, и до тѣхъ поръ спокоемъ бытъ не можеть, доколѣ себя въ совершенной безопасности не увидитъ, и уже другаго нападенія не спрашится. Если бы здѣсь спраху не давалъ излишне великаго мѣста, то можеть бытъ и самъ бы *Клеовулъ* prosperъ въ семъ случаѣ спаранія свои далѣе умбренности. Однако не рѣдко случается, что сдѣлавшійся богатымъ, перебрняетъ свои понятія о бѣдности; прежнія свои о помѣ мысли позабываетъ; надобности свои располагаетъ по новой мѣрѣ, и себя еще бѣднѣе находитъ, нежели какъ онъ былъ прежде. По семъ откровеніи, старается онъ паки бѣжать отъ сего врага, который, какъ онъ по думаетъ, еще ужаснѣе прежняго, погубитъ его спремится. Не взирая на то, что уже приобрѣлъ, проспиратъ онъ всѣ свои спаранія къ тому, что предъ собою еще видитъ. Споспособность удовлестворитъ своимъ склонностямъ, умножаетъ его хотѣнія. Множество желаній, о коихъ онъ прежде и не помышлялъ, такъ сказатъ насильно пребуютъ исполненія. На конецъ же гордость и суеша отверзаютъ ему безпредѣльное поле, которое тѣмъ проспраннѣе спановится, чѣмъ болѣе онъ его обрабатываетъ.

Тогда недоспашокъ и необходимости безпредѣльно расширяются. Рвеніе удовольствоваться свои склонности, занимаетъ душу; и шако человекъ погружается въ неизмѣримую пропасть желаній. Хопѣнія и вожденія одно за другимъ извиваются въ округъ его главы, подобно *Медузѣ*, и внушаютъ въ него ненависть, злобу, несправедливосць, презрѣніе, зависть и всю полпу прочихъ пороковъ. Кпо тогда удобенъ разсуждати: что *прямая необходимость уже точно удовольствована, и что настоящая опасность дѣйствительно отвращена?* Кпо можетъ тогда помышляти: что *требованіямъ суетности, когда онѣ безмѣрны, внимать не должно?* Да и привыкшій угождать безпрестанно желаніямъ своимъ, можетъ ли вѣрить: что *гораздо легче сокращать желанія, нежели удовлетворять онымъ?*

Если спанемъ богатыхъ съ сей стороны разсмапривать, и проникнемъ даже и самые лучи ихъ сіянія, по не найдемъ конечно довольно побудительной причины, чпо бы нашимъ покоемъ, а ипѣмъ меньше нашею добродѣтелью жертвоваться, для приведенія себя въ подобное ихъ соспояніе; ибо мы тогда усмопримъ, чпо великое имущество, превосходящее посредственное счастье, по большой части сопряжено со многими безразсудными воображеніями; чпо оное пороку и невѣжеству оптверзаетъ свободный путь, а ласкапельству и сладострастію

спрастїю предспавляетъ пространное поле. Весьма рѣдко думаютъ о слѣдующемъ правилѣ, которое, если бы объ ономъ чаще помышляли, конечно бы желаніе богатствъ уменьшило : *что великое богатство часто бываетъ случаемъ къ бѣдности* : ибо попѣ, которому суешность и своеволіе единожды содѣлали изобиліе приятнымъ, легко впадаетъ въ нерадѣніе о своихъ дѣлахъ; а кто думаетъ, что сіе нерадѣніе ему никакого вреда не причиняетъ, не далекъ отъ бѣдности. Вскорѣ приходитъ домоспроисельство его въ замѣшательство, которое невѣденію его предспавляется неодолимымъ. Тогда ищетъ онъ у пѣхъ помощи, коимъ не бесполезно, привестъ его еще въ пущее неустройство ; и на конецъ спановится онъ добычею хищныхъ ппцѣ, которыя его счастье совершенно опровергнутъ спарающа. И такъ не было ли бы для сихъ богачей лучше, чтобъ они меньшимъ или посредственнымъ богатствомъ обладали, и лучшебъ разумѣли управлять своимъ имѣніемъ, и желанїями своими обуздывать? Ибо попѣ единственный полько богатъ, котораго издержки не превосходятъ его доходовъ; или который умѣетъ доходъ свой расположить такимъ образомъ : что бы всегда имѣлъ достаточное содержаніе, могъ бы спомоществовать несчастнымъ, и сохраняя сразмѣрную сумму для нужныхъ случаевъ. Слѣдовательно сіе останетъ вѣчною и не-

Е 2 опровер-

опровергаемою истинною : что сверхъ необходимо-
 сти простирающееся желаніе , есть наи-
 опаснѣйшая изъ суетностей ; ибо не безъ при-
 чины говорится : что желающій быть бо-
 гатымъ попадается во искушеніе и сѣпи.

Къ большому объясненію сея истинны
 сказуетъ *Абулфарибъ* слѣдующую повѣсть :
 „Когда долины индійскія , отъ сорокоднев-
 „ныхъ суши почпи сторѣли , два собесѣду-
 „ющіе паспыря , *Гаметъ* и *Рашидъ* спояли
 „на смѣжныхъ предѣлахъ луговъ ихъ , упом-
 „ленны отъ жажды и зноя , со спадами
 „своими , въ округъ ихъ снѣдаемы жаждою
 „ходящими , и въ горчайшемъ мученіи про-
 „сили воды. Вдругъ движеніе воздуха остано-
 „новилось , птицы престали пѣсти , и спа-
 „да не блѣяли. Паспыри обращая повсюду
 „свои очи , увидѣли по долинѣ идущую къ
 „нимъ великую тѣнь , по приближеніи копо-
 „рой почли они ее за духа *раздаятеля*. Въ
 „одной рукѣ держалъ онъ рогъ изобилія , а въ
 „другой мѣчь изпребленія. Паспыри пре-
 „пѣтали , и хопѣли отъ него удалишься.
 „Но онъ началъ съ ними говорить такимъ
 „голосомъ , копорый былъ столь же при-
 „ятенъ , какъ вѣтръ , провѣвающій въ вечеру
 „поля *Сабейскія* : Чада земли ! не бѣгите отъ
 „вашего благошворителя , сказалъ онъ ; я
 „пришелъ къ вамъ по вашему прошенію съ
 „дарами , кои единое ваше безразсудство
 „уничтожитъ можете. Вы просите воды ;
 „я вамъ доставлю оной ; но только ска-
 „жите

„жише мнѣ, сколько вамъ ее надобно? Не
 „пробуйте безразсудно; и помните, что
 „излишество всего того, что только еди-
 „ное пѣло утѣшаетъ, не меньше вредно,
 „какъ и самый недоспашокъ. Если вы вспом-
 „ните о мученіи ощущаемомъ вами жаж-
 „дою; то не забывайте при томъ и опас-
 „ности, что и въ водѣ можно погибнуть —
 „Гаметъ! скажи мнѣ свое желаніе.

„О благошворящее существо! говорилъ
 „Гаметъ, проси мое смятеніе. Я только
 „прошу небольшого ручейка, который бы
 „лѣтомъ никогда не высыхалъ, а зимою бы
 „изъ береговъ не выходилъ. — Желаніе свое
 „исполнился, отвѣщивалъ ему Духъ.
 „Тогда разверзъ онъ своимъ мѣчемъ землю,
 „и изъ нея просякнулъ ключъ, который воды
 „боль чистыя какъ небо по лугамъ про-
 „лилъ. Трава оживилась; цвѣты пустили
 „приятное благоуханіе; деревья разпростира-
 „нили зеленые листья, и спада ушолили
 „жажду.

„По семъ Духъ обратился къ Рашиду,
 „и спросилъ, въ чемъ состоитъ его жела-
 „ніе. Я желаю, сказалъ Рашидъ съ гордо-
 „стию, чтобъ рѣку Гангесъ со всѣми ея во-
 „дами и жипелями, провелъ шы чрезъ мои
 „луга. — Гаметъ сею великою прозбою сво-
 „его сосѣда былъ пронутъ, и уже шайно
 „досадывалъ на себя, что сего не пре-
 „бывалъ. Въ то самое время Духъ отвѣщив-
 „ствовалъ: Дерзновенный! не буди нена-
 „сышимъ.

„сышимъ. Помысли; ты того желаешь,
 „что опасно, тебѣ не пользуешь, и спо-
 „собствуешь паче своей погибели. Да если
 „бы и сего не было, то скажи, отъ чего
 „твоя надобности превосходятъ Гаметовы?
 „Рашидъ повпорялъ свою прозбу непре-
 „спанно, подъ тѣмъ видомъ, что должно
 „своего сосѣда превзойти по крайней мѣрѣ
 „хотя важностию дѣла, для того что онъ
 „его и прозбою превзошелъ и оказалъ боль-
 „ше способности разума. Духъ возвратил-
 „ся къ рѣкѣ, и пасыри ожидали оконча-
 „нiя сего происшествiя. Въ то самое время,
 „когда Рашидъ взиралъ на Гамета съ гордо-
 „стию и презрѣнiемъ, незапно сталъ слышенъ
 „ревъ шумящiя рѣки, и они познали по
 „быстроу печенiя, что Гангесъ опровергъ
 „свои преграды; сильный разливъ водъ про-
 „сприся по лугамъ Рашида; его верпограды
 „разорилися, спада его попонули, онъ
 „самъ волною похищенъ и крокодилъ по-
 „глотилъ его,„

Какъ сіе разсужденiе научаетъ насъ,
 сколь опасно великое и мѣру превосходя-
 щее имѣнiе для тѣхъ, кои не умѣютъ онаго
 употреблять въ пользу; то для лучшаго
 въ ономъ удосповѣренiя предложимъ здѣсь

Часть изъ разговоровъ

ДИОГЕНА СИНОПЕЙСКАГО,

Которые Виландъ переведя съ древняго
 рукописанiя намъ предалъ.

Въ сей дикой странѣ думалъ я, (говоришь *Діогенъ* объ одной своей прогулкѣ,) найши стариннаго моего знакомца; но вдругъ увидѣлъ подѣ деревомъ лѣжащаго человѣка, которому казалось около тридцати пяти лѣтъ отъ роду; онъ былъ весьма дурно одетъ, нечесанъ, сухъ, блѣденъ, имѣлъ впавшія глаза; словомъ являлъ на себѣ всѣ признаки горести и бѣдности. Онъ имѣя въ рукахъ каршофелей, копорыя шупъ же выкопалъ, и нѣсколько намоченныхъ въ водѣ сухарей, хопѣлъ ужинашь. Мнѣ казалось, что я его знаю; я къ нему приблизился, и со удивленіемъ увидѣлъ *Дѣинскаго Вакхида*, копорый не задолго предѣ шѣмъ, какъ я сей городъ въ послѣдній разъ оставилъ, получилъ имѣніе, состоявшее по малой мѣрѣ въ осми спахѣ Аппическихъ паланшовъ, и доставшееся ему по наслѣдству отъ стараго ростовщика, коего онъ былъ единороднымъ сыномъ.

Въ какомъ состояніи, сказалъ я ему, нахожу здѣсь счастливаго *Вакхида*, во уединеніи, и хопящаго вкушати толь бѣдную пищу? — Счастливаго! о Боги! воскликнулъ онъ съ воздыханіемъ; прошло то время, *Діогенъ!* — ибо ты конечно *Діогенъ*, если меня глаза мои не обманываютъ.

„Желалъ бы, отвѣщивовалъ я ему, „чтобъ они тебя никогда не облыгали.

„Я весьма къ спашѣ тебя увидѣлъ; я „тебя ищу; и изъ *Дѣинъ* нарочно пришелъ, „чтобъ учишься въ пвоей школѣ.

Такъ ты напрасно предпринималъ сей пущь; у меня школы нѣтъ.

„Такъ я швой первой ученикъ буду. Я хочу отъ себя научиться, какимъ образомъ ты, въ шоль нужномъ состоянїи, въ коемъ ты уже сполько лѣтъ пребываешь, можешь быть счастливъ?

А для чего хочешь ты симъ ученїемъ воспользоваться?

„Для чего? — Я думаю, что единое видѣнїе меня можетъ тебѣ опвѣспововать на сей швой вопросъ.

Я вижу, что въ швоемъ состоянїи произошли конечно нѣкопорыя переменны.

„Превеликїя; клянуся Богами, превеликїя! Ты еще меня зналъ, когда я дома, земли, рудокопы, фабрики, корабли; словомъ всего довольно имѣлъ, и шѣмъ привлекалъ на себя ненависть отъ большаго числа моихъ согражданъ. —

Безъ сомнѣнїя имѣлъ ты шакъ же шпунн, картины, персидскїе ковры, злашыя сосуды, прекрасныхъ невольницъ, плясальщицъ, паншомимовъ.

„Такъ; я все сіе имѣлъ; и клянуся Юпитеромъ, имѣлъ я лучшее предъ всѣми Ашнскими жишелями.

Сожалѣю.

„Мнѣ кажется, что не о чѣмъ болѣе сожалѣшь, какъ шолько о шомъ, что я уже онаго не имѣю.

И о томъ и о другомъ. — Но какимъ несчастіемъ ты сего лишился?

„Я тебѣ, *Діогенъ*, всю испинну опкрою. „Теперь только по одно утѣшеніе мнѣ „оспалось, что я пользовался моимъ имѣ- „ніемъ — Я никакого несчастія не имѣлъ — „Великолѣпіе, праздноствва, пиры, прелеспи- „ницы, честь преимущественновать предъ „прочими, все имѣніе мое изпребили. Десять „блаженныхъ лѣтъ — Какъ могу безъ опчая- „нія о томъ помыслишь, что я теперь! — „десять блаженныхъ лѣтъ препроводилъ я „непрерывно съ *Комусомъ*, *Вақхомъ*, *Купидо- „номъ*, съ приятною *Венерою* и со всѣми Бо- „гами радости.

И сіи Боги веселія помогли тебѣ, въ десяти лѣтъ восемь сошь палантиновъ, свое драгоцѣннѣйшее время, а можешь быть и лучшую часть своего здравія погубишь?

„Если бы еще столько же денегъ было, „я нашелъ бы способъ съ ними, промѣняшь „ихъ на радости и утѣхи. Признаюсь, я „былъ безразсуденъ; о будущемъ я не по- „мышлялъ.

А нынѣ, когда принужденъ о будущемъ помышляти, скажи, что ты думаешь?

„Ни чего, *Діогенъ*! я не знаю, какъ себѣ „помочь.

Ты, я думаю, издержавъ такое множе- ство денегъ, своими пиршестввами и уго- щеніями приобрѣлъ друзей?

„Друзей! пропасть — Но какъ скоро
 „я спалъ не въ соспоянїи, угощашъ ихъ
 „и давашъ пиры, по нѣкто меня и не
 „зналъ болѣе.

Ты о семъ бы, учася въ академіи, или,
 вишь ты до ученыхъ обществъ былъ не
 охотникъ; по крайней мѣрѣ опъ многихъ,
 прежде счастливыми бывшихъ, которые у
 тебя бѣседовали, познашь могъ, не допуская
 до опыта — ибо всѣ они, подобно тебѣ,
 удовлетвореніемъ неизчепному множеству
 мѣчпательныхъ нуждъ, на конецъ низвергли-
 ся въ истинныя необходимыя нужды. Но я
 пѣ укоризны, кои ты чаятельно самъ себѣ
 дѣлаешь, не хочу умножать моими упрека-
 нїями. Теперь о томъ дѣло предлѣжишь, что
 намъ дѣлать? Ты бы доволенъ былъ, если
 бы нѣкое благошворящее божество возвра-
 щило тебѣ паки побою утраченное имѣніе?

„Какой вопросъ! — къ несчастію, не знаю
 „я такого щедраго существа, —

Ты заблуждаешься, *Вакхидъ!* трудолюбіе
 есть сей вспомоществующій Богъ; работа и
 умеренность суть неизсякаемыя изсточни-
 ки злаща, изъ коихъ наибѣднѣйшій сынъ
 земли возможешь черпать, сколько хочешь.
 Умеренность же не болѣе пребуешь, какъ
 сколько велишь нужда; а сіе можно при-
 обрѣсть работою.

„Но я не въ силахъ трудиться, любез-
 „ный *Діогенъ!* хотябъ и хотѣлъ, но не могу;

„всякимъ работамъ должно учиться, а я
„ничему не учился.

Я согласенъ съ побою, что ты ника-
кого искусства не разумѣешь, которое тебя
кормить бы могло; но ты имѣешь разумъ;
ты можешь говорить. — Посвящи себя Ре-
спубликѣ; и ищи приобрѣсти себѣ довѣрен-
ность *Аѳинянъ*. —

„Ты ругаешься горестью моею, *Діо-*
„*генъ!* — Какъ могу я *Аѳинянъ* увѣришь,
„ихъ безопасность, благоденствіе и обще-
„народные доходы вручишь такому чело-
„вѣку, который собственнаго имѣнія сохра-
„нишь не умѣлъ? —

Правда; это трудно. —

„Къ чему же должно разумѣть мно-
„жество дѣлъ, о коихъ я нимало не ра-
„чилъ, дабы полезнымъ для государства
„человѣкомъ быти.

Въ своемъ состояніи по крайней мѣрѣ,
безъ имѣнія, конечно нѣтъ иного способа
до чего достигнуть, какъ только своими
достоинствами — Но мы оставимъ сіе. Ко-
нечно не велико достоинство, когда чело-
вѣкъ во все время своей жизни повиновался
своимъ спрашьямъ, и угождалъ своимъ же-
ланіямъ. — Но ты можешь вступишь въ
военную службу!

„Рядовымъ воиномъ? Лучше хочу я
„наняться въ гребцы, нежели бышь Офице-
„ромъ! — къ сему потребны деньги, или
„покровительство, или достоинство. —

Признаюсь,

Признаюсь, что я никакого предложенія болѣе не могу сдѣлать.

„Научи меня только, какимъ образомъ въ моихъ несчастныхъ обстоятельствахъ могу я быть сколько же счастливымъ, каковымъ ты мнѣ быть кажешься?“

Я въ самомъ дѣлѣ счастливъ, *Вакхидъ*; и позволь себѣ сказать, что ты крайнѣ заблуждаешься, если думаешь, что я въ нужныхъ обстоятельствахъ. Тебя въ томъ видѣ обманываютъ. Я богатъ — и гораздо богаче Персидскаго Царя: ибо мнѣ надобное нахожу всюду, и ни въ чемъ недостатку не примѣчаю. Я не могу себѣ вообразить, какъ при неизсчислимомъ множествѣ необходимостей, можно быть счастливу. Воздержаніе и довольствіе малымъ содержишь меня въ сей силѣ и здравіи, въ которыхъ ты меня видѣши. Часто изъ жалости, или чтобъ сдѣлать движеніе, вырываю я изъ рукъ невольника его жернова и мѣлю за него. —

„Чудный человекъ! —“

Ты не повѣришь, *Вакхидъ*, сколь великая состоишь въ томъ важность, чтобъ орудіе, на комъ наша душа играетъ должна, было согласно настроено. *Здравъ тѣломъ, здравъ духомъ, здравъ головою*; исключая нѣкоторыхъ дурачества, отъ которыхъ я однакожъ не меньше благополученъ — свободенъ отъ повѣленій глупыхъ, безъ попеченій, безъ страстей, безъ тягостныхъ обязательствъ, безъ зависимости, не должно ли

мнѣ быть благополучнымъ? Не вся ли природа моя, по елику я ею пользуюсь? Какой источникъ наслажденія открылъ мнѣ въ единомъ шокмо *симпатическомъ* чувствованіи! — Я не думаю, чшобъ тебѣ сей источникъ былъ извѣстенъ — а ко всему шому имѣю я еще друга.

„Однако ты все таки пипаешься бо-
бами и кореньями, носишь полсное сукно,
и живешь, какъ сказывающъ, въ бочкѣ. —

Не все ли равно, чѣмъ ни уполишь голодъ, лишь толькобъ пища согласовалась съ натурою, и слѣдовательно не была бы вредна здравію? Твое персидское писанное платье лучше ли защищаетъ тебя отъ дурной погоды, какъ мое полсное сукно меня? Сладкія яства и великолѣпное одѣяніе, могутъ ли произвешти истинныхъ патриотовъ, вѣрныхъ и честныхъ согражданъ, чистосердечныхъ друзей, премудрыхъ мужей и шому подобныхъ? — Если ты хочешь мнѣ собесѣдовать, то будемъ жить въ моемъ лѣпномъ домѣ; онъ не далеко отсюда на берегу моря, и имѣетъ видъ наипрѣкраснѣйшій: — ибо для насъ обѣихъ бочка моя песновата. Правда, и помянутый домъ мой ничто иное, какъ пещера, самую природою изрытая; но я шамъ имѣю всѣ возможные удобства, сухія древесныя листья для ложа и широкой гладкой камень вмѣсто спала.

„Я приемлю предложеніе сіе, въ на-
 „деждѣ, что ты довольно великодушенъ
 „будеши, и не опречешися несчастному
 „открыши тайны, которое ты имѣеши,
 „дабы всегда о себѣ думать, что ты бо-
 „гатъ и счастливъ.

Я не могъ воздержаться отъ смѣха. Не
 думаешь ли ты, *Вахидъ*, будто я ношу съ
 собою амулеты или магическіе характеры,
 которые тебѣ сію силу дасть могутъ? Безъ
 лѣсти, *Вахидъ*, тебѣ скажу, тайны мое
 есть самая простая вещь; однако оно не
 такъ легко другому сообщить можно. Мо-
 имъ правиламъ удобно научиться; но чув-
 ствованія оныхъ истинны, такъ какъ я по
 чувствую, и бытъ оными споль счастливъ-
 вымъ, какъ я, должно отъ самой напуры
 получить къ сему нѣкоторое основаніе —
 котораго можетъ бытъ ты не имѣеши —
 Однакожъ мы не смотря на то, учинимъ не-
 большой опытъ! — понравится тебѣ;
 такъ изрядно! — а если не понравится, то
 можетъ бытъ изъ сего случая окажется ка-
 койнибудь другой способъ.

Ф Е В Р А Л ь

дни	числа	переменны Луны	А С П Е К Т ы
4	1		
♀	2		☐ ♄ ♀.
♄	3		
☉	4		♃ ☽ ♂.
☾	5		
♂	6		♃ ☽ ♄. Петербур.
♀	7		♃ 4 ♀. ♂ ☽ ♄. 5. ч. 1 ¹ ппн. Бер. ☉ вв ♄ 1. ч. 40 ¹ . 32 ¹¹ . ппд.
4	8	☽. 1. ч. 46 ¹ . ппд.	
♀	9		
♄	10		
☉	11		
☾	12		
♂	13		
♀	14		♃ ☽ ♀. 2. ч. 44 ¹ ппн. ♂ ☽ 4.
4	15		♃ ☽ ♀. 6. ч. 27 ¹ ппд.
♀	16	☉ 7. ч. 0 ¹ . ппн.	

ДНИ	числа	переменны Луны	А С П Е К Т Ы
†	17		♂ ☽ ♂. Петербур.
☉	18		♂ ☽ ♂. о. ч. 54 ¹ . ппн.
☾	19		
♂	20		☐ ☉ †. ♀ ☽ †.
♀	21	☽. 6. ч. ппд. Берлин.	
♃	22		
♀	23	☽. 2. ч. 6 ¹ . ппн. Ло. Па. Пе.	
†	24		
☉	25		
☾	26		
♂	27		♂ ☽ ♃. 4. ч. 40 ¹ . ппд. Париж.
♀	28	☽ 4. ч. ппн. Берлин.	♂ ☽ ♃. Берлин. ♀ ☽ ♀.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Дабы чипапелямъ нашимъ преподашь хопя малбйшее насшавленіе во упопрebleннїи изданныхъ нами метеорологическихъ наблюденїй; при семъ сообщаемъ имъ слѣдующее примѣчаніе.

Не давно въ здѣшнихъ Санкшпепербургскихъ вѣдомоспяхъ спояло о жестпокой бурѣ, возпслѣдовавшей 21 числа Сенпября прошлаго года въ Сибири.

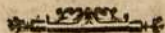
20 Сенпября помянушаго года произошла перемѣна новаго мѣсяца въ змеиногорскѣ, по аспрономическому изчисленію въ 8. ча. 23'. 20". по полудни.

Въ потѣ день было шамъ $\odot \text{ } \ddagger \text{ } \text{♀}$. въ 11. ча. 27'. 20". по полуднижѣ.

Солнце вспуило 11 числа въ знакѣ ♋ въ 11. ча. 21'. 20". по полудни.

Какѣ сїи при аспекта должны были явишь свое дѣйспвіе вмѣспѣ по полудни; по согласно правилу о перемѣнѣ мѣсяца отъ 6 часовъ вечера до 12 часа ночи, и свойспву аспекта ♀ съ ♄ , опредѣленнаго въ таблицѣ о мѣннїи древнихъ въ разсужденїи силы планетѣ, и надлежало необходимо бышь упомянушымъ слѣдспвіямъ.

При

При семъ также просимъ, исправить
слѣдующія въ печати учиненныя ошибки,
а именно:

спран:	спр:	напечатано	читай
350	19	воздухъ въ баро- меръ впушенъ будетъ.	вольной воздухъ въ од- номъ сосудѣ вхваченъ будетъ.
—	21	поднимешя,	высоко стоишь,
368	10	9 Марта въ 9 часу	въ 8 часу.
—	10	въ 9 ^o часу	въ 9 часовъ
—	12	въ 6 ^o часу	въ 6 часовъ
369	1	въ 7 ^o часу	въ 7 часовъ
—	4	въ 0 ^o часу	въ 0 часъ
—	32	во всю	въ той недѣлѣ или во оной недѣлѣ
370	3	во всю	въ той недѣлѣ
	7	0 ^o	0 часъ
380		♂ ☾ 2. 1 ^o ч. ☉ ☿ 1 ^o ч.	♂ ☾ 2. 10 ч. ☉ ☿ 10 ч.

) o (

УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

ЧАСТЬ II.

мѣсяцъ Февраль.

печашано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
пупнаго Шляхешнаго Кадепскаго Кор-
пуса,

1778 года.

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

І.

ПЕРВЫЙ АЛЪКВИАДЪ

или

о человеческой природѣ.

СОКРАТЪ и АЛЪКВИАДЪ.

Сократъ. Сынъ Клинеевъ! безъ сомнѣнія удивляешься ты, что я бывъ первый, который любилъ тебя началъ, остаюсь въ томъ же разположеніи и послѣднимъ; что ты опъ всѣхъ моихъ совѣснниковъ оставленъ; а я пребываю тебѣ вѣрнымъ; и что вмѣсто того, что они безпокоили тебя непрестанно своими ласками и привязанностію, я напропавъ того проводилъ только лѣтъ, не говоря съ тобой даже ни одного слова. Не думай, что бы опъ сего удерживаемъ я былъ какими либо свойственными человеку обстоятельствомъ; нѣтъ: причиною тому нѣкое Божество; и о семъ извѣснюсь съ тобою вскорѣ. Теперь неудерживаемъ отъ того болѣе управляющимъ мною Богомъ, и пользуясь даннымъ

Часть II.

Ж

опъ

опѣ него мнѣ позволеніемъ, хочу съ тобою говорить; и надѣюсь, что мое съ тобою обхожденіе уже не будетъ ему прошивно. Съ радостію взиралъ я, коимъ образомъ поступалъ ты съ моими соемѣстниками. Между поликимъ множествомъ гордыхъ и надменныхъ людей, тебя окружавшихъ, не было еще ни одного, котораго бы ты не отвратилъ съ тѣмъ презрѣніемъ; и я скажу тебѣ причину, побуждающую тебя, пренебрегать ими. Ты думаешь, что ни въ комъ не имѣешь нужды; споль по щедро, мнишь ты, природа наградила тебя душевными и тѣлесными благами. Во первыхъ ты считаешь себя прекраснѣйшимъ и спройнѣйшимъ изъ всѣхъ человекѣвъ; а что ты въ семъ случаѣ не обманываешься, что надѣжишь только тебя увидѣть. Во вторыхъ знаешь, что ты знашнаго рода: (а) ибо производишь изъ именинѣйшаго во *Афинахъ* Дома, котораго изъ всѣхъ греческихъ градовъ почитаются превозходнѣйшимъ. Со стороны своего родителя, имѣешь ты множество родственниковъ и друзей весьма сильныхъ, кои не преминутъ помогать тебѣ во всякихъ случаяхъ; споль же много и поликожъ сильныхъ находишь ты ихъ и со стороны родительницы твоей. А всего болѣе, думаешь ты,

(а) Со стороны отца своего *Клигя* производилъ онъ опѣ *Епразацеса*, сына *Аякса*, а со стороны матери *Динамахи*, былъ онъ *Алкменидець*, и производилъ опѣ *Мегахлеса*.

ты, умножаетъ твою знаменитость то, что родитель твой вручилъ тебя въ опеку *Периклу*, коего именипосль и сила споль велики, что онъ дблаетъ все по своему желанію, не только въ семъ градѣ, но во всей Греціи, и у сильнѣйшихъ варварскихъ народахъ. Я могъ бы еще сказать и о твоихъ богатствахъ, ежелибъ не вѣдалъ, что ты всего менѣе ими щеславишься (а). Всѣ сіи опмѣнныя преимущества вдохнули въ тебя поликую гордость, что ты презиралъ всѣхъ любовниковъ, яко людей въ разсужденіи тебя низкихъ и недостойныхъ тебя любви. И теперь видѣшь ты себя отъ нихъ совсѣмъ оставленна. Вотъ причины, кои побуждаютъ меня думать, что ты не можешь довольно надивиться, для чего я пребываю пвердъ въ первой моей спраспи, и стараешься узнать, на чѣмъ основывается моя надежда, и для чего не престаю слѣдовать за тобою, когда всѣ мои совмѣстники отъ тебя удалились.

Алкиадъ. Ты не знаешь, *Сократъ*, что ты предускорилъ меня токмо нѣсколькими минушами; я самъ намѣрялся тебя спро-

Ж 2

силь

(а) Первѣйшія въ *Алкиадѣ* спраспи были, немѣренное тщеславіе, побуждавшее его достигати всего гордостию, и любочестіе, неимѣвшее предбловъ, такъ что онъ ни начальника ни равнаго себѣ не могъ перпѣти; и для того то *Архестратъ* говаривалъ, что Греція не можетъ вмѣстити въ себѣ двухъ *Алкиадовъ*. Плутархъ.

сипшь о причинѣ шоль поспоянной пвоей
ко мнѣ привязанности. Скажижѣ мнѣ ,
чего ты надѣешься , безпокая меня такимъ
образомъ , что щисся быши всюду , гдѣ я
шокмо бываю ? Я не могу довольно надѣ-
висья швоему поступку : и шакѣ обѣявивѣ
мнѣ единожды на всегда свое желаніе , сдѣ-
лаешѣ мнѣ особливое удовольствіе.

Сок. То ешь , что желая узнать мои
мысли , будешѣ охотно меня слушашѣ ? И
шакѣ я буду сѣ шобою говорись , какѣ сѣ
человѣкомъ , имѣющимъ перпѣніе внимашѣ
словамъ моимъ , и копорый не будешѣ ста-
рашѣя опѣ меня убѣгаши.

Алк. Я гоповѣ шебя слушашѣ.

Сок. Помысли хорошенько , кѣ чему ты
себя обязуешѣ , дабы не скучашѣ , ежели я
буду имѣшь шолико же штруда окончашѣ
разговорѣ мой , колико шеперь его имѣю на-
чашѣ оный.

Алк. Говори , *Сократѣ* , я буду слушашѣ ,
сколь долго шевѣ угодно.

Сок. И шакѣ надлѣжитѣ шевѣ повино-
вашѣя : и хошя весьма шрудно , говорись
сѣ такимъ человѣкомъ , копорого любимъ ,
не бывѣ опѣ него любиму ; однакожѣ должно
имѣшь смѣлосшь , опкрышь шевѣ мои мы-
сли. Слушай , *Алкивїадѣ* ! ежелибѣ я шебя
видѣлѣ довольна своимъ соспоянїемъ , не
имѣя инаго чесполюбїя , и намѣряющагося
жись еѣ роскоши и сласполюбїи , какѣ ты
жилѣ до сего времени ; шо уже давнѣобѣ
оспавилѣ

оставилъ спросъ мою, по крайней мѣрѣ я такъ себя ласкаю. Но теперь хочу тебѣ открытъ собственныя свои мысли, кои отъ прежнихъ совѣмъ отличны; и изъ того увидѣвъ ты, что слѣдуя безпреспанно за побою, спарался я тебя вызнать. Мнѣ кажется, что если въ сію минуту спросилъ бы тебя какій Богъ: *Алкиаидъ!* чего ты лучше желаешь, умереть ли сей часъ, или довольствуясь наспоющими своими преимуществами, показаться, чтобъ впредь не искалъ прибрѣшенія еще большихъ? Мнѣ кажется, говорю я, что бы ты пожелалъ лучше умереть; а льстящая тебѣ и заставляющая любить жизнь надежда своя есть конечно слѣдующая: ты увѣренъ, что скоро начнешь рѣчь свою къ *Аѳинянамъ*, [сіежъ конечно послѣдуешь весьма скоро;] по дашь имъ чувствоватъ, что ты гораздо достойнѣе *Перикла* и почтеннѣе всѣхъ величайшихъ гражданъ нашихъ; что ты отъ часъ будешь властелиномъ града; и что власъ твоя разпространится по всей Греціи и надъ всѣми во странѣ нашей обитающими варварскими народами. Ежелибъ сей Богъ сказалъ тебѣ еще: *Алкиаидъ!* ты будешь Царемъ вся Европы, но не можешь владѣть Ассійскими Облациями; я думаю, ты не согласишься бы жить для поль малой Имперіи, но возжелалъ бы славою имени своего наполни всю вселенную. Ты почишаешь токмо *Кира* и *Ксеркса*, и упоивъ ихъ славою всѣ свои

мысли, шщисея имѣ подражаши. Вотѣ твои намѣренія: и я прямо, а не догадкою, ихѣ знаю. . . . Ты чувствуешь, что я говорю истинну; и для того можетѣ быть меня спросишь: *Сократѣ!* какое отношеніе имѣетѣ сіе предисловіе къ тому, что ты хотѣлъ мнѣ объяснить, то есть, какія причины твоей ко мнѣ привязанности? Сынѣ *Клинеевѣ!* я тебя удовольствую. Всѣ твои обширныя намѣренія, коими ты занимаешься, не могутѣ ни когда быть произведены въ дѣйство, если я не подамѣ тебѣ вспомошествованія; поликую то власть имѣю я не только надѣ дѣлами твоими, но и надѣ тобою самимѣ. И сіе то безѣ сомнѣнія было причиною, что управляющій мною Богѣ возбранялъ мнѣ говорить съ тобою, и я ожидалъ всегда его на то позволенія. Теперь же, видя тебя въ несомнѣнной надеждѣ, что какѣ скоро покажешь твоимѣ согражданамѣ, коликихѣ чести ты достоинѣ, они въ томѣ же часѣ учинятѣ тебя властителимѣ своего жребія; равнобрно и я надѣюсь, что ты сдѣлаешь меня властелиномѣ твоихѣ поступокѣ, какѣ скоро докажу, что я всѣхѣ достоинѣ, имѣть честь сію, и что у тебя нѣтъ ни опекуна, ни сродника, ни брата, который бы въ соспоянїи былѣ, доставишь тебѣ желаемое тобою могущество; но я одинѣ съ помощію Бога въ силахѣ сіе учиниши. Во время твоея младости, и когда не имѣлъ ты еще шоль сильнаго честолюбія, не позволялъ мнѣ

мнѣ оный Богъ говоришь съ побою, дабы не пропали вшунѣ слова мои; а сего дня получилъ я сѣ дозволеніе; да и въ самомѣ дѣлѣ нахожу тебя довольно разположенна, меня слушать.

Алк. Признаюсь тебѣ, *Сократъ*, я всегда почишалъ тебя спраннымъ человекѣмъ, и въ то еще время, когда ты молчалъ; а теперь начавъ со мною говоришь, кажешься ты мнѣ еще спранныѣе. Пускай узналъ ты совершенно мои мысли, и сказавъ тебѣ пропивное, конечно не возмогу тебя увѣришь: но скажи мнѣ, чѣмъ ты докажешь, что я съ твоею помощію всѣ мои обширныя предпріятія произведу въ дѣйство, и что безъ тебя не могу ни чего сдѣлать?

Сок. Не спрашиваешь ли ты меня, въ соспоянїи ли я говоришь длинную рѣчь, каковыя приобыкѣ ты слымашь? Ты знаешь, что это пропивно обыкновенію моему. Еслижъ хочешь имѣть хопя малое терпѣніе, то я берусь тебѣ доказать, что сказанное мною есть самая истинна.

Алк. Изрядно, я соглашаюсь тебя слушать, но съ тѣмъ, чтобъ ты говорилъ не очень мудрено.

Сок. Развѣ отвѣчать на нѣкопорыя вопросы весьма шрудно?

Алк. Конечно не шрудно, ежели только отвѣчать.

Сок. Отвѣчай же мнѣ.

Алк. Очень хорошо ; я готовъ отвѣтствовать на твои вопросы.

Сок. Во первыхъ не положимъ ли, что ты имѣешь оныя великія намбренія, которыя тебѣ приписываю ?

Алк. Согласенъ ; по крайней мѣрѣ буду я имѣть удовольствіе, слушаешь твои разговоры.

Сок. Я думаю , что не обманываюсь , когда мысляю, что ты приготавливаешься, въ скоромъ времени итти въ собраніе *Афинянъ*, для сообщенія имъ твоихъ знаній. Ежелибъ въ сію минуту вспрѣтись я съ тобою, спросилъ: *Алкивѣадъ* ! въ какихъ дѣлахъ хочешь ты подавать твои совѣты *Афинянамъ* ? не въ такихъ ли, кои тебѣ лучше ихъ извѣстны ? то чтобъ отвѣчалъ ты мнѣ тогда ?

Алк. Я бы отвѣчалъ: безъ сомнѣнія въ такихъ, о которыхъ большее имѣю свѣденіе, нежели они.

Сок. Ибо ты не можешь иначе совѣтовать , какъ только въ дѣлахъ тебѣ прямо извѣстныхъ.

Алк. Да можно ли совѣтовать въ томъ, чѣго не знаешь ?

Сок. А не правдали , что ты знаешь только то , чѣму научился отъ другихъ , или что изыскалъ самъ собою ?

Алк. Чтожъ можно знать другимъ какимъ образомъ ?

Сок. Но возможноли, чтобъ ты чѣмунибудь отъ другихъ научился, или самъ бы

бы что открылъ, когда ты не хочешь ни учиться, ни искать?

Алк. Конечно невозможно.

Сок. Спиралсялижь ты когда учишься или искать того, что ты уже точно знаешь думаешь?

Алк. Конечно никогда.

Сок. Но было ли такое время, в которое ты думал, что ты не знаешь того, что теперь знаешь?

Алк. Без всякаго сомнѣнiя.

Сок. Кажется навѣрное я знаю, чему ты учился. И такъ ежели что изъ того позабуду, то пожалуй мнѣ скажи. Мнѣ помнится, ты учился читать и писать, играешь на лирѣ, и борешься; ибо играешь на флейтѣ почишалъ ты за презрительное упражненiе. Вотъ все, что ты знаешь; развѣ еще чему другому учился отъ меня скрытно, хотя я и не думаю, чтобъ ты когда днемъ или ночью выходилъ изъ своего дома, что бы я сего не зналъ, и не былъ свидѣтелемъ всѣхъ твоихъ поступковъ (а).

Алк. Правда, я ни чему болѣе сего не учился.

Ж 5

Сок.

(а) *Алкипадъ* днемъ и ночью окружаемъ былъ людьми испорченными, которые искушаютъ его спарались. Единый *Сократъ*, подобно ошцу, не выпускалъ его изъ виду, дабы предохранить отъ всѣхъ опасностей, зная, что только онъ одинъ былъ въ состоянiи, оказавъ ему сію услугу.

Сок. И такъ развѣ совѣщѣ твоей будешь подавать *Лэиньямъ* въ то время, когда они спанутъ разсуждать, какимъ образомъ писать должно?

Алк. Нѣтъ.

Сок. Такъ въ то время, когда разсуждаемо будешь о различныхъ мусикійскихъ согласіяхъ?

Алк. Прекрасныя разсужденія!

Сок. Но *Лэиньяне* споль же мало собираются на совѣщанія и о разныхъ въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ оборопахъ.

Алк. Конечно.

Сок. Когдажъ, и въ чѣмъ будешь ты подавать имъ твои совѣщанія? Въ томъ ли, какимъ образомъ строить домъ? но въ семъ случаѣ, послѣдней каменщикъ подаситъ имъ лучшей совѣщаніе, нежели ты.

Алк. Это правда.

Сок. Еще менѣе о предсказаніи; каждый предсказатель знаетъ о томъ гораздо болѣе себя; великъ ли онъ или малъ, прекрасенъ или дуренъ, высокой или низкой породы. . . .

Алк. Да что въ этомъ нужды?

Сок. А еще менѣе нужды въ его богатствѣ или бѣдности, ибо добрый совѣщаніе происходитъ отъ знаній, а не отъ богатства.

Алк. Безъ всякаго прекословія.

Сок. Ежели *Лэиньяне* разсуждаютъ будешь о средствахъ для сохраненія или для
возвраща-

возвращенія здравія, то не постарайся ли они совѣповатьъ лучше со врачемъ, не уважая прочихъ?

Алк. Конечно такъ.

Сок. Такъ когдажъ будешъ ты имѣть случай, подавайъ свои имѣ совѣпы?

Алк. Въ то время, когда спанушъ они разсуждашъ о дѣлахъ своихъ.

Сок. Какъ! въ то время, когда разсуждашъ будущъ о спроеніи караблей, и какого рода суда строишъ имѣ должно?

Алк. Нѣшъ, не объ эпомъ.

Сок. Не учась спроенію корабельному, конечно о томъ и говоришъ не спанещъ; не такъ ли?

Алк. Точно такъ.

Сок. О какихъ же дѣлахъ разсуждашъ имѣ должно, чѣобъ и ты говоришъ могъ?

Алк. О мирѣ, о войнѣ, или о другихъ дѣлахъ, касающихся да правленія.

Сок. То ешь, они совѣповатьъ будущъ, съ какими народами производитъ войну или миръ, и когда и какимъ образомъ имѣ ихъ должно?

Алк. Такъ дѣйствительнo.

Сок. Должно заключашъ миръ или вести войну съ народами, съ копорыми полезнѣ воевать или бышъ въ мирѣ; когда то или другое полезнѣ, и чѣобъ при томъ оно происходило наилучшимъ образомъ, и сохранялось бы споль долго, пока того пошребуетъ польза.

Алк.

Алк. Весьма справедливо.

Сок. Ежелибѣ *Аѳиняне* разсуждали, съ какими борцами должно бороться, съ копорыми изѣ нихѣ имѣшь схвашку, не допрогиваясь до тѣла (а); когда и какимъ образомъ, упопреляяшь сѣи разныя тѣлодвиженія, по можешѣ ли ты подашь имѣ о семъ лучшіе совѣты, нежели учитель тѣлесныхъ экзерцицій?

Алк. Безѣ сомнѣнія учитель подаситѣ лучшіе совѣты, нежели я.

Сок. Можешѣ ли ты мнѣ сказашь, что сей учитель преимущественно наблюдашь будешѣ, предлагая, когда и съ кѣмъ упопреляяшь помянутыя тѣлодвиженія? Не будешѣ ли онѣ смопрѣшь единствененно на то, что изѣ того лучшее?

Алк. Безѣ всякаго сомнѣнія.

Сок. И такъ онѣ велиитѣ упопреляяшь оныя, сколь долго оныя будишь *всего лучше*, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ онѣ будишь *всего лучше*?

Алк. Конечно.

Сок. Тотѣ, кто поетѣ, долженѣ иногда голосѣ свой сопровождашь играніемъ на лирѣ, иногда же плясашъ, играя и пѣвъ; а при томѣ должно ему спарашъся явитишь оное, какъ лучше.

Алк.

(а) О семъ то родѣ борьбы упоминаетѣ *Гиллократѣ* въ XI. книгѣ. о діетѣ, глава 11. бороться руками не касаясь до тѣла, дѣлаетѣ сухощашимъ, и мясо поднимаетѣ къ перху.

Алк. Совершенно такъ.

Сок. Когдажъ въ пѣннѣи и въ играни, равно и въ борьбѣ, естъ *лучшее*, то какъ назовешъ ты сѣ *лучшее*? ибо въ борьбѣ называю оное *превосходно гимнастически*.

Алк. Я тебя не понимаю.

Сок. Внимай словамъ моимъ. Я бы отвѣщивовалъ, что сѣ *лучшее* естъ то, что всегда бываетъ лучше всего, совершеннѣе всего: а пребывающее всегда совершеннѣйшимъ, не естъ ли самое превосходное по правиламъ того самаго искусства?

Алк. истинная правда.

Сок. А искусство борьбы не естъ ли гимнастика?

Алк. Да.

Сок. И такъ я сказалъ, что *лучшее* во искусствѣ борьбы, естъ называемое *превосходно гимнастически*.

Алк. Ты ужъ это сказалъ.

Сок. А такъ ли это?

Алк. Конечно такъ.

Сок. Очень изрядно. Теперь изволь же ты мнѣ отвѣщивовашъ. Какъ называешъ ты искусство, научающее насъ пѣшь, играть на лирѣ, и хорошо плясашъ? . . . Уже ли не можешъ ты мнѣ сего сказашъ?

Алк. Признаюсь *Сократъ*, я не знаю.

Сок. Испытай, я пославлю тебя на путь. Какъ называешъ ты Богинь, предсѣдящихъ сему искусству?

Алк. Ты хочешъ говоришь о Музахъ?

Сок.

Сок. Безъ сомнѣнія. Подумай же, какое наименованіе получило сіе искусство отъ Музъ?

Алк. А! ты конечно говоришь о Музыкѣ?

Сок. Точно такъ; и какъ я тебѣ уже сказалъ, что учиненное по правиламъ борьбы или *Гимнастики* называется *гимнастическимъ*; то теперь скажи мнѣ, какъ назовешь ты учиненное по правиламъ сего другаго искусства?

Алк. Я назову *музыкально*, и скажу, что оно учинено *музикійски*.

Сок. Очень хорошо. Но что назовешь ты *лучшимъ* во искусствѣ вести войну и заключаешь миръ? *лучшимъ* въ Гимнастикѣ называлъ ты то, что *превозходно гимнастически*, а въ Музыкѣ, что *превозходно музыкально*; равнымъ образомъ постарайся наименовать мнѣ, что здѣсь есть *лучшее*.

Алк. Я не могу тебѣ сего сказать.

Сок. Но ежелибъ кто слыша тебя разсуждающа о пицѣ, и подающа совѣты, что то то лучше того, что оно употреблать должно въ такое то время, и въ такомъ то количествѣ; и ежелибъ онъ спросилъ тебя: *Алкиада*, что ты называешь *лучшимъ*? Не стыднолибъ тебѣ было, еслибъ ты не могъ ему отвѣчать, что *лучшее* есть то, что здоровѣе? хотя врачеваніе не швое есть дѣло. Но не стыдноли еще сего, когда ты не умѣешь отвѣчать

часть о дѣлахъ, копорыя до тебя касающимися почитаешь, и о коихъ ты берешься подавать совѣты? Не причиняешь ли тебѣ сѣе безчестія?

Алк. Признаюсь; ты говоришь правду.

Сок. И такъ употреби свои силы, и постарайся сказать, что есть предметомъ сего *лучшаго*, копорого ищемъ во искусствѣ вести войну или заключать миръ, съ тѣми, съ коими должно намъ быть въ войнѣ или въ мирѣ?

Алк. Сколько я ни буду стараться; однакожъ сего тебѣ сказать не буду въ силахъ.

Сок. Какъ? ты не знаешь, что ведя войну, жалуемся на какой либо поступокъ побудившихъ насъ принимать оружiе? и неизвѣстно тебѣ наименованiе того, на что мы жалуемся?

Алк. Мы тогда говоримъ, что насъ обманули, обидѣли, или опияли имѣнiе наше.

Сок. Изрядно; когда съ нами сѣе случается. Теперь постарайся мнѣ объяснишь, коликими различными образы можешь сѣе послѣдовать?

Алк. Ты хочешь сказать, *Сократъ*, что оное справедливо или несправедливо происходитъ.

Сок. То самое.

Алк. А сѣе по самое и составляетъ уже величайшее различiе.

Сок.

Сок. По своимъ совѣтамъ, какимъ бы народамъ *Афиняне* должны объявить войну; имъ ли, которые послѣдуютъ справедливости, или имъ, кои оную нарушаютъ?

Алк. Чудный вопросъ, *Сократъ!* Хошябъ кому и вошло въ голову, что надобно воевать противу послѣдующихъ справедливости; однакожъ не дерзнулъ бы онъ въ сей мысли опкрыться.

Сок. Для того, что сіе не согласуется съ законами.

Алк. Безъ сомнѣнія: ибо таковой поступокъ не являетъ ни малѣйшаго правосудія, ни чести.

Сок. И такъ всѣ совѣты твои будутъ предметомъ имѣть правосудіе?

Алк. Необходимо должно.

Сок. Но сіе *лучшее*, о которомъ я тебя спрашивалъ въ разсужденіи войны или мира, дабы узнать, съ кѣмъ, когда и какимъ образомъ надѣжись имѣть войну или миръ (а), не всегда ли есть *самымъ справедливейшимъ*?

Алк. Я такъ думаю.

Сок. Но, дражайшій *Алкивѣадъ*, надѣжись бытъ одному изъ двухъ: или ты не видѣши своего незнанія, въ чемъ состоишь справедливости; или скрышно отъ меня ходилъ

(а) Не довольно знать то, что справедливо; надѣжись вѣдати, что всего справедливѣе; изысканіе сего требуетъ великаго труда, и посредственнымъ политикамъ безъизвѣстно. с. Г. Фепра.

ходилъ ты къ какому учителю, который научилъ тебя, различать справѣдливѣйшее отъ несправѣдливѣйшаго. Пожалуй скажи мнѣ, кто учитель сей. Познакомь меня съ нимъ хорошенько, и препоручи меня къ нему въ наученіе.

Алк. Ну, *Сократъ*; ты началъ опять обыкновенныя свои насмѣшки.

Сок. Нѣтъ; клянусь тебѣ Богомъ дружбою нашею управляющимъ, и котораго не хочу раздражить нимало, что я тебя прошу усердно; покажи мнѣ сего учителя, ежели ты его имѣешь.

Алк. А хопябъ я и не имѣлъ его; такъ не уже ли думаешь, что я не могъ иначе узнать, что справѣдливо и что несправѣдливо.

Сок. Конечно знаешь, ежели самъ нашелъ оное.

Алк. А не думаешь ли ты, что я не нашелъ?

Сок. Ежели того искалъ, то я увѣренъ, что нашелъ.

Алк. Развѣ ты думаешь, что я не искалъ?

Сок. Ты конечно искалъ, ежели когданибудь думалъ, что онаго не знаешь.

Алк. Уже ли ты себѣ воображаешь, что не было такого времени, въ которое я не зналъ онаго?

Сок. Ты лучше говоришь, нежели самъ думаешь. Но можешь ли ты мнѣ сказать

почно про то время, въ которое ты мнилъ не знашь, что справѣдливо и что несправѣдливо. Посмотримъ, не прошлаголь года спарался ты сыскашь оное, зная невѣденіе свое? или уже и тогда думалъ, что знаешь? Пожалуй скажи мнѣ испинну, дабы разговоръ нашъ не былъ напрасенъ.

Алк. Прошлаго года я уже думалъ знашь оное.

Сок. А года пому при, чепыре или пяшь, думалъ ли ты сіе знашь?

Алк. Также, какъ и шеперь.

Сок. Да вишь прежде сего времени ты былъ еще робенкомъ, не правда ли?

Алк. Самая правда.

Сок. Но я увѣренъ, что ты и во время робячеспва швоего, думалъ уже знашь оное.

Алк. Какимъ образомъ можешь ты бышь въ томъ увѣренъ?

Сок. Еще во время швоего робячеспва, когда ты былъ у учипелей въ другихъ мѣспахъ, и когда игралъ въ коспи или въ другую игру, видалъ я очень часпо, что ты безъ всякаго замѣшательспва рѣшилъ о справѣдливоспи или несправѣдливоспи, и швердымъ говорилъ голосомъ, кпо шебя изъ соповарищей швоихъ огорчалъ, что онъ злонравенъ, несправѣдливъ, и учинилъ шебѣ великую несправѣдливоспъ: не такъ ли?

Алк. Да чтожъ бы, по мнѣнью швоему, мнѣ

мнѣ дѣлать, когда чинили мнѣ несправѣдливоспъ?

Сок. Еслибѣ ты не вѣдалъ, что чинимое тебѣ было несправѣдливо, тогдабѣ тебѣ надобно было спросишься, какимъ образомъ поступишь въ такомъ случаѣ?

Алк. Но я совершенно зналъ, что мнѣ дѣлали несправѣдливоспъ.

Сок. И такъ ты видишь, что еще и въ робячествѣ своемъ, уже думалъ ты знать справѣдливое и несправѣдливое.

Алк. Я думалъ знать! да и въ самомъ дѣлѣ зналъ.

Сок. Въ котороежѣ время нашелъ ты сіе? конечно тогда, когда уже думалъ знать оное.

Алк. Никакъ нѣтъ.

Сок. Когда же ты думалъ не знать онаго? подумайка; вычисли хорошенько; я сомнѣваюсь, чтобѣ ты нашелъ сіе время.

Алк. По истиннѣ, *Сократъ*, я не могу тебѣ сказать точно.

Сок. И такъ ты не самъ нашелъ науку справѣдливаго и несправѣдливаго?

Алк. Кажется не самъ.

Сок. Но ты также сказалъ, что сему и ни у кого не учился. А когда ни самъ не нашелъ, ни позналъ отъ другихъ, то какимъ же образомъ приобрѣлъ ты сіе знаніе?

Алк. Я можетъ быть ошибся, и опечалъ тебѣ худо, когда сказалъ, что самъ нашелъ оное.

Сок. Но какимъ же образомъ научился ты сему?

Алк. Такъ, какъ и прочіе.

Сок. Вошъ оиашъ надобно возобновить разговоръ нашъ; пожалуй отвѣчай, отъ кого ты сему научился.

Алк. Отъ народа.

Сок. Ты представляешь мнѣ весьма дурнаго учителя.

Алк. Какъ! ужели народъ не въ состояніи сему учить?

Сок. Я даже думаю, что онъ не въ состояніи, научить тебя справедливо рассуждать о павлейной игрѣ, (а) хотя она и не столь важна и трудна, какъ познаніе правосудія; не такъ ли?

Алк. Это правда.

Сок. Но когда онъ не въ состояніи, научить тебя такимъ малоспамъ, или вещамъ ничего незначащимъ, то какъ же возможетъ онъ научить тебя дѣлу сколько важному?

Алк. Я согласенъ со мнѣніемъ твоимъ; однакожъ думаю, что народъ можеть научить важнѣйшему, нежели игра сія.

Сок. А чему же?

Алк.

(а) Игра сія не походила ни на шашишную, ни на шахматы, употребляемыя нами; но соспавляла игру болѣе философическую: ибо научала небеснымъ движеніямъ, бѣгу солнца и луны, зашмѣніямъ и проч. Платонъ, въ *Федръ* своемъ, говоритъ, что игра сія выдумана Египтянами.

Алк. На примѣрѣ, языку нашему : я не имѣлъ никогда учителя , но научился оному отъ народа ; и пакъ за сѣ обязанъ я народу , хотя и называешь ты его другимъ учителемъ.

Сок. Это совсѣмъ другое. Въ разсужденіи языка народъ можетъ почесаться весьма добрымъ учителемъ , и ты въ семъ случаѣ имѣешь право на него полагаться.

Алк. Для чего ?

Сок. Для того , что онъ все по имѣешь , что составляетъ лучшихъ учителей.

Алк. А что такое ?

Сок. Кто желаетъ чему нибудь учиться , тотъ въ сѣ долженъ знать оное совершенно ?

Алк. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Сок. Но знающіе что нибудь не должны ли быть между собою въ томъ согласны , и никогда объ ономъ не спорить ? ибо еслибъ они между собою спорили , то думаешь ли ты , что они по подлинно знаютъ , и въ состояніи научать тому другихъ ?

Алк. Я того никакъ не думаю.

Сок. Примѣнилъ ли ты , чтобъ народъ не соглашался въ означеніи словъ *камня* или *палки* ? Вопросы о семъ всякаго Грека ; они всѣ будучи отвѣчаютъ одно ; и кто попребуешь у нихъ *камня* или *палки* , то всѣ обращаясь къ одной и той же вещи ; равнобрно и о другомъ. И я думаю , что сѣ по и называешь ты знаніемъ языка. Всѣ

Греки между собою въ помѣ всегда согласны, и ни въ одномъ греческомъ городѣ не слышится такого, который бы усомнился въ означеніи или употребленіи какого слова, и гдѣбѣ называли камень *палкою*, а палку *камнемъ*. Слѣдственно народъ весьма способенъ учить насъ языку, и всего лучше учишься оному у народа. Но когдабѣ желали мы знать не то, что такое лошадь, а то, что хорошая лошадь; то могълибѣ сему научить насъ народъ?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сок. Ибо несогласіе ихъ въ помѣ между собою доказываетъ, что они сами сего не знаютъ; слѣдовательно и учить не могутъ. Равнымъ образомъ, ежелибѣ мы пожелали узнать не то, что человекъ, а что человекъ здоровой или больной; то въ такомъ случаѣ научилъ ли бы насъ сему народъ?

Алк. Еще менѣе.

Сок. И такъ видя его между собою по-лико несогласна, не заключилълибѣ ты, что онъ весьма дурной учитель?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сок. Но думаешь ли, что онъ въ разсужденіи *справѣдливаго* и *несправѣдливаго*, между собою и съ другими болѣе согласенъ?

Алк. По истиннѣ нѣтъ, *Сократъ*!

Сок. Напрощивъ того не думаешь ли, что въ семъ онъ еще всего менѣе самъ съ собою соглашается.

Алк.

Алк. Въ этомъ я очень увѣренъ.

Сок. Случилось ли тебѣ когда видѣшь или чипашь, что бы человекъ, желая утверждать нѣчто здоровымъ или вреднымъ, принимали оружіе, и единъ другаго убивали?

Алк. Какая глупость!

Сок. Но ежели ты не видалъ, то по крайнѣй мѣрѣ чипалъ, что сіе случалось, когда хотѣли утверждать, что нѣкопое дѣло справедливо или несправедливо: ибо безъ сомнѣній чипалъ ты *Одисса* и *Иліаду*.

Алк. Конечно.

Сок. На чемъ же основаны сіи поэмы? Не на несходствѣ ли мнѣній о справедливости и несправедливости? не сіе ли самое несогласіе причинило между Грековъ и Троянъ столько сраженій и кровопролитій? Не оно ли подвергло *Улисса* столько прудамъ и опасностямъ, и не оно ли погубило любовниковъ *Пенелопы*?

Алк. Ты говоришь истинну.

Сок. Не сіелижъ самое несогласіе, въ оную славную битву *Танагрскую*, погубило столько *Аѳинянъ*, *Лакедемонянъ* и *Вѳитцевъ*, а потомъ въ сраженіи при *Коронѣ*, гдѣ и родитель твой убитъ.

Алк. Кто можетъ сему противорѣчить!

Сок. И такъ можешь ли сказать, чтобъ народъ зналъ подлинно то, о чемъ съ столько зѣвствомъ спорить, что гошовъ

употребить самая бѣдственнѣйшія средства ?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сок. Но не сихъ ли по учителей ты предлагаешь, хотя въ тожъ самое время и признаешь невѣжество ихъ ?

Алк. Признаюсь.

Сок. Какое же въ томъ правдоподобіе, чѣмъ ты зналъ *справѣдливое* и *несправѣдливое*, въ чемъ ты споль нерѣшимъ и колеблющъ; и когда самъ признаешься, что ни у кого оному не учился, и самъ не открылъ ?

Алк. По своимъ рѣчамъ, нѣтъ нима-
лѣйшаго.

Сок. Какъ, по моимъ рѣчамъ, *Алкиада*! Ты говоришь очень *несправѣдливо*; скажи лучше, что по собственнымъ своимъ рѣчамъ.

Алк. Какъ; не ты развѣ говоришь, что я о *справѣдливости* и *несправѣдливости* ничего не знаю ?

Сок. Конечно не я.

Алк. Кто же ? не ужели я ?

Сок. Конечно ты самъ.

Алк. Какъ такъ ?

Сок. Послушай; ты и самъ будешь со мною согласенъ. Ежелибъ я у тебя спросилъ, которое число болѣе, одинъ или два; тыбъ конечно отвѣчалъ мнѣ, что два; ежелибъ я потомъ спросилъ, сколькимъ число сіе болѣе перваго? тыбъ сказалъ однимъ.

Алк.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сок. Такъ ктожь бы изъ насъ сказалъ, что два болѣе одного? не ужели я?

Алк. Конечно не ты, а я.

Сок. Ибо я тебя вопрошалъ, а ты мнѣ отвѣтствовалъ. Но не положижь самое и съ прежними вопросами?

Алк. Правда, поже.

Сок. Ежелибъ я тебя спросилъ, и въ какихъ буквѣхъ состоипъ имя *Сократа*, и ты бы ихъ всѣхъ наименовалъ мнѣ по порядку; то ктожь бы изъ насъ ихъ выговорилъ?

Алк. Конечно я.

Сок. Скажи мнѣ однимъ словомъ, ежели двое разговаривающъ одинъ другаго вопрошая, кто изъ нихъ утверждаетъ, вопрошающей, или отвѣтствующей?

Алк. Мнѣ кажется, отвѣтствующей.

Сок. Но не я ли былъ тебя вопрошающимъ?

Алк. Такъ.

Сок. А не ты ли былъ отвѣчающимъ?

Алк. Я.

Сок. Кто же изъ насъ утверждалъ сказанное, ты, или я?

Алк. Принужденъ признаюсь, что я.

Сок. Сказаножь, что прекрасный *Алкивіадъ*, сынъ *Клиніевъ*, не зная различія между справѣдливымъ и несправѣдливымъ, однакожь думая совершенно зная оное, намбрень предстать собранію *Афинянъ*, для

поданія имѣ совѣща въ дѣлахъ ему неизвѣстныхъ; не такъ ли?

Алк. Точно то.

Сок. И такъ, любезный *Алкивиадъ*, я могу приложись къ тебѣ изрѣченіе *Еврипида*: ты самъ это опредѣлилъ: ибо не я, а ты самъ сказалъ оное; а попому и напрасно на меня негодуешь.

Алк. Ты говоришь испинну.

Сок. Повѣрь мнѣ, *Алкивиадъ*, что учишь весьма безразсудно, ежели пожелаешь учишь *Аѳинянь* пому, чего самъ не знаешь, и никогда не спарался извѣдать.

Алк. Но, любезный *Сократъ*, я представляю себѣ, что *Аѳиняне* и всѣ прочіе Греки, весьма рѣдко въ собраніяхъ своихъ разсмапривающъ, что всего справѣдливѣе, и что всего несправѣдливѣе, ибо они увѣрены, что сіе само по себѣ уже очень ясно. И для того то не входя въ напрасныя о томъ разсужденія, приступаютъ прямо къ тому, что всего полезнѣе: а полезное и справѣдливое, сущъ двѣ вещи между собою весьма различныя, для того, что всегда были такіе люди, кои производя великія несправѣдливости, находили пользу, а другіе опъ наблюденія справѣдливости весьма худые имѣли успѣхи.

Сок. Какъ! ты говоришь, что полезное и справѣдливое между собой весьма различны! но знаешь ли ты, что человекъ полезно, и для чего оно полезно?

Алк.

Алк. Кажешся я въ помѣ не нахожу затрудненія; развѣ только, что ты опять будешь меня спрашивать, отъ кого я сему научился, или какимъ образомъ я самъ изыскалъ оное?

Сок. Справѣдливѣ ли сей твой поступокъ, *Алквіадъ*, ежели положимъ, что ты ошибся, (что весьма легко быть можешь) и что я самими твоими же доказатель-ствами, кои употребилъ прежде, могу тебѣ опровергнуть? Ты пребудешь все новыхъ доводовъ, почитая первыя какъ за старое платье, котораго ты болѣе носить не хочешь. Ты желаешь ежеминутно новаго. Но я не слѣдуя тебѣ въ твоихъ заблужденіяхъ и уверткахъ, спрашиваю, какъ уже и прежде спрашивалъ, отъ куда научился ты познавать полезное, и кѣмъ былъ твоимъ учителемъ? однимъ словомъ, я и теперь спрашиваю тебѣ о всемъ, о чемъ уже прежде спрашивалъ. Безъ всякаго сомнѣнія и ты будешь мнѣ отвѣчать по же, и не можешь показать ни научившихъ тебѣ познавать полезное, ни того, что ты самъ обрѣлъ оное. Но зная твою нѣжность, и что ты не любишь слушать два раза объ одной вещи, составляю вопросъ сей, извѣстно ли тебѣ, что *Левиньямъ* полезно. Но для чего не доказалъ ты мнѣ, что справедливое и полезное составляютъ по же, или какъ уже ты сказалъ, между собою весьма различны? Пожалуй докажи мнѣ сіе, чрезъ вопросы

вопросы ли, подобно мнѣ, или украшенною рѣчью, которая бы дала мнѣ сіе чувствовашь.

Алк. Но я не знаю, *Сократъ*, въ состоянїи ли буду говорить предъ тобою.

Сок. Дражайшій *Алкивїадъ*! вообрази себѣ, что я собранїе или народъ: ибо находясь предъ собранїемъ, не долженъ ли ты удосповѣришь каждого гражданина, въ собранїи семъ находящагося?

Алк. Конечно.

Сок. Ежели мы чтонибудь знаемъ совершенно, то не все ли равно, доказывашь оное шому или другому, каждому порознь, или всѣмъ вдругъ; подобно, какъ училища чашь и ариѳметики, равно показывающъ одному ученику или многимъ?

Алк. Совершенно справедливо.

Сок. Слѣдовательно, въ чемъ въ состоянїи удосповѣришь многихъ, въ томъ легко можешъ увѣришь одного. Но не въ томъ ли шолько удосповѣришь можемъ, что знаемъ?

Алк. Конечно.

Сок. Какое же другое различїе находишь ты между рипоромъ, говорящимъ къ цѣлому народу, и между человекомъ, разговаривающимъ припшельски съ другомъ своимъ? Не шли, что первый спарается увѣришь многихъ, а сей одного?

Алк. Кажется, что другаго различїя нѣтъ.

Сок. Но кшо въ состоянїи увѣришь многихъ,

гихъ, потѣмъ тѣмъ способнѣе увѣришь одного. И такъ упошреби здѣсь все краснорѣчіе швое, для убѣжденія меня, что справѣдливое не всегда бываетъ полезно.

Алк. Ты очень шоропливъ, *Сократъ*.

Сок. Я такъ шоропливъ, что намѣренъ сей же часъ доказать прошивное шому, что ты доказашь мнѣ оприцаешься.

Алк. Очень хорошо, я буду тебѣ слушашь.

Сок. Опвѣпспвуй мнѣ.

Алк. О! пожалуй, оставь швои вопросы, и говори одинъ.

Сок. Какъ! или ты не желаешь, что бы я тебѣ увѣрилъ?

Алк. Напрошивъ; эшого я весьма охотно желаю.

Сок. Но когда ты самъ согласишься и ушвердишь, что говоренное мною справѣдливо, то не будешь ли въ шомъ увѣренъ?

Алк. Мнѣ кажешься.

Сок. И такъ опвѣпспвуй мнѣ. И ежели ты не скажешь самъ, что справѣдливо всегда полезно, то я соглашаюсь, что бы ты никогда и ни кому въ шомъ не вѣрилъ.

Алк. Очень изрядно; я готовъ тебѣ опвѣпспвовашь; мнѣ конечно ничѣго худого не приключится.

Сок. Ты опгадашь, *Алкивѣадъ*. Но скажи мнѣ, не думаешь ли ты, что есть дѣла справѣдливья, копорья полезны, а другія также справѣдливья, но копорья неполезны?

Алк.

Алк. Конечно думаю.

Сок. Не думаешь ли ты также, что одинъ изъ нихъ добрыя и честныя, а другія совсѣмъ сему противныя?

Алк. Какимъ образомъ, пожалуй мнѣ изъясни.

Сок. На примѣръ, человекъ учинившей безчестное дѣло, поскупилъ ли справедливо или нѣтъ?

Алк. Я ни мало сего не утверждаю.

Сок. Такъ ты думаешь, что все справедливое добро?

Алк. Я увѣренъ въ это.

Сок. Но доброе и честное, не есть ли хорошее? или ты думаешь, что нѣкоторыя изъ честныхъ и добрыхъ дѣлъ хороши, а нѣкоторыя дурны?

Алк. Я думаю, что нѣкоторыя изъ дѣлъ честныхъ дурны.

Сок. И слѣдовательно, нѣкоторыя изъ безчестныхъ хороши?

Алк. Конечно.

Сок. Выслушай, уразумѣлъ ли я тебя. Часто случалось въ сраженіяхъ, что желающей учинить вспоможеніе другу своему или сроднику, получалъ многія раны, а иногда и живопъ свой полагалъ; другой же оспавя друга или сродника, спасъ чрезъ то живопъ свой. Не по ли ты скажешь хочешь?

Алк. Самое то.

Сок. Помощь чинимая другу, есть дѣло доброе

доброе и честное, ибо чрезъ оную стараемся мы сохранить человека, коему обязаны помощію. И я думаю, что дѣйствіе сіе называется храбростію и мужествомъ?

Алк. Конечно мужествомъ.

Сок. Но помощь сія есть иѣчто дурное, ибо причиняетъ, что мы получаемъ раны или бываемъ убиты.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сок. (а) Но мужество и смерть суть двѣ вещи весьма различныя?

Алк. Конечно.

Сок. И такъ помощь, подаваемая другу, не можетъ въ одно время и въ одномъ смыслѣ, быть честною и дурною?

Алк. Я такъ думаю.

Сок. Но помысли, не поли же самое чинитъ дѣйствіе сіе добрымъ, что чинило его хорошимъ; ибо ты согласенъ, что со стороны мужества поступокъ сей весьма прекрасенъ. Разсмотри же теперь, что есть мужество, благо или зло? а вошь способъ къ разысканію сего. Чего ты себѣ желаешь, блага или зла?

Алк. Безъ сомнѣнія, блага.

Сок.

(а) Сократъ хочетъ чрезъ сіе сказать, что между мужествомъ и смертью суть между собою различны, то и не возможно ихъ судить одно по другой; но надлѣжитъ рассмотреть ихъ особо. Здѣсь дѣло идетъ о первомъ. Сіе весьма замысловато. Алкипада конечно не ожидалъ отвѣта столько оспраго.

Сок. И конечно наивеличайшаго?

Алк. Безъ сомнѣнїя наивеличайшаго.

Сок. Ты не будешь терпѣть, что бы лишали тебя блага сего.

Алк. Къ чему мнѣ это терпѣть!

Сок. Что же думаешь ты о мужествѣ? Какую цѣну полагаешь ты оному? Если на свѣтѣ какое благо, для котораго бы ты пожелалъ лишиться сего достоинства, сколько чести человѣку приносящаго?

Алк. Какое благо! ни для жизни самой не надобно быть малодушну! Нѣтъ, скорѣе тысячу разъ умру.

Сок. И такъ, прусость почитаешь ты величайшимъ зломъ?

Алк. Изъ всѣхъ золъ наивеличайшимъ.

Сок. Спрашивае смерти самой?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнїя.

Сок. Жизнь и мужество, не суть ли противоположны смерти и прусости?

Алк. Кто же въ томъ сомнѣвается?

Сок. Однѣхъ ты желаешь, а другихъ нѣтъ; не для того ли, что однѣ находишь весьма хорошими, а другїя крайнѣ дурными?

Алк. Конечно такъ.

Сок. Ты самъ согласился, что разсуждая со спорзны преизящности мужество, помогаешь въ сраженїяхъ другу своему, есть дѣло доброе и честное?

Алк. Конечно —.

Сок. Но разсмащривая дѣйствїе сіе со спорзны

стороны вреда, но есть, причиняющія онымъ раны и смерть самая, должно почитатьъ его злымъ.

Алк. Безъ сомнѣнїя.

Сок. А изъ сего слѣдуетъ, что всякое дѣйствіе должно называться по слѣдствіямъ онаго (а). Если ты называешь его благимъ, когда производишь оно благо, то должно называть его злымъ, когда оно производишь зло.

Алк. Мнѣ такъ кажется.

Сок. Каждое дѣйствіе не по тому ли называется хорошимъ, когда оно благо, а бесчестно, когда зло?

Алк. Неоспоримо.

Сок. И такъ утверждая, что помощь другу чинимая въ сраженїяхъ, есть дѣйствіе благое, и въ самое по же время злое, ты утверждаешь, что дѣйствіе сіе есть злое, хотя оно и есть доброе.

Алк. Мнѣ кажется, что ты говоришь правду.

Сок. Слѣдовательно ничего нѣтъ благого и честнаго, которое было бы дурно, по елику оно благо и честно, и ничего бесчестнаго, которое былобъ благо, по елику оно бесчестно.

Часть II. И *Алк.*

(а) Правило сіе ложно въ шакомъ смыслѣ, какъ принимаешь его *Алкипада*; но будетъ весьма справедливымъ, ежели примется въ одномъ означенїи съ *Сократомъ*. Ибо какъ изъ добраго ничего кромѣ блага, такъ изъ зла ничего кромѣ дурнаго, произойти не можеть.

Алк. Я такъ думаю.

Сок. Постараемся изыскать другое доказательство истинны сей. Чиняшіе добрыя дѣла хорошо ли поступаютъ?

Алк. Весьма хорошо.

Сок. Дѣлашь хорошо не значить ли на нашемъ языкѣ быть счастливу?

Алк. Конечно.

Сок. Приобрѣшеніе истинныхъ благъ можеть ли учинить насъ счастливыми?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сок. Но не чрезъ добрыя ли дѣла, приобретаемъ мы оное истинное благо?

Алк. Кто же въ помѣ сомнѣвается?

Сок. Не шѣли единые счастливы, кои шворятъ добро?

Алк. Конечно такъ.

Сок. И такъ справѣдливо говорятъ, что шворить благо, есть то же, что быть счастливымъ?

Алк. И очень справѣдливо.

Сок. Счастіе не есть ли нѣчто хорошее и благое? (а)

Алк. Я въ семъ увѣренъ.

Сок. И такъ хорошія дѣла всегда суть дѣла благія, по тому что онѣ причиняютъ счастье?

Алк. Никто прошиву сего спорить не будешъ.

Сок. Слѣдственно все хорошее есть благо? *Алк.*

(а) И слѣдственно счастье не можеть быть плодомъ худыя жизни и злыхъ дѣлъ.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнiя.

Сок. Такъ по этому хорошее и доброе кажется сосповляющъ поужь самое?

Алк. Кажется.

Сок. И слѣдственно, когда мы прямо разсмопримъ, все хорошее найдемъ благимъ?

Алк. Сiе неопимѣнно слѣдуетъ.

Сок. Но что же ты думаешь, полезно ли то, что добро, или нѣтъ?

Алк. Очень полезно.

Сок. Помнишь ли ты, что мы сказали, говоря о справѣдливости, и въ чемъ мы согласились?

Алк. Мы помнимся, мы были согласны, что всѣ тѣ, кои поступающъ справѣдливо, неопимѣнно поступающъ хорошо и честно.

Сок. И что все хорошее, добро?

Алк. Такъ.

Сок. А что добро, то полезно?

Алк. И на сiе былъ я согласенъ.

Сок. И слѣдственно все справѣдливое полезно?

Алк. Такъ кажется.

Сок. Помни же, что ты самъ утверждаешь сiи истинны; ибо я себя шокмо вопрошаю.

Алк. Конечно.

Сок. И такъ, еслибъ кто думая знать свойспвы справѣдливаго, предспалъ предъ собранiе *Афинянъ*, и предъ ними сказалъ, что онъ почно знаетъ, что справѣдливыя дѣла

иногда дурны; но не посмѣялся ли бы ты ему, признавъ теперь самъ, и согласясь, что справедливоспъ и полезноспъ составляющпъ едино.

Алк. Клянусь тебѣ богами, *Сократъ*, что я не знаю, что говорю, и не вѣдаю, гдѣ я: ибо сии вещи кажутся мнѣ иногда такъ, а иногда инаковымъ образомъ, но еспъ, какъ ты обѣ нихъ меня спрашиваешъ.

Сок. Знаешъ ли ты по крайнѣй мѣрѣ, отъ чего производипъ безпорядокъ сей?

Алк. Совсѣмъ не знаю.

Сок. Ну, ежели бы кто спросилъ у тебя, при ли глаза и чешыре ли у тебя руки? но какъ ты думаешъ, отвѣтспивовалъ ли бы ты иногда такъ, а иногда другимъ образомъ, или бы всегда одинаковой отвѣтъ давалъ?

Алк. Хотя я и начинаю себѣ не вѣришь, однако думаю, что я бы всегда одинаково отвѣтспивовалъ.

Сок. Для чегожъ? Для того, что ты подлинно знаешъ, что у тебя два глаза, и двѣ руки.

Алк. Да, такъ.

Сок. А когда ты въ противноспъ самому себѣ отвѣчаешъ обѣ одной вещи различно, то это неоспмѣнно значипъ, что ты обѣ ней не знаешъ.

Алк. Видно, что такъ.

Сок. И такъ ты признаешся, что вѣрно незнаешъ и колеблешся, что справедливо

вѣдливо и несправѣдливо, честно и безчестно, хорошо и дурно, полезно и бесполезно. А изъ сего не слѣдуетъ ли, что сія неизвѣстность происходитъ отъ своего невѣжества.

Алк. Это правда.

Сок. И такъ по правилу вѣрно, что разумъ всегда колеблемъ и непервѣдъ въ томъ, чего онъ не вѣдаетъ.

Алк. Это иначе бытъ не можетъ.

Сок. Но знаешь ли ты, какимъ образомъ можешь взойти на небо?

Алк. Нѣтъ, боюсь себя.

Сок. Имѣешь ли ты о семъ хотя малое сомнѣніе, и колеблешься ли разумъ твой?

Алк. Ни мало нѣтъ.

Сок. Но знаешь ли ты причину сего, или хочешь, что бы я тебѣ сказалъ оную?

Алк. Пожалуй скажи.

Сок. Для того что не зная средства, взойти на небо, ты не думаешь и знаешь онаго.

Алк. Что ты говоришь?

Сок. Разсмотри. Если ты чего не знаешь, и при томъ увѣренъ въ незнаніи онаго, колеблешься ли и сомнѣваешься ли ты объ ономъ? На примѣръ, не увѣренъ ли ты, что не знаешь искусство приготавливать мяса? и ты не занимаешься разсужденіями о приуготовленіи оныхъ, и не говоришь о томъ различнымъ образомъ; но ославляешь дѣло сіе своему повару?

Алк. Самая правда.

Сок. А ежелибѣ находился на кораблѣ, вздумалѣ ли бы ты подавать швои соебѣшы, на которую спорону управляшь должно рулемѣ, на правую или на лѣвую, и не зная мореплаванія, говорилѣ ли бы ты о немѣ различнымѣ образомѣ? Не оставилѣ ли бы ты спараніе сіе корабельщику, и не пребылѣ либѣ самѣ вѣ покоѣ?

Алк. Безѣ сомнѣнія; я оставилѣ бы сіе корабельщику.

Сок. И слѣдственно ты никогда не колеблешся и не сомнѣваешся вѣ вещахѣ, о коихѣ ты увѣренѣ вѣ невѣденіи швоемѣ?

Алк. Миѣ кажешся такѣ.

Сок. И такѣ шеперь ты понимаешѣ, что всѣ прослушки производяшѣ отѣ сего рода невѣденія, которое заспавляешѣ насѣ думаешь, что мы знаемѣ то, чего не знаемѣ?

Алк. Что ты чрезѣ сіе сказати хочешѣ?

Сок. Я говорю, что ежели мы чѣмѣ побуждаемѣ ко предпріятію какого нибудѣ дѣла, то сіе производитѣ отѣ мысли о нашемѣ вѣ томѣ знаніи; ибо кпо увѣренѣ вѣ незнаніи швоемѣ, тошѣ оставляешѣ дѣло сіе другимѣ.

Алк. Безѣ всякаго сомнѣнія.

Сок. И слѣдственно находящіеся вѣ семѣ послѣднемѣ родѣ незнанія не чиняшѣ никогда ошибокѣ, ибо не зная дѣлѣ сихѣ, оставляютѣ другимѣ спараніе обѣ оныхѣ.

Алк. Я сѣ шобою согласенѣ.

Сок.

Сок. Кто же впадаетъ въ проступки ? Конечно не пошль, кошорой искусенъ въ дѣлахъ ?

Алк. Безъ сомнѣнїя нѣтъ.

Сок. Когда же искусные, незнающіе, и увѣренные въ своемъ незнанїи не чинятъ ошибокъ, то не неопшмѣнно ли слѣдуетъ, что чинятъ ихъ тѣ, кои бывъ невѣждами, почитаютъ себя искусными ?

Алк. Конечно сіи послѣднїе.

Сок. А сіе по невѣденіе есть самое презришельное и шакое, кошорое всѣхъ золь причина.

Алк. Самая правда.

Сок. Но еще вреднѣе и презришельнѣе бываетъ невѣденіе сіе, когда касается до важнѣйшихъ дѣлъ ?

Алк. Возможно ли спорить прошиву сего ?

Сок. Но можешъ ли ты мнѣ найшить что нибудь важнѣе справѣдливаго, честнаго, благаго и полезнаго ?

Алк. Безъ сомнѣнїя нѣтъ.

Сок. Но не въ сихъ ли самыхъ вещахъ, говоришь ты, находишь себя нерѣшимымъ и колеблющимся ? И сія нерѣшимость не есть ли вѣрной знакъ, какъ уже мы сказали, что ты сіи шодико великія и важныя вещи не знаешъ, однакожъ не вѣдая ихъ, думаешъ знашь ихъ ?

Алк. Врядъ ли сказанное шобою не самая испинна.

Сок. О Боже! въ какомъ сожалѣннѣ до-
стойномъ состояннѣ находишься ты, *Алкивїадѣ!* я не смѣю называть его. Но мы те-
перь одни; и такъ я долженъ тебѣ ска-
зать оное. Дражайшій *Алкивїадѣ!* рѣчи твои,
собственное твое признаннѣ показывающѣ,
что ты находишься въ невѣденнѣ весьма пре-
зрительномъ. И для того ты смѣло всту-
пашъ ты въ правленнѣ, не получа напередѣ
о тебѣ ни малѣйшаго понятнѣ. Но не одинѣ
ты находишься въ несчастнѣ семъ: большая
частьъ изъ вступающнхъ въ правленнѣ ре-
спублики, равнобрно какъ и ты, оному
подвержены; я весьма не многихъ изъ числа
сего изключаю. Можетъ бытъ, что воспи-
татель твой *Периклѣ* единѣ, которой не-
счастнѣ сего избѣгнулъ.

Алк. Я слышалъ, *Сократѣ*, что онѣ не
самѣ собою учинился полико искуснымъ,
но чрезъ весьма тесное обхожденнѣ съ людь-
ми искусными, какъ ты съ *Пифоклидомъ* и
Анаксагоромъ; да и въ теперешнхъ уже
лѣтахъ, желая еще болѣе научиться, про-
водилъ онѣ цѣлые дни съ *Демономъ* (а).

Сок. Видалъ ли ты кого изъ знаю-
щихъ что нибудь совершенно, которой бы
не могъ оному научить другаго? Твой учи-
тель читая, научилъ тебя тому, что онѣ
самѣ

(а) Самой тебѣ, о которомъ *Плутархѣ* гово-
ритъ въ жизни *Перикла*. По дѣломъ Музыки,
скрывалъ онѣ свое рукобсло, что есмь, научалъ по-
лищикъ; народъ узнавъ сіе, изгналъ его изъ *Афинъ*,

самъ зналъ; но онъ училъ также и всѣхъ, кого хощебъ: да и ты научившись отъ него, можешъ другихъ учить. То же самое и съ учителемъ музыки и пѣлдвиженій.

Алк. Самая правда.

Сок. Ибо вѣрнѣйшимъ знакомъ знанія какой вещи есишь то, когда мы въ состоянїи бываемъ научать оной другаго.

Алк. Такъ кажется.

Сок. Но можешъ ли ты мнѣ показать хощя одинаго, которагобъ *Периклъ* сдѣлалъ искуснымъ? Начнемъ съ дѣтей его.

Алк. Но сіе, любезной *Сократъ*, ни чего еще не доказываешъ, ежели *Перикловы* дѣти были глупы?

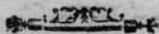
Сок. А братъ твой *Клиній*?

Алк. Прекрасное доказательство! ты говоришь мнѣ о дуракѣ.

Сок. Ежели *Клиній* дуракъ, и *Перикловы* дѣти глупы, то для чегожъ онъ нерадѣлъ о дарованїяхъ полико счастливыхъ, каковы твои? и для чего не научилъ онъ тебя ни чему?

Алк. Я самъ былъ пому причиною, ибо не внималъ словамъ его.

Сок. Но покажи ты мнѣ изъ всѣхъ *Афинянъ* и чужестранныхъ, свободныхъ или несвободныхъ, хощя одинаго, которой бы чрезъ обхожденіе съ *Перикломъ* учинился искуснѣе пѣхъ, коихъ я тебѣ покажу, какъ то *Пифодора*, сына *Изолохова*, и *Калліа*, сына *Калліадина*, которые, за сто минѣ

(пысячу ефимковъ), въ *Зеноновой* школѣ училилися весьма искусными.

Алк. Я не могу тебѣ назвасть ни еди-наго.

Сок. Очень же хорошо. Но чпожѣ хочешѣ ты начашѣ съ собою? желаешѣ ли оспаться такимѣ, какѣ ты ешь, или будешѣ о себѣ спараться?

Алк. Эпи правила общія, ихѣ можно преподавасть всѣмѣ людемѣ; и онѣ не касаются единственно до меня. Я очень разумѣю, чпо ты говоришь, и на все съ тобою согласенѣ. Это правда, чпо исключая весьма малое число, всѣ тѣ, кои мѣшаются въ дѣла республики, суть невѣжды.

Сок. А еще что?

Алк. Ежелибѣ они были искусны, по желающему сравняшь съ ними, или превзойши ихѣ, надлѣжало бы работасть и спрудиться, а по томѣ уже являшь на единое съ ними позорище, подобно какѣ бы противу борцовѣ славу уже заслужившихѣ; но видя людей весьма обыкновенныхѣ дарованій, вспуающихѣ въ правленіе республики, какую нужду имѣю я, толико работасть и спрудиться? Я увѣренѣ, чпо съ помощію единыя шокмо природы всѣхѣ ихѣ превзойду.

Сок. Ахѣ! дражайшій мой *Алкивѣадѣ*! чпо ты изпустилъ изѣ успѣ твоихѣ? какая мысль недоспойная благороднаго твоего вида и всѣхѣ великихѣ преимуществѣ, которыми ты преисполненѣ!

Алк.

Алк. Чшо у тебя въ головѣ, *Сократъ*, говоря такимъ образомъ ?

Сок. Ахъ! я неуспѣшенъ, въ разсужденіи тебя и себя, ежели....

Алк. Чшо ? ежели....

Сок. Ежели ты намѣренъ сражаться и превзойти людей шокмо сего рода.

Алк. Кого же бы долженъ я былъ превзойти ?

Сок. Еще!... Приличенъ ли вопросъ сей человѣку, обладающему великодушіемъ?

Алк. Но чшо же ты хочешь сказать ? не одни ли сіи люди мнѣ представляющся ?

Сок. Ежелибъ тебѣ надлѣжало управлять военнымъ кораблемъ, долженствующимъ въ скоромъ времени сражаться, удовольствовался ли бы ты, преимущественно въ мореплаваніи предъ едиными только мапрозами, на корабль швоемъ находящимся? Не пожелалъ ли бы ты наипаче достигнуть всѣхъ потребныхъ къ шому качествъ, и превзойти всѣхъ величайшихъ кораблеправителей швоихъ неприятелей, не сравнивая себя, какъ теперь, съ собственными швоими, надъ которыми долженъ ты шолько преимущественно, чшо бы имъ и на мысль не пришло, тебѣ прошиворѣчь, но чшобъ чувствуя предъ шобою слабость свою, единственно спарались сражаться подъ предводительствомъ швоимъ? Вошъ мысли, долженствующія одушевлять

шевляяшь себя, те же ли ты намеренъ учинить нѣчто великое и достойное себя и опечесыва твоего.

Алк. Да я ни о чемъ болѣе и не стараюсь.

Сок. Вотъ честолюбіе, достойное похвалы въ *Алкивиадѣ*, бытъ мужесквице солдашъ нашихъ! Не похвалнѣ ли для тебя, имѣя въ глазахъ твоихъ полководцевъ неприятелей нашихъ, и стараться превзойти ихъ искусствомъ и мужествомъ? И что бы до сего достигнуть, не долженъ ли ты работать и прудиться, сравнивая себя безпрестанно съ наивеличайшими мужами?

Алк. Кто же такіе, *Сократъ*, великіе сіи полководцы?

Сок. Уже ли ты не вѣдаешь, что градъ нашъ находится почти въ безпрестанной войнѣ или съ Лакедемонцами, или съ великимъ Царемъ? (Царь Персидской.)

Алк. Я это знаю.

Сок. И такъ ежели ты вознамѣрился, учинить себя начальникомъ *Афинянъ*, по надлѣжитъ тебѣ изглаголоваться, воевать прошиву Королей Лакедемонскихъ (а), и прошиву Царя Персидскаго.

Алк. Ты кажется мнѣ говоришь правду.

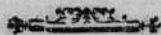
Сок. Ахъ! нѣтъ, дражайшій *Алкивиадъ*: старайся токмо превзойти *Мида*, спользу искус-

(а) Ибо въ сіе время было въ Лакедемонѣ два Короля.

искуснаго въ кормленіи перепелокъ (б), или другихъ людей ему подобныхъ, спарающихся вкрасься въ правленіе республики, копорые, какъ то говорятъ наши просныя жѣнщины, своимъ малоуміемъ и невѣжеспвомъ означаюпъ, чпо они внупри себя скрываюпъ первое свое рабство, и копорые съ долгими своими бородами и съ варварскимъ языкомъ пришли въ городъ сей, чпо бы его развращишь, а не управляпъ онымъ. Вотъ люди, копорымъ пы, не помышляя о себѣ, подражапъ долженъ, дабы видя предспоящія подико великія сраженія, возмогъ, не учась никогда тому, чпо пы знапъ долженъ, не прилѣжа ни къ чему, безъ всякаго приугоповленія, однимъ словомъ никогда ни о чемъ не размышляя, дабы, говорюя, возмогъ восприяпъ на себя предводишельспвовавъ *Аѳинянами*.

Алк. Все чпо пы ни говоришь, *Сократъ*, почишаю я за испинну: но однакожъ предспавляю себѣ и по, чпо *Лакедемонскіе* полководцы

(б) Плупархъ способствуемъ намъ къ выразумлѣнію ядовинной сапиры, скрывающейся подъ сими словами; ибо онъ объявляетъ, чпо *Алкипѣадъ*, подобно Миду, упражнялся въ кормленіи перепелокъ; свидѣтельствуетъ же сіе упущенная имъ перепелка на публичной площади, и пойманная карабельщикомъ *Антіохомъ*, копорого *Алкипѣадъ* по томъ всегда покровишельспвовалъ, даже до того, чпо въ отсутспвіи своемъ повѣрилъ ему начальство надъ флотомъ, и чрезъ то чуть было дѣла *Аѳинянъ* не привелъ въ великой упадокъ.

ководцы и Персидской Царь шаковы же, какъ и прочіе.

Сок. Ахъ! дражайшій *Алкивѣадъ*, разсмотри, прошу тебя, мнѣніе свое.

Алк. А что ?

Сок. Во первыхъ помысли, которое изъ двухъ сихъ мнѣній будетъ для тебя выгоднѣе, и побудишь тебя къ величайшему о себѣ спаранію: то ли, чпобъ вперить себѣ о людяхъ сихъ великія мысли, представляющія тебѣ ихъ спрашными; или, какъ ты уже и дѣлаешь, представишь ихъ людьми обыкновенными, ни малѣйшаго преимущества предъ тобою неимѣющими ?

Алк. Конечно то, что бы имѣть о нихъ великія мысли.

Сок. Уже лижъ спараніе о самомъ себѣ почишаешь ты за вредное ?

Алк. Напрошивъ; я увѣренъ, что оно принесетъ мнѣ великую пользу.

Сок. И слѣдственно мнѣніе, принятое тобою о неприятеляхъ твоихъ, есть уже великое зло.

Алк. Признаюсь.

Сок. А сверхъ того оно ложно; и я постараюсь тебѣ сіе доказать.

Алк. Какимъ образомъ ?

Сок. Какихъ людей почишаешь ты лучшими, знашнаго произхожденія или низкаго ?

Алк. Безъ сомнѣнія знашнаго.

Сок. А тѣ, которые еще къ знашной породѣ

породѣ сей присовокупили хорошее воспитаніе, имѣющѣ ли все то, что къ совершенству добродѣтели по потребности?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сок. И такъ сравнивая соспояніе ихъ съ нашимъ, разсмотримъ напередъ, превосходимъ ли мы, произхожденіемъ нашимъ, и Королей Лакедемонскихъ и Царя Персидскаго? Не извѣстно ли намъ, что первые производящѣ отъ *Геркула*, послѣдніе же отъ *Ахеменеса* (сына Персева), и что *Геркулъ* и *Ахеменесъ* производящѣ отъ *Юпитера*?

Алк. А моя фамилія, любезной *Сократъ*, не происходитъ ли отъ *Евризакъ*, а *Евризакъ* не отъ *Юпитера* ли?

Сок. И моя, дражайшій *Алхибѣадъ*, ежели ты принимаешъ со спороны сей, не производишъ ли отъ *Дедала*, а *Дедалъ* не производишъ ли отъ *Вулкана*, сына *Юпитерова*? Но различіе между ими и нами то, что они производящѣ отъ *Юпитера* непрерывнымъ поколеніемъ королей, копорая цѣпь нимало не прерывается: одни изъ нихъ были королями въ *Аргосѣ* и въ *Лакедемонѣ*, а другіе всегда царствовали въ *Персіи*, и часто сидѣли на престолѣ *Ассійскомъ*, какъ то и теперь онымъ владѣющѣ; а наши предки напрошивъ того, равно какъ и мы, были всегда частными особами! Ежелибъ ты желая предкамъ своимъ оказать честь, принужденъ былъ сказать *Артаверксу* опечесство *Евризакъ*,

зака, или Эака, которое еще болѣе удалено; не возбудилъ ли бы ты его къ великому смѣху, показавъ ему два острова (а) неболѣ какъ съ ладонь? И пакъ видя себя принужденными, уступилъ имъ со спороны рожденія, посмотришь, не превосходятъ ли они насъ и воспитаніемъ. Уже ли тебѣ никогда не сказывали, какія преимущества имѣютъ Короли Лакедемонскіе со спороны сей? Супруги оныхъ безпрестанно бывають охраняемы *Еворами*, дабы по елику по возможно увѣришься, что Князья ими рожденные производилъ отъ крови *Геркула*; а Персидскій Царь и предъ самыми Лакедемонскими, со спороны сей, имѣетъ великое преимущество, ибо никогда даже и не сомнѣвались, что бы Царица произвела князя, которой бы не былъ сынъ Царя; и для того она не охраняется; спражишь ее сушь единственна ужасъ и величество. Когда Царица произведетъ перваго сына, долженствующаго быть наследникомъ престола, тогда всѣ народы въ пространной Имперіи сей разсѣяны торжествующъ рожденіе его; и по томъ въ каждомъ году день сей бываетъ изъ величайшихъ празднованій ихъ; во всѣхъ обласпяхъ Ассіи производятъ единыя токмо жертвоприношенія и пиршества. Что же касается до нашего рожденія, любезной *Алживіадѣ*, то весьма прилично можно сказать слѣдующаго комическому пѣицу:

Едва

(а) Егина и Саламина.

Едва и сосѣди наши о томъ спознали.

Какъ скоро молодой князь опинимелся отъ груди, то берется изъ рукъ женскихъ, и вручается добродѣтельнѣйшимъ двора сего свнухамъ, копорые спараюся укрѣпить шло его, и учинить шoliko спройнымъ, сколько возможно; и сѣя должность приводитъ ихъ въ величайшее почтеніе. Послѣ семи лѣтъ отдають его на руки конюшимъ, и начинають уже ѣздить съ нимъ на охоту. Послѣ чепырнадцати лѣтъ, вручается онъ такъ именуемымъ наспавникамъ царскимъ. Сіи супъ чепыре знатнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ вельможъ во всей Персіи; они выбираютъ изъ мужей уже совершенныхъ; одинъ изъ нихъ почитается ученѣйшимъ, другой справѣдливѣйшимъ, прешей мудрѣйшимъ, а чепверпой храбрѣйшимъ. Первой научаетъ его мудрости *Зороастра* (а), сына *Оромазова*, по еспъ Закону и Богослуженію; наспавляетъ также въ правахъ государспва, и во всѣхъ должностяхъ добраго Государя. Впорой научаетъ говорить всегда правду, хопя бы то было прошиву самаго себя; прешей, что бы не допускашь себя побѣжденну бышь спраспями, но пребылъ бы всегда свободнымъ и Царемъ, повелѣвая са-

Часть II. I модержавно

(а) *Зороастръ* былъ магъ, Король Бактріанскій; писалъ многія книги о магіи, содержащей въ себѣ, Законъ, Медицину и Аспрологию. Онъ жилъ во времена *Нина*.

Модержавно собою, подобно какъ и народами своими; а четвертой приучаетъ его быть неупрашимымъ, и не бояться ни опасности, ни смерти; ибо ежелибъ онъ боялся, побъ изъ Царя учинился рабомъ. Но ны, *Аживиадъ*, кого имблъ своимъ учителемъ? *Периклъ* ошдалъ себя въ руки *Зонира*, подлаго *Оракийскаго* невольника, которой, въ разсужденіи спароси его, ни къ чему болбе не былъ уже способенъ. Я описалъ бы теббъ обспояпельно, какимъ образомъ воспишываюцца соперники твои; но сіе продолжипся весьма долго; изъ малаго же мною сказаннаго, ты можешъ уже заключить и о прочемъ. Но о твоемъ, ровно какъ и прочихъ *Афинянь*, воспишаніи никпо не спарался (а): твоя младость оспавлена была въ небреженіи; никпо не печенся о воспишаніи твоемъ, развъ кпо приложипъ о теббъ спараніе для того, что испинно тебя любипъ. Когда же ты помыслишъ о богатствбъ *Персовъ*, о великолбпн одбянія ихъ, о неизсчешныхъ суммахъ, издерживаемыхъ ими на разныя благовонія, о множествбъ невольниковъ ихъ окружающихъ, о роскоши, нбжности и учшивствбъ ихъ; тогда успыдишся, увидя себя споль малымъ.

Желаешъ

(а) *Афиняне* воспишаніе дбтей своихъ поручали или невольникамъ или освобожденнымъ; сіе видно можно изъ оспавшихся намъ Греческихъ комедій, равно какъ изъ комедій *Платта* и *Теренція*, кои всб переведены съ греческаго языка.

Желаетъ ли ты обратишь взоры твои на умѣренность Лакедемонянъ, на скромность, свободу, нищость, великодушіе ихъ, на равноспъ духа во всѣхъ обстоятель-ствахъ жизни, храбрость, твердость, пер-пѣніе въ трудахъ, благородное ревнованіе и на любовь ко славѣ? Во всѣхъ сихъ вели-кихъ качествахъ увидишь себя предъ ними дѣпяшею. Ежели ты думаешь, что должно смотрѣть на богатство, и со стороны сей надѣшься имѣть предъ ними нѣкоторое пре-имущество; то я нахвренъ тебѣ описать оное, дабы вспомянушь тебѣ, что ты, и едѣ ты. Нѣтъ никакого сравненія между нами и Лакедемонянами: они гораздо насъ богаче. Что изъ насъ осмѣлился, равнять земли наши съ Мессенскими и Спартанскими, ко-торыя гораздо обширнѣе, лучше, и ниша-го безчисленное множество невольниковъ, не считая Илошовъ? Что можешь изчи-слишь лошадей и другія стада пасущіяся на лугахъ Мессенскихъ? А мы на противъ того живемъ въ землѣ сухой и неплодной. Но я все сіе ославляю. Желаетъ ли ты гово-ришь о золотѣ и сребрѣ? я тебѣ ска-зываю, что вся Греція имѣетъ онаго го-раздо менѣе, нежели одинъ Лакедемонъ; ибо съ недавнаго времени, серебро всей Греціи, а часно и Варваровъ, идетъ въ Лакедемонъ, и никогда уже ошь труда не выходитъ. Сіе подаешь случай сказать, послѣдую лисицѣ въ Езоповыхъ басняхъ говорящей льву:

„я вижу слѣды входящаго сребра въ Лакедемонѣ, но не вижу сребра выходящаго отъ „шуда. „ И такъ въ Лакедемонѣ частныя особы гораздо богатѣе, нежели въ прочей Греціи, а Король ихъ богатѣе всѣхъ частныхъ людей: ибо исключая великія пошлины, которыя беретъ онъ въ своемъ владѣніи, подданные его плащящъ ему значныя подати, что и умножаещъ чрезвычайно доходы его. Но ежели богатство Лакедемонянъ весьма велико, въ разсужденіи прочихъ Грековъ, то однакожъ въ сравненіи богатства Царя Персидскаго почти ни чего не значитъ. Я слышалъ отъ достовернаго мужа, бывшаго въ числѣ пословъ при дворѣ сего Государя, что они ѣхали цѣлой день чрезъ весьма прекрасную и плодоносную землю, называемую жипелями оныя, *Поясомъ Царицы*; а другой день чрезъ столько же прекрасную, называемую *Покрываломъ Царицы*; и что еще находящяся многія великія и хорошія области, назначенныя единственно для доставленія Царицъ одѣянія, и что каждая изъ областей сихъ именуется тѣмъ украшеніемъ, которое она Царицъ доставлять долженствуетъ. И такъ еслибъ кто сказалъ супругъ *Ксеркса* и *Аместрисъ* царской мащери, что „ въ Аѣинахъ есть „гражданинъ, котораго все богатство состоитъ около трехъ сотъ десятиинъ земли, лѣжащей въ Ерквиской слободѣ, что „гражданинъ оной есть сынъ *Диномаха*, котораго

„шорого одбѣяніе и всѣ драгоцѣнныя каменья
 „едвали спояшѣ пяпидесяти минѣ (пяпъ
 „сопѣ ефимковѣ), и чпо сей самой гражда-
 „нинѣ пригоповляется кѣ войнѣ прошиву
 „сына швого; „ вѣ какое бы пришла она
 удивленіе, слыша дерзость гражданина сего,
 намѣряющагося воевать великаго Царя *Ар-
 таксеркса* ! Но по шомѣ ежелибѣ она раз-
 смопрѣла побужденія дерзости сей и на-
 дежду кѣ шoliko великому предпріяпшю ,
 какѣ пы думаешѣ, чпо бы она сказала ?
 Не сказалалибѣ она: „ безѣ сомнѣнія чело-
 „вѣкѣ сей основываетѣ успѣхѣ великихѣ
 „предпріяпшій своихѣ, на прилѣжаніи, опы-
 „шахѣ и великой мудрости своей; ибо сии
 „шо качества чиняшѣ Грековѣ почтенны-
 „ми„. Но когдабѣ ей опвѣчали: „ Сей мо-
 „лодой челоувѣкѣ естѣ *Алживіадѣ*, имѣющей
 „не болѣе двадцати лѣшѣ, великой не-
 „вѣжда, бе вѣ всякаго опыта, и шo-
 „лико надмѣненѣ, чпо когда ему одинѣ
 „другѣ, спрашно его любящей, предста-
 „вляетѣ, чпо прежде всего долженѣ онѣ
 „спарашья о самомѣ себѣ, шрудисья,
 „размышляшѣ и упражняшья, а по шомѣ
 „уже приобрѣшши надлѣжащую способность,
 „воевать прошиву великаго Царя; шо онѣ
 „не хочешѣ ему вѣришѣ, и почиаетѣ
 „себя довольно уже знающа; „ вѣ такомѣ
 случаѣ, пришлабѣ она еще вѣ вящее удивле-
 ніе, и насѣ спросила: *На что же полага-
 ется вѣтрянникѣ сей ?* И ежелибѣ мы ей

отвѣтствовали: „Онѣ полагаются на свою
 „красоту, на стройность спана, благород-
 „ство и счастливое рожденіе:„ по неправ-
 да ли, что она разсуждая о преимуще-
 ствахъ Царей Персидскихъ во всѣхъ случа-
 яхъ сихъ, почла бы насъ за дураковъ? Но
 къ чему разсуждать о Царяхъ споль ве-
 ликъ! Не уже ли ты думаешь, что Дампиро,
 дочь Леонкида, супруга Архидама и мать
 Агиса, кои всѣ урожденные короли Лакедемон-
 скіе; не уже ли думаешь, говорю я, чтообъ и
 она менѣ дивилась, еслибъ ей сказали, что
 ты бывъ споль худо воспитанъ, намѣряешься
 воевать пропиву сына ея? Не самой ли вели-
 чайшей спыдъ, что уже и жены неприяте-
 лей нашихъ знаютъ лучше насъ, чемъ мы
 должны бытъ, дабы воевать съ ними хоня
 съ малѣйшею надеждою счастливаго успѣ-
 ха? И такъ, дражайшій *Алкиада*, слѣдуй
 моимъ совѣщанъ, и повинуйся правилу на-
 писанному на двѣряхъ Храма Дельскаго:
познай самаго себя; ибо угрожающіе те-
 бѣ неприятели подобны описанію мо-
 ему, а не шаковы, каковыми себѣ ты ихъ
 представляешь. Прилѣжаніе и искусство
 суть единое средство къ преодолѣнію ихъ:
 опрѣкшись опѣ мудрыхъ качествъ сихъ,
 опрѣчешься и опѣ славы, къ которой ты
 споль спраешься и жаденъ.

Алк. Можешь ли ты мнѣ сказать, *Со-
 кратъ*, какое спараніе долженъ я прилагать
 о самомъ себѣ? ибо я примѣчаю въ словахъ
 твоихъ

пвоихъ испинну и чиспосердїе, предъ прочими опмѣнныя.

Сок. Конечно могу; но сіе не касается до одинаго шебя, но и до всѣхъ, сколько насъ ни еспь. Мы должны изыскиватьъ средспво, что бы учинишься лучшими. Тоже разумью я и о себѣ; ибо пакую же нужду имѣю научашься; и въ одномъ полько предъ шобою преимуществвую.

Алк. Въ чемъ состоишь сіе преимущество?

Сок. Въ томъ, что мой Воспитатель гораздо швоего лучше и премудрѣе.

Алк. А кпо сей воспитатель?

Сок. Богъ, недозволявшій мнѣ говоритъ съ шобою до сего времени, и копорого вдохновеніямъ слѣдуя, шебѣ объявляю, что шокмо моимъ посредспвомъ въ соспоянїи ты, приобрѣспшь славу, въ копорую влюбленъ полико.

Алк. Ты смѣнешя надо мною, *Сократъ.*

Сок. Можешъ бышь; но на концеъ по самая испинна, что намъ великая въ томъ нужда, что бы о самихъ себѣ неспчися. Всѣмъ сіе нужно, а намъ еще болѣе прочихъ.

Алк. Ты говоришь справѣдливо, особливо въ разсужденїи меня.

Сок. Тоже и въ разсужденїи меня.

Алк. Что же мы должны предприняшь?

Сок. Въ семъ случаѣ должно изгнашь лѣносшь и нѣгу.

Алк. Я съ шобою согласенъ.

Сок. Разсмотримъ же съ тобою обще, чемъ мы желаемъ учиниться. Скажи мнѣ, не хошимъ ли мы сдѣлаться *весьма хорошими*?

Алк. Конечно.

Сок. Въ какомъ же родѣ добродѣтели?

Алк. Въ добродѣтели, копорая чинитъ насъ способными. . . .

Сок. Къ чему?

Алк. Къ дѣламъ. . . .

Сок. Къ какимъ дѣламъ? Къ касающимся до верховой Бзды? ибѣ, сѣ принадлежатъ до береиперовъ. Къ мореплаванію? споль же мало, ибо сѣ принадлежатъ до корабельщиковъ. Къ какимъ же дѣламъ?

Алк. Къ такимъ, въ коихъ наилучше *Аѳиняне* упражняются.

Сок. Кого же ты разумѣешь подѣ лучшими *Аѳинянами*? Искусныхъ или неискусныхъ?

Алк. Искусныхъ.

Сок. И такъ слѣдуя твоимъ разсужденіямъ, кто въ чемъ нибудь искусенъ, пошъ къ тому и способенъ; а неискусной не способенъ и не пригоденъ?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сок. Башмашникъ имѣетъ потребное искусство для дѣланія башмаковъ; и слѣдственно онъ къ тому способенъ?

Алк. И очень способенъ.

Сок. Но онъ весьма неискусенъ, для дѣланія одѣжды, и слѣдственно, худой поршней.

Алк.

Алк. Конечно такъ.

Сок. И слѣдственно человекъ сей и худъ и хорошъ?

Алк. Такъ кажется.

Сок. И такъ изъ сего правила слѣдуетъ, что *Аѳиняне*, копорыхъ ты называешь хорошими и добрыми людьми, также и дурны.

Алк. Я не то хочу сказать.

Сок. Кого же ты разумѣешь чрезъ добрыхъ *Аѳинянъ*?

Алк. Тѣхъ, кои управляють умѣюще.

Сок. Чѣмъ управляють? лошадьми?

Алк. Нѣтъ.

Сок. Людьми?

Алк. Такъ.

Сок. Больными, мореходцами, или жлъбопашцами?

Алк. Нѣтъ, ни одними изъ сихъ.

Сок. Кѣмъ же? пѣвцами ли, копорые чтонибудь дѣлають, или пѣвцами, копорые ничего не дѣлають?

Алк. Тѣми, копорые чтонибудь дѣлають.

Сок. Что они дѣлають? пожалуй изъяснися, и постарайся учинить мнѣ разумительнѣе.

Алк. Тѣми, копорые живутъ вмѣстѣ и одинъ другимъ пользуясь, подобно какъ мы живучи въ городахъ.

Сок. И такъ ты называешь добрыми *Аѳинянами* пѣвцами, копорые повелѣвають

человѣками, и пользуясь другими людьми.

Алк. Я такъ мыслю.

Сок. То есть умбующихъ повелѣвать старосшами гребцкими, копорые употребляютъ гребцовъ?

Алк. Нѣтъ.

Сок. Ибо сіе принадлежитъ до кормщиковъ. Кѣмъ же? развѣ шѣми, копорые повелѣваютъ играющими на флѣйтахъ, кои пользуются музыканшами и танцовшиками? Безъ сомнѣнія нѣтъ, ибо сіе касается до капель-и балетъ-мейстеровъ.

Алк. Конечно такъ.

Сок. Чпо же ты разумѣешь чрезъ знаніе повелѣвать человѣками, пользующимися другими человѣками?

Алк. Я разумѣю чрезъ сіе, повелѣвать людьми живущими въ одномъ мѣстѣ, подъ одними законами, и подъ одною полицією.

Сок. Какъ называется искусство, повелѣвать ими? Ежелибъ я тебя спросилъ, какъ называется искусство, научающее повелѣвать всѣми гребцами на кораблѣ находящимися, чпо бы ты мнѣ тогда отвѣтствовалъ?

Алк. Чпо сіе есть искусство кормчихъ.

Сок. А ежелибъ я тебя спросилъ, какъ называется искусство, научающее повелѣвать музыканшами и танцовшиками?

Алк. Я бы отвѣтствовалъ, чпо это искусство капель-и танцъ-мейстера.

Сок. Какъ же называешь ты искусство, научающее

научающее повелѣватьъ челоуѣками, единое полищическое шѣло соспавляющими, и которые живушѣ всѣ вмѣспѣ и подѣ од-ною полицією.

Алк. Искусство, подаватьъ добрыя совѣщы.

Сок. Какѣ! развѣ искусство мореплавателей научаешѣ даватьъ худыя совѣщы? развѣ не спараюшся и они подаватьъ полезныя?

Алк. Безѣ сомнѣнія спараюшся, но шокмо для блага находящыхся въ кораблѣ ихѣ.

Сок. Ты очень хорошо отвѣчаешѣ. О какихѣ же добрыхѣ совѣщяхѣ говоришѣ шы хочешѣ, и къ чему они клоняшся должны?

Алк. Кѣ сохраненію и благоуспройсшву града.

Сок. Но что сохраняешѣ и благоуспройсшвъ града? что долженсшвуешѣ въ оныхѣ бышѣ, и что не долженсшвуешѣ? подобно, ежелибѣ шы меня спросилѣ, чему должно или не должно бышѣ въ шѣлѣ, что бы учинилѣ его здравымѣ, и привесши въ доброе сосшоянше; то я въ шуже минушу шѣбѣ бы ошѣшсшвовалѣ, что должно въ немѣ находилѣся здравію, а болѣзни въ немѣ бышѣ не должно. Не одного ли шы со мною мнѣнія?

Алк. Я сѣ шобою согласенѣ.

Сок. Ежелибѣ шы спросилѣ о глазахѣ, шобы я шѣбѣ ошѣшсшвовалѣ, что глазѣ находилѣся въ хорошемѣ сосшоянші, когда онѣ имѣелѣ все пошребное для зрѣнія, а ничего шакого, что бы ему въ помѣ шрепшсшвовало. Обѣ ушыхѣ самое шуже; они весьма хороши,

хороши, ежели имбюпѣ все надлѣжащее для слуха, а ни малѣйшей склонности къ глухотѣ.

Алк. Это правда.

Сок. Но что же должно и не должно быть во градѣ, дабы привесить его въ лучшее соспояніе, учредить въ немъ лучшее благоустройство и основать лучшее правленіе?

Алк. Мнѣ кажется, любезной *Сократѣ*, что надлѣжитъ учинить, что бы между гражданами царствовала дружба, а ненависть и раздоръ были бы отъ нихъ удалены.

Сок. Что называешь ты дружбою, согласіе или несогласіе?

Алк. Безъ сомнѣнія согласіе.

Сок. Какъ называется наука, соглашающая грады на примѣрѣ въ разсужденіи чиселъ?

Алк. Ариеметика.

Сок. Она ли производитъ, что въ разсужденіи сего, частныя особы между собою, и каждой самъ съ собою соглашающіяся,

Алк. Конечно она?

Сок. Какъ же называешь ты науку, которая производитъ то, что каждой самъ съ собою соглашается о разширеніи фуша или локша? Не наука ли измѣряетъ?

Алк. Точно такъ.

Сок. Цѣлыя града и частныя особы соглашающіяся въ томъ посредствомъ науки сей? И не по ли же и въ разсужденіи вѣсовъ?

Алк. Самое поже.

Сок. Но что же такое согласіе, о которомъ

споромъ ты говоришь? въ чемъ оно состоитъ во градѣ? и что за искусство производитъ оное? то, которое дѣлаетъ, что частныя особы сами съ собою и съ другими соглашаются, производитъ ли сіе и въ разсужденіи градовъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сок. Но въ чемъ же оно состоитъ? пожалуй не скучай отвѣчать мнѣ, и наславъ меня хотя изъ единого милосердія.

Алк. Я думаю, что самая сія дружба и согласіе, причиняютъ, что родители съ чадами своими, братъ со братомъ и супруга съ супругомъ живутъ весьма хорошо.

Сок. Но думаешь ли ты, что супругъ можетъ хорошо жить съ супругою, и согласенъ бытъ въ работѣ ковровъ, которыя она дѣлаетъ, а онъ нѣтъ?

Алк. Нѣтъ; я сего не думаю.

Сок. И не должно; ибо это рукомелое женское. Равнымъ образомъ не возможно, что бы супруга согласовалась съ супругомъ своимъ въ разсужденіи оружія, потому что она понятія объ ономъ не имѣетъ; наука сія принадлежитъ однимъ мужамъ.

Алк. Самая правда.

Сок. И такъ ты соглашаешься, что есть науки, назначенныя единымъ женщинамъ, а другія единымъ мужамъ?

Алк. Кто же въ томъ будетъ спорить?

Сок. И слѣдственно не возможно, чтобы жены въ разсужденіи наукъ сихъ согласовались

лись съ мужьями своими.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнiя.

Сок. И слѣдовательно не будетъ между нами дружбы, понеже она есть ничто иное, какъ согласiе.

Алк. Я съ побою одинакаго мнѣнiя.

Сок. И слѣдовательно жена, дѣлающая только то, что дѣлать ей должно, не будетъ любима мужемъ своимъ, а мужъ исполняющей только ремѣсло свое, не будетъ любимъ женою своею?

Алк. Слѣдствие сiе весьма справедливо.

Сок. И слѣдовательно не въ помѣ со-споннѣ благоучрежденiе градовъ, что бы изъ находящихся въ оныхъ каждой только исправлялъ свое ремѣсло?

Алк. Однакожъ, мнѣ кажется, *Сократъ*, что. . . .

Сок. Какъ? ты говоришь, что городъ можетъ быть благоучрежденнымъ, хотя и не царствуетъ въ ономъ дружба? Но не согласились ли мы, что благоустройство во градахъ происходитъ отъ дружбы; въ противномъ же случаѣ рождается безпорядокъ и замѣшательство?

Алк. Но мнѣ кажется, что дружба происходитъ отъ того, ежели каждой исполняетъ свою должность.

Сок. Тому нѣтъ еще минушы, какъ ты говорилъ сему противное; но надлѣжитъ тебя выслушать. Какъ же ты теперь говоришь, что благоушверженное согласiе производитъ

изводишь дружбу? Но можешь ли въ такихъ дѣлахъ бышь согласіе, которыя однимъ и всѣспны, а другимъ не извѣспны?

Алк. Не возможно.

Сок. Каждой исполняя свою должность, дѣлаешь чтонибудь справедливое или несправедливое?

Алк. Прекрасной вопросъ! конечно каждой дѣлаешь чтонибудь справедливое.

Сок. Изъ сего слѣдуешь, что хотя всѣ граждане будутъ поступать справедливо; однако же не будутъ любить одинъ другаго.

Алк. Слѣдствіе сіе весьма справедливо.

Сок. Изъясни же пожалуй сію дружбу или согласіе, которое въ соспоянїи учинишь насъ искусными и способными, къ познанію добрыхъ совѣщовъ, дабы и мы были въ числѣ ихъ, коихъ ны называешь лучшими гражданами? ибо я на сіе время не могу понять, что это за вещь, и въ комъ она находится: иногда видимъ мы ее въ нѣкоторыхъ особахъ, иногда же оной шамъ уже и не находимъ; по крайнѣй мѣрѣ, слова швои сіе доказываютъ.

Алк. Я клянусь шебѣ, *Сократъ*, всѣми богами, что я и самъ не знаю, что говорю, и что я весьма опасаясь, не нахожусь ли уже давно въ худомъ соспоянїи, самъ сего не примѣшая.

Сок. Не унывай, дражайшій *Алкивїадъ*; если бы

если бы ты чувствовалъ себя въ такомъ соспоянїи, бывъ пятидесяти лѣтъ, тогдабъ прудно было исправить оное и спараться о тебѣ; но въ пеперешнихъ твоихъ лѣтахъ, самое способнѣйшее время чувствовать недоспапки свои, подобно какъ ты пеперь ихъ чувствуешь.

Алк. Но чувствуя недоспапки свои, что должно тогда дѣлать?

Сок. Ничего болѣе, какъ отвѣтствовать на нѣкоторые вопросы: когда ты на се согласенъ, то съ помощію Бога надѣюсь я, что мы оба учинимся лучшими; ежели только должно въришь моему пророчеству.

Алк. Ежели дѣло се зависить отъ единыхъ отвѣтовъ, то обещаю тебѣ, что ты будешь великимъ пророкомъ.

Сок. Разсмотримъ же. Что это такое, имѣшь спараніе о самомъ себѣ, дабы не случилось, что мы думая прилагать величайшее спараніе о себѣ, не спаралися непримѣннымъ образомъ со всемъ о чемъ нибудь другомъ? Что должно дѣлать, что бы спараться о себѣ? Человѣкъ, прилагающей спараніе свое о вещахъ ему принадлежащихъ, спарается ли о самомъ себѣ?

Алк. Я думаю, что спарается.

Сок. Какъ? уже ли человѣкъ спарается о ногахъ своихъ, когда спарается о вещахъ къ ногамъ его принадлежащимъ?

Алк. Я не разумю тебя.

Сок. Уже ли ты ничего не знаешь,

когда

которое бы принадлежало единственно рукавъ? для кофрой части шьла дблается перспи? не для пальцевъ ли?

Алк. Безъ сомнѣнїя.

Сок. Равнымъ образомъ и башмаки для ногъ?

Алк. Конечно.

Сок. Но спараяся о башмакахъ, спараемся ли мы чрезъ по о ногахъ нашихъ?

Алк. По испиннѣ, *Сократъ*, я себя еще не понимаю.

Сок. Чпо ты называешь, имѣть спаранїе о какой нибудь вещи? не по ли, чпо бѣ вещь сїю учинишь лучшею, нежели какова она была? Какое же искусство дблаетъ башмаки лучшими?

Алк. Башмашническое.

Сок. И слѣдспвенно посредспвомъ искусства сего спараемся мы о нашихъ башмакахъ. Но чрезъ сїе ли же самое, или чрезъ другое искусство, спараемся мы о поправленїи ногъ нашихъ?

Алк. Безъ сомнѣнїя, чрезъ другое.

Сок. Не приводимъ ли мы ноги наши въ лучшее состоянїе чрезъ такое искусство, кофрое и все тѣло наше лучшимъ дблаетъ?

Алк. Конечно такъ.

Сок. И слѣдспвенно спараемся мы о ногахъ нашихъ посредспвомъ гимнастики, а о принадлежашемъ ногамъ нашимъ посредспвомъ башмашнаго ремѣсла: посред-

спивомъ гимнастики спараемся мы о рукахъ нашихъ, а чрезъ художество серебрянниковъ о принадлежашемъ онымъ : посредствомъ гимнастики спараемся мы о шблб нашемъ, а чрезъ искусство шканя и чрезъ многія другія руководбляя, спараемся мы о вещахъ шблу нашему принадлежашихъ.

Алк. Безъ всякаго сомнбня.

Сок. И слбдственно искусство, чрезъ которое спараемся мы собственно о себб, не есть то, чрезъ которое спараемся мы о вещахъ намъ принадлежашихъ.

Алк. Такъ кажется.

Сок. А изъ сего и слбдуетъ, что когда ты спараешься о вещахъ тебб принадлежашихъ, то чрезъ то не спараешься еще о самомъ себб.

Алк. Самая истинна.

Сок. Ибо не чрезъ одно и поже самое искусство спараешься человекъ о себб и о вещахъ, ему принадлежашихъ.

Алк. Признаюсь, что правда.

Сок. Какое же то искусство, чрезъ которое мы спараемся о самихъ себб?

Алк. Я сего не умбю тебб сказать.

Сок. Мы уже согласились, что искусство сие не есть то, чрезъ которое мы исправляемъ нбкоторыя вещи, намъ принадлежашя; но то, чрезъ которое мы самихъ себя исправить можемъ.

Алк. Это правда.

Сок. Но можемъ ли мы знать искусство,

ество, исправляющее башмаки наши, не имѣя напередъ познанія о самомъ башмакѣ; или искусство дѣлать перспни, не зная, что есть перспень?

Алк. Не возможно.

Сок. Такъ какимъ же образомъ можемъ мы познать искусство, насъ исправляющее, ежели мы не знаемъ самихъ себя?

Алк. Конечно не возможно.

Сок. Но познаніе самого себя есть ли вещь малопрудная, и не невѣжда ли какой поставилъ на двѣряхъ Храма *Аполлонова*, что въ Дельѣахъ, надпись сію, *познай самого себя*? Или познаніе сіе сопряжено съ великими прудностями, и покломъ нѣкопорымъ изъ человѣковъ открыто?

Алк. Что касается до меня, любезной *Сократъ*, то я иногда думалъ, что оно открыто всѣмъ людямъ, а иногда оно казалось мнѣ имѣть великія прудности.

Сок. Однакожъ, дражайшій мой *Алкивѣадъ*, хотя сіе прудно или нѣтъ, со всѣмъ тѣмъ получа единожды познаніе сіе, познаемъ по, какимъ образомъ о себѣ спараться долженствуемъ; въ пропивномъ же случаѣ, свойствѣ спаранія сего никогда не узнаемъ.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сок. Прежде всего разсмотримъ, какимъ средствомъ можемъ мы изыскать природу вещей, говоря общественнымъ образомъ? чрезъ то узнаемъ мы скорѣ самихъ себя.

А не зная сей существенности, и самихъ себя никогда не узнаемъ.

Алк. Ты говоришь правду.

Сок. И пакъ слѣдуй мнѣ, я прошу тебя именемъ Бога. Съ кѣмъ ты разговариваешь теперь? съ другимъ кѣмъ, или со мною?

Алк. Конечно съ побою.

Сок. Равнымъ образомъ и я разговариваю съ побою; се говоришь *Сократъ*, а *Алкиада* слушаетъ.

Алк. Это правда.

Сок. Но *Сократъ* говоритъ съ побою, употребляя слова; а употребляешь слова, или говоришь, ешь все одно.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнiя.

Сок. Но употребляющей какую вещь, и употребляемая вещь она все ли едино?

Алк. Пожалуй изъяснись.

Сок. На примѣръ, сапожникъ употребляетъ ножи, колодки, и другія орудія, режетъ ножемъ, но однако же различается оубъ ножа, которыми режетъ. Человѣкъ играющей на лирѣ, не ешь лира, на которой оубъ играетъ.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнiя.

Сок. О семъ по я шебя и вопрошалъ. Думаешь ли ты, что человѣкъ употребляющей что нибудь, опличается оубъ вещи имъ употребляемой?

Алк. Я думаю, что очень опличается.

Сок. Но сапожникъ употребляетъ не единыя

единяя орудія, но такожде и руки свои.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сок. И глаза ?

Алк. Конечно.

Сок. Мы согласились, что употребляющей какую вещь, опличается отъ вещи, имъ употребляемой.

Алк. Конечно мы согласились.

Сок. И слѣдственно сапожникъ и играющей на лирѣ, со всѣмъ другое, нежели руки и глаза, имъ употребляемыя.

Сок. Это очень ясно.

Сок. Человѣкъ употребляетъ свое тѣло.

Алк. Кпо въ семъ сомнѣвается !

Сок. Но употребляющей какую вещь опличается отъ вещи, имъ употребляемой.

Алк. Конечно.

Сок. И слѣдственно человѣкъ со всѣмъ другое, нежели его тѣло ?

Алк. Я думаю.

Сок. Чпожъ есть человѣкъ ?

Алк. Я не могу тебѣ сказать, дражайшій *Сократъ*.

Сок. По крайнѣй мѣрѣ можешь сказать, чпо человѣкъ есть то, которое пользуется тѣломъ.

Алк. Это правда.

Сок. Но есть ли чпо другое, исключая души, копорою употребляется тѣло ?

Алк. Кромѣ души ничего нѣтъ.

Сок. И такъ душа управляетъ тѣломъ ?

Алк. Точно такъ.

Сок. И я думаю, что нѣтъ такого чело-
вѣка, копорой бы не принужденъ былъ при-
знашьяся. . . .

Алк. Въ чемъ?

Сок. Что челоувѣкъ есть одно изъ прехъ
сихъ, или душа, или шѣло, или изъ шой
и другаго соспавленное. Но мы уже согла-
сились, что челоувѣкъ есть то, что управ-
ляетъ шѣломъ.

Алк. Конечно согласились.

Сок. Что же есть челоувѣкъ? можетъ
ли шѣло повелѣвать самому себѣ? Нѣтъ;
ибо мы уже сказали, что челоувѣкъ онымъ
управляетъ; и слѣдственно шѣло не есть
челоувѣкъ.

Алк. Такъ кажется.

Сок. Такъ не соспавленное ли управ-
ляетъ шѣломъ? и сіе соспавленное не есть
ли челоувѣкъ?

Алк. Можетъ быть.

Сок. Ни мало; ибо мы согласились,
что шѣло не управляетъ, слѣдственно и
бывъ совокуплено управлять не можетъ; да
при шомъ, еслибъ душа и шѣло будучи со-
единенны повелѣвали вмѣстѣ, то комубъ
онѣ повелѣвали.

Алк. Весьма справѣдливо.

Сок. А какъ ни шѣло, ни соспавлен-
ное изъ души и шѣла, не есть челоувѣкъ,
то и слѣдуетъ неопшмѣнно, что или че-
лоувѣкъ есть ничто, или единая душа есть
челоувѣкъ.

Алк.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнiя.

Сок. Требуешь ли еще яснѣйшаго доказательства? Чпо единая душа естъ человекъ?

Алк. Нѣтъ, божусь тебѣ, сiе уже довольно доказано.

Сок. Мы хотя еще и не со всею точностию утвердили истинну сiю; но она порядочно доказана, а сего уже и довольно. Однакожь мы изслѣдуемъ оную еще болѣе, и проникнемъ гораздо лучше, когда найдемъ то, чпо мы предъ симъ оставили для того, чпо оно пребывало простираннѣйшаго изысканiя.

Алк. Чпо ты симъ сказать хочешь?

Сок. Мы прежде сказали, чпо во первыхъ надлѣжитъ узнать самое существо вещей, говоря общественнымъ образомъ: но мы вмѣсто сего остановились при разсма- пририванiи существа частныя вещи, и можемъ быть сего и довольно: ибо чпо можемъ найти, которое было бы споль способно и споль свойственно, быти нами, какъ душа наша?

Алк. Во истинну такъ.

Сок. И такъ правило сiе довольно швердо основано, чпо когда я съ тобою бѣседую, тогда моя душа говоритъ съ швоею; и сiе то самое говорили мы предъ симъ, чпо *Сократъ* вѣщаю *Алкивиаду*, склоня слова свои не къ тебѣ, которое я вижу, но къ самому *Алкивиаду*, котораго я не вижу, то естъ къ душѣ его.

Алк. Это очевидно.

Сок. И такъ повелѣвающей намъ, познавать самихъ себя, повелѣваетеъ познавать душу нашу?

Алк. Я думаю.

Сок. Знающей единое тѣло свое, знаетъ токмо ему принадлежашее, а не то, что онъ самъ есть. Слѣдственно, докторъ, по тому только что онъ докторъ, или учитель гимнастики, по тому единому что онъ таковой учитель, самихъ себя не знаютъ.

Алк. Самая правда.

Сок. А еще менѣ земледѣльцы и прочіе художники, самихъ себя знаютъ могутъ, когда и того, что собственно имъ принадлежатъ, не знаютъ; да и ремѣслоу своимъ прилепляются они къ тому, что еще болѣе удаляетъ ихъ отъ познанія имъ принадлежашаго; ибо конецъ ихъ прудовъ и стараній, не только тѣло, какъ вещи въ заимствѣ съ онымъ находящіяся.

Алк. И сіе также весьма справедливо.

Сок. И такъ, ежели познаніе самого себя есть мудрость, то нѣтъ ни одного изъ художниковъ сихъ, копорой бы мудрымъ спалъ чрезъ одно искусство свое.

Алк. Я своего же мнѣнія.

Сок. И вопль для чего: всѣ художествы сіи кажутся бытъ подлыми и презрительными, и слѣдственно честнаго человека недостойными.

Алк. Самая правда.

Сок.

Сок. И такъ, что бы паки возвратишься къ правилу нашему, всякой человекъ, старающейся о тѣлѣ своемъ, старается токмо о принадлежашемъ ему, а не о самомъ себѣ.

Алк. Точно такъ.

Сок. Человекъ любящей богатство, не любитъ ни самаго себя, ни ему принадлежашаго, но нѣчто еще сего менѣе, и относящееся единственно къ вещамъ, ему принадлежашимъ.

Алк. Такъ кажется.

Сок. И такъ слѣдуя правилу сему, можно съ точностію сказать, что старающейся о приобретѣніи богатства, весьма худо печется о прямыхъ дѣлахъ своихъ.

Алк. Конечно.

Сок. Если кто нибудь любилъ внѣшнюю красоту *Алкивиада*, то онъ не любилъ *Алкивиада*, но нѣчто *Алкивиаду* принадлежашее.

Алк. Я въ этомъ увѣренъ.

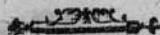
Сок. Ктожъ любилъ *Алкивиада*, тотъ любитъ душу его.

Алк. Неоптѣнное слѣдствіе правила твоего.

Сок. И вопль для чего любящие единую красоту свою, оставляютъ себя, какъ скоро оная увядаетъ начинается.

Алк. Это правда.

Сок. Но любящей душу свою, сжалины усилваешь въ добродѣтели, и каждой

день спановишься чеснѣе , никогда тебя не оставишь.

Алк. Такъ и мнѣ кажется.

Сок. Сіе по причину , что я одинъ тебя не оставляю ; и хощя красота пвоя уже увядаешъ , и прочіе любители тебя оставили, однакожъ я пребываю тебѣ вѣрнымъ.

Алк. Любезной *Сократъ*, ты оказываешъ мнѣ великое удовольствіе; я прошу не оставляшь меня.

Сок. Употреби же всѣ силы пвои, что бы каждой день спановишься прекраснѣе , то ешь добродѣтельнѣе.

Алк. Я конечно буду о томъ спараться.

Сок. И такъ изо всего заключишь можно, что *Алкивѣадъ*, сынъ *Клинѣевъ*, не имѣлъ и шеперь не имѣешъ кромѣ единаго и истиннаго любителя ; а сей вѣрной любитель ешь прияшной *Сократъ*, (а) сынъ *Соверониска* и *Фенареты*.

Алк. Ничто справѣдливѣе сего бышь не можешъ.

Сок. Но не ты ли сказалъ мнѣ, при началѣ разговора нашего , что я предупредилъ тебя нѣсколькими минушами , что ты самъ хощѣлъ меня спрашивашъ , для чего одинъ я тебя не оставляю ?

Алк. Эшо правда , я тебѣ сіе сказалъ.

Сок.

(а) Здѣсь издѣвается онъ надъ своимъ непригожствомъ и низкою породою , противуполагая ихъ красотѣ и благородству совѣшниковъ своихъ.

Сок. Теперь ты знаешь причину сего : для того , что одинъ я самого себя любилъ , прочіе же любили тебѣ принадлежащее. Красота тебѣ принадлежащаго начинается уже увядать , твоя же напропавъ процвѣтаетъ. И ежели ты непустишь народу тебя испорчить , и нечинишься худобразнымъ , [что есть порочнымъ ,] то я во всю жизнь мою тебя не оставлю. Но я опасаясь , что бы ты , бывъ объятъ любовію народною , самъ себя не погубилъ несчастною склонностію сею , подобно , какъ что случилось со многими изъ лучшихъ гражданъ нашихъ ; ибо народъ великодушнаго *Ерехея* (б) имѣетъ прекрасную поверхность ; но надъживъ размошрѣвъ его во внутренности и снявъ прекрасное покрывало , отъ насъ его сокрывающее. Повѣрь мнѣ , дражайшій *Алкиадъ* , употреби сказанныя мною тебѣ предосторожности.

Алк. Какія предосторожности ?

Сок. Трудисься и научайся тому , что должно знать прежде , нежели мѣшайся въ дѣла республики , дабы всегда имѣть при себѣ предохранительное средство , что бы не погибнуть въ полъ опасномъ и заразительномъ обращеніи.

Алк. Ты весьма хорошо говоришь , *Сократъ* ; но прошу тебя изъяснить , какимъ образомъ должны мы стараться о самихъ себѣ ?

Сок.

(б) *Ерехей*, одинъ изъ первыхъ царей *Афинскихъ*.

Сок. Но сіе уже рѣшено; мы прежде всего спарались утвердиль, что есть человекъ, и съ основаніемъ; ибо опасались, что бы не зная сего совершенно, не прилагать непримѣннымъ образомъ спараніе наше со всѣмъ о дугомъ, а не о самихъ себѣ. По томъ мы согласились, что должно спараться о душѣ своей, и что сіе должно почипать единымъ концемъ намѣреній нашихъ; спараніе же о пѣлѣ и о принадлежашемъ ему, какъ по о богатствѣ, ославлять другимъ.

Алк. Кто можетъ сему прошиворѣчить?

Сок. Какимъ же образомъ можемъ яснѣе и очевиднѣе понимать истинну сію? ибо показавъ оную во всемъ свѣтѣ ся, безъ всякаго сомнѣнія познаемъ самихъ себя. И пакъ, именемъ Боговъ, поспараемся уразумѣть правило, на двѣряхъ Дельскаго Храма написанное, для того, что мы и по сіе время всей силы онаго еще не понимаемъ.

Алк. Какой силы? что ты чрезъ то сказать хочешь?

Сок. Я опкрою тебѣ мои догадки, что бы значила надпись сія, и поученіе въ оной заключающееся. Но я не могу яснѣе изповать, какъ сравняя оную съ окомъ.

Алк. Какимъ образомъ?

Сок. Внимай: ежелибъ надпись сія говорила оку, подобно какъ она шеперь говоритъ человекъ: *познавай самого себя*: что бы мы разумѣли чрезъ слова сїи? Не по ли, что бы око смотрѣлося въ такой вещи,

въ которой оно себя видѣшь можешъ ?

Алк. Безъ сомнѣнїя.

Сок. Постараемся же сыскать вещь сїю, на которуюбъ взирая, и сїю вещь и самихъ себя усмотрѣшь могли.

Алк. Можно видѣшь себя въ зеркалѣ и въ пѣлахъ сему подобныхъ.

Сок. Ты очень хорошо говоришь. Но ибѣшь ли и въ самомъ окѣ такоаго мѣста, которое имѣлобъ такоае же дѣйствїе, какъ и зеркало ?

Алк. Безъ сомнѣнїя естѣ.

Сок. И такъ ны примѣшилъ, что всякой разъ, когда глядишь на око, въ чашницѣ онаго называемой *зрачко*, по тому что изображаешъ на него взирающаго, видишь себя подобно, какъ и въ зеркалѣ ?

Алк. Это правда.

Сок. И такъ, ежели око желаетъ себя увидѣшь въ другомъ окѣ, долженъ спвуешъ смотрѣшь на лучшую чашницу онаго, которая едина имѣетъ способность видѣшь.

Алк. Кпо же въ семъ сомнѣвается ?

Сок. Ибо ежелибъ оно устремило взоры свои на другую чашъ пѣла человѣческаго или на что другое, которое чашнсей ока не подобно, то бы не могло себя увидѣшь.

Алк. Конечно такъ.

Сок. И такъ око, желающее себя видѣшь, должно смотрѣшься въ другое око, въ оную чашницу, гдѣ вся сила его находится,

ся, по естъ зрѣніе.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сок. Но, дражайшій *Алкивѣадѣ*, не по-ли же самое и съ душою нашею? Чпо бы увидѣшь себя, не должна ли она смотреѣться въ другую душу, и въ пу часпицу оныя, гдѣ вся сила ея, по естъ премудрость, зарождается? Или не долженъ спвуеѣтъ ли она смотреѣться въ нѣчто еще сего благороднѣйшее, чему сія душа часпѣ нѣкопорымъ образомъ уподобляясь?

Алк. Я такъ думаю, любезной *Сократѣ*.

Сок. Но можемъ ли мы найши часпѣ души нашей, копорая бы божеспвеннѣе была пои, гдѣ присудспвуютъ познаніе и премудрость?

Алк. Безъ сомнѣнія не можемъ.

Сок. И такъ, чпобъ совершенно узнать самого себя, не надлѣжитъ ли смотреѣться въ самую Душу, копорой наша душа естъ покмо изображеніе, и усмапривать въ оной всю божеспвенность, по естъ Бога и премудрость?

Алк. Такъ кажется,

Сок. Мы согласились, чпо познаніе самого себя естъ премудрость.

Алк. Эпо правда.

Сок. Но не зная самого себя, и не бывъ учаспниками мудрости сея, возможемъ ли назвать, чпо для насъ благо и чпо нѣпѣ?

Алк. Какимъ же образомъ сіе возможно?

Сок. Ибо не возможно, что бы незнающей *Алкивиада*, зналъ, что *Алкивиадово* принадлежишь *Алкивиаду*.

Алк. Не возможно.

Сок. И такъ единственно чрезъ познание самого себя, можемъ мы узнать, что наше принадлежишь намъ; а ежели мы не знаемъ что наше, по еще менѣе знаемъ о томъ, что опносятся къ вещамъ намъ принадлежащимъ.

Алк. Признаюсь, что правда.

Сок. И такъ мы весьма худо поступили, согласившись, что есть такіе люди, копорые хопя самихъ себя и не знаютъ; однакожъ знаютъ, что есть ихъ, не зная при томъ вещей принадлежащихъ тому, что есть ихъ; ибо сіе проякое познание 1. *знать самого себя*, 2. *знать что мое* и 3. *знать вещи моему принадлежащія*, находится въ шесномъ союзѣ, есть дѣянiемъ единого человека, и дѣйствiемъ единого и тогоже искусства.

Алк. И мнѣ такъ кажется.

Сок. Человѣкъ незнающей своего, не знаетъ и другимъ принадлежащаго.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнiя.

Сок. Не зная вещей другимъ принадлежащихъ, не можетъ знать принадлежащаго граду.

Алк. Вѣрное слѣдствiе.

Сок. Слѣдственно шаковой человѣкъ не можетъ никогда бытъ добрымъ правителемъ

лемъ государства; даже не возможешь быть добрымъ правителемъ собственнаго дома: но что я говорю! онъ не возможешь и однимъ самимъ собою управляшь, ибо самъ не знаешь, что дѣлаешь, а не зная что дѣлаешь, не возможно, что бы не дѣлалъ погрѣшностей.

Алк. Безъ сомнѣнїя не возможно.

Сок. Дѣлая же погрѣшности, причиняешь зло часпно и общеспвенно? дѣлаяжъ зло, возможно ли быть счастливымъ? бывъ несчастливимъ, не ввергаешь ли онъ въ несчастїе свое и всѣхъ, кои въ его повелѣнїяхъ находящяся?

Алк. Кто можешь прошиву сего спорить?

Сок. И такъ не бывъ благу и мудру, не возможно быть счастливу.

Алк. И безъ сомнѣнїя не возможно.

Сок. И слѣдспвенно всѣ порочные несчастны?

Алк. И очень несчастны.

Сок. И слѣдспвенно, человекъ освобождается несчастїя мудростїю, а не богатствомъ.

Алк. Конечно.

Сок. И слѣдспвенно, дражайшій *Алкивиадъ*, для благоденствїя градовъ, не нужны ни ограды, ни корабли, ни оружейницы, ни войска: единая добродѣтель для нихъ попребна.

Алк. Во испинну такъ.

Сок. Еслижъ желаешь хорошо управ-
ляшь

лять дѣлами швоея республики, надлѣжитъ спарашься, учинитъ добродѣтельными гражданаѣ оныя.

Алк. Я въ этомъ увѣренъ.

Сок. Но можно ли те дашь, чего самъ не имѣешь?

Алк. Да какъ оное дашь?

Сок. И такъ желающему спарашься не о единомъ самомъ себѣ и о принадлежащемъ ему, но и о цѣломъ градѣ и вещахъ оному принадлежащихъ, должно во первыхъ приобрѣсти добродѣтель.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнїя.

Сок. И такъ ты не долженъ спарашься о прибрѣшенїи себѣ или граду швоему великаго могущества и самовласнїя, дѣлашь что тебѣ угодно; но паче, мудрости и правосудїя.

Алк. Мнѣ кажется, сіе весьма справѣдливо.

Сок. Ибо когда градъ сей, или ты самъ, управляемы будете согласно премудрости и правосудїю, то угодишь Богу.

Алк. Я въ семъ увѣренъ.

Сок. Но ты будешь управлять собою мудро и правосудно, ежели, какъ те я уже сказалъ, спашься смотрѣшься въ Божество, въ сей шеебѣ оїяющей Свѣтѣ, которой единъ можетъ показати намъ истинну.

Алк. Я такъ же думаю.

Сок. Ибо смотрясь во Свѣтѣ сей, увидишь не токмо самого себя, но увидишь и

Часть II. Л познашь

познаеши и истинныя благи твои.

Алк. Безъ сомнѣнiя.

Сок. И слѣдовательно будешь всегда дѣлать добро.

Алк. Конечно такъ.

Сок. А когда ты всегда будешь дѣлать добро, то я смѣю тебя увѣрить, что всегда будешь счастливъ.

Алк. Въ семъ случаѣ можешь ты смѣло обнадеживать.

Сок. Но ежели будешь управляемъ несправѣдливостiю, и вмѣсто того, что бы взирать на Божество и Свѣтъ истинный, возришь на то, гдѣ нѣтъ Бога, и что исполнено тьмою; то и дѣла твои неоправданно исполнятся мрака и безбожiя, ибо ты не познаешь самого себя.

Алк. И я также мыслю.

Сок. Дражайшiй *Алкивiадъ*, представь себѣ человека безразсуднаго, имѣющаго власть все дѣлать; что ты о немъ ожидаешь будешь, и что съ нимъ не приключится? на примѣръ, еслибъ больной имѣлъ свободу, дѣлать что ему въ голову придетъ, не имѣя при томъ ни малѣйшаго понятiя о врачебной наукѣ; еслибъ онъ на всѣхъ сердился, и никтобъ не дерзалъ его воздерживать; что бы ему приключилось? Безъ всякаго сомнѣнiя испортилъ бы онъ пѣло свое, и болѣзнь свою учинилъ бы неизлѣпимою.

Алк. Конечно такъ.

Сок. Еслибъ человекъ безсмысленной

и неискусной въ мореплаваніи имѣлъ власть управлять кораблемъ, по ты уже самъ видишь, что бы съ нимъ и съ находящимися на кораблѣ семъ приключилось.

Алк. Онибѣ безъ сомнѣнія всѣ погибли.

Сок. Тоже самое съ градами, республиками, и со всякими обласьями: ежели нѣтъ въ нихъ добродѣтели, по паденіе ихъ неизбѣжно.

Алк. Инако сіе и бытъ не можетъ.

Сок. И такъ, дражайшій *Алкивѣадъ*, ежели ты желаешь бытъ счастливымъ, по не надѣжись искашь великія власти ни для себя ни для республики швоей; но спарайся приобрѣсти добродѣтель.

Алк. Конечно такъ.

Сок. Не имѣвъ добродѣтели сей, лучше и полезнѣе непокомо для младолѣтнаго, но и для совершеннаго мужа, повиноваться добродѣтельнѣйшему, а не самому повелѣвать.

Алк. Такъ кажется.

Сок. А что лучше, по и полезнѣе?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сок. А что полезнѣе, по и пристойнѣе?

Алк. Конечно.

Сок. И слѣдственно для порочнаго полезнѣе бытъ невольникомъ: ибо сіе для него лучше?

Алк. Точно такъ.

Сок. И слѣдственно порокъ есть дѣло подлое, приличное невольнику?

Алк. Я согласенъ.

Сок. А добродѣшель нѣчто благородное и приличное челоѣку свободному?

Алк. Какъ можно спорить противу сего!

Сок. И слѣдственно должно спараться, убѣгаясь сей подлости, приличной единымъ невольникамъ?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сок. Ну, дражайшій *Алкивиадъ*, чувствуешь ли ты состояніе, въ которомъ ты находишься? имѣешь ли ты благородство сіе, приличное челоѣку своего рожденія? Или: . . .

Алк. Ахъ! дражайшій *Сократъ*, я весьма уже чувствую состояніе сіе, о которомъ ты говоришь!

Сок. Но вѣдаешь ли, какимъ образомъ избавишься состоянія сего, которое я не смѣю наименовать, говоря съ челоѣкомъ тебѣ подобнымъ?

Алк. Теперь вѣдаю.

Сок. Какимъ же образомъ?

Алк. Я избавляюсь состоянія сего, ежели шокмо ты сего пожелаешь.

Сок. Ты говоришь, *Алкивиадъ*, весьма несправѣдливо.

Алк. Какимъ же образомъ сказать я долженъ?

Сок. Ежели угодно Богу.

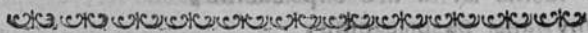
Алк. Изрядно; ежели угодно Богу: я къ сему еще присовокупляю, что мы съ шепершняго времени переѣмили лица наши, ты будешь мною, а я шобою, по ешь, что

что я буду за побою слѣдовать, подобно какъ ты до сего времени за мною слѣдовалъ.

Сок. Когда ты такъ, дражайшій мой *Алквиадъ*, ты и о любви моей къ тебѣ, сказавъ можно ты же, что говорятъ о птицѣ аистѣ: ибо, когда моя любовь произведетъ и воспитаетъ во груди твоей малую крылатую любовь, ты сѣ послѣдняя будешь питать и согревать первую и въ самой глубокой спаросни.

Алк. И безъ сомнѣнiя; съ сего времени начну я прилагаться къ правосудiю.

Сок. Я желаю, что бы во всю жизнь твою пребылъ ты въ намѣренiи семъ; однакожъ признаюсь, что я весьма опасаясь, не для того, чтобъ сомнѣвался въ достоинствѣ твоихъ; но примѣры, царствующiе во градѣ семъ, меня устрашаютъ, и я ипрепещу, что бы они обоихъ насъ не преодолѣли.

II.

О Д А

ищущимъ мудрости.

О вы! копорыхъ озаряетъ
Премудрости творящй лучъ,
Копорыхъ разумъ презираетъ
Грозу невѣжства мрачныхъ тучъ;
О чада упреннаго свѣта:
Въ собранъ вашего совѣта,
Сѣя дщерь Неба предсѣдѣшь,
Вѣщаетъ тако, вамъ глаголя:
„Се зрите вы, пространство поля
Предъ вашимъ взоромъ предлѣжитъ.

„ Храня священные законы,
 Направте вы въ него свой путь:
 Прейдете путь сей безъ препоны:
 Я вашу защищаю грудь.
 Подъ симъ божественнымъ Егидомъ,
 Не можешъ злота дерскимъ видомъ,
 У васъ сердецъ поколѣбать:
 Грядите въ путь и научайтесь,
 Проипиву злота ополчайтесь,
 Спѣшите вы шоржеспвовать!

„ Пусть злота ядовины очи,
 На васъ свирѣпствуя, прострѣтъ:
 Она есть отрасль адской ночи,
 А вамъ родитель дневный Свѣтъ.
 Не лъзя, чѣшобъ дневное Свѣшило
 Своихъ лучей не обрашило,
 Куда сѣяло искони;
 Хоть часно мгла его скрываетъ,
 Оно туманы разрываетъ,
 Пуская въ мѣръ свои огни.

„ Пускай злорѣчивы зоилы
 На васъ свою сплѣшаютъ лжу,
 Я вами ихъ повергну силы,
 Я вами свѣтъ имъ покажу;
 Ихъ нравы вами укропятся,
 Когда ко свѣту обращятся,
 Приявъ чрезъ васъ мои лучи.
 Когдажъ ихъ духъ не воспылаетъ,
 И жить во мракѣ возжелаетъ,
 Пусть ходятъ въ шемной сей ночи,

* * *

„ ВЪ которой низки души дремлютъ,
 И ропшущь на Творца во вѣкъ;
 Пускай развратнымъ мыслямъ внемлющъ,
 Что въ шваряхъ бѣдѣнъ челоувѣкъ;
 И таинъ не понявъ священныхъ,
 Въ своихъ бесѣдахъ развращенныхъ,
 Износятъ на меня хулы:
 Но ихъ совѣшъ самимъ имъ вреденъ
 Стропшивъ, и пагубенъ, и бѣдѣнъ:
 Ихъ мысли полны вѣчной мглы.

* * *

„ Ихъ утра свѣтъ не прикоснется
 Дремопою объяпыхъ вѣждъ;
 Но пусть хощя и не проснепся
 Во вѣки грубыхъ сонмъ невѣждъ;
 Сердца, исполненныя чеспи,
 Не будутъ имъ шворипи мѣсти;
 О нихъ лишь будущъ сожалѣтъ,
 Что ихъ глубокой птьмою ночи
 Оспанушыя покрышы очи,
 Но лязаль бышь мудрымъ повелѣтъ?

* * *

„ Тому зрѣтъ свѣта не возможно,
 Кпо зрѣнїя на вѣкъ лишѣнъ,
 Топъ мысли простираетъ ложно,
 Чей умъ еще несовершенъ;
 Имбющій крыль Икара
 Не сперпипъ солнечнаго жара:
 Когдажъ къ нему онъ возлѣпипъ,
 Лучи свѣпила воскъ согрбюипъ,
 Крыль опъ перья оскудбюипъ,
 Онъ жизнь съ полешомъ прекратипъ.

„ Свѣпильникъ правды нарицаюся ;
 Небесъ прещедрыхъ я есмь дщерь ;
 Всѣмъ ищущимъ меня являюся ;
 Толкушимъ опверзаю дѣбрь ;
 Открывъ божественну науку ,
 Просящимъ проспирая руку ,
 Во храмъ пресвѣшлый мой веду .
 Сей пупь весь тернїемъ усвѣявъ ;
 Но храмъ мой лаврами одѣявъ ,
 Въ копоромъ получаюшъ мзду .

„ Сїя премудрымъ сколь приятна ;
 И сколько духъ ихъ веселитъ ;
 Толико онымъ непонятна ,
 У коихъ мглою умъ покрытъ .
 Дерзайте , опроки , со мною ;
 Мои я тайны вамъ открою ,
 Взнесу васъ выше , нежели громъ .
 Кто хоцетъ смертный мя познаши ,
 Тотъ долженъ въ еспеснѣ искаши
 Меня , или въ себѣ самомъ .

Сїе премудрость вамъ вѣщаеть ,
 Предвѣчнаго любезна души ;
 Васъ вышнихъ тайнъ приобщаетъ ;
 Дерзайте въ слѣдъ ея тещи !
 Грядите , пупь свой окончайте !
 Побѣдой подвигъ увѣнчайте ,
 И мнѣ пролѣйте свѣта лучь !
 Меня не ночь спрашитъ глубока ;
 Я спану ждати отъ востока
 Конца мой взоръ мрачившихъ пучь .

В. Майкопъ ,

III.

Увѣдомленіе отъ Издателей.

Предварительно увѣдомили уже мы, почтенныхъ Читателей нашихъ, объ учрежденіи **ЕКАТЕРИНИНСКАГО** Училища для бѣдныхъ дѣшей, при церкви **Владимѣрскія Богоматери**, въ 24 день Ноября мѣсяца минувшаго года, яко въ день Высочайшаго Тезоименишства **ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**, нашаея Всемилоспивѣйшія Монархини и Милосердыя Матери Отечества.

Нынѣ же почишаемъ мы за должность увѣдомить, благонамѣренныхъ Читателей нашихъ, и о дѣйствительномъ открытіи сего Училища, или о началіи въ ономъ ученія; равномѣрно и о новыхъ спомоществованіяхъ сему намѣренію нашему.

Къ 9 числу сего мѣсяца, окончанъ былъ приемъ 12 мальчиковъ на полное Училища содержаніе, и изготовлено было нужное для нихъ платье, обувь и пошлби, и переведены оныя были въ Училище.

10. Числа Его Высокопреосвященство, Гавріиль Архиепископъ Новгородскій и Санктпетербургскій, пошпилъ сіе Училище своимъ присутствіемъ. Въ 10 часовъ предъ полуднемъ прибылъ онъ въ Церковь **Владимѣрскія пресвятыя Богоматери**, гдѣ съ двумя Архимандритами и другими духовными особами совершилъ Божественную литургію, а по окончаніи оныхъ служилъ молебенъ о здравіи **ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**, всемилоспивѣйшія Монархини Нашаея и всея Императорскія Фамиліи: при чемъ читаны были приличныя сему обстоятельству экшевіи и молишвы. По окончаніи молебна, Его Высокопреосвященство, шель изъ церкви въ мантіи въ домъ Училища, въ предшествіи 12 мальчиковъ, и сопровождаемъ всѣми духовными особами и другими свѣтскими, бывшими тогда въ церквѣ. Пришелъ въ покой, Его Высокопре-

освященство окропилъ святою водою дѣтей, и говорилъ краткое имъ наставленіе, при чемъ роздалъ привезенныя имъ и изготовленныя штукъ книжки для ученія. По томъ благословилъ изготовленную для сихъ дѣтей прапезу, и по извѣстному всѣмъ Его Высокопреосвященства усердію къ таковымъ Заведеніямъ, далъ въ пользу сего Училища 200 рублей. Послѣ чего дѣти посажены были за столъ, а Его Высокопреосвященство благословя оныхъ, возвратился въ монастырь.

Мы сообщаемъ здѣсь имена дѣтей принятыхъ въ сіе Училище на полное содержаніе; равнобрно и записавшихся приходишь для обученія.

Принятые на содержаніе.

- 1.) Санктпешербургской Портовой таможи, умершаго Канцеляриста Василья Ширяева, сынъ Василій. Объ немъ засвидѣтельствовали: 1.) Церкви Благовѣщанія Пресвятыя Богородицы, Священникъ Емельянъ Исаевъ; 2.) Государственной Коллегии Иностранныхъ дѣлъ Секретарь Иванъ Пешровичъ Пешровъ; 3.) Капитанъ Семенъ Андрѣевичъ Андрѣевъ; 4.) Подполковникъ Иванъ Ивановичъ Львовъ.
- 2.) Лѣйбъ-Гвардіи Измайловскаго полку умершаго Сержанта изъ дворянъ, Федора Ильинскаго сынъ Василій. Объ немъ засвидѣтельствовалъ Лѣйбъ-Гвардіи Измайловскаго полку г. Капитанъ Гриневъ.
- 3.) Умершаго придворнаго конюха Павла Никипина, сынъ Андрѣй. Объ немъ засвидѣтельствовали: 1.) Церкви Владимірскія Богородицы Священникъ Иванъ Федоровъ; 2.) Правительствующаго Сената подканцеляристъ Алексѣй Борисовъ; 3.) Днепровскаго коннаго полку г. Поручикъ Андрѣй Ширмановъ.
- 4.) Юстицъ-Канторы умершаго Регистратора Петра Алексѣева сына Филипова, сынъ Григорій. Объ немъ засвидѣтельствовали: 1.) Церкви Вознесе-

- вля Господня Священникъ Сергій Федоровичъ Федоровъ; 2.) ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Кабинета Регистраторъ Лука Ивановъ; 3.) Санктпетербургской купецъ Борисъ Гавриловъ.
- 5.) Вопчинной Канторы бывшего подканцеляриста Доримедонта Коркина, сынъ Михайло. Объ немъ засвидѣтельствовалъ находящійся при Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ армійской Преміеръ-Маіоръ Григорій Ивановичъ Львовъ.
- 6.) Бывшаго комисіи о Сочиненіи Проекта Новаго уложенія копейска Ивана Спрѣлкова, сынъ Иванъ. Объ немъ засвидѣтельствовалъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса Совѣта Секретарь, г. Коллежскій Ассесоръ Игнацій Антоновичъ де Тейльсъ.
- 7.) Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА умершаго шафель-декеря Петра Куличкина, сынъ Иванъ. О немъ засвидѣтельствовалъ Церкви Владимірскія Богомашери Діаконъ Матвѣй Ивановичъ Ивановъ.
- 8.) Степанъ Алексѣевъ Дьячковъ, сынъ умершаго Дьячка Городищевского погоспа.
- 9.) и 10.) Григорій и Алексѣй Мироновы дѣти Васильцовы; сыновья умершаго Прапорщика Мирона Васильева сына Васильцова. О сихъ трехъ послѣднихъ засвидѣтельствовалъ Его Высокопреподобіе Іоаникій, Архимандритъ и Ректоръ Александровскія семинаріи.
- 11.) Алексѣй Семеновъ сынъ Веденской, сынъ умершаго Типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса Корректора Семена Иванова сына Веденскаго. Объ немъ засвидѣтельствовалъ Генеральнаго Сухопутнаго Госпиталя главной Докторъ Ома Трофимовичъ Тихорскій.
- 12.) Василій Васильевъ сынъ Типовъ, сынъ умершаго Поручика Василья Типова. Объ немъ засвидѣтельствовалъ Церкви Владимірскія Богородицы Діаконъ Матвѣй Ивановичъ Ивановъ.

Записавшіеся приходятъ для обученія.

- 1.) Евдокія Васильева дочь Спраннолюбская.
- 2.) Елена Матвѣева дочь Васильева.
- 3.) Анна Михайлова дочь Семенова.
- 4.) Левъ Михайловъ сынъ Семеновъ.
- 5.) Іакимъ Николаевъ сынъ Звѣгницовъ.
- 6.) Иванъ Петровъ сынъ Сорокинъ.
- 7.) Иванъ Михайловъ сынъ Ножевщиковъ.

Упомянувъ о всѣхъ споспѣшествовашихъ заведенію сего Училища, мы почитаемъ за должность увѣдомить, чинашелей нашихъ, о благодареніи и челолюбіи Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Гофъ-Фуріера Ивана Павловича Купреянова. Онъ извѣстясь о семъ намѣреніи и о дѣйствительномъ исполненіи онаго, и узнавъ, что домъ для сего Училища былъ нанятъ, возжелалъ изъ любви христіанской къ бѣднымъ, споспѣшествовать сему Заведенію, и оказавъ благодареніе сему Училищу; по чему присланнымъ писмомъ увѣдомилъ, что онъ для сего Училища даетъ безденежно покой въ своемъ домѣ; и что онъ и впредь сему намѣренію споспѣшествовать по силамъ своимъ будетъ. Мы воздавая ему чрезъ сіе досподолжную нашу благодарность, прославляемъ благотворительное его вспомошествованіе, которое принесетъ ему сладчайшее удовольствіе, ощущаемое всякимъ шворящимъ добро ближнему.

МАРТЪ

дни	числа	перемѣны Луны	АСПЕКТЫ
Ч	1		
♀	2	☉. 7. ч. 7 ¹ пнн.	♂ ☾ ♀. 1. ч. пнн.
♄	3		♂ ☾ ♂. 12. ч. пнд.
☉	4		
☾	5		
♂	6		♂ ☾ ♄. 0. ч. 39 ¹ . пнд. ☐ ☾ 4. 5. ч. пнд.
♀	7		
Ч	8		☐ ☾ ♀. 1. ч. пнд.
♀	9		☉ вб ♄. 2. ч. 11 ¹ . 19 ¹¹ . пнд.
♄	10	☉. 9. ч. 16 ¹ пнн.	☐ ☾ ♀. 3. ч. пнн.
☉	11		☐ ☾ ♂. 12. ч. пнд.
☾	12		♂ ☉ ♀ 4. ч. 39 ¹ . пнд. Париж.
♂	13		♂ ☉ ♀. 4. ч. 45 ¹ . пнн. Лонд.
♀	14		♂ ☾ Ч. 2. ч. пнн. ☐ ☾ ♄. 4. ч. пнн.
Ч	15		
♀	16		♂ ☾ ♀. 5. ч. пнд.

ДНИ	ЧИСЛА	переменны Луны	АСПЕКТЫ
♄	17	☉. 6. ч. 1 ¹ . ппд.	♂ ☾ ♀. 7. ч. 56 ¹ . ппд.
☉	18		♂ ☾ ♂. 11. ч. 14 ¹ . ппд.
☾	19		
♂	20		♂ ☾ ♄. 6. ч. ппн. ☐ ☾ ♀. 9. ч. ппн.
♀	21		
♃	22		
♀	23		☐ ☾ ♀. 7. ч. ппд.
♄	24	☉. 9. ч. 51 ¹ . ппн.	☐ ☾ ♀. 3. ч. ппд.
☉	25		☐ ☾ ♂. 4. ч. ппд.
☾	26		☐ ☾ ♄. 2. ч. ппд. ♂ ☾ ♃. 5. ч. 8 ¹ . ппд.
♂	27		
♀	28		
♃	29		
♀	30		
♄	31	☉. 10. ч. 22 ¹ . ппд.	♂ ☉ ♀. 8. ч. 7 ¹ . ппн. ♂ ☾ ♀. 11. ч. ппд.

*Особы, подписавшіяся въ Январѣ мѣсяцѣ:
въ Санктпетербургѣ.*

- Его Благородіе Гаврило Ивановичъ Бейеръ, 1 ексем.
5 руб.
— — Игнацій Ивановичъ Ивановъ, 1 ексем. 4 руб.
— Сіятељсшво Князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, 1 ексем. 4 руб.
— Высокоблагородіе Павелъ Алексѣевичъ Измайловъ,
1 ексем.
— — Александръ Андрѣевичъ Безбаролько, 2 ексем.
— Высокородіе Алексѣй Степановичъ Дьяковъ, 2 ек.
— — Иванъ Манувѣвичъ Олсуфьевъ, 1 ексем.
— Превосходительсшво Семенъ Пепровичъ Озеровъ,
1 ексем.
— Благородіе Иванъ Львовичъ Колѣсовъ, 1 ексем.
— — Андрѣй Андрѣевичъ Форсманъ, 1 ексем.
Кіевской Академіи Риторики учитель, г. Самойловичъ, 1 ексем.
Его Благородіе Сергѣй Михайловичъ Шараповъ, 1 ек.
— — Никиша Петровичъ Яковлевъ, 1 ексем.
— Высокоблагородіе Василій Васильевичъ Вандишъ,
1 ексем.
— — Николай Алексѣевичъ Янцуревъ, 1 ексем.
— Высокопреподобіе Іоиль Архимандритъ 3 ексем.
Зоводчикъ Андрѣй г. Бапашевъ, 1 ексем.
Калужской купецъ Андрей г. Адуевцовъ, 1 ексем.

Въ Москвѣ.

- Ея Высокоблагородіе Тапьяна Ивановна Арсеньева,
1 есем. 4 руб.
Его — Петръ Яковлевичъ Плюсковъ, 1 ексем. 4 руб.

) o (

О Г Л А В Л Е Н І Е

	спан.
I. Первый Алькивиадъ или о челоувъчской природѣ. - - - -	99
II. Ода ищущимъ мудрости. - - -	183
III. Увѣдомленіе отъ Издашелей. - -	187
IV. Аспекшнаго Календаря листъ на Маршъ мѣсяцъ. - . - -	191

УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ II.

мѣсяцъ Мартъ.

печашано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
пушнаго Шляхетнаго Кадетскаго Кор-
пуса,

1778 года.

УДЪЛЕННИ СВЪТЪ

И ЖЕ МЪСЪЛНО

ИЗДАНИЕ

ЧАСТЪ II

МЪСЪЛНО

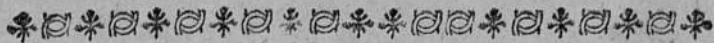

ИЗДАНО

ВЪ САНКТИ ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКАГО СЪКО-
ПАНСКАГО ПЕЧАТНИКА КЕДОНСКАГО КОП-

1778 ГОДА

*Особы, подписавшіяся въ Мартѣ мѣсяцѣ
въ Санктпетербургѣ.*

- Его Сіятельство Князь Дмипрій Александровичъ
Прозоровской, 1 ексем. 10 руб.
Въ семинарію Переславля Рязанскаго, 2 экс. 10 ру.
Его Высокоблагородіе Александръ Матвѣевичъ Коже-
вниковъ, 1 ексем.
— — Пётръ Гавриловичъ Рязановъ, 1 экс. 4 руб.
50 коп.
— Высокородіе Степанъ Ивановичъ Шешковской, 1
ексем.
— Благородіе Сергій Семеновичъ Молчановъ, 1 ек.
Екатеринославской купецъ Михайло Леоньевичъ
Фалѣевъ, 1 ексем.
Его Преосвященство Арсеній, Епископъ Тверскій и
Кашинскій, 1 ексем.
Придворной Келлермейстеръ Иванъ Моисѣевичъ Гу-
диловъ, 1 ексем.
Санктпетербургской купецъ Марко Андроновичъ
Горицкой, 1 ексем.

Въ Москвѣ.

- Его Благородіе Михайло Андрѣевичъ Мамоновъ, 1
ексем. 10 руб.
— Сіятельство Графъ Федоръ Алексѣевичъ Апрак-
синъ, 1 ексем.
— Благородіе Семенъ Ефимовичъ Десницкой, 1 экс.
— — Алексій Николаевичъ Щеповевъ, 1 ексем.

Въ Коломнѣ.

- Его Преосвященство Θεодосій, Епископъ Коломенскій
и Коширскій, 1 ексем.
— Высокопреподобіе Арсеній, Архимандритъ Бого-
явленскаго Голупвина монастыря, 2 ексем.
Коломенской купецъ Никифоръ Успеневичъ Палѣ-
товъ, 1 ексем.

Коломенской купецъ Тимоѳей Кондрашъевичъ Шульгинъ, 1 ексем.

Его Благородіе Кондрашій Степановичъ Канищевъ, 1 ексем.

Въ Полтавѣ.

Г. Войсковый товарищъ, Петръ Федоровичъ Паскевичъ, и г. Капитанъ Константинъ Ивановичъ Мавроенъ, будучи побуждаемы челоѳколкобѳемъ и истиннымъ усердіемъ къ пользѣ бѣдныхъ, приняли на себя трудъ, споспѣшествовать намѣренію нашему, собраніемъ благошворныхъ соревнователей пользѣ общей, и доставили намъ имена сихъ подписавшихся особъ. Мы возблагодаря соучастниковъ нашего намѣренія, сообщаемъ здѣсь имена ихъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Петровичъ Коновницынъ, 1 ексем. 5 руб.

— — Василій Сергѣевичъ Байковъ, 1 экс. 5 руб.

— — Николай Алексѣевичъ Алымовъ, 1 эк. 5 ру.

— — Николай Алексѣевичъ Свербѣевъ, 1 эк. 5 ру.

— Благородіе Константинъ Ивановичъ Мавроенъ, 1 ексем. 25 руб.

Г. Бунчуковый товарищъ и войтъ Магистрата Полтавскаго Петръ Никифоровичъ Чарнышъ, 1 ексем. 10 руб.

— — Павелъ Яковлевичъ Руденко, 1 экс. 10 ру.

— — Иванъ Павловичъ Марченко, 1 экс. 5 руб.

Г. Войсковый товарищъ Петръ Федоровичъ Паскевичъ, 1 ексем. 10 руб.

— — Григорій Ивановичъ Паскевичъ, 1 экс. 5 ру.

— — Алексѣй Яковлевичъ Лукьяновичъ, 1 эк. 5 ру.

— — Федоръ Яковлевичъ Лукьяновичъ, 1 эк. 5 ру.

— — Андрѣй Алексѣевичъ Левченко, 1 эк. 10. ру.

Полтавской купецъ Степанъ Павловичъ Маркевичъ, 1 ексем. 5 руб.

— — Иванъ Андрѣевичъ Сушковъ, 1 экс. 5 руб.

— — Семенъ Ивановичъ Лукьяновичъ, 1 экс. 5 ру.

Нѣжинской купецъ Василій Никитичъ Вербовскій ,
1 ексем. 5 руб.

*

Да сверхъ сего въ Полтавѣ же подписались :

Его Высокоблагородіе Андрѣй Яковлевичъ Леванидовъ,
1 ексем. 10 руб.

— — Федоръ Алексѣевичъ Наковальнинъ, 1 ек 5 ру.

— — Алексѣй Михайловичъ Мариньновъ, 1 ексем.
5 руб.

Въ Городѣ Архангельскоѣ.

Его Преосвященство Веніаминъ, Епископъ Архангелогородскій и Халмогорскій, побудясь благочестивою ревностію къ пользѣ ближнихъ , и желая изъ любви христіянскія споспѣшествовать намѣренію нашему, восприялъ на себя шрудъ собраніемъ благонамѣренныхъ особъ. подписавшихся на Журналъ нашъ. Возблагодаря досподолжно Его Преосвященству, мы сообщаемъ имена подписавшихся:

Его Преосвященство Веніаминъ Епископъ, 1 ексем.

— Высокопреподобіе Филаретъ, Архимандритъ Архангельскаго монастыря, 1 ексем.

Въ Архангелогородскую семинарію, 1 ексем.

Его Превосходительство Егоръ Андрѣевичъ Головцынъ, 1 ексем.

— Высокородіе Иванъ Ивановичъ Зипманъ, 1 ексем.

— — Лавренцій Савельевичъ Ваксель, 1 ексем.

— Сіятельство Князь Иванъ Михайловичъ Вадбальской, 1 ексем.

— Высокоблагородіе Михайло Дмишрїевичъ Поршновъ, 1 ексем.

— — Михайло Ивановичъ Романовъ, 1 ексем.

— — Илья Ивановичъ Ханыковъ, 1 ексем.

— — Благородіе Василій. Романовскій, 1 экс.

— — Герасимъ. Павловъ, 1 ексем.

Въ Калугѣ.

Въ Калугѣ.

Его Благородіе, Семенъ Никифоровичъ Веницѣевъ, по усердію и ревности къ пользѣ общеспвенной, и по любви къ бѣднымъ, принялъ на себя трудъ спсѣшествовать намѣренію нашему, собраніемъ подписавшихся особъ на Журналъ нашъ. Возблагодаря за похвальную его ревность и усердіе, мы сообщаемъ имена подписавшихся особъ.

Его Благородіе Семенъ Никифоровичъ Веницѣевъ, і ексем.

- — Андрѣй Петровичъ Колзаковъ, і ексем.
- — Иванъ Карповичъ Борзовъ, і ексем.
- — Христіянъ Матвѣевичъ Фанъ, і ексем.
- — Василей Ивановичъ Переславцевъ, і ексем.
- — Павелъ Ивановичъ Бѣлоглазовъ, і ексем.
- — Сергѣй Ивановичъ Торубаевъ, і ексем.
- — Василей Григорьевичъ Фалѣевъ, і ексем.
- Высокоблагородіе Василій Васильевичъ Рыкачевъ, і ексем.
- — Иванъ Ивановичъ Шицъ, і ексем.
- Благородіе Пётръ Даниловичъ Лебедянцевъ, і ек.
- Калужской купецъ Михайло Прокофьевичъ Зоповъ, і ексем.
- Его Благородіе Аѳанасій Петровичъ Коробовъ, і ек.
- Калужской купецъ Прокофій Максимовичъ Фалѣевъ, і ексем.
- — Иванъ Аврамовичъ большой Торубаевъ, і ек.
- — Иванъ Харипоновичъ большой Билибинъ, і ексем.
- — Илья Назарьевичъ Коробовъ, і ексем.

Въ Смоленскѣ.

Его Преосвященство Пареній, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій, ревнуя всегда о пользѣ общеспва и побуждаемъ истиннымъ челоѳколюбіемъ, при

при архипастырскихъ благословеніяхъ намбренія нашего, приялъ на себя равномѣрно шрудъ, споспѣшествоватьъ предпріятію нашему собраніемъ благонамбренныхъ особъ, подписавшихся на Журналъ нашъ, и благоволилъ сообщить имена, желающихъ получить оный. Благодареніе наше его Преосвященству споль же живо, колико приятно и усладительно чувствованіе благошворенія. Здѣсь слѣдуютъ имена господъ подписавшихся у его Преосвященства.

Его Преосвященство Пареній, Епископъ Смоленскій, 4 эксем. 25 руб.

— Превосходительство Машвѣй Васильевичъ Дмитріевъ Мамоновъ, 1 эксем. 5 руб.

Его Высокородіе Михайло Михайловичъ Жуковъ, 1 эксем. 5 руб.

— — Плашонъ Юрьевичъ Храповицкой, 1 экс. 5 ру.

— Высокоблагородіе Иванъ Яковлевичъ Повалошвыцковской, 1 эксем. 5 руб.

— — Семенъ... Челноковъ, 1 эксем. 4 руб. 50 коп.

— — Пешръ Яковлевичъ Аршеневской, 1 эк. 5 ру.

— — Демьянъ Яковлевичъ Азанчевской, 1 эк. 5 ру.

Его Высокопреподобіе Смоленскаго Троицкаго монастыря Архимандритъ Коншантинъ Соколовскій, 1 эксем. 5 руб.

Его Благородіе Степанъ Гавриловичъ Жирной, 1 эк. 4 руб. 50 коп.

Дому Смоленскаго Преосвященнаго ризничей Геродіаконъ Юсафъ Шупинскій, 1 эксем. 5 руб.

Его Высокоблагородіе Михайло... Шипневской, 1 эксем. 5 руб.

— Благородіе Илья... Лапошниковъ, 1 эксем. 5 руб.

— Высокоблагородіе Гаврило Степановичъ Решетовъ, 1 эксем. 5 руб.

Его Преподобіе Смоленской семинаріи Префектъ и богословіи учитель Іеромонахъ Іеронимъ Драгоцѣнный, 1 эксем. 5 руб.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I. Видѣніе Міра невинныхъ челоувѣковъ изъ Сочиненій г. Виланда.	193
II. Пѣснь Судѣ Паридовѣ.	225
III. Путешествіе добродѣтели.	239
IV. О дружбѣ.	267
V. Паспухъ и Философъ.	275
VI. Саладинъ и Фагъма.	278
VII. Аспектнаго Календаря листѣ на Мѣсяцъ Апрѣль.	283

) o (

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

I.

ВИДѢНІЕ

*Міра невинныхъ челоѣковъ изъ Сочиненій
Г. Виланда.*

Между пьмою Міровъ, исполненныхъ благоспи Создателя своего, сіяетъ въ шихой красотѣ земля; прекрасна шакова, яко же по сошвореніи ее Раемъ для невинныхъ челоѣковъ, пребывавшихъ непоколѣбимо во искушеніи, въ кошоромъ мы пали, и сохранившихъ непорочно доброшу еспества св. его. Блаженное жипельспво блаженныхъ челоѣковъ! или паче рещи, Ангеловъ бречнымъ пѣломъ прикровенныхъ! духъ бо челоѣковъ сродспвенъ еспеству Ангеловъ; безсмертенъ, какъ они, и равно удобопричаспе въ небесныхъ дѣйспвій и радости.

Зло не обрѣпало никогда спези къ сему прекрасному міру, при всѣхъ зло усоѣшованныхъ покушеніяхъ злоначальника, опвлещи его отъ Творца своего. Губь, зависпъ и насильспвенное высокомъ рѣче смущали никогда сладчайшаго согласія жи-

Часть II.

М

пельспву-

пельспвующихъ въ немъ; подобно единому мирному дому, взаимною радостію веселящемся, живущъ они въ объятіяхъ природы и невинности; подѣ кровомъ Создателя своего, благословеніе на нихъ благоволящимъ Окомъ низпосылающаго; блаженны подѣ Его законами, яко источникомъ веселія, и предохранительнымъ средствомъ отъ всякія прошивности.

Издалече предспала очамъ моимъ земля сія во приятномъ сумракѣ, подобна спранѣ, тихимъ луны свѣтомъ изъ мрака извлекающейся, когда любезное утро на орошенныхъ крилахъ своихъ на нее низпускается. На конецъ погрузились мы въ чистой воздухъ, яко въ море преисполненное благовонія, подѣмлющагося отъ обогащенныхъ повсюду цвѣтами и цблительными кореньями холмовъ, на которыхъ молодая весна со плодоносною осенью во приятномъ согласіи непрестанно царспвуютъ, не протоняемы неумѣренными временами года. Тамъ узрѣлъ я блаженный мѣръ, яко насажденіе Божіе радостно процвѣтающей; безсмертная живность сіяла во всѣхъ швореніяхъ; и самыя бездушныя вещи являлися оживошворенными и веселящимися о пребываніи своемъ. Тамо восхищала меня прекраснѣйшая простота, съ различностію содруженная. Высокіе кедровы лѣса, увѣнчанные мирповыми кустами холмы, извивающіеся по тихимъ полямъ источники, прохладныя дубравы,

дубравы, и усиренныя широко разпростирающіяся равнины, представлялись раемъ очамъ моимъ. Приятное смѣшеніе возхищающее духъ паче припворнаго чина и искуства! Гласъ радости издавали всѣ благополучныя творенія, оживляющія спраны сіи; слышима была любезная музыка, изъ тысящей звонкихъ и пищайшихъ гласовъ соспавленная; всюды раздавалось пѣніе на вѣшвіяхъ сидящихъ или по воздуху парящихъ птицъ, сопровождаемое блѣбніями волну носящихъ спадъ, и пихимъ шумленіемъ рѣвзвзвизающихся насекомыхъ; всякое дыханіе цѣлуешь, по своему образу, возвращающееся солнце, низводящее взоры на прекрасную природу; радость ихъ роздается по всѣмъ холмамъ; шoliko по приятно и самимъ звѣрямъ чувствованіе бытія своего! Коликимъ же блаженствомъ долженъ спвуетъ оно исполняши человекъ, въ которыхъ живешь духъ небесный; человекъ, сохранившихъ непорочность еспесива своего; человекъ, вѣдающихъ вѣчнующаго Духа, копорому благодарятъ они за блаженство, и коему даже и сами супъ подобны!

Твари, ощущающія бытіе свое, радостно взирающія на прошедшее, наслаждающіяся наспоющимъ, и открывающія во грядущемъ небеса превыше небесъ въ безпредѣльномъ предзрѣніи; человекъ, любящіе другъ друга всеобщю любовью; люди, блаженство свое блаженствомъ содруговъ сво-

ихъ увеличивающіе; распушіе непрестанно въ совершенствѣ. . . . Ахъ, колико вы блаженны!

Когда духъ мой, во испуленіи своемъ, мнилъ быши пресбленнымъ въ сію землю, порожественное приключеніе упражняло тогда весь родъ невинныхъ сихъ людей. Сонмъ свѣтло сіяющихъ Серафимовъ, посланный отъ Бога, низходилъ къ нимъ, дабы пояти съ собою и приближиши къ Богу, въ превыспренніе круги небесъ, первыхъ челоуковъ съ родоначальниками многочисленныхъ домовъ, отъ сего перваго супружества размножившихся. Симъ бы образомъ опходили и мы съ нашея земли, еслибъ не согрѣшили. Тако восхищенъ былъ Енохъ, проведеній божественное житіе посредъ грѣшныхъ.

Насадилъ Господь рай и на сей землѣ, на высокой мраморной горѣ надъ другими холмами и полями вознесенной; спрана сія естъ собраніе всѣхъ красотъ природы, усѣяна дубравами, цвѣтущими лугами и благосѣннолиственными деревьями. Тамо обитали первые челоуки со первородными чадами. Другіе раздѣлилися по лицу земли, оставя охотно шѣсныя для всего множества рай Господень: невинныя бо сердца повсюду рай обрѣтающъ. Но въ праздественные дни приходили часно къ первому жительству родоначальниковъ своихъ, освященному божественными явленіями и посѣщеніями челоуколюбныхъ Ангеловъ. Тамо прово-

провождали они нѣсколько благополучныхъ лѣтъ при стопахъ боголюбивыхъ праотцевъ своихъ, и снабденны благословеніемъ возвращались паки къ чадамъ своимъ.

Во время пришествія божественныхъ посланниковъ, былъ между ими торжественный день, въ которомъ праздновали они сотвореніе чловѣка: посланники обрѣли начальниковъ всѣхъ домовъ собранныхъ въ раю сладости. Извѣстіе о причинѣ прибытія ихъ разпространило не печаль, но повсюду крайнюю радость, смѣшенную съ тихимъ скорбленіемъ о лишеніи сладчайшаго лицезрѣнія и научающаго обхожденія со благими ихъ родителеми. Но Ангелы любовно ихъ упѣшали; въ сердцахъ же, управляемыхъ чистымъ разумомъ, и такая слабость не могла пребыти долѣе нѣсколькихъ мгновений.

Но кое восхищающее извѣстіе было сіе для призываемыхъ въ преславное сіе возвышеніе! Часто было оно тайнымъ желаніемъ душъ ихъ, хощя обитали они въ раю сладости и окруженны чадами въ объятіяхъ радости: но души ихъ предощущали, что для вѣщихъ удовольствій онѣ сотворены. И чтожъ бы могло ихъ удержати на землѣ сей? не могла она имъ нималѣйшаго предложити, чего бы не воздало спорицею Небо. Разлучалися они отъ возлюбленнаго рода ихъ; но оставляли его блаженна, покоющася подъ сѣнью Божія бла-

госпи и восхищающаяся надеждою равно-
гожѣ съ ними совершенства. Кое счастливое
ослабленіе сіяло на лицахъ ихъ, при
возрѣніи вспяшь во всѣ лѣта, почти въ
безчисленные златые дни, въ непорочности
изжитые, во пріяшнихъ трудахъ и просла-
вленіи Благодѣтеля своего правожденные!
Не омрачало зрака сего ни едино раскаяніе:
ощущеніе непорочности разливало спокой-
ствіе въ сердцѣ; а воспоминаніе приводило
на чело ихъ во свѣтлыхъ чертахъ каждое
доброе дѣло, означающее дни ихъ. Блажен-
ные, пророкранно блаженные чловѣки,
могущіе представити души ваши въ той
же добротѣ, въ какой созданы были!
Души возлюбленные Богу! ибо сіяло въ васъ
подобіе Его!

Се зрю я прощаніе начальниковъ сего
рода съ нѣжными ихъ чадами. Торжествен-
ный и поражающій видъ! Смопрятъ они
радостными взорами, исполненными благо-
словенія, на всѣ цвѣтущіе сіи сонмы, и
вкушающіе въ послѣдніе опцевъ и родитель-
ницъ удовольствіе, вливающееся отъ зрѣнія
благовоспитанныхъ и благополучныхъ чадъ,
яко на пріяшнѣйшее и непорочнѣйшее сла-
доспращіе самого супружняго успѣшенія, ихъ
произведшаго! „Мы оставляемъ васъ, глаго-
лющъ къ нимъ, дабы приближись благо-
творящему Духу, поль благополучными
насъ сотворшему. Сколь блаженны мы!
„Мы удоспоены будемъ прежде, восхвали-
„ши

„спи Его въ небесныхъ гласахъ, и проповѣ-
 „даши внимающимъ небесамъ явленную на
 „насъ благодать Его! Хвала Его есть слад-
 „чайшее ваше упражненіе нынѣ, яко же на-
 „ше пребудетъ во вѣки. Да будетъ жипель-
 „ство ваше прославленіемъ великаго Его
 „совершенства! Разлучаемся мы отъ очей
 „вашихъ; но не преспанемъ часпо низходи-
 „ти невидимо, или въ блещаніи вечерня-
 „го свѣща, для упѣшенія себя зрѣніемъ на
 „вашу непорочность. Коль блаженъ будетъ
 „часъ свиданія нашего, имущій соедини-
 „ти насъ въ совершеннѣйшемъ мѣрѣ на вѣ-
 „ки!„ . . . Тако рекли они къ дѣтямъ сво-
 „имъ со преисполненными нѣжными любвіи
 „взорами; а дѣти восприяли отъ устъ ихъ,
 „во глубокомъ молчаніи, послѣднія словеса.

Мать человекѣвъ спояла посреди со-
 бора подобныхъ ей дочерей, покрывающихъ
 повсюду холмъ сей. Сами Ангелы явили
 удовольствіе свое отъ сего вида; Ангелы,
 копорымъ ни едина красота швореній не
 чужда! Спояла сія прекраснѣйшая изъ женъ
 неповрежденна древностію лѣтъ; благо-
 словляя обнимала чадъ своихъ; въ достойно-
 почтенной красотѣ споитъ она, яко до-
 бродѣтель, восприявшая чувственнѣйшій об-
 разъ; она едина радовалася, когда проли-
 вались изъ очей другихъ слезы нѣжности
 по цвѣтущимъ ланишамъ.

Свѣтлый кругъ молодыхъ сеспрѣ окру-
 жалъ ее; разсмапривали онѣ ее любезно

ненасытными взорами, желая дражайший образъ ея впечатлѣти въ мягкихъ душахъ своихъ; юнѣйшія приступали объяти въ послѣдній разъ колѣна ея; многія на рукахъ своихъ принесли и млеко сущихъ младенцовъ. Божественная мать приявъ ихъ, прижимала въ послѣдній разъ къ персямъ своимъ, прѣбывающимъ тогда отъ матерняго чувствованія, когда каждое изъ невинныхъ пвореній сихъ, приятными усмѣшками отпѣспивовало ея усмѣшкамъ, и ласкаясь играло малыми перспами своими бѣлѣйшею ея выею. Вкушала она въ послѣдній разъ сіе еспеству челоѣческому свойспвенное удовольствіе, скоро на несравненно большее перемѣниться имущее.

Се возносятся на насъ Серафимы, и восклицають, ударяя во злапыя органы своя, небесныя пѣсни, наполняющія души поржеспвенными чувспвіями. Всеобщее безмолвіе связуетъ внимающую природу; высочайшее оживленіе проникаетъ во всѣ пвари, и восхищеніе ударяетъ въ сердце каждаго. Тихій хладъ обѣмлетъ челоѣковъ, разрѣшающихся отъ пѣла безъ насильспвеннаго боренія сего, смертію нами нарицаемаго. Внезапу возсіялъ велій свѣтъ, яснѣйшій солнечнаго сіянія, и озарилъ всю спрану; исчезли челоѣки, и на мѣсто ихъ узрѣли явившееся равное имъ число ангельскихъ ликовъ; земная же хижина ихъ рассыпалася, яко пепелъ, для соединенія

сѣ землею и произведенія неувядаемыхъ цвѣтѣвъ. . . . Удивленные небеснымъ видѣніемъ чада ихъ возводящѣ на небо очи; восклицающѣ радостно во слѣдѣ имъ, когда ликъ Серафимовъ при гласѣ побѣдныхъ пѣсней возносился въ ефиръ, входилъ въ небесныя врата, и оставлялъ удивленнымъ челоуѣкамъ предзрѣніе во глубочайшей отдаленности сущихъ и имени неимущихъ красотъ. Долгое время пребывали они неподвижны, усипремлены имѣя отперстыя очи, и мнили еще ихъ зрѣти. Тихое безмолвное испупленіе царствовало во всемъ собраніи, доколѣ духъ ихъ паки успокоился, и успа каждого чувствія сердца своего вѣщати спали. Обнимали они другъ друга сѣ нѣжною любовью, ободряли себя быти достойными высочайшаго своего опредѣленія. Старцы повѣствовали юнѣйшимъ о добродѣтеляхъ отшедшихъ, или успокоивали утѣшительными вѣщаніями мягкосердечныхъ чрезъ мѣру, и крушащихся о лишеніи присутствія любезныхъ.

Зрѣлъ я все сіе, не римъ бывъ; но не менѣе пораженъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, яко бы самъ былъ изъ числа блаженныхъ обитателей земли сея: чувствовалъ бо я себя быти имъ сродна; воздыхалъ часто самъ въ себѣ о погубленной нашей невинности, сѣ которою лишились мы шолкихъ благъ.

Опшъ толбъ преносилбъ меня Ангелбъ сбъ непоспизижимою быспрошою вбъ различныя спраны земли сея , дабы явиши мнбъ жишельспвованія и упражненія сихбъ челоббковбъ. Земля сїя во всбхб мбстахб имбешб радоспное и цвбшущее лице , хошя раздбленна вбъ различныя поднебесности и поясы, избъ копорыхб каждый величается особеннымб богашспвомб. Тамо разспроспраняюшя недоспгаемая взоромб долины, холмами и плодоносными древами покрышя, или созданныя спрудами челоббческими, и опшб каждая сбмяни вбъ нбсколько мбсяцовб споричный плодб приносящя. Здбсь высокїе сосновые или кипарисные лбса , сбъ верховб крупныхб горб, сбню своею покрываюшб правую и цвбшами успланные луга , гдб вб мирной безопасности пасешя кропкїй агнецб сбъ песпрымб шигромб. И хошя число людей сихб вбъ безчисленныя возрасло шмы; но земля, благословенїемб Божїимб преизобилуя , не оспудбваетб ихб пишати.

Сїи блаженныя челоббки, любящїе другб друга яко собрашю свою, не измбряли еще никогда природныя земли своея , дабы ввешп несприличныя ихб невинности и согласїю законы собспвенности. Живушб они разсбянны домами, управляемыми единымб закономб любви и благочинїя. Родоначальникб еспь всегда главою дома , или ближайшїй по немб заемлетб мбсто его ,
когда

когда сей преселяется въ высочайшій міръ. Правленіе ихъ подобно правленію вездѣсущаго Духа, промыслѣ и благоспѣю управляющаго вся. Трудъ ихъ естъ земледѣліе и скоповодство; обое подають имъ безпрестанно случай, разсмапривать въ близости дѣла Божія, открывати множество новыхъ чудесъ во природѣ, и зрѣніемъ ея почерпати кропкое ушѣшеніе.

Жительствованіе ихъ просто, подобно природѣ, ими во всемъ подражаемой; здравая бо неприпворная пища и умѣренные пруды шѣла, супъ истинное таинство къ содержанію силъ ихъ во всегдашнемъ цвѣтѣ и бодрости. Миролюбивые сіи люди не вѣдають кровавыхъ яспѣвъ. Кропкій Агнецъ охотно даетъ имъ волну, не прѣпѣща отъ сверкающаго убійственнаго ножа, представляемаго въ воздаяніе жестокосердыми обывателями нашего міра. Упопрѣбляютъ они все то, что природа сама для ихъ удобства и удовольствія щедро даруетъ. Древа и кусты преклоняють имъ злаповидные и червленые плоды свои; цвѣты даютъ свои благовонія, правы пшпашельные свои соки; пчела раздѣляетъ медъ свой съ ними; бумажное древо мягкій пухъ свой предспавляетъ имъ для одежды во хладные времена года; или успряють они одѣянія свои искусною рукою, собирая разноцвѣшныя перья и соединяя ихъ съ живописнымъ вкусомъ.

Роскошь, распоченіе и дѣшское безуміе, величались камнями или мокрошою насекомыхъ, имѣ совсѣмѣ невѣдомы. Но свободныя науки доведены ими до высочайшаго степени; такѣ, что произведенія величайшихъ нашихъ художниковъ суть ни что иное, какѣ опыты единые прошиву оныхъ совершенства. Зрѣль я цѣлыя горы изсеченны въ столпы и ходы, украшенныя образами, жизнь въ себѣ являющими. Симѣ средствомѣ сохраняющѣ они память опцевѣ и маперей, заслужившихъ честь воспитаніемѣ многихъ дѣпей, или изобрѣтателей полезныхъ вещей, и Богомѣ вдохновенныхъ пѣшовѣ, воспѣвающихъ въ поражающихъ сердца гласахъ дѣла Всевѣчнаго, или въ тишайшихъ звукахъ упѣшенія добродѣтели и приятности природы. Они показываютъ образа сіи дѣпямѣ своимѣ, повѣсвуя былія представленныхъ мужей, дабы симѣ возбудилъ въ нихъ желаніе, подражати ихъ добродѣтелямѣ.

Природа и подражающее ей искусство, суть неизчерпаемые источники упражненій сихъ благополучныхъ людей. Но сладчайшее упѣшеніе ихъ испекаетъ опѣ любви и дѣйствія ея, въ людяхъ производимаго. Нѣжное дружество, составляющее изъ многихъ согласныхъ сердецъ едину душу, и супружняя любовь, источникъ изящнѣйша радости въ сей земной жизни, царствующѣ здѣсь во всей прелестной ихъ силѣ,
и раз-

и разливаютьъ повсюду согласіе. Здѣсь при-
ятствѣ исполненная красота не бываетъ
добычею нечувствительнаго. Здѣсь не при-
нуждаетъ подлое корыстолюбіе людей, не-
навидящихъ другъ друга, къ несчаствен-
нымъ обѣщаніямъ. Тайственные законы
брачныя любви не осквернились здѣсь ни-
когда скопскимъ раздизаніемъ, и мушкетѣ
цѣлю едину мимошекущую забаву: всѣ по-
бужденія и движенія сихъ блаженныхъ супъ-
шихи и умѣренны. Каждая склонность слѣ-
дуетъ мановенію природы, и повинуется
ведущему ихъ разуму, яко чадо, немогущее
само себя управляти, повинуется любя-
щей его матери. Естество едино связуетъ
здѣсь прекрасный союзъ, соединяющій обѣ
части челоуковъ во едино. Научаетъ оно
разные помы, находити другъ друга. Тай-
ное содруженіе, изъ равноуспроенныхъ
свойствъ тѣла и нрава происходящее,
вдыхаетъ пишимъ гласомъ юношѣ и раз-
цѣвѣвающей дѣвицѣ, что они единъ для
другаго сотворенны. Любовь ихъ даруетъ
имъ новую жизнь, и каждое дуновение умѣ-
ною сотворяетъ. Ни едина прелесть, ни
едина приятность, ни едина добродѣтель,
или нѣкое превосходство не оспавляется
не примѣченно и не любимо въ возлюблен-
номъ предметѣ. Повсюренное разсмаприва-
ніе толликихъ совершенствъ восхищаетъ
чувствѣ исполненную душу. Взираетъ она
во сладостномъ изумленіи въ вѣчность,
зритъ

зрѣшь въ Создашелѣ образъ ся. . . . Исполненна благодарныхъ чувствованій, за сотвореніе ея къ шолікому блаженству, желаетъ умножитъ число поклоняющихся Ему и прославляющихъ Его.

Но почто опкрывашъ высокія сіи шаинства любви, поврежденнымъ жителамъ сего шара? Сколь мало естъ и могущихъ разумѣть сіе! и сколь рѣдко обрѣсти двоицу, удобную возврашши паки супружеству его достоинства и непорочности исполненную чистоту! чистѣйшія и высочайшія радости неизвѣстны смертнымъ. Онѣ оплелѣли изъ сего поврежденнаго міра съ истинною и благоспїю, яко усшрашенные голуби, дабы водворилися между невинными человѣками, пребывшими вѣрными природѣ. Какое шребованіе можемъ мы учинити на блаженство, пренебрегая природу, и почитая добродѣтель рушительницею радости. . . .

Мнилъ я въ видѣніи своемъ, что желаніемъ зрѣти домоправительство сихъ блаженныхъ, приведенъ я во единъ домъ. Семѣйство сіе обитало особо на горѣ, уподобляющейя впорому раю; шоль шо сходну учинило гору сію прилѣжаніе, помещникъ природы, насажденію Божію. Покрыша она была лѣсомъ, плодовитыми древами, садами и сѣннолиственными спезями. Между сими зрѣлися жилища человѣковъ, соспро-

енныя изъ кедровыхъ деревъ покойно , безъ великолѣпія и пышности.

Приблизился я ко единому изъ оныхъ; дубрава изъ разныхъ благовонныхъ деревъ и кустовъ, съ усѣянными цвѣтами поля, орошаемая и прохлаждаемая журчащими извивающимися ручьями , окружали сіе жилище. Подъ сѣнію зеленыя хижины, соплетенныя изъ вѣтвей аканѳовыхъ и коринѣйскихъ деревъ , узрѣлъ я сидящую женщину подобну ангелу, возсѣдшему въ сѣни нѣкоего древа опочипи опѣ небеснаго путешествія. Была она выше и крѣпчайшаго сложенія пѣла , нежели обыкновенно бывающіе слабыя дщери нашей земли ; свѣжій цвѣтъ красоты ея являлъ безсмертіе ; два млекосущихъ младенца прекрасны, яко сама любовь, лѣжали на лонѣ ея , и принимая здравое млеко , принимали крошкія чувствованія и согласныя побужденія , имущія прораспи съ ними въ добродѣтели. Матернимъ веселіемъ исполнены были очеса прекрасныя пипапельницы , когда душа ея упоевалась радостными помышленіями о будущемъ блаженствѣ прилѣпленныхъ нынѣ къ персямъ ея. Сіе являлъ блескъ очей ея. На конецъ отверзла она сладостно ослабляющіеся уста къ ихъ благословленію : „ Роспитіе и про-
„цвѣтайте , рекла она , любимцы сердца моего ! о смиренныя души , дремлющія еще въ нѣжныхъ пѣлесахъ сихъ,

„и не познающія еще достоинства ваше-
 „го бытія! колико возвеселитесь вы,
 „какою радостію преисполнится сердце
 „ваше, когда начнете ощущать въ себѣ
 „небеснаго Духа, въ чистомъ зеркалѣ ко-
 „шораго узрите вы образъ Творца своего!
 „Колико сладостно слуху моему буде въ
 „первое ваше нѣмощное произношеніе хвалы Ему!
 „Тогда изъйду вамъ, коль великъ Онъ есть,
 „и для каковыя жизни Онъ васъ создалъ,
 „дабы узрѣли мнѣ, во удивляющихся чер-
 „тахъ лица вашего и въ каждомъ воскише-
 „ніи, происходящемъ въ душахъ вашихъ. Ка-
 „кую радость причинитъ мнѣ ваша лю-
 „бовь, ваше согласіе, ваше любопытство
 „и невинность! Коль часто буду я бла-
 „женною себя нарицати, что произвела
 „васъ на свѣтъ! „ Тако рекла, и воздвиг-
 „нувъ ихъ, лобзала приятными устами.

Недалеко отъ нее узрѣлъ я сборъ
 отроковъ, съ сестрами своими во прият-
 номъ согласіи играющихъ между цвѣтковъ.
 Разсматривали они ихъ внимательно, и
 каждый избиралъ себѣ изъ нихъ любимый
 цвѣшокъ, дая ему имя одной изъ сестръ
 своихъ. Предъ жилищемъ зрѣлъ я многихъ
 дѣвицъ въ различныхъ упражненіяхъ: сія
 плела кошницу изъ вѣтвей; другая изго-
 товоряла плоды и распенія къ вечерѣ; чная
 на коврахъ, изъ волны ея сотканныхъ,
 вышивала, подражая природѣ, цвѣты и
 листья. Свѣшлые волосы главы переплетены
 были

были розами, и красота каждая подобна была упренней зарѣ, когда распроспраняетъ она багряный свой цвѣтъ по возбужденнымъ холмамъ. Каждая ослаблялася, взирая съ любовію на другую, и являлася невѣдающею о собспвенной своей приятности. Воспѣвали онѣ безбѣдственно приятныя пѣсни; юнѣйшія же сеспры ударили во свѣпловзвучные органы.

„Сколь прекрасно еси, воспѣвали онѣ, о вечернее солнце, на западныхъ холмахъ изъ мерцающихъ кустовъ днесъ блестящее! сколь любезны послѣдніе лучи твои, низпускаемые на поля и цвѣпы, едва не во мракъ уже сущіе!

„Поспѣши, о чистый источникъ свѣта! принеси родственникамъ нашимъ на другой половинѣ земли любезный день. Се украшаются днесъ шамо верьхи горъ; возбуждаются сады новою красотою, омоченны росою блестящею; каждый цвѣпокъ опверзаетъ ароматическую свою чашу, и дышетъ тебѣ въ жертву сладчайшими благовоніями.

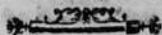
„Се возбуждаются наши собратія во блаженствѣ, и радуясь цѣлуютъ твое пришествіе, призывающее ихъ ко трудамъ, когда мы освѣщаемы шихою луною, по трудахъ въ тишинѣ покоимся, и веселыми мечпаніями, яко ангельскими образами, забавляемся.

Провождаетъ приятнымъ гласомъ, уда-

лился я во глубокую рошу, теряясь въ
 восхищительныхъ помышленіяхъ, коихъ рѣ-
 шенію споспѣшествуютъ зеленяя сѣни. Ча-
 сто вопрошаю самого себя, не прель-
 щаетъ ли меня сладкое сновидѣніе? но чув-
 ствія мои поелико живы были, что не
 могъ я усомниться, что бы не слышалъ
 и не видѣлъ дѣйствительно все очи и слухъ
 обворожающее. Тихимъ испущеніемъ по-
 грузился я во сладоспную задумчивость,
 и крошкія слезы орошали мои ланины.
 Ахъ! еслибъ вы здѣсь были, любезные мнѣ
 человеки, коихъ украшающійся вами свѣтъ
 нѣспъ достоинъ! шако желало мое сердце.
 Еслибъ вы здѣсь были, друзья мои, со-
 всѣми, коихъ благость и честность до-
 стойными чинятъ рая! если бы вы здѣсь
 были... поселились бы мы на сей горѣ;
 веселились бы жизнію, которую безумцы
 нашего міра вкушати намъ возбраняютъ!
 Здѣсь бы... Посреди нѣжнаго сего, но не-
 разсуднаго желанія, прервалъ мысли мои
 приближившійся ко мнѣ непримѣнно духъ:
 Оставь Промыслу, сказалъ онъ, пещися о до-
 бродѣтельныхъ, коорыхъ ты охотно жела-
 ешь спасти въ семъ невинномъ мірѣ. Состоя-
 ніе, въ которомъ они нынѣ, избрано имъ отъ
 Существа, необрѣтшаго ни единого изъ всѣхъ
 міровъ приличнѣйшаго для нихъ. Не зриши ли,
 koliko немилосердо есть твое желаніе, что бы
 собрати всѣхъ добродѣтельныхъ, разсѣянныхъ
 въ семъ нижнемъ мірѣ, во едино мѣсто?

*не тоже ли бы сѣ было, что преселити прежде-
временно всѣхъ благихъ въ Небо, и оставлен-
ную землю учинити адомъ? сїи самыя анге-
лоподобныя души, цвѣтущія яко между шер-
нѣмъ цвѣты, возбраняютъ совершенное спу-
стеніе земли.*

По сихъ словахъ услышали мы иѣ да-
лече приятныя пѣсни, многихъ гласовъ,
прохладными зефирами разносящіяся и въ
кедровыхъ лѣсахъ раздающіяся. Поспѣшно
слѣдовали мы сему любезному гласу, при-
ведшему насъ, невидимо покрытыхъ ефир-
нымъ облакомъ, во приятное собраніе. Весь
домъ, копораго нѣсколько члѣновъ я преж-
де зрѣлъ, собрался для приношенія вечерь-
нихъ молитвъ во всеобщихъ похвальныхъ
пѣсняхъ, которыя вся шварь неумолчно
возсылаетъ своему Творцу. Опцы съ сына-
ми своими возвратилися отъ дневныхъ
трудовъ въ обѣтїя своихъ домашнихъ,
ожидавшихъ пришеспїя ихъ въ нѣжной ра-
доспи: прекрасная супруга лепитъ съ оп-
верзспыми обѣтїями на встрѣченіе су-
пруга своего: соборъ любезныхъ чадъ игра-
ли опроческими забавами у колѣнъ своихъ
родителей, и провождали ихъ съ воскли-
цанїями въ хижину, гдѣ изготовлены были
здравыя яспва, проспсю природою даемыя
и неискаженныя искусствомъ, копораго сла-
сполюбивыя изобрѣтенїя вредятъ здравіе,
привлекая раздраженный вкусъ къ роскоши
и невоздержности. Любезная довѣренность

и невинная бодрость царствовали во благо-
словенной вечерѣ, и могли бы самая про-
спыя яспва учинить прияпными. Послѣ
сего вышли они предѣ храмину, дабы раз-
суждали, разсмапривая прекрасную спра-
ну, при пихомѣ луны сїяніи, и дабы пре-
жде погруженія въ обьяпїя сна, возсылали
похвальную пѣснь Создапелю своему, копо-
раго присуспспвіе даже и въ пайномѣ шумле-
нїи листовѣ зрѣли мнили. Какое пѣнїе, и
сколь превосходное предѣ исполненными
сладоспастїя пѣснями западныхъ пѣвицѣ
нашихъ! сїи суть пищею ушей, и часто
уподобляются пѣнїю сиренѣ, привлекаю-
щихъ на исполненные коспей берега смер-
тоносныя забавы. Онажѣ пѣснь была высо-
чайшаго рода, согласующая душу, и при-
влекающая Ангеловѣ или духовѣ эфира,
низпускалися на озлащенныхъ облакахъ,
или съ вершинѣ высочайшихъ кедровѣ, вни-
мали сему пѣнїю. Съ исполненнымъ прияп-
спва смущенїемъ приблизилися мы, при-
влеченные силою согласїя, вспрѣчающаго
души наши, подобно когда разверзаются
пъмы любезныхъ горпаней воспаряющихъ на
воздухъ или сидящихъ на вѣпвіяхъ ппицѣ,
и возглашающихъ прияпную радость веш-
няго упра, для поздравленїя восходящаго
солнца. Съ пѣнїемъ сихъ ппицѣ соединяюп-
ся порывистый гласъ и свистѣ соловьевѣ,
и шумѣ прилѣжныхъ пчелѣ, летающихъ
около благовонныхъ цвѣповѣ. Журчащїе
испоч-

испючники и помованіе лисповѣ отѣ упрен-
нихъ вѣпровѣ, парящихъ на розовыхъ крыль-
яхъ между лиспвіемъ покрыпыхъ сводовъ,
увеличивающѣ веселоспѣ пѣсней. Сердце вни-
мательно слушающаго ихъ паспыря прерѣ-
щепѣ отѣ радоспи. Тако или несравненно
любезнѣе слышимо было намъ согласное пѣ-
ніе сихъ человекѣвъ, раздающееся по всѣмъ
окреспносспямъ, во время шихія благовонныя
нощи, повпоряемое уединеннымъ гласомъ изъ
пропивуспоящихъ горѣ. Громкіе гласы му-
жей умѣрялися нежнѣйшими гласами женѣ;
дѣспи (какое восхищеніе!) испыпывали ко-
лѣблющіеся еще но приапные уже гласы,
желая воспѣпѣ болѣе ощущаемую, нежели
удобопроизносимую хвалу Создашелю; и са-
мые уста сущихъ младенцовъ сладоспнымъ
осклабленіемъ нѣмошспвуя, являли соглас-
ный гласъ на лонѣ изумленныхъ маперей
своихъ.

„Се добра еси, воспѣвалѣ сей священныи
„соборѣ, о земле! вѣ дремлющей красопѣ
„твоей. Сколь приапно являешся лице
„швое, покрыпое сѣниспымъ луны свѣшомъ!

„Сколь сладоспно успокояешся око
„при шихомъ свѣшѣ, ушрудившися различ-
„ными красопами злапаго дни! се капаешѣ
„благовонная роса; се прохлаждаешѣ ши-
„хое дыханіе вѣпровѣ дремлющіе цѣшпы.

„Тако обновляешѣ шы силы свои,
„земле! и процѣшпаешѣ вѣ безпреспанной
„бодрой младоспи, прекрасна яко садѣ

„Восклидай о бытїи твоемъ, о безсмер-
 „пная душа! хвали Его душа моя; хвалите
 „со мною и вы согласныя души! хвалите
 „Его видимые духи, окружающіе насъ, ихъ
 „же въ тихія нощи слышимъ, когда на
 „озлащенныхъ облакахъ лепая, движите
 „свѣшлый воздухъ; вдохновенными пѣсня-
 „ми, хвалите Его невидимые Ангелы! хва-
 „лите звезды, съ величественнаго онаго
 „небеси неподвижнымъ свѣпомъ зрящіе, бла-
 „женными тварямъ, друзьями нашими оби-
 „таемаго, да якоже и мы приуготовимся
 „къ лицезрѣнію Безконечнаго. . . . Воспойте
 „всеобщую пѣснь Богу.

„Кое великое видѣніе! пребуди око мое
 „орлимъ взоромъ, смотря на сіе небесное
 „позорище, гдѣ распостраняетъ Божество
 „славу свою. Все, что зриши, есть цѣлое,
 „благорасположенное сданіе, храмъ Божій,
 „гдѣ каждое небо есть олтарь, а ты самъ
 „человѣкъ священникъ Его еси. Какая мысль,
 „какія чувствія раждаются въ восхищенной
 „душѣ! хвали убо, о душа моя; и вся, иже
 „суть съ тобою, восхвалятъ Господа. Хва-
 „лите Его помышленія мои; хвалите ти-
 „хія чувствованія; и еще несозрѣвшія склон-
 „носпи да восхвалятъ Его. О Ты единъ
 „Сильный исполни, немощныя желанія
 „наши, вдохни Самъ хвалу Свою въ души
 „наши. Выже духи и Ангельскія силы вос-
 „пойте велѣимъ гласомъ вся, еже человече-

„ская душа въ единыхъ воздыханіяхъ явля-
 „ши можешъ. „

Тако воспѣвали они въ премѣнныхъ гла-
 сахъ. Тихая луна блеспела, яко восхищен-
 на, въ лазоревомъ небѣ. Ни едино журчаніе
 испочника, ни едино дыханіе вѣпра, ни еди-
 но прѣвѣпаніе листовъ, не прерывало бла-
 гочеспныхъ пѣній. Окрестные холмы мол-
 чали, исполнены почпенія; и соловьи,
 сидя на вѣшвіяхъ древъ, внимали прилѣж-
 нымъ ухомъ. Но съ высочайшаго воздуха
 слышимы были небесные псалмопѣвцы, но-
 сящіяся на озлащенныхъ облакахъ, сопро-
 вождая священное пѣніе несравненнымъ псал-
 мопѣніемъ. Огнеобразный свѣтъ освѣщаль
 верхи горъ и лѣсовъ. Вся спрана осіянна
 исходила изъ мрака, и благовонія наполня-
 ли воздухъ. Уже преспало пѣніе; но слы-
 шимъ былъ еще опзывающійся гласъ между
 древесъ и прѣвѣщующихъ листовъ; каждый
 листъ оживленнымъ бытъ являлся.

По сихъ освященныхъ пѣсняхъ душъ ихъ
 раздѣлилися человѣки: нѣкоторыя пошли
 подъ густыя сѣни или на усланный цвѣта-
 ми брегъ тихо журчащаго испочника, гдѣ
 засыпали на мягкихъ ложахъ, изъ фіолей и
 розъ сдѣланныхъ, при звукѣ чрезъ всю ночь
 воспѣвающихъ соловьевъ. Другіе соединясь
 обществами или уединенно проходили пре-
 красныя спраны, дабы почерпнути крошкое
 удовольствіе изъ вниманія дремлющей при-
 роды; посѣщали они знакомыя спези или
 удаленныя

удаленныя спраны дикаго вида, посвященныя пещеры, гдѣ на бѣлыхъ каменныхъ стѣнахъ видимъ былъ шихо препѣшущій свѣтъ луны; пустыни, гдѣ жипельспвуютъ размышленія, и гдѣ душа, совлекшись чувспвенности, печашлѣетъ въ себѣ образъ Божешва. Несмуцаемое въпрами море изумляешся новымъ восіявающимъ ей свѣпомъ, и восхищается великою надеждою, внезапно ей являющеюся.

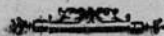
Исполненъ помышленій, удалился въ пустыню. Тихая мрачная задумчивоспъ обѣяла мою душу, когда обрапилъ взоръ свой опѣ сихъ блаженныхъ человѣковъ на нашу падшую землю, и почувспвовалъ, ко-лико мы погубили. Ахъ! ко-лико блаженны сїи люди, чувспвуя зависимоспъ свою опѣ Бога. Равное блаженспво успроено было и намъ: но мы не восхотѣли зависѣть опѣ Бога; а сїе еспъ еще и по нынѣ испочникомъ бѣдспвій нашихъ. Ахъ! что спала земля наша, бывшая прежде раемъ сладоспи? Что спали швари, имѣвшія въ ангелоподобной красотѣ образъ Божій? Сїи плачевныя помышленія не оставляютъ въ сердцѣ мѣста слезамъ о другомъ лишеніи. Не увядшую оплакиваю красосу швою, о земле, бывшая образъ небеси; не зеленѣющія въчно поля, не древа здравыми плодами опягченныя, не въчную весну подѣ слѣды человѣковъ цвѣшны постилающую; но въчно увядшую непорочноспъ, праводушіе, нелице-

нелицебріе, погубленную красому чувствованій, попушенный пламень всеобщія любви, разрушенное согласіе. . . . Сію погибель оплакивай душе моя! скорби сердце! плачше, когда пьмы собратій моихъ, не помышляя о бѣдспвіи своемъ, погибають въ суешныхъ забавахъ, и распочають краткое время, судьбину ихъ опредѣлиши долженспвующее!

Съ коего небеси низвержена была земля наша! Съ каковыя высоты пало естество наше! Сколь близко было оно прежде безсмертнымъ, и сколь подобно нынѣ духамъ пьмы! Колико потемненъ естъ нынѣ разумъ, коего очи неотвращимо на образъ всякаго совершенства, и истинны усупремленны быши долженспвовали! Какій Вавилонъ дикихъ желаній естъ сердце, опредѣленное быши храмомъ божеспвеннаго духа, въ которомъ долженспвовала неугасимо горѣти чистѣйшая любовь къ Творцу! Коль суешны и неукропимы сушь желанія, долженспвовавшія возносили насъ, яко на крилахъ ангельскихъ, къ Богу! Остались слабые лучи, пролетающіе разумъ и согрѣвающіе душу, отъ истинны свѣща, въ коемъ живеть Господь! Истинна сія не преломленна и неразбѣянна бывъ отъ опемненнаго разума, спускается сама собою въ сердце, плодородными чинитъ склонности, и насаждаетъ цвѣтущій рай добродѣтелей. Тако дѣйствуетъ она въ семъ невин-

невинномѣ мѣрѣ. Но мы смертные, мы
окаянные, мы погубили истинну и непо-
рочность! Наши ослабѣвшіе безуміемѣ и
омраченныя спрасьями очи, не могутѣ
уже сносить свѣта. Ненавидимѣ мы свѣтъ,
яко открывающій наши мерзости. Жало-
стное паденіе пвари, въ первобытій своемѣ
поль благою, поль святою, и поль Бо-
жественною бывшія! Увы! паденіе сіе поль
глубоко, чпо и некошунспвукщимѣ не-
вѣроятнымѣ и вымышленнымѣ быши мни-
ся, когда слышатѣ человека Ангеламѣ по-
добна сотвореннымѣ бывша. Прежде, неже-
ли почувствуемѣ мыслящую въ себѣ душу,
уже искаженныхъ себя видимѣ. Все окру-
жающее насѣ воспящаетѣ сіе самопознаніе,
могущее привести насѣ къ познанію еспе-
ства своего и опредѣленія нашего. Успро-
яемъ порочными примѣрами, возлюбляемѣ
зло, не познавъ еще добра. Пылкость раз-
ума ласкаетѣ приспрасью, мѣрѣ одобряетѣ
его обычаями. . . . О небо! Какѣ можешь
ты умножать сіе бѣдствіе! Какѣ можешь
ты терпѣши мѣрѣ!

Тако мнѣ помышляющему явился вне-
запу духѣ паки, возрѣвъ на меня, яко бы
желая прочести производящее въ души
моей. Я же полико пораженѣ былѣ мысля-
ми, чпо не удержался речи ему всѣ по-
мышленія свои, отѣ сравненія сихъ непо-
рочныхъ людей со мною и собратіями мо-
ими произшедшія. Внималѣ онѣ любезно
всѣ

всѣ глаголы мои; по помѣ началъ, взирая на меня исполненнымъ сожалѣнїя окомъ, крошечными словами шако :

„Любезна мнѣ нѣжностъ, извлекающая слезы изъ очей твоихъ о братїи твоей. Сколь рѣдки слезы человѣковъ о бѣдствїи ихъ! Горестъ сїя сердца твоего, при видѣ всеобщаго искаженїя, овладѣвшаго родомъ смертнаго естества человѣческако, естъ плодъ благаго духа, начавшаго оживляти сердце твое. Обыкновенно зломъ нарицаемые отъ васъ, болѣзни, неимущество, презрѣнїе, лишенїе друзей сколь ни чувствительны супъ; но благочестивымъ легкое бремя. Восплачи же, что супъ люди Бога нелюбящїе; что супъ люди, презирающїе яко плеву души свои; ожесточающїеся противу истинны; творящїе сердце свое гробомъ, исполненнымъ поноснѣйшихъ склонностей; въ присутствїи Бога зло творящїе и поздно уже раскаявающїеся. . . . О семъ скорбишь правѣдникъ : плачущъ о семъ и сами Ангели, коимъ радость велїя бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся.

„Но брегися, продолжалъ онъ, да разсужденїя твои о бѣдствїи человѣческомъ, не вовлекутъ тебя во мрачные помыслы и сомнѣнїя, мракъ на самый Промыслъ отбрасывающїе; скорби, изъ нѣжнаго сожалѣнїя, что люди не то, чѣмъ бы они были долженствовали; но и вѣруй, что падшїй мїръ еще толико добра имѣетъ, сколько пошребно,

нужно, да въ непредѣльномъ кругѣ Всемогущества Божія терпимъ будемъ. И еще вѣще падшій мѣръ, позорище грѣха и смерти, принужденъ божественными науками, паче оныхъ непорочныхъ, паче небесныхъ мѣровъ, въ начальной красотѣ своей блестящихъ, прославляши Создателя своего!

„Но да яснѣе сіе учиню шѣбѣ. Воспомни, чпо еспешвенное слѣдствіе естѣ слабости чловѣческаго разума, обрѣташи не порядокъ въ цѣломъ, изъ безчисленнаго множества частей соспавленномъ: равно бо сему являюся и звезды, съ высоты глубокаго эфира къ вамъ сіяющія, въ нечаянномъ безпорядкѣ брошенными. Но ты бывъ во истинномъ средопочіи мною пославленъ, восхищайся прекрасному чину и неизрѣченной ихъ красотѣ. Мѣръ является часпо быти швореніемъ нечаянности. Высочайшее Существо, коему все открыто зришъ согласіе со Своими намѣреніями, единственную красоту ему угодную; зришъ Онъ сношеніе и чинъ, въ самомъ семъ мѣрѣ, на коего зрѣніе тебя ужасаетъ, когда озираешъ ты его со мрачныя только спороны. Довольно знаши чловѣку, чпо Божія намѣренія исполнены. Нравственный чинъ естѣ невидимая для васъ красота, покрытая многими покровами; но сіи должны свуюшъ на конецъ свергнуты быти, и явиши удивленнымъ очамъ вашимъ образъ непорочныя красоты.

„Можешъ

„Можешъ бытъ ожидаешъ ты нѣчто большаго, нежели упѣшеніе и упованіе о будущемъ возвышеніи омраченнаго своего разума. Но нѣтъ ни чего и въ нынѣшнемъ с стояннн вашемъ нужднѣйше вѣрованнн, что все есть добро, и все ко славъ Создателя вашего скончанн приметъ. Хотя и не зрнше вы ясно, каковымъ образомъ сіе бываешъ; но будн, яко же *Марія* непорочнѣйшая душою и шѣломъ, когда изумясь благовѣстню Гаврнлоу, не постыгала, како сіе будешъ, и успокоилась душою, когда рѣчено ей Гаврнломъ: *сила Вышняго найдетъ на тя*. Коль часно смупяшъ помыслы свои безчннне на земли, и неизслѣдимыя пупн Господни; шо успокоевайся, по примѣу прапца, уповаая, яко Господъ попечешся.

„Но между шѣмъ возможно и прежде прншествія времени премѣстнн Вѣры на лицезрѣнн; возможно посреди п крова, мною тебѣ сказаннаго, зрѣши нѣкнє лучн сокровенныхъ красотъ мнра, о погубленн копорыхъ въздыхаешъ крошкое сердце свое.

„Вѣдаешъ ли ты, что сей самый мнрѣ нмѣешъ свойственныя ему необрѣпаемыя нн гдѣ красоты, о ннхъ же благоволенъ Предвѣчннй? . . . Крошкое разсужденн явншъ тебѣ добродѣтели, вѣ падшемъ только мнрѣ быти могущн. Что прекраснѣ быти можешъ перпвнн вѣ чувствнпельнѣйшей душѣ, сносящей охотно спраданн свои; вѣруешъ бо, прннмашъ нхъ опѣ руки Господни?

Что

Что преславнѣе брани добродѣтельныхъ со своими спраспями? Чѣмъ большія препятствія она имѣетъ ихъ побѣждать, тѣмъ величественнѣе зрится пропивленіе. Побѣда тѣмъ благороднѣе, чѣмъ больше въ ней трудности; и добродѣтель тѣмъ больше, чѣмъ труднѣе. Цѣломудріе *Иосифа* есть нѣкоторымъ образомъ прекраснѣе самая чистопыты *Серафима*; понѣ бо презрѣши долженствоваль прелести, опѣ коихъ едва не всѣ человѣки низлагаются, и въ единомъ мгновеніи долженствоваль онѣ побѣдить красоту и сладоспраспіе жены и свое собственное.

„Сколько часто веселимся мы, невидимы очами вашими, обрѣшая души, въ толпѣ бывъ человѣковъ, ищущія истинну неупомимо, хопя являющія она безпрестанно убѣгающею опѣ нихъ; души, несовращаемо шествующія по пути правды, бдящія о себѣ въ шипинѣ, обуздывающія чувства свои, трепѣщущія о малѣйшемъ грѣхѣ своемъ, и каждый шагъ по пути совершенства приобрѣщеніемъ сего почиющія; души, коихъ помышленіе о смерти, вооруженной всѣми ужасностями, успрашити не сильно, опрещися истинны; зрѣши таковыя души, восхипительно есть небеснымъ духамъ. Спрежемъ мы бодрспвенно таковыхъ; низоспъ скрывающая ихъ, не сокрываетъ ихъ наружный образъ, и мы проникая, удивляемся внутреннимъ красотамъ, воззрѣвающимъ для небеси.

„Не

„Не удивишельное ли, не поржающее ли се еспь позорище, доспойное небесныхъ зрипелей, обрѣпаши ангельскія добродѣтели божеспвенныя красопы въ мѣрѣ, въ коемъ зло пресполь свой ушвердившимъ зришся! Но все сіе еспь дѣло милоспи : единѣ сей Духъ, коего Премудроспъ Любовь, коего Любовь Всемогущеспво еспь, силенѣ былѣ произвспи таковое швореніе. Онѣ единѣ можешѣ, мѣрѣ сей, копорый сапана похипиши шцился, воздвигнуши паки во преспавное позорище чудныхъ Своихъ совершеспвѣ, въ доспойный предмѣшѣ Ангеловѣ и духовѣ. О поклоняемый Духъ! шеряюшся помышленія мои во глубинѣ шайнеспвѣ Твоихъ; погружаешся духъ въ Тебѣ на сладоспное чувспвіе любви; шихопоржеспвующее испушленіе о Твоемъ милосердіи прешекаешѣ по распроспраненному сердцу. Коль благо еспь, быши Твоимъ созданіемъ! Кое ушладеніе духъ вкушаешѣ!

„Вы смерпные безѣ сомнѣнія ходише еше во мракѣ; опкровенія Божія еше не совершены : но имѣя вѣру, и помышляя о прошедшемъ и грядущемъ, разсеяло бы довольное свѣша по спезямъ жизни вашей : живою вѣрою разсмапривая пупи Господни во священномъ смиреніи, могли ли бы ожидаши вы чего другаго, кромѣ конца блаженнаго !,

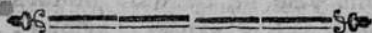
Е. О.

II.

II.

ПѢСНЬ.

СУДЪ ПАРИДОВЪ.

Премудрымъ безъ любви не можно въ свѣтѣ
быть :

Премудрость бо велитъ другъ друга намъ
любить.

И если въ комъ любовь съ премудростью спря-
женна ,

Того пребудетъ жизнь счастлива и блажен-
на.

Но кто пристрастною любовью духъ прель-
ститъ ,

Тотъ счастье свое въ бѣды преобратитъ.

Явилъ намъ то судьба Пріямова здѣсь сына,

Что безъ премудрости вредна любовь едина.

* * *

Стремится духъ, воспѣвъ про шрехъ Богинь небес-
ныхъ ,

Могуществомъ своимъ и славою извѣстныхъ ,

Которую межъ ихъ Пріямовъ сынъ рѣшилъ ,

Чемъ пронъ отеческій и Трою сокрушилъ.

Скажи, о муза! мнѣ вину сея досады .

Опъ кой гнѣвъ пылалъ Юноны и Паллады ;

За что Паридъ не имъ побѣду дасть судилъ ,

И въ знакъ шой яблокомъ Венеру наградилъ ?

А вы, о юноши! сей пѣсни гласъ внимайте,
 И мыслей плѣнными вещьми не занимайте.
 Когда плѣнять начнешь вашъ разумъ красота;
 Воспомните, что то есть свѣтска суета,
 Котора, какъ магнитъ, сердца младыя шянетъ,
 И коя съ временемъ, какъ сельный кринъ, увянетъ,
 Лишишия прелестней блестящихъ на всегда,
 И болѣ цвѣсть уже не будешь никогда.
 Не истребляю симъ я ваша любви,
 Какая царствовашь должна въ кипящей крови;
 Но если васъ она рабами ей творитъ.
 Се спрашныи предстоитъ вамъ юноша *Паридъ*,
 Который, ослѣпясь любовію безъ мѣры,
 Невольникъ сдѣлался роскошныя *Венеры*.
 Но васъ должна любовь къ премудрости влещи:
 Сія бо свѣтлая небесъ щедрыхъ дщи
 Едина насъ собой опъ пварей опличаетъ,
 Творитъ счастливыми, спокойствіемъ вѣнчаетъ;
 Безъ коея пастухъ, вельможа, воинъ, царь,
 Не могутъ нарецись разумна въ свѣтѣ пварь.

Уже *Пилеепъ* бракъ съ *Фетидою* свершался;
 Уже *Зепесъ* своей судьбы не устрашался,
 Какую рокъ ему изъ вѣчности предрекъ,
 Что въ свѣтѣ *Фетидою* родится человекъ,
 Который превзойдетъ родителя дѣлами.
 За тѣмъ владѣющій громовыми стрѣлами,
 Хотя къ *Фетидѣ* спросишь въ груди своей пишалъ;
 Однако же ее въ супругу не поалъ.

Уже безсмертные на бракъ возлѣжали,
 И пѣснями брачными супруговъ ублажали;
 Какъ вдругъ *Дискордѣя*, незваная на бракъ,
 Досадуя, сама себѣ глаголетъ такъ:
 „Или должна я снеси мнѣ сдѣланну обиду?
 „Или я буду зрѣти *Пилея* и *Фетиду*
 „Творящихъ торжество? . . . Я бракъ ихъ возмушу,
 „И все согласіе на ономъ прекращу. „
 Рекла, и воздухъ гласъ ея неспройный немлетъ;
 Она же яболохо златое въ длань приемлетъ,

И съ надписаніемъ: *да лучшая поэмѣ:*
 Предъ прехъ Богинь на сполъ невидима кладетъ,
 Вдругъ самолюбіе въ Богиняхъ возблиещало:
 Мнитъ каждая, что ей имѣть его приспало.
 Пиръ рушился; и ихъ рѣшити должно прю.
 Угодно на концѣ Юлитеру царю,
 Да шествуютъ сіи красавицы на Иду,
 рѣшити прю свою ко пастырю Париду.

Въ то время пастырь сей и купно сынъ царевъ,
 На сей горѣ игралъ въ свирѣль свою межъ дровъ;
 Овечки спали всѣ и пшички всѣ молчали;
 Скамандрины струи со шихостью журчали;
 Кудрявы дерева внимая нѣжный гласъ,
 Не колебалися отъ вѣтра въ оный часъ.

И се горы хребетъ наполнился лучами.
 Паридъ узрѣлъ Богинь сіюющихъ предъ очами.
 Юнона первая, Зепесона жена;
 Была сіяніемъ небесъ окружена,
 На раменахъ ея божественныхъ порфіра
 Была соплетена изъ чистаго ефира,
 И на главѣ вѣнецъ чистѣйшій былъ металлъ;
 Какъ молнія въ очахъ Паридопыхъ блисталъ;
 Вторая же была премудрая Паллада;
 И прешія, сердце пылающихъ опрада,
 Венера, тварей всѣхъ и всѣхъ распеній мать,
 Благоизволили на судъ къ нему предстать.
 Сей пастырь сынъ царевъ, судья нелицембрный,
 Дабы рѣшительный отвѣтивъ имъ дасть и вѣрный,
 Речешъ: *да каждая себя пѣ ниръ обнажитъ.*
 И первая предъ нимъ Юнона предстоитъ,
 Вѣщая: „Юноша! внимай изъ усилъ сихъ слово,
 „И сердце смертное имѣй свое готово
 „Къ приятію рѣчей, двѣрь въ оно отворя.
 „Представъ во умъ себѣ величество царя;
 „Представъ сію изъ всѣхъ ты смертныхъ лучшу долю,
 „Неограниченны могущество и волю,
 „Неисчислимое богатство, славу, честь;
 „И все, что можешъ санъ царевъ съ собою принестъ.

„Тебя поставлю я царемъ самодержавнымъ,
 „И учиню тебя и мощнымъ я и славнымъ,
 „Ты будеши тебя живущимъ окрестъ страхъ,
 „И будеть ихъ и жизнь и смерть въ твоихъ рукахъ,
 „Гдѣ востанетъ со Западомъ пресвѣтлыя денницы,
 „Тамъ будеть власъ твоею могущія десницы,
 „Престолъ твой будеть всѣмъ державамъ прочимъ
 судъ,

„И царіи тебѣ въ дая дары принесуть.
 „Тебя со страхомъ чшють всѣ будутъ человеки;
 „Речешъ, и двинутся къ своимъ вершинамъ рѣки.
 „Прославить даже ты сама небеса твердь,
 „И славы твоея ничто не можетъ спертъ:
 „Ты будешь оною во вѣчности гремящи.
 „Коль буду первенство судомъ твоимъ имѣти;
 „Прославившаго мя сама прославлю я:

„И се, *Паридъ*, за судъ награда есть твоя!
 Сказавъ умолкнула, и спань свой обнажаетъ.
Паридъ приступль къ ней зреть; зря съ страхомъ
 обожаетъ;

Но зрѣніемъ не могъ насытитъ смертный умъ;
 Отходящъ погруженъ во тьму различныхъ думъ,
 Въ которыхъ, ужасомъ объятъ бывъ, утопаеть,
 И въ размышленіяхъ къ *Палладѣ* приступаетъ;
 Котора, близъ себя его не допусая,
 Воздвигла твердый гласъ, приближись претя.
 „Поспой, ему рекла; поспой непросвѣщенный!
 „Сбери всю крѣпость силъ и разумъ расточенный!
 „Очисти мысль свою отъ всѣхъ мірскихъ суетъ,
 „И приступай по помъ ко мнѣ, увидѣшь свѣтъ:
 „Не напыщенны бо мой видятъ свѣтъ молвами;
 „А ты прельщенъ моею соперницы словами,
 „Величествомъ твое все сердце ушомилъ,
 „И мысли буйныя къ престолу устремилъ.
 „На слабость я твою, о паспырь, не пѣняю,
 „И младосію тебя твоею извиняю:
 „Я знаю, что не лъзя проливъ страстей споять,
 „Доколь кого моя не шронеть благодать.

- „Едина я могу лишь смертныхъ просвѣщати,
„И слабости сердце уму поработати,
„Распоргни убо ты завѣсу шемнопы;
„Распоргни, и познай блестящи суемы;
„Возри ты своего разсудка здравымъ взглядомъ,
„И виждь, что упоенъ твой умъ сладчайшимъ
ядомъ!
„Прибѣгни нынѣ ты къ премудрости, *Паридъ!*
„И се она сама въ очахъ твоихъ споитъ!
„Потребуй моего ты только врачеванья;
„И все разрушающа споль слабы чарованья:
„Я, иже восхощу, премудрыми шворю.
„О паспырь! я тебѣ подаю свѣтъ горю;
„Внимай! вѣщаю я нелестными уснми.
„Владѣть и управлять обширными странами,
„Безспорно, лучшая на свѣтѣ смертныхъ часи;
„Но съ тяжкимъ бременемъ сѣя сопряженна власть,
„Что царскій санъ великъ, я вѣрю безъ препоны;
„Что усилъ его слова, суть странъ его законы;
„Что все падетъ къ его повергшиися ногамъ;
„Что власнѣю своей подобенъ онъ Богамъ;
„Что счастье его вездѣ препровождаетъ,
„И всѣмъ его служба забавамъ, угождаетъ.
„Но пышность ты сѣю, о паспырь, разсмотри!
„Не стонупѣ ли въ своихъ забавахъ и цари?
„Желаньемъ умножатъ земель своихъ пространство,
„Преходитъ иногда и кропка власть въ иранство;
„Изъ славолюбія шворимыя войны,
„Не разоряютъ ли ихъ соблаженны страны?
„Не изнуряютъ ли народы имъ подвластны?
„Внимай, какъ и цари безъ мудрости несчастны.
„Но кто желаетъ зрѣть правленія плоды;
„Тотъ долженъ приложитъ къ правленію шруды.
„Не отъ щедроты ли владыкъ зависитъ слава?
„Не крошестьюль царя цвѣшетъ его держава?
„Не спорю, иногда быть должно и войнѣ:
„Когда злодѣй грозитъ войной его странѣ,

- „Тогда и кропкій мужь, носящій дѣдиму,
 „Обязанъ предпріяты войну необходимому.
 „Но та ли слава въ свѣтѣ должна о немъ гремѣть,
 „Что только онъ враговъ возмогъ лишь одолѣть,
 „Когда о собспвенномъ владѣннѣ не радѣеть?
 „Сей царь и въ кропоси пиранспвуя владѣеть;
 „Ему опъ люпоси Трофей сооруженъ,
 „И весь кровавыми шѣлами окруженъ.
 „Пускай избѣгнешъ ты, бывъ царь, сея напасти,
 „Но можешъ ли, не бывъ премудръ, бороши спраси,
 „Опъ коихъ долженъ ты себя предохранять?
 „Ты долженъ шѣхъ льстецовъ опъ прона опгонять,
 „Которые царей порокамъ угождаютъ,
 „А истиннѣ пуши къ ихъ слухамъ заграждаютъ.
 „Опъ лесни ихъ себя ты долженъ защищать;
 „Злодѣевъ испреблять; насильства прекращать;
 „Всѣхъ поданныхъ швоихъ любить, хранишь, покоишь;
 „Полезное для нихъ не въ мысли только спроишь;
 „Часы владычества щедротой замѣчатъ;
 „Премудрыхъ опъ невѣждъ во царствѣ опличашъ;
 „Сносишь съ терпѣннѣмъ друзей швоихъ досаду;
 „Заслугамъ даровать достойную награду.
 „Такіе шо цари приходятъ славы въ храмъ:
 „А емъ едина я способспвую царямъ.
 „Проникни, о Паридѣ, ты мыслию швоею,
 „Каковъ даемый даръ соперницей моею?
 „Противу же шого даемый мною даръ
 „Разсудка здраваго и сердца чистый жаръ!
 „Мои веселія пороковъ не вкушаютъ;
 „Но душу упоя, къ безсмернымъ возвышаютъ.
 „Ихъ сладость только мнѣ извѣстна лишь одной
 „И шѣмъ, кому даю я свѣтъ увидѣть мой.
 „Тебѣ опкрою шму вещей я неизвѣстныхъ,
 „И умъ швой погружу въ явленія прелесныхъ;
 „Опкрою я тебѣ небесныя спраны;
 „Теченіе всѣхъ звездъ и солнца и луны.
 „Опкрытнѣмъ такимъ швой разумъ насладится:
 „Познаешъ, какъ и гдѣ дождь, снѣгъ и градъ родится;
 „Чрезъ

„Черезъ просвѣщеніе познаешь ты мое,
 „Рожденіе молніи и грома бытіе;
 „Ошъ колѣ въпры къ вамъ свирѣтле дыхаютъ;
 „Черезъ что свирѣтствуютъ и паки упихаютъ.
 „Проникнешъ на конецъ твой просвѣщенный взоръ
 „Во глубину пещеръ, въ сердца высокихъ горъ;
 „Земныя нѣдра въ твой разсудокъ помѣстятся,
 „И златомъ всѣ твои спраны обогатятся.
 „Хотя межъ смертными ты будешь обипать;
 „Но будешь ихъ себя превыше почитать
 „Не саномъ и ниже породы благородствомъ;
 „Но самыя души великой превосходствомъ,
 „которую моимъ я свѣтомъ обновляю,
 „И выше жребія другихъ поспановляю.
 „Тогда пускай весь свѣтъ въ порокахъ злыхъ попо-
 нешь;
 „Но свѣтска суенна души твоей не пронешъ;
 „Блаженства твоего ничто не можетъ стерпъ.
 „Тебя не ушрашишь и сама люша смерть;
 „Ты будешь ждаль сея ужасной всѣмъ царицы,
 „Какъ свободенія невольникъ изъ темницы.
 „Когда же прійдешь сей побой желанный часъ,
 „Ты будешь помѣщенъ на небѣ между насъ.
 „Топъ счастливъ въ свѣтѣ семъ, и счастливъ не-
 премѣнно,
 „Кто слѣдуетъ моимъ спопамъ безпрешкновенно.
 „Но мало шаковыхъ на свѣтѣ смертныхъ есть;
 „И рѣдкость имъ сія самимъ же служилъ въ честьъ.
 „Внимай, о юноша! что въ мысль шедъ вперяю;
 „Внимай и разсуждай! еще я повшоряю.
 Умолкла, рѣчь свою Богиня окончавъ;
 Париду предшопилъ, броню съ одеждой снявъ,
 Закрывшись нѣсколько божественнымъ егидомъ,
 Паридъ любитъ ея почтеннымъ видомъ;
 Зрилъ перси, зрилъ ея широки рамена;
 Почтенья мысль его и ужаса полна,
 Въ которыхъ погруженъ, онъ паки утопаетъ,
 И ко прекраснѣйшей Венерѣ приспупаетъ.

Къ нему же взоръ возведъ красавица сія,
 Глаголетъ съ нѣжностію: „ Прекрасный судія!
 „ Не шаковы мои услышишь ты рѣченіи:
 „ Гдѣ былибъ спрөгія тебѣ нравоученіи:
 „ Совѣтовъ бо шакихъ давати не хочу,
 „ Да ими нѣжду мысль твою опягощу:
 „ Твоя бо красота, пвои младыя лѣта
 „ Не требуюиъ еще толь спрөгова совѣта.
 „ Не оуждаючи общаннѣхъ даровъ,
 „ Соперницѣ былъ моихъ совѣтѣ тебѣ суровѣ.
 „ Не приступаю я къ ихъ вымысламъ пространству;
 „ Скажу, что первая влечетъ тебя къ ширанству;
 „ Другая о своей премудросіи речетъ,
 „ И тѣмъ во скучну жизнь совѣтѣ тебѣ влечетъ,
 „ Совѣтуя тебѣ отъ свѣта удалиться,
 „ И со дичайшими звѣрьми въ пусыни скрыться.
 „ Лишиться общества пріяшнѣйшихъ оковъ;
 „ Лепати мыслями превыше облаковъ;
 „ Спараться постигать дѣла непосижимы,
 „ Богами въ вѣчной тѣмѣ отъ смертнѣхъ содержимы;
 „ Не толь же, что вносишь на небо дерзску длань,
 „ И начинаши вновь на насъ съ Гиганты брань!
 „ Не всѣль вы, смертныи! къ согласію рожденны?
 „ Не всѣ ли вы любите другъ друга осужденны?
 „ Примѣтѣ, найдется ли въ природѣ кшо такой,
 „ Кшобъ вздумалъ разрушатъ желанный всѣмъ покой,
 „ Опрічь, кошорыхъ свѣтѣ глашаенѣ мудрецами?
 „ Сіи единыи, себя прошиву сами
 „ Вседневно възпая, союзы дружбы рвушѣ,
 „ И мнѣнїя свои премудростію зовутѣ;
 „ Другаго мнѣнїя всегда опровергая,
 „ Свои мечтанїя за правду полагая,
 „ Что долженъ по его ишти законамъ свѣтѣ.
 „ Отъ коихъ обществу ни малой пользы нѣшѣ,
 „ И на конецъ они, чево еще желаютѣ?
 „ Да звезды всѣ по ихъ желанію пылаютѣ;
 „ Да солнце и луна по тѣмъ пущамъ шекушѣ,
 „ Какія мудрецы сіи имѣ предрекушѣ;

„Чтобѣ

„Чпобѣ самая земля ихъ волѣ угождала
 „И по законамъ ихъ плоды сври рождала:
 „И словомъ заключишь, чпо ихъ шеобѣ совѣтъ
 „Исполненъ суеты, шщеславія и бѣдъ.
 „А мой противу ихъ совѣтъ совсѣмъ опимѣненъ;
 „И признаюся, что мой не столь какъ ихъ надмененъ.
 „Кпо пользуюся имъ, на свѣтъ семъ живеть,
 „Хопя величества онъ шшла не несетъ,
 „Хопя не оглашенъ онъ звучной въ свѣтъ славой;
 „Но пользуюся всегда природы всей забавой,
 „Бзѣ подозрѣнїя, безъ страха весь свой вѣкъ
 „Проводить, какъ вести обяванъ человекъ;
 „Не шщипся постигать онъ шайнѣ сокровенныхъ,
 „И не слыветъ въ числѣ безумцевъ дерзновенныхъ.
 „Но вѣрь, пропивающись закону моему,
 „Всѣ позавидуютъ блаженству швоему.
 „Внимай, о юноша! шщеславному мысль оприна:
 „Я есмь природы мать, согласія Богиня!
 „Владычица любви и нѣжности еспь я!
 „Причина швоего и прочихъ бытїя;
 „Моею волею живопныя родяпся,
 „И мановенїемъ расшенїя плодятся;
 „Возри на небеса, на землю шы возри,
 „Мои суть данники и Боги и Цари:
 „Къ величествѣ своемъ мои оковы носяптъ,
 „И жертвы на олтарь мой въ дань свои приносяптъ.
 „Возри шы мысленно въ окружность свѣта шранъ:
 „Герой, и жаждущій разиши всѣхъ шيرانъ,
 „Сїи чудовища, всѣхъ жаждущіе крови,
 „Смягчаются однимъ посредствїемъ любви.
 „Внемли, о юноша прекраснѣйшїй! внемли!
 „Нѣтъ рода шакова живуща на земли,
 „Копорой не былъ бы къ забавамъ нѣжнымъ шпрасченъ:
 „И самый люшый шигръ бываептъ мнѣ подвластенъ:
 „Законъ бо мой родитъ не шпрогоспъ и не судъ,
 „Не возмущенїе, не зависть и не шрудъ,
 „Не злобу, не вражду, не шяжкія желѣзы,
 „Не подозрѣнїе, не спонъ, не горьки слезы;

- „Но сопряженіе пылающихъ сердецъ ,
 „Любовь и дружество есть онаго конецъ.
 „Проспри душевныя свои , о Пастырь! взоры ,
 „И въ воздухъ , и въ моря , въ пустыни , въ дебри , въ
 горы ;
 „Не обладаю ли едина онымъ я ?
 „Не я ли есмь виной сихъ тварей бытія ?
 „Не силоюль любви вся тварь сія родилсѣ ,
 „Чемъ воздухъ и вода , и вся земля гордится ?
 „Но если пресѣку я всѣмъ животноымъ плодъ ,
 „Пусть будетъ воздухъ весь , земля и бездна водъ .
 „Опущеніежъ кого сіе не проветъ ?
 „Сама вселенная о тратѣ сей возопиетъ .
 „А днесь воззри въ Киферъ и въ Книду , Кипръ и Пафъ ;
 „Увидишь множество живущихъ въ нихъ забавъ ;
 „Тамъ горы гимнами въ хвалу мнѣ оглашенны ;
 „Въ лугахъ роснутъ цвѣты , струями орошенны ;
 „Дремучіе лѣса , прекрасныя сады
 „Являютъ на себѣ различныя плоды .
 „Гдѣ земледѣецъ трудъ скончавъ себѣ полезный
 „Приходишь по трудѣ покоишься къ любезной ;
 „Тамъ не присутствуютъ уныніе и страхъ ,
 „И радость каждаго сіяетъ на очахъ .
 „Тамъ нѣтъ ласкашелей , шамъ вредныхъ нѣтъ шира-
 новъ ;
 „Тамъ льспивыхъ нѣтъ друзей и гнусныхъ ихъ обма-
 новъ ;
 „Тамъ вся веселіемъ кипитъ во всякомъ кровъ ;
 „Тамъ игры , смѣхи шамъ ; шамъ царствуетъ любовь ;
 „Тамъ все любовію и движется и дышетъ ;
 „Одинъ на деревьяхъ любезной имя пишеть ;
 „Другой любезную вѣнкомъ свою даритъ ;
 „Иной съ любезною о спасеніи говоритъ ;
 „Иной въ крипальныи шокъ съ возлюбленной глядитъ-
 „ся ,
 „И паче шѣмъ любовь въ сердцахъ у нихъ родилсѣ ;
 „Тамъ всѣхъ сердца равно любви питають жаръ .
 „И се каковъ мой есть шобѣ даемый даръ !
 „Но

„Но ты, о нѣжнѣйшій и мыслями и лѣтны!
 „Напечатлѣй мои на сердце всѣ совѣты;
 „Познай моихъ къ тебѣ глаголовъ сихъ вину!
 „Я лучшую тебѣ изъ смертныхъ дамъ въ жену,
 „И родомъ, и собой, и славою блестящу;
 „Когда судомъ твоимъ я славу приобретаю.

Симъ сдѣлала конецъ бесѣды своея.

Тогда при Граціи предспали предъ нея:
 Одна легчайшую одежду съ плечъ снимала;
 Другая подъ снопы ей розы подспилала;
 А шепчя, дабы умножить въ ней красы,
 Располагаючи по персямъ ей власы,
 Во безпорядокъ ихъ приятнѣйшій приводитъ,
 И нѣмъ убранныхъ всѣ на свѣтѣ превосходитъ.
 Зефиръ на воздухѣ въ округъ ее вѣясь,
 Въ облѣбншихъ льна власахъ Венериныхъ рѣзвясь,
 Лепаніемъ своимъ ихъ нѣжно раздуваетъ,
 И нѣмъ къ почтенью шварь Богини призываетъ.
 По шомъ, лишь члены всѣ открыла мать отрадъ,
 Исполненъ воздухъ спалъ небесныхъ ароматъ.
 И ны, каменьями обилующа Ида:
 Лишилась своего нахмуреннаго вида,
 И для Венериной небесной красоты,
 Явила на себѣ прекрасные цвѣты.
 Лѣса вершинами другъ другу поговали,
 И вѣтвями себя взаимно обнимали.
 Тупѣ львы и шигры свой оставя грозный видъ,
 Пришли со кропосью, гдѣ снадо пасъ Паридъ,
 И не свирѣпшвуя овецъ его лизали,
 Чрезъ что Богинѣ знакъ покорности казали.
 Всѣ Нимфы горѣ, лѣсовъ и Нимфы ясныхъ водъ,
 Собравшись межъ собой въ единый кароводъ,
 Владычицу сердецъ ихъ пѣснями прославляли,
 И пляску радостну играя соспавляли.
 Огнеобразный Панъ въ полпѣ Сатиръ идещъ,
 Изобразя въ своей одеждѣ цѣлый свѣтъ.
 Еолъ бурливаго Борей заключаетъ,
 И болѣ Борей пловца не ошягчаещъ.

Въ смятенной безднѣ всей простерся сладкій мирѣ,
И сверхѣ смиренныхъ водѣ лепаешѣ тихѣ Зефирѣ.
Трясущійся Протей на влагу всплышѣ желаетѣ,
И къ Идѣ по водамѣ приближись пылаешѣ;
Но премѣнить себя въ какой не знаетѣ видѣ;
Изъ бездны выползши по верхѣ ея сидитѣ,
Исполненѣ будучи и въ староси любви,
Любуется, поднятѣ свои густыя брови.

Нелтунѣ почувшовавѣ покой во глубинѣ,
Желаетѣ знать о шоль внезапной тишинѣ;
Тритона къ своему престолу призываетѣ,
И извѣстия ему повелѣваетѣ,
Какое строитѣ по могущю существо?

Сей выплывѣ и познавѣ Венеры шоржесшво,
Обратно передѣ шронѣ Владыки поспѣшаетѣ,
И въ раковинный рогѣ Нелтуну возглашаетѣ,
Что царствуетѣ по всей вселенной пишина,
И что всему шому Венера ешѣ вина,
Владычица сердецѣ, мать нѣжныя любви,
Родившаяся въ швоихѣ волнахѣ опѣ Кела крови.

И се Владыка водѣ съ престола воспаетѣ,
И съ Амфитритою изъ бездны водѣ грядетѣ
На черепаховой огромной колесницѣ,
Наяды съ пѣнѣемѣ послѣдуютѣ царицѣ,
Украшенны драгимѣ расшенѣемѣ грозныхѣ водѣ;
Тритонѣ предшесшвуя, гласитѣ царевѣ приходѣ.

Уже является Царѣ бездны надѣ водою,
Волнопимаемой играетѣ въпрѣ брадою,
Обмоклыя власы крилами развѣвалѣ.
Царя принесшій прочѣ побѣгѣ надменный валѣ.
Тогда угрюмый Царѣ оспавя колесницу,
Появѣ съ собою водѣ прекрасную Царицу,
Восходитѣ на Олимпѣ межѣ синихѣ облаковѣ,
Откуда съ жипельми небесѣ, Отецѣ Боговѣ
Со восхищенѣемѣ зря на Иду, свѣпомѣ ясну,
Тамѣ видитѣ въ шоржесшвѣ онѣ Кела дщерѣ прекрасну.

И грозный ада Царѣ, ужасный всѣмѣ Плутонѣ,
Почувшовавѣ въ своемѣ пресѣкшисѣ царшвѣ шонѣ,
Что

Что стали Фурѣи его не споль свирѣпы,
 Отбѣяпи повелѣль онѣ мрачныхъ вратъ заклеи,
 Да шествуешѣ во свѣщѣ, и самъ Венеру зришѣ:
 (Позналѣ бо, что она сей мирѣ вездѣ шворишѣ.)
 Заржавымъ скипетромъ подѣ Етной ударяешѣ,
 И въ чревѣ оной хлябѣ широку распоряешѣ,
 Въ которой жупелѣ онѣ съ одеждѣ своихъ отрясѣ;
 Гора изрыгнула его во оный часѣ,
 Чемѣ солнце надѣ собой въ день ясный погасила;
 И колесница въ свѣщѣ Плутона возносила,
 Везома чепырьмя бывѣ черными коньми.
 Остава по себѣ мирѣ въ адѣ межѣ тѣньми
 Плутошѣ, съ Безсмертными на Иду самѣ взираешѣ,
 И по Венерѣ самѣ со Зепсомѣ побораешѣ.

Межѣ тѣмѣ младый паспѣухѣ Венеру нагу зришѣ,
 И наслаждая взорѣ, весь пламенемѣ горитѣ;
 Вся кровь Паридопа любовію пылаешѣ;
 Онѣ зришѣ ея красу и зрѣшѣ еще желаешѣ:
 Изобразуешѣ бо въ себѣ сія краса
 При шихомѣ солнечномѣ сіяньи небеса.
 Онѣ чувствуя въ себѣ необычайну радость,
 Влечешѣ въ нѣкую ему безвѣстну сладость.
 Тогда Ермѣй ему то яблоко поднесѣ,
 Съ которымѣ предпослалѣ къ нему его Зепсѣ.
 Паридѣ приявѣ его во длань свою, вѣщаешѣ:
 Богиня! коей умѣ красы мой не вмѣщаешѣ,
 На кою безѣ того никто не можетѣ зрѣшѣ,
 Чпобѣ пламенемѣ ему любовнымѣ не горѣшѣ;
 Божественна краса! небесная Венера!
 Ни въ чемѣ не можетѣ бышѣ красѣ швоей примѣра;
 Должна ты верьхѣ надѣ всѣмѣ въ подсолнечной имѣшѣ;
 Тебѣ принадлежитѣ симѣ яблокомѣ пладѣшѣ.
 Сказавѣ, онѣ болѣ силѣ въ себѣ не ощущаешѣ,
 И дарѣ, залогѣ красы, во длань ей ниспущаешѣ.
 Соперницы узря сей дарѣ въ ея рукахѣ,
 Юнона въ пламенныхъ поднявшись облакахѣ,
 Онѣ взора смертнаго на небо возлешала,
 И молнія по ней на воздухѣ блиспала;

Паллада о конецъ опершись копья,
 На серномъ облакѣ грядя во слѣдъ ея,
 Во обиталище *Олимпа* восходила,
 И въ воздухѣ войнѣ подобный шумъ родила,
Венера въ облакѣ прозрачномъ завилась,
 И съ пѣніемъ на верхъ *Олимпа* поднялась,
 Наполня гору всю благоуханнымъ муромъ,
 Препровождаема *Любовью* и *Зефиромъ*.
Паридъ же, кой сію побѣду ей вручилъ,
 По времени себѣ *Елену* получилъ,
 Котора ставъ его обѣщанной женою,
 Содѣлалася вѣхъ *Троянскихъ* бѣдъ виною.

Василій Майкоуъ,

III.

Путешествіе добродѣтели.

I.

Въ то время, когда разцвѣтали миндали, *Тсангли* Бхаль оромашическими мѣстами счастливыя *Аравіи*. Онъ препровождаетъ былъ почтеннымъ Браминоу, соединявшимъ въ себѣ нѣжнѣйшую любовь матери съ мудрою важностію родителя и со дружескимъ наставникомъ. *Израдѣ* положилъ себѣ первѣйшимъ правиломъ своей жизни, что бы младосць *Тсанглия* напоить превосходнѣйшею и совершеннѣйшею добродѣтелию. Истинная любовь къ добродѣтели и надежда, чрезъ воспитаніе *Тсанглия* учинилъ себя полезнымъ свѣту, воспалили во престарѣломъ *Израдѣ* желаніе, воспитати свѣту одного изъ счастливейшихъ гражданъ. Выборъ, учиненный имъ въ разсужденіи своего питомца, оправдывалъ ожиданіе его. Никогда еще природа не владала столько прекрасныя души въ столько прекрасное мѣсто. Провидѣніе одарило разумъ *Тсанглия* основаніемъ ко премудрости, а сердце склонностію ко благу. Превѣчный назначаетъ сіи дары единственно душамъ прекраснымъ, коихъ опмѣнно предъ прочими избираетъ предметомъ своего благословенія.

словенія. Таковыя способности, безъ ко-
 торыхъ самое совершеннѣйшее воспитаніе
 естъ ни что иное, какъ безпрестанно не-
 счастливая война противу природы, побу-
 дили мудраго *Израда*, принявъ *Тсанглия*
 во свое смотрѣніе. Единственно въ надеждѣ
 счастливаго успѣха, приступилъ онъ къ
 воспитанію его, будучи твердо увѣренъ,
 что робкій духъ и развращенное сердце
 суть два зла, равно неизцѣлимая. *Тсангли*
 имѣлъ нѣжнѣйшія чувствованія къ настав-
 нику своему. Казалось, будто въ обоихъ
 обитала единая душа, влекшая ихъ къ
 одинакимъ предпріятіямъ, исполненнымъ
 добродѣтели. Мысли ихъ были столько
 согласны, чувствованія и движенія сердецъ
 ихъ въ такомъ находились союзѣ, что и
 сама природа казалось не возмогла бы, раз-
 рушить сего нѣжнѣйшаго и крѣпчайшаго
 совокупленія. Привычка, которая во *Тсан-*
гли была сильнѣе безразборчивыя природы,
 сдѣлавшая *Израда* ему опцемъ, и нѣж-
 ность, которая съ ревностнѣйшимъ побу-
 жденіемъ къ добродѣтели и съ благородною
 гордостію великихъ душъ, воспламеняла *Из-*
рада къ *Тсанглию*, служили неразрывными
 узами, соединявшими сердца ихъ неразрѣ-
 шимымъ узломъ. Такимъ образомъ, въ не-
 пресѣкающемся слѣдствіи добродѣтелию ис-
 полненныхъ чувствованій, провелъ *Тсангли*
 двадцать лѣтъ, въ печеніи коихъ разумъ
 и

и искусство соединили всѣ силы свои, что бы малое число приятныхъ возбужденій, къ которымъ скудая природа сдѣлала чело- вѣковъ способными, умножить, возвысить, и чрезъ тысячи искусно сокрытыхъ спосо- бовъ произвести. А сіи по приятныя воз- бужденія услаждаютъ горестъ жизни, и въ божественной дружбѣ плавающія души съ шойкою силою вихремъ радости обра- щаютъ, что уже не могутъ онѣ рассу- ждать ни о томъ, что въ нихъ происхо- дитъ, ни о предмѣтахъ, во приятной власпи коихъ онѣ обрѣтаются. Съ начала, чрезъ ученіе и неусыпную прилѣжность ко всему, чего еще *Тсангли* не въ состояніи былъ извяснить; по томъ, чрезъ удаленіе всего могшаго напоить ядомъ невинную душу его; чрезъ повпоряемые и премѣняющіяся чув- ствованія, которыхъ *Израдъ* умѣлъ предсав- лять ему отъ часу приятнѣйшими и ве- личественнѣйшими; на конецъ чрезъ при- мѣръ и дружбу сего почтеннаго Брамина, *Тсангли* достигъ до такія высокія добро- дѣтели и мудрости, что казалось, будто о томъ и о другомъ сама природа всѣ стру- ды свои приложила.

Храмъ въ Зандѣ.

Израдъ и *Тсангли* удаляясь отъ ро- дительскаго жилища, прибыли въ оную

баснословную землю, которая сама себя славилась, будто во всем народам, на земном шару обитаемым, дала нравы, наречіе, законы, вѣру и науки. Остатки царскихъ распоченій, достойно почтенные памятники пышности, и самимъ пыщающимъ опустошеніемъ времени пощаженыя, символы халдѣйскія премудрости, гѣроглифы извѣвляющіе по всюду древность прошедшаго и непроницаемость будущаго, и самое положеніе земли сей, которое казалось быти гробницею народовъ; все сіе соединялось, что бы въ путешествіи нашихъ вдохнувши оное священное благоговеніе, которое первый взоръ непостижимости отъ насъ изпоргаетъ. Съ сими по чувствованіямъ приѣхали они къ развалинамъ древнѣйшаго во всемъ свѣтѣ храма, храма Изиды Заидскія. По обыкновенію восточныхъ обитателей, предъ всякимъ изображеніемъ Божества повергались они на землю. Сердца ихъ почувствовали сильное бѣеніе и нѣкій священный воспоргъ, когда узрѣли надпись храма сего: *Азъ емь все что есть, было, и будетъ; ни единый изъ смертныхъ не открылъ еще покрывала моего.* Никогда еще путешествіи наши, да и никто изъ челоѣковъ, не находили полико сильнаго и превосходнаго изображенія неизмѣримыя великости Божія и неизслѣдимыя непостижимости Его. Какой это народъ, возопилъ Тсангли, который имѣя столь высокое и достойное

достойное о Божествѣ понятіе, въ самое по время до того себя унижаетъ, чпо обожалъ луковицы и крокодиловъ! не уже ли крѣпость и слабость душъ нашихъ, всегда и у всѣхъ народовъ земли сея, должны были нераздѣльны! не уже ли великость и недоспашокъ разума всегда должны были совокупны!

3.

При озерѣ Мерисѣ.

По нѣкоторомъ времени, путешествующіе достигли пасмурныхъ береговъ онаго славнаго Озера, гдѣ души умершихъ судимы бывали, собраніемъ чешыредесяти спарѣйшихъ Мужей и цѣлымъ народомъ; и гдѣ шокмо добродѣтельнымъ, единственнѣйшимъ, на поступки и поведеніе коихъ никто изъ народа не приносилъ жалобы, оказываема была честь торжественнаго погребѣнія. Жарчайшій полдень осѣщалъ печальные берега, на которыхъ осушающее дыханіе жигающаго Нубійскаго вѣтра, наклоняло главы цѣповъ, испускающихъ лепучія жизненные часпи свои на пихобіющіяся волны, о которыхъ онѣ воздыхаютъ. Уныніе и задумчивость, надъ синевапою плоскостію воды на вѣчно ясномъ небѣ повешенныя, вкрались непримѣнно въ души путешествующихъ. Горлицы и воздыхающіе соловьи обипали въ печальныхъ надъ озеромъ проспирающихся отъ кипарисовъ и

масличныхъ дровъ пѣняхъ. Царствующая всюды глубокая тишина прерывалась иногда плачевными горлицѣмъ вздохами и единоголаснымъ воронѣмъ пѣніемъ, кои при каменныхъ уже мхомъ обросшихъ горахъ, исчезающимъ опзывомъ эха повпоряемы были. Подлѣ озера стоялъ Памятникъ, который казался быши болѣе гробницею, нежели жершвенниковъ. Находящїеся на ономъ гегроглифы представляли змїя, коней хвоста своего во рпу держащаго, и нѣсколькѣ крылатыхъ главъ, которыя являлось посѣщали на другїй брегъ озера. Кинаристы распустили тысящальпнїе власы свои надъ опустельмъ монументомъ смъ; печальное сїяніе солнца, чрезъ колеблющїеся вѣтромъ сучья, освѣщало давно уже забвенной мрамрв сей. Тутъ *Твангли* взявъ руку мудраго *Гезрада*, приложилъ оную къ бїющемуся сердцу своему; жалоспный видъ его уподоблялся взору *Ангела*, который препровождаетъ умирающаго въ небесныя селенїя, когда уже смерпный пошъ выпукаетъ на челъ кончающагося, и летящая душа уже въ послѣдїй разъ крѣпчайше жилы опходящаго пѣла напрягаетъ, и съ послѣднимъ смерпнымъ вздохомъ оставляетъ его. О *Гезрадъ*! сказалъ онъ, когда и сїи очи, въ которыхъ сїяетъ свѣтъ безсмерпнаго; сїи руки, поль часпо меня обнимающїя; сїе сердце, въ которомъ я болѣе уже не буду, покроюся пѣнїю печальныхъ

ныхъ кипарисовъ и хладнымъ камнемъ не-
 упросимыя смерти! . . . О дражайшій *Изра-
 дабъ!* когда надъ гробомъ твоимъ душа моя
 во слезахъ утопаетъ спаветь, и возже-
 лаетъ уничтожиться! . . . Что будетъ тогда
 во снѣ жизни моей, которую любилъ
 единственно для тебя? О! когдабъ уже
 былъ я на томъ берегу озера сего, и тыбъ
 судилъ невинную жизнь мою! О! когдабъ
 уже прешелъ я всѣхъ искушеній, которыя
 предъ моимъ превращеніемъ, будутъ мнѣ
 Браню чинимы! О когдабъ жизнь моя
 скончалась купно со твоею! . . . Нѣтъ, дражай-
 шій *Тсангли*, опившійся *Израдабъ*; гласъ
 сей не есть гласъ премудрости и желаніе
 добродѣтели. Пускай тѣло мое долгое
 время пребудетъ преврѣненно въ кусокъ
 грязи сея долины; но благословенныя дѣла
 твои да будутъ на семъ берегу озера еще про-
 цвѣтати. Ибо тѣ единыя минушы, въ ко-
 торыя человекъ были мудры и благи, и
 кои употребили они на разсмотрѣніе ве-
 ликія природы, и на испытаніе благород-
 наго изъ начертанія мудрыхъ законовъ и
 благодѣтельныхъ намѣреній; единыя тѣ
 минушы, которыя посвѣтили они испол-
 ненію добрыхъ дѣлъ, дружбѣ, любви и не-
 винному наслажденію приятнѣшей жизни;
 единыя сіи минушы достойны бытъ изчи-
 сляемы. Разсмотри же, коль крашки ша-
 ковыя минушы жизни твоея!

Столпы Гермесовы.

Уже безчисленные лѣта пропекли съ того времени, какъ Египетъ почиталъ Испу-кана законодателя Гермеса, когда путеше-ствующіе узрѣли памятникъ его премудрости. Что же касается до воспоминанія данныхъ имъ законовъ, то оное давно уже изъ сердецъ потомковъ его изглажено было. Опъ обожанія единственнаго Суще-ства Божія, которое научилъ онъ ихъ по-читать въ образъ природы, яко неначер-паннаго но ясно глаголющаго закона; пре-шли, чрезъ корысполюбивые обманы жре-цовъ, къ обожанію видимаго, и вдалися во всякіе непорядки и во гнусное суевѣріе. Подоб-но Феникійскому народу, во знакъ могущества, на раненыхъ предводителяхъ своихъ поста-влявшему бычачью голову, Египтяне на превос-ходнѣйшемъ памятникъ Гермаса начерпали Аписа; что на языкъ жрецовъ означало мо-гущество; и такимъ образомъ былъ Аписъ почитаемъ былъ болѣе, нежели самъ пре-мудрый Гермесъ. — Долженствовало ли пер-воначальное и справѣдливѣйшее Богопочи-таніе превратиться въ таковое суевѣріе! О-колько опасуюсь я, сказалъ Израѣль, что бы и наши потомки, слѣдуя толкованіямъ Брахмановъ, не забыли священное служеніе великаго Цердусая! и что бы презрѣніе вѣ-ры и развратные толки Бонзовъ, Брахма-новъ,

новѣ, Фанировѣ и Дервишей, не поколебали почтенныхъ сполповъ порядка и покоя, и подѣ видомъ изпребленія суевѣрія, съ помощію оспроумія, сокрывъ себя подѣ покровомъ философіи, не опшняли у человекѣвъ лучшую надежду ихъ, а у добродѣтели единую дѣйствующую пружину ея!

5.

Пирамиды.

Приближаясь Мемфису, увидѣли путешествующіе оныя гордыя громады каменной, для собранія коихъ высокоуміе царей испожило силы цѣлыхъ народовъ, дабы нѣкогда, для вѣчной ихъ памяти, и безъ добродѣтельного царствванія, положишь шамо балзомированное пѣло свое. Но увы! время не пощадило ни пѣла безыменныхъ сихъ, ни неудобь восходимую облаковъ касающуюся высоту пирамидъ, ни мраморныхъ стѣнъ, изъ опдаленнѣйшихъ оспрововъ привезенныхъ, ни великолѣпныхъobelisksовъ, ни слога пышныхъ надписей, исполненныхъ всего того превосходящія гордоспи. Мраморы пренесены въ Римъ; муміи развезены по всѣмъ часпямъ свѣта; а надъ мхомъ обросшими развалинами, созданіе которыхъ стоило многіе миліоны, все низвергающее время, во знакъ своей побѣды, повесило печальныя профеи свои. Плачевныя знаки древнѣйшихъ глупостей міра

сего! возопилъ *Израдъ*; вмѣсто того, чтобъ подданныхъ своихъ учинили счастливыми, сїи гордые пираны употребили жизнь свою на то, дабы по прошествїи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ сказать своимъ потомкамъ: здѣсь хранится прахъ безполезнаго. Но время лишило ихъ и сего утѣшенія. Дражайшій *Тсангли*! едина добродѣтель сооружаетъ памятники въ сердцахъ человѣковъ, которые ни все снѣдающею ржавчиною времени, ни ядомъ зависти, ни даже соединенною всѣхъ стихій силою разрушиться не могутъ. Со спокойствїемъ и безъ малѣйшей пышности, яко лучи любезнѣйшей луны, сіяютъ чрезъ всѣ вѣки дѣла добродѣтельныхъ. Слава ихъ, подобно *Мемнову* испукану, при всякомъ восхожденїи солнца, гласитъ отъ одного народа ко другому: „О! вы, которые народами вселенныя управляете, и отъ неизбѣжимаго суда, „что *Миносъ* надъ вашими гробницами про- „изводишь, уклонитися немогущіе, когда „обнаженную гордость вашу смѣшаетъ онъ „со прахомъ прочихъ царей безвѣчныхъ, „и единые шокмо пороки ваши, для примѣ- „ру наслѣдникамъ вашимъ, представитъ; „о! правители несчастныхъ земель, поро- „ками омраченныхъ, или подъ пягостїю не- „раднѣя вашего падшихъ! ежели вы ихъ и „жителей оныхъ, еще неуполимому желя- „нїю чести и могущества, не принесли на „жертву; помыслите, что хопябъ не было „ни

„ни судилища при озерѣ Мерисѣ, ни рѣше-
 „тій Миноса, ни неизгладимыхъ глаголовъ
 „неупросимаго времени и испинны, копо-
 „рныя славу вашу уничтожатъ, и самую
 „дѣнь вашу мучить станутъ; по познай-
 „те, что есть еще Высочайшая Власть, яко
 „рѣшеніе всѣхъ народовъ васъ ожидающее,
 „когого Правосудіе споль же ясно, какъ не-
 „правосудіе ваше; когого спрогоситъ споль
 „же велика, какъ и злодѣйствы ваши, и ко-
 „гого удовлетвореніе неизбежно есть. Вос-
 „помните, коль неограниченна была власть
 „ваша, шворити благо, исполняти добро-
 „дѣтели, возвышатъ и поощрятъ оную, и
 „сколько мало вы оною пользовались! Вни-
 „майте, о вы! которые, по прошествіи нѣ-
 „колькихъ вѣковъ, на престолахъ родите-
 „лей вашихъ сидѣть будете! Воспитаніе
 „есть первое, важнѣйшее и существеннѣй-
 „шее попеченіе всякаго государства и
 „спрудъ доспойнѣйшій государей. Въ попом-
 „кахъ шокмо можете вы имя царя презра-
 „шить во имя добродѣтели, и памятники
 „добродѣтели учинить нерушимыми пира-
 „мидами правленія вашего. Единою добро-
 „дѣтелию да посрамите шоржество завоева-
 „телей и памятники давно уже забытыхъ
 „прародителей ваших!

6.

При Критѣ.

Опѣ угасшаго уже сіянія Египтяѣ, отпра-
 вился *Тсангли* во провожаніи своего
 друга и философа въ *Критѣ*, гдѣ тогда
 память премудрѣйшаго царя и просвѣщен-
 нѣйшаго законодателя *Миноса*, во всѣхъ его
 удивленія достойныхъ учрежденіяхъ процвѣ-
 тала. Нѣкто изъ тамошнихъ современныхъ
 ему писателей на языкѣ ихъ, представляеть
 столь прекрасное изображеніе жрецовъ сея
 страны, что оно заслуживаетъ предло-
 жено бытъ попомкамъ, яко глаголющее
 зеркало: „ Достойные служители Боже-
 „ства, кажется не имѣють инаго желанія,
 „какъ что бы шворить лишь благо. Важ-
 „ность сана ихъ возвышала, и чинила
 „благородными нравы ихъ, не надмѣвая гор-
 „достію; а примѣръ жизни ихъ дѣлалъ и са-
 „мое ученіе ихъ почти излишнимъ. Пре-
 „мудрость ихъ украшалась скромностію,
 „снисхожденіемъ, кротостію; добродѣтель
 „ихъ была безъ всякаго ухищренія, но въ
 „еспественномъ ея видѣ, и безъ лукавыхъ
 „намбрений; и се суть плоды счастливаго со-
 „гласія, въ которомъ находились сердца
 „ихъ со внутреннимъ уврѣненіемъ. Они про-
 „свѣщали другихъ, не ища бити видимы-
 „ми, и не имѣли нужды во принятіи на
 „себя вида важности. Человѣколюбіе и па-
 „пріотическій духъ составляли единую ду-
 „шу

„шу цблаго ихъ орденa. Всякія обществу
„полезныя предпріятія обрбтали въ нихъ
„ревностнбйшихъ спосбшеспвователей
„своихъ. Всегда равная бодрость и веселость
„духа; высокія и благородныя чувспвованія
„ихъ одушевляющія; привычка, находясь въ
„соспояніи отб всбхъ мїрскихъ попеченій
„освобожденномб, упражняясь во единомб
„разбисканіи истинны и во пвореніи добро-
„дбшели; вольность и непринужденность,
„сбкоими исполняли они всякія должности;
„прияпность нрава и поступокб, изливав-
„шаяся на всю жизнь ихъ, соединялись вмб-
„стб, дабы учинить ихъ достойными учи-
„телями всего народа, примбромб чистбй-
„шій добродбшели, защитниками добрыхъ
„нравовъ, и предмбтами всеобщаго поч-
„пенія.„ Но сіи самыя толико превосход-
„ныя душевныя свойства жрецовъ *Крит-*
скихъ, дблавшія ихъ надб всбми сердцами
властителей, приявб по томб единый
видб наружный, были причиною паденія
законовъ, а на конецб чрезб теченіе посред-
нихъ обспоятельствб, и разрушенія всего
государства. О непоспоянство предпри-
япій *человбческихъ!* о суеша премудрости
мїра сего! . . . Не жрецамб симб, но единому
сердцу моему хочу я внимати, сказалъ
Тсангли; конечно тебб, сердце мое! и
твоему, дражайшій *Израдб*, гласу, яко
гласу премудрости. Счаснїе *человбковб*,
которое мнб споль прияпно, и лишеніе,
когого

кого шoliko болѣзненно, да будешь на-
 всегда предмѣшомѣ собственнаго блажен-
 ства моего. Не по ли премудрость, не
 по ли, дражайшій *Гезрадѣ*, Богослуженіе,
 когда невиннаго защищаю, помогаю бѣд-
 нымѣ, болящихѣ облегчаю скорби, спраж-
 дущихѣ избавляю отѣ напастей; однимѣ сло-
 вомѣ сказать, когда дѣлаю челоуѣка счас-
 ливымѣ? И такѣ безѣ малѣйшаго препи-
 нанія предамся я приятности, отѣ сего
 мною чувспеваемой, и которая споль глу-
 боко и шоль еспешвенно во мнѣ отѣ при-
 роды влечашлѣнна. Какѣ пожелаю быши
 счасливымѣ, не имѣя чувспвишельности,
 взирая на шѣхѣ, кои сего равно со мною
 желаютѣ? Чувспвоаніе сіе во мнѣ еспѣ за-
 конѣ, а сей еспѣ гласѣ природы и закона
 Божія. Правосудіе ко всѣмѣ челоуѣкамѣ, чи-
 спосердечіе во всѣхѣ дѣяніяхѣ, благодар-
 ность ко благодѣшелямѣ, каковѣ шы, вели-
 кодушіе прошиву неприяшелей, и всеоб-
 щая любовь, не супѣ ли непосредшвенными
 еспешвенными излїянїями внушреннїя
 справѣдливости, отѣ которыхѣ зависитѣ
 здравіе и красота духа моего! и не должен-
 ствуешь ли сіе быши приятнѣйшимѣ и не-
 прерывнымѣ упражненіемѣ моимѣ!

Проспектъ.

Израдѣ съ горячностію облобызалъ
 друга своего, омывая невинное лицо его
 слезами радости. Онъ зналъ, что сіе без-
 прищворное изліяніе происходило изъ его
 оубъ природы благороднаго, и чрезъ не-
 усыпные шруды, вѣд бродѣшли уже укрѣ-
 пленнаго сердца. О Телгли! колкихъ на-
 градѣ достойны сіи восхищенія души швоея!
 koliko блаженно спокойствіе, по учиненія
 шакого дѣла, о которомѣ шы говорилъ!
 Сколь новѣ, великѣ, приятенѣ и восхищи-
 теленѣ образѣ природы для насѣ, послѣ-
 дующихѣ гласу ея! Сколь непрелесшно и
 мертво кажется намѣ мысленное сіяніе ро-
 скоши и пышности, которое оный во всѣхѣ
 часпяхѣ свѣша славимый народѣ, уже шок-
 мо вѣ развалинахѣ своихѣ шамѣ и сямѣ
 разсѣянно являетѣ, когда мы сравнимѣ его
 со свѣплымѣ сіяніемѣ испинно прекрасна-
 го свѣша! Какое восхищеніе ошушаемѣ
 оубъ успланнаго цвѣшами луга, оубъ по-
 койно журчащаго ручья, оубъ приятнаго
 ужаса ночнымѣ мракомѣ причиняемаго, или
 оубъ величественнаго явленія безчислен-
 ныхѣ свѣшовѣ! Цвѣшокѣ рукою природы
 начертанный; благоуханіе испускающія
 розы; согласнымѣ пѣніемѣ пшицѣ раз-
 дающійся лѣсѣ; радостный свѣшѣ дня,
 призывающій всѣхѣ къ жизни и радости;
 украшеніе

украшеніе неба бѣгающими и безчисленными различносціями; на конецъ спроеніе, одушевленное око челоуѣка, оное предвѣспіе еще высочайшаго степени красоты, копорыя посредствомъ зрѣнія и слуха и всѣми органами, изливаютьъ приапноспи на нашу мыслящую душу, тысящами пропоками радости; все сіе не производилъ ли въ насъ чистѣйшаго удовольствія, нежели искусство *Цейксиса* или *Аппелеса*, или *Аристотелевы* сочиненія? Улыбающееся лицо, въ копоромъ небо изображаетъ себя со всею благосцію своею; око, въ копоромъ его цвѣты; сердце, въ копоромъ пребываетъ вѣчное спокойствіе; взоръ, изъ коего совершенное удовольствіе души изливается; словомъ во многихъ предмѣсахъ или повсюду зрѣти таковое явленіе радости, было бы восхищительнѣйшимъ видѣніемъ; а производилъ оное, и въ сердцахъ, гдѣ отъ горестей оно угасло, возжечь паки, есть блаженнѣйшее упражненіе жизни нашея. Каждое взаимственное угожденіе, каждое нѣжное спараніе о благѣ братаи нашея, каждое вниманіе, что ближней нашъ исправляется и чувствуешь веселіе, производилъ сердцу нашему таковое удовольствіе, съ коимъ никакія забавы чувствъ, или никакое исполненіе корысполюбивыхъ желаній, ни въ числѣ ни въ великоспи сравняться не могутъ. Сколь часто мы, о *Тсангли*! единъ другому говоримъ, или паче дружескими дѣянїями доказыва-

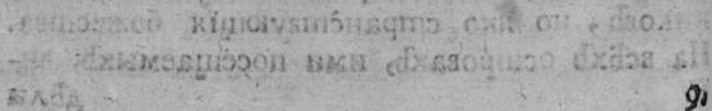
казываемъ, съ коликою жадностію желаемъ мы видѣть одинъ другаго счастливымъ; споль часпо чувствованіе сіе производитъ въ насъ небесную радость; а симъ образомъ очевидно намъ доказывается, что благожеланіе и дѣйствующая благость неопмѣнно принадлежатъ къ первоначальному сосаву и ко главнѣйшему счастью естества нашего. Былъ ли хопя одинъ философъ изъ современниковъ *Конфудзыя*, который бы о семъ сказалъ лучше, и болѣе *Демосеновъ*, какъ гласъ сердца нашего? Нуждныли намъ *Миносъ* или *Ликурго*, для произведенія сего чувства, которое во всякомъ сердцѣ, даже и въ заповренныхъ сердцахъ злодѣевъ, съ такою непобѣдимую силою вопіетъ, какъ спукъ грома по вселенной раздающагося?

8.

Храмъ Фесалійскій.

Исполнены превосходными чувствованіями чловѣковъ, бхали сіи друзья добродѣтели чрезъ прекрасныя мѣспа древнія *Греціи*, и вездѣ производили дѣла благородныя, копорыя въ душахъ ихъ сохраняли непрерывное спокойствіе, а на пупи гостеприимцевъ своихъ заставляли почитать себя, не яко простыхъ пупешественниковъ, но яко спранспвующія божества. На всѣхъ островахъ, ими посещаемыхъ, видѣли

дѣли они творенія рѣдчайшаго искусства, совершеннѣйшия произведенія подражанія природы, но неудобь подражаемая; храмы разныхъ Боговъ, въ коихъ народъ обожалъ образъ ихъ за самое существо; грады, гдѣ процвѣтали спрожайшіе законъ; академіи, по видимому навсегда цвѣтущее наукъ состояніе утверждающія. Видѣли они также и оный поликъ часто воспѣваемый храмъ *Фесалійскій*, котораго положеніе не уступало ни единой изъ прекраснѣйшихъ странъ счастливя Аравіи. Они видѣли мѣсто рожденія *Грацій* и *Мусъ*; двухребенную *Пинду* и священный источникъ, одушевляющій всѣхъ воспѣвателей *Меоніи* и *Аркадіи*. Они зрѣли природу во всѣхъ ея волшебства исполненныхъ и сокровенныхъ красотахъ, и чувствовали болѣе, нежели спихотворцы могли выдумать, а живописцы изобразити своею искусною кистью. Зря великолѣпное сіяніе природы, влекомы были *Орфеевымъ* чувствованіемъ. Солнце начинало уже сокрываться за насѣянныя по морю острова, позлащая плоскость воды, подобную чистѣйшему зеркалу, отъ котораго всѣмъ счастливымъ наиприятнѣйшее прохладеніе исходило, какъ оба единымъ чувствомъ побуждаемы, пали предъ восходящимъ сіяніемъ вечернія звезды; и *Тоангли* началъ воспѣвать тако:

9.

Вечерняя Молитва.

Опче и Владыко вся вселенныя! о немъ же размышляя, душа моя препбщешъ въ восхищеніи; Сотворшій видимую красоту земли; Пролившій безпредѣльные моря наполненны оспрововъ цвѣщущихъ; Возжегшій пламень солнца и свѣтилъ! о Источникъ всяческія красоты! копорый приятность услаждающую насъ и распроспраняющуюся на всѣхъ одушевленныхъ, яко изліяніе неизчерпаемая благоспи Твоя; содѣлалъ побужденіемъ къ радости, и гласомъ природы, когда даровалъ ей жизнь и повелѣлъ существовати! о Боже! соорудивый насъ способными къ познанію Тебя, и вложивый желаніе неизглаголаннаго утѣшенія, кое зримъ и сквозь покрытое мракомъ время, и нѣкогда соединясь съ Тобою, вкушати будемъ! о Ты, создавый мя для вѣчнаго блаженства! о Опче истинны! исполни мя чувспвоаніемъ истинны, безъ нея же и при сіяющемъ свѣтѣ законовъ твоихъ, не обрѣшу въ душѣ моей никогда спокойствія, считаемаго мною превыше всякаго ума челоувческаго. Тебя чувспвовати, всесущій Боже! имъ же произведенъ свѣтъ сей и благо въ немъ пребываемое; Тебя, наполняющаго всеодушевляющимъ все присупствіемъ своимъ; Тебя, взирающаго и на малѣйшее чиспосердечное желаніе, съ доспойнымъ обо-

жанія благоволеніемъ ; Тебя , о Существо неизмѣримаго величества ! чувствовашъ , не есть ли для меня вѣчнымъ благословеніемъ ! Тебѣ поклоняшися , Тебѣ служиши чистымъ , смиреннымъ и единому Тебѣ посвященнымъ сердцемъ ; во всемъ безпредѣльномъ твореніи Твоемъ съ почтеніемъ обожаешъ Тебя ; во всѣхъ челоуѣкахъ , Твоихъ чадахъ , а моихъ браціяхъ , любишъ Тебя , яко самого себя ; се есть предчувствіе ожидаемаго меня во области звездъ , по скончаніи жизни моя въ подсолнечномъ мірѣ семъ . Ахъ ! не попусти , да чрезъ легкомысленное ожесточеніе сердца моего , изъ любви къ видимому , забуду любовь къ Тебѣ , невидимому Богу , и прерву союзъ , совокупляющій мя , чадо праха , съ Тобою , величественнѣйшимъ Опцемъ всѣхъ ! Когда въ ономъ все поглащающемъ и всегда возобновляющемся вихрѣ всего бездушнаго и одушевленнаго , нѣкогда и сія жизнь моя , и еще существующее дыханіе всемогущаго дуновенія Твоего , поглотишя ; то къмѣ рѣшишя нерѣшимый жребій бытія моего , исчезающаго съ такою неизвѣстностію и споль безплодно ; аще не Ты рѣшишь его , когда всей природѣ повелишь паки возобновитися ! Во простиранныхъ пушпахъ будущаго , чувствованіе коихъ споль шѣсно съ существомъ нашимъ Тобою соединены , безпредѣльный взоръ нашъ видишь чистыя и несмѣшенныя радости , копорымъ , силою воображенія нашего ,

шего, всякія печали присоединеніе оприца-
емъ, и коихъ вѣчный свѣтъ уже и чрезъ
оный мракъ, въ копоромъ все здѣсь движен-
ся, съ божественнымъ и тихимъ сіяніемъ
распространяется. Чѣмъ болѣе приучаю се-
бя, презираю разныя возвышенія и паденія
въ жизни сей; чѣмъ болѣе усpreмляю очи
мои на беспрепятственно возобновляющіеся пре-
дѣлы непостоянства; тѣмъ спокойнѣй-
шимъ сердцемъзираю на ожиданія, соеди-
ненныя съ великою цѣпью непостижимаго
владычества Твоего, и коихъ неизвѣстность
или тщетность, увѣряетъ меня о нич-
тожествѣ моемъ; тѣмъ вѣще къ Тебѣ спрем-
ляюся!

10.

Израдѣ.

Еще *Тсангли* погруженъ былъ во глу-
бокомъ молчаливомъ размышленіи, какъ
небо, усыпанное звездами, восхищитель-
ные взоры свои превратило въ вѣчный воз-
душный лазурь, а цвѣтущіе луга, и со
всѣми красками своими, покрылись тем-
нотою. Тогда началъ вѣщати *Израдѣ*.
„Похвально, рѣкъ онъ *Тсанглию*, взирати на
невидимыя пути Провидѣнія; похвально, же-
ланія и намѣренія свои приносиши въ жер-
тву Провидѣнію, и свящую жизнь свою по-
свящати улыбающейся розамъ подобной не-
винности и всегда прекрасной добродѣтели;
но еще похвальнѣе всѣхъ размышленій сихъ

и благодареній изъ устѣхъ изпекающихъ, благодареніе, чинимое благими дѣлами и жертвою должностямъ. Для сего по Всемогущей далъ человеку возвышенное сердце и разумъ, превозносящей его надъ всѣми въ видимомъ твореніи существами; для сего по препоясалъ Онъ плѣчо его крѣпкою силою, съ которыми ничто сравниться не можетъ; для сего по вліялъ Онъ въ *Готтентотовъ* способность, бросать пращемъ во ста шагахъ, не ошибаясь ни на одинъ волосъ; *Формосцовъ* надѣлилъ скоростію, перегоняши лошадей на всемъ скаку ея, а жипелей *антильскихъ* оспрововъ искусствомъ, убиваши стрѣлою птицъ на полетѣхъ и рыбъ на полномъ ходу; для сего по *Моисею, Ираклу, Баярду и Кустю* даровалъ онъ чрезвычайную силу, копорую надѣжало имъ употребити на вспоможеніе слабымъ и на защищеніе добродѣтели. Не преидемъ же все сіе едиными мерзвыми размышленіями; но воспользуемся онымъ на исполненіе того, что безсловесно требуетъ отъ насъ Провидѣніе, вѣряя намъ залогъ силъ нашихъ; обратимъ разумъ нашъ ко премудрости, а премудрость къ насъ на вѣнчанію ближняго, всѣ же силы наши ко споспѣшествованію въ достиженіи всеобщаго величественнаго конца, долженствующаго вести насъ къ сосѣданію со блаженными, и ко приобрѣтенію опредѣленныхъ имъ наградъ!

II.

Таинства.

Для чего, сказалъ *Тсангли*, споль многое отъ глазъ нашихъ сокрыто? для чего спези Провидѣнїя сущь намъ непоняпны, и всѣ таинства священнаго закона покровенны вѣчною и загадкамъ подобною шемношою? ... Для чего, глаза твои, подхвашилъ *Гезрадъ*, не могушь шерпѣшь сїянїя солнца, или изочесшь числа звездъ? Могушь ли скончевающїяся швари проникнушь безконечное! Не все ли насъ окружающее, внѣ и вѣ насъ находящееся, исполнено непоняпности? и не самыя ли мудрѣйше изъ человекѡвъ прежде всѣхъ признались, что они ни о великой связи вещей всѣхъ, ни о началѣ и концѣ оныхъ, ни о душѣ ихъ, сошворенїи и дѣйствїяхъ, ни о непоспизи-мости Бога нималѣйшаго познанїя не имѣюшь? Для чего же не желаемъ мы, вѣря съ надеждою начерпанному во книгѣ природы и опкровенїя, самихъ себя успокоишь?

Вѣ сей самой спранѣ первый изъ мыслящихъ умѡвъ предложилъ сочиненїя свои свѣшу, и гдѣ *Аристотель* изъ воображенїи *Платона* составилъ такую логику, ко-порой, тысящу лѣтъ послѣ его, всѣ школы просвѣщенныхъ царствѡвъ учили, и ко-порой цѣлое скопище философѡвъ и нефилософѡвъ послѣдовало, доколѣ *Картезий* (или *Декартъ*) не предложилъ, съ опа-сноспию

сноспію живопа своего , слѣдующее положеніе : *Не вѣра , но изысканіе истинны относится къ философамъ.* Онѣ учинилѣ самое поже въ другой часпи свѣпа, что *Конфуды* въ нашемъ счастливомъ опечеспвѣ. Онѣ по былѣ , копорый создалѣ себѣ крылія , и нашелѣ пупь изѣ лабиринфа , на коемѣ однако же, послѣ смерти его, опкрылися еще многіе лабиринфы , и свѣпѣ сей на пупи его замѣшали. Природа по всюду означаепѣ предѣлы философїи , гдѣ оная долженспвуепѣ оспановитися и опдапѣ Закону свѣщю , безѣ свѣпа копорыя производипѣ она единое ослѣпленіе и заблужденіе. Законѣ оспавляепѣ ей все по , что разуму поняшно, а сокрываепѣ единыя непоспижемыя таинспва и судьбы Провидѣнїя. Но сіе долженспвуепѣ ли огорчапѣ разумѣ? цѣпи, означающїя черпу предѣловѣ, однимѣ токмо гордымѣ и щеславнымѣ кажуспя быпи спягоспными. О философы ! довольспвуйспся истиннами , зрѣнїю вашему подвласпными, коихѣ почноспѣ ушверждаепѣ васѣ и въ непоняпныхѣ, но не менѣе справѣдливыхѣ истиннахѣ: ибо всѣ онѣ испекаютѣ изѣ одинаго испочника , изѣ высочайшаго Испочника справѣдливоспи, Законѣ находясь во свѣпозарномѣ одѣянїи семѣ , и просвѣщенными и боязливыми очами видимѣ быпѣ можепѣ. Освѣпипѣ факеломѣ философїи непоколѣбимый и въ основанїе положенный камень , копорый споль часпо

всѣми

всѣми секшами и сомнѣвающимися міра сего, опвергаемъ былъ, и копорый стягостію своею всѣхъ ихъ привелъ въ раздробленіе. И когда и въ самыхъ бездонныхъ глубинахъ обрящете дѣсницу всемогущаго, копорый искони свѣта, величественное сданіе сіе сохраняетъ, и чрезъ бури, и чрезъ различныя премѣны времени всегда его утверждаетъ; тогда исполняясь высокопочитанія, отступите назадъ, и не спарайтесь болѣе проникать до самыхъ вратъ вѣчныя ноши: философія не возможеть уже васъ препроводити столь далеко, не причиня вамъ обмороковъ: вы спойте на берегу безконечныя пропасти. Истинная философія возлагаетъ покровъ скромности на очи, могущіе заблуждаться, и вручаетъ челоуѣка высокопочтенной къ Божеству довѣренности. Она оставляетъ ему священную темноту, сокрывая себя и тайны свои въ ноши и въ громовыхъ тучахъ. Ни едина изъ созданныхъ тварей, не откроетъ покрывала сего, и не познаетъ пути ударяющей молніи.

12.

Дѣиы.

Наши путешествующіе не могли оставить мѣста рожденія всѣхъ художествъ и съ философіею всегда сопряженнаго краснорѣчія, что бы не удивлялися источнику

полюкихъ разумовъ , мѣръ сей просвѣтившихъ. *Аѳины* казались имъ средоточіемъ всего свѣта. Философія, стихотворство, краснорѣчіе, театральное искусство, каменосечение, живопись, зодчійство, всякаго рода исторія, всѣ искусства музъ, прекраснѣйшій во всемъ свѣтѣ языкъ и величайшіе умы всѣхъ временъ, первоначально тамъ процвѣтали. Отъ сюда исходили знаменнѣйшіе полководцы, будучи воспитываемы именитѣйшими стихотворцами; а искусство *Сократа* и *Демосѳена* содѣлало ихъ бессмертными. Во всѣхъ училищахъ царствовала еще *Сократова* философія, и *Тсангли* не преставаля удивлялися полюкому множеству великаго. Искусство, говорилъ *Гезрадь*, есть ничто иное, какъ природа въ порядокъ приведенная. Оно учишь насъ соединенію красотъ ея и подражанію премудрости. Оно наставляешь насъ, употребляешь различность частей къ изображенію прекраснаго въ цѣломъ, и всѣми многообразными пружинами дѣйствовать въ душѣ нашей, къ произведенію токмо превосходныя мысли, спремяющія насъ ко всеобщему концу. Оно научаешь насъ, употребляешь разумъ, не упомляя онаго, а воображеніямъ нашимъ такую живость, мыслямъ же такое склоненіе придаваши, что бы онѣ глубочайшее и скорнѣйшее впечатлѣніе производить могли. Оно придаетъ краснорѣчію истинную и основательную проспошу, силу и благородное

родное согласіе, огонь и чувствительность; спихопворспву доспавляешъ крылія разума, копорый соединяя правила вкуса и чувспвованій, придаешъ ему возвышеніе, воображеніе, и оное вдохновеніе, безпрепяпспвенно все восхищающее. Оно научаешъ насъ, богашспво мыслей, силу доводовъ, спонкоспъ выраженій, почную соразмѣрность, удаленность опъ бѣдности и жлада, излишесспва и пышности, упопреляпи свойспвенно качесспвамъ каждаго сочиненія. Оно показуешъ намъ краски; каждому предмѣпу свѣпъ и тѣнь, въ коихъ быпи имъ долженспвуешъ; слогъ каждому чувспвованію, и свойспвенность каждому мѣспу принадлѣжащую. Оно способспвуешъ намъ чрезъ великіе примѣры *Оміра, Платона, Демосвена и Ксенофонта, Плутарха и Софокла, Аристотеля и Сократа*, достигати совершенства зрѣлости ихъ, и получапи спонкій и почный вкусъ во прекрасномъ. Во всѣ времена, когда разумъ составлялъ эпоху какого нибудь народа, имѣли мы подражателей искусства великихъ подлинниковъ сихъ, копорые во украшеніи и одѣждѣ, въ собраніи и соединеніи различныхъ красотъ, въ спонкости мыслей, въ оспрошъ и проницаніи, въ счастливыхъ выраженіяхъ, хопя иногда первыхъ и превосходили; однакожъ никогда не имѣли мы поль великихъ живописцевъ природы, поль сильныхъ орапоровъ премудрости и добродѣтели,

каковыя находились въ оныхъ опдаленныхъ временахъ , отъ копорыхъ споль многое упрачено , разсѣяно , обезображено , а многое дошло къ намъ уже съ прибавленіемъ. Въ единожды произведенное природою, можеть паки произведено быши. Уже ли мы имѣя свѣтъ предшеспвоващелей нашихъ , не достигнемъ оныя высопы, изъ копорыя они намъ сіяющими являющся!

*продолженіе сего путешествія будетъ
впредь.*

IV.

О ДРУЖБѢ

*Fabula narrata est postquam vulgaris ab illo
 laudarunt omnes facta piamque fidem.
 Scilicet hic etiam, qua nulla ferocior ora est
 Nomen amicitiae barbara corda mouet.*

Ouid.

Какъ рассказалъ онъ общенародную ба-
 сню , хвалили всѣ произшествія (дѣла) и
 благочестивую вѣрность. То есть: что и въ са-
 мой зѣвской странѣ имя дружбы варварскія
 сердца движетъ.

Овидій.

Дружба есть согласіе воли между дву-
 мя лицами. Я не думаю , чтобъ сіе чув-
 ствіе не могло быть и между лицами разна-
 го пола. Надлѣжитъ , чтобъ во дружествѣ,
 пакъ какъ и во брачной любви , было со-
 согласіе чувствій : безъ чего не можетъ оно
 являть искренняго и взаимнаго усердія.
 Два чловѣва , весьма различно мыслящіе,
 могутъ взаимно почищать себя; но дружба,
 сей небесный пламень, еще не связуетъ ихъ.
 Всякое присоединеніе порока недостойно
 сего прекраснаго имени; намбренія, корысть
 въ себѣ заключающія, раззоряютъ существо
 онаго: одно чистосердечное желаніе, оказы-
 вать

вашъ услуги другому, испыпанному всегдашнимъ радениемъ, упопреляяшь поже во всѣхъ случаяхъ; и сѣ душевная склонность, заспаляющая хвалишь искренно и опъ другаго пѣмъ же пользовашья благоприспойно, составляющъ испиннаго друга. Я думаю, что не могу поспановишь лучшихъ правилъ ко снисканію дружбы, ни предписать досповѣрнѣйшихъ предосторожностей, для избавленія себя опъ ошибки въ пакомъ случаѣ, какъ собраніемъ многихъ о сей маперіи наспавленій древнихъ философовъ.

Сократъ говаривалъ, что во свѣтѣ нѣпъ драгоцѣннѣе сокровища, какъ испинный и вѣрный другъ, и ничто не въ силахъ принести шоликаго удовольствія и шоликихъ выгодъ. Но въ выборѣ друга, продолжашъ онъ, должны мы поспупашъ пакъ, какъ съ рабшниками, коихъ не прежде упопреляемъ въ работу, пока искусства ихъ не узнаемъ; мы должны заключать дружество шолько съ пѣми, коихъ вѣрность и доброе сердце намъ уже извѣсны. Друзей шолько мало, что во изчисленіи нѣкопрыхъ богашствамъ и владѣніямъ ихъ, очень рѣдко случашся видѣшь имя друзей ихъ. На послѣдокъ прибавляешъ сей философъ: „Будь медлшеленъ въ заключеніи: дружбы; но единожды заключивъ, „пребывай въ оной непоколѣбимымъ.

Аристотъ говаривалъ, что въ человекѣ не находилъ онъ ничего хуже шой склонности,

спи, слѣдуя копорой принимаеиъ онѣ дру-
зей безѣ испытанія ихѣ. Когда поиъ же
самый человекѣ не купииъ и малѣйшаго
сосуда, не осмопрѣвѣ его хорошенько; по
не сравненно ли важнѣе, чпобѣ не оши-
биись вѣ выборѣ перваго, нежели послѣ-
дняго?

Аристипѣ поссорился нѣкогда со дру-
гомѣ своимѣ *Есхиномѣ*. Тогда говорилѣ ему
одинѣ насмѣшникѣ: „Гдѣ ша великая друж-
„ба, копорою вы сполько хвалились? Она
„спииъ, опвѣчалѣ *Аристипѣ*; но я поспа-
„раюсь ее разбудить.“ По поиѣ спраиась,
чпо бы долговременнымѣ молчаніемѣ не
увеличилось несогласіе, пошелѣ онѣ самѣ
кѣ *Есхину*, и говорилѣ ему: „Любезный другѣ!
„не возобновишь ли намѣ попрежнему, чпобѣ
„одну душу и одно сердце имѣишь? не уже
„ли спанемѣ мы дожидатъся нападенія опѣ
„насмѣшниковѣ, и чрезѣ наши ссоры будемѣ
„причиною ругательства и безчестія свя-
„щенному имени дружбы? *Есхинѣ* опѣсп-
„сповалѣ ему на шо: сердце мое, любез-
„ный *Аристипѣ*, никогда злѣйшаго не чув-
„спвовало мученія, какѣ во время жесто-
„каго сего несогласія. Сѣ сихѣ порѣ я весь
„шебѣ принадлежу. Однако вспомни, перер-
„валѣ *Аристипѣ*, чпо я шебѣ спаршей, и
„чпо я преждѣ шебя сыскалѣ. Признаюсь,
„опвѣспсповалѣ *Есхинѣ*; надобно согла-
„сисься мнѣ, чпо шы совершеннѣе изѣ
„двоихѣ насѣ. Я причиною нашей ссоры;
„сердце

„сердце мое неизрѣченно о томъ скорбѣло; „однако я не искалъ миру.“ Они обнялись, и съ тѣхъ поръ ничто уже не могло разрушить ихъ согласія. Тотъ же *Аристиппъ* говорилъ, что дружба, будучи проспымымъ сообщеніемъ взаимныя благосклонности, дѣлаеть для насъ вѣчное удовольствіе.

Не надобно давать имени истиннаго друга тому, кто спарается, во всѣхъ дѣлахъ угождать своему другу, и который всегда одною только къ нему любовью управляеть. *Діогенъ Сциникъ* говаривалъ, „что друзья не должны подавать сжапыхъ кулаковъ своимъ друзьямъ;“, хотя чрезъ сіе показать намъ, что не довольно бытъ обходительну, учиву и любезну; но что къ симъ хорошимъ качествамъ надлѣжитъ также присоединить щедрость и снисхожденіе. Когда онъ говоритъ о томъ, что можеть утвердить шествіе челоѣка на пути добродѣтели; тогда желаетъ, чтобъ челоѣкъ имѣлъ или вѣрныхъ друзей или жестокихъ непріятелей, для того что одни будуть увѣдомлять его съ кротостію о его просупкахъ, а другіе стануть объявлять оныя явно.

Другъ для друга не долженъ пресупать достопочтенныхъ предѣловъ совѣсти и чести; льстецъ только способенъ къ шаковой подлости или несправѣдливости; другъ же никогда не пребуеть ничего сему подобнаго опъ того, котораго онъ любитъ.

бишѣ. *Антипатеръ* спрашивая нѣкогда у *Фокіона* о нѣкоемъ неправомъ дѣлѣ, въ отвѣтъ слѣдующее получилъ: „не дожидайся „найми въ одно время въ *Фокіонѣ* и друга „и льстеца.

Хилонъ говаривалъ, что опкровенныя дружескія рѣчи дають жизнь сердцу и прискорбной душѣ доставляютъ удовольствіе.

Цицеронъ пишетъ, что дружба находится только въ равенствѣ: ибо гдѣ нѣтъ равенства, тамъ она недолговременна. Прибавляетъ къ тому, что достовернѣйшей знакъ сего чувства есть взаимное сообщеніе мыслей, и что всякъ спаражающейся разрушаетъ здѣсь дружбу, оказываетъ споль же худую услугу человѣческому роду, какъ и тотъ, который бы хотѣлъ лишиться его солнца.

Мысль *Віасова* весьма справѣдлива. „Тотъ, говоритъ сей философъ, который „не имѣетъ друзей, для подкрѣпленія себя „въ несчастіяхъ, подобенъ человѣку, сидящему въ пустынѣ, гдѣ подверженъ нападенію „всѣхъ лютыхъ звѣрей. „ Таковымъ же образомъ и *Гермесово* разсужденіе не меньшаго вниманія достойно: что самая малѣйшая причина способна, разорвать привязанность порочнаго человѣка; на прошивъ того дружба между людьми добродѣтельными навсегда пребываетъ.

Мыбъ никогда не окончили, еслибъ хотѣли изчислить всѣ мнѣнія древнихъ мудрецовъ

мудрецовъ о сей матеріи. Однако изъ всего выше приведеннаго можемъ заключить слѣдующее: хорошо расположенная дружба дѣлаетъ благополучіе жизни; но въ семъ случаѣ должны мы поступать съ великимъ разсмотрѣніемъ, и прямо себя увѣрить, что не ошибаемся въ тѣхъ, коимъ повѣряемъ самыя пайныя свои мысли, и съ которыми въ тѣснѣйшіе союзы вступаемъ. Видимъ въ дѣлахъ политическихъ, что союзы оборонительныя и защитительныя не всегда пребывають ненарушима; и что когда оныя вдругъ разрываются, тогда бывають плачевнѣе всего того, чего должно было спрашиваться прежде заключенія оныхъ: ибо чѣмъ важнѣе былъ союзъ, тѣмъ жесточѣе чувствованіе обиды, тѣмъ страшнѣе желаніе отмстить за оную. Подобнымъ образомъ, когда крѣпкая связь дружбы прервется, или какій жестокій ударъ ее разрушитъ; тогда гнѣвъ и вражда бывають неизбежными того послѣдователями. Тайны, вѣренныя съ обѣихъ споронъ, какъ не безчестно, ни несправѣдливо ихъ открывать, выходящъ наружу, и спановляясь пословицею посмѣнія людскаго; что нескромнаго покрываетъ стыдомъ и поношеніемъ, равно какъ и того въ дурныя у другихъ приводить мысли, кто допуская его до своей повѣренности, думалъ вѣряться добродѣтели. И такъ будь воздерженъ, и употребляй всѣ позволенныя средства;

средства, какія только можно, для испытанія постоянства и вѣрности своихъ знакомцевъ, прежде нежели совсѣмъ имъ вѣришься. Ибо если ты, на подобіе прочихъ своихъ имѣній, будешь скоръ во произведеніи дружбы, то оная также скоро и разрушится; давай ей медлительно расти, вспоминая, что скороспелыя произращенія несравненно слабѣе возростающихъ поспешенно.

Сполъ нужный выборъ, каковъ есть выборъ друга, долженъ происходить со всякимъ воображаемымъ разсмотрѣніемъ: ибо нѣкоторымъ образомъ должно и предъ обществомъ отвѣчать за всѣ непорядки, учиненные тѣми, которые съ нами тѣлеснымъ союзомъ связаны. Обыкновенно приписываютъ челоѣку характеръ его друга, и обвиняютъ его по крайней мѣрѣ частію дѣлъ того, кого онъ самопроизвольно выбралъ, по тому что выборъ дѣлаетъ подтвержденіе. По меньшей мѣрѣ, когда извѣстно, что ты согласенъ съ челоѣкомъ, котораго общество подозрѣваетъ; по уже не можно думать, чтобъ ты имѣлъ отвращеніе отъ дурныхъ дѣлъ и поступковъ, которыми его обвиняютъ.

Если имѣешь что нибудь другу своему выговорить, то прежде открытія ему своего мнѣнія, спарайся какъ возможно осторожно увѣрить его во справедливости того дѣла, дабы не огорчить его вдвое. Не

будь горячь въ защищеніи себя, ни скорь во гнѣвѣ противѣ его обвинителя: ибо если однажды обманешся, и сочпешь, что не повинносць въ помѣ мѣспѣ, гдѣ ее нѣшѣ; то шѣмъ безѣ сомнѣнія привлечешь на себя худыя нарѣканія. Но если прямо удосповѣренѣ будешь въ обидѣ, причиненной швоему другу поносительными словами; тогда уже нѣшѣ ничего такого, чего бы шы не должнѣ упошребить для защищенія шобой любимаго человѣка. Подвергай, если надобно, для него счастье и самую жизнь свою. Не спанешь ли защищаешь не повинности въ незнакомѣ? такѣ чегожѣ не должно тебѣ сдѣлать для друга?

На конецѣ, здравый разумокѣ должнѣ присуществовать всегда при выборѣ швоемѣ: неразумительносць же и скоросць не преминуть, если шы имѣ послѣдуешь, зашмишь швою славу. Что бы шотѣ, коего включаешь въ число друзей швоихѣ, былѣ разуменѣ, оспороженѣ, скромнѣ, разсудительнѣ и воздержнѣ во своихѣ совѣпахѣ; что бы рожденіе его и другія обстоятельсва, въ коихѣ онѣ находилсѣ, были для тебѣ равнодушны. Такой человѣкѣ достоинѣ имени друга, а прочіе знакомсва.

V.

Пастухъ и Философъ.

Удалясь отъ града, жилъ пастухъ, не имѣя попеченій, коимъ вдаюся жаждущіе богатства. Лѣта украсили главу его сединами, а долговременное искусство учинило его истиннымъ мудрецомъ. Во время лѣпныхъ жаровъ пасъ онъ свою скотину, а зимой загонялъ ее во клевы. Въ сихъ крошкѣхъ прудахъ всѣ счастливые дни его проходили со приятностію. Чесплюбіе и зависъ были спраспи, неизвѣспныя сему благополучному человекѣ; а добродѣтели въ короткое время учинили его знаемымъ во всей спранѣ.

Славный Философъ, почерпнувшій во школахъ правила нравоучительныя жизни, посѣтилъ пастуха въ его хижинѣ, желая измѣрить проспанство его разума.

„Откуда приобрѣлъ ты знаніе? спрашивалъ его: потѣлъ ли ты надъ книгами, просиживая цѣлыя дни и ночи? прочелъ ли ты римскія и греческія древности? измѣрялъ ли ты разумъ Цицероновъ? изслѣдовалъ ли ты понятіе божественнаго Платона? отвѣчай мнѣ. Премудрый Сократъ просвѣтилъ ли твой смыслъ? или какъ хитрый Улиссъ, приведенъ будучи прошивною судьбою въ незнаемыя государства, и спран-

„спвуя по многимъ градамъ, научился за-
„конамъ, обычаямъ и употребленіямъ?

На сіе отвѣтствовалъ ему пастухъ
сб чрезмѣрною кротостію: „ Никогда не
„хаживалъ я по пупи знагїя, и никогда не
„спранствовалъ по чужимъ землямъ, для
„познанїя человѣческаго рода, ихъ наукъ
„и законовъ. Человѣкъ будучи искусенъ въ
„лицемѣрствѣ, и самые проницательные
„глаза обмануть способенъ. Такъ можетъ
„ли сія наука сдѣлать насъ разумнѣе? мы
„никогда не доходимъ до познанїя насъ са-
„михъ. Посредственныя же знанїя, при-
„обрѣтенныя мною, самая простая природа
„мнѣ подала: у ней по почерпнулъ я мои
„правила и вкорененную ненависть къ по-
„рокамъ.

„Дневные труды пчелъ возбуждаютъ
„душу мою ко искусству. Кто можетъ визи-
„реть на оспорожнаго муравья, не запаса-
„ясь для будущихъ нуждъ? собака моя,
„наивѣрнѣйшая изъ своего рода, напол-
„няетъ сердце мое благодарностію: сб при-
„лѣжностію примѣчая ея переимчивость
„и привязанность, служу и я такъ, какъ
„она мнѣ служитъ. Отъ голубя получаю я
„правила поспоянства и любви супружнїя;
„курица и прочїя пшицы покрывая крыль-
„ями малинькихъ дѣшеношей своихъ, для
„защитенїя ихъ отъ спужи, довольно на-
„учаютъ меня должностіямъ отца.

„Природа наславляеть меня, избѣ-
гаешь презирашельства и смѣха. Я не оби-
жаю никогда важнымъ голосомъ и видомъ.
„Можеть ли человекъ важный и невеселый
почипаться разумнымъ, когда сову за ея
„угрюмость презирають? Я прилѣжно вѣ-
„шу свои слова: кто говоритъ много, го-
„воритъ всегда бесполезно. Больше всего
„убѣгаю я скоропоспижныхъ словъ: ибо
„кто можеть слушать сорокино щеко-
„панье? Я не спану во зло употреблять мо-
„его проворства, для опнятія чуждаго
„имѣнія: мы проклинаемъ хищность вол-
„ковъ, коршуновъ и ястребовъ, которые до-
„стойны нашей ненависти. Не справдлив-
„во ли бояться ядовитыхъ жабъ и змѣй?
„ревнивость же, поношеніе, ненависть ис-
„пускають ядъ гораздо любѣйшей. И такъ
„всякое существо подаютъ намъ поводъ
„къ разсужденію: слѣдовательно наималѣй-
„шіе предметы суть нравоучительныя пра-
„вила для добродѣтельнаго сердца. „

Ты достоинъ славы, описывшествовалъ
ему Философъ: ты добродѣтеленъ; слѣдо-
вательно и премудръ. Одно тщеславіе во-
дитъ авпорское перо, и книги такъ же, какъ
и люди, заражены. Обучаясь законамъ при-
роды, утверждающія правила ея на досто-
вѣрной истинѣ; и сія школа весьма до-
спашочна, для ниспосланія человеку нра-
вовъ премудрости и благости.

Саладинъ и Фатъма.

Несчастный Саладинъ! безъ друзей, безъ надежды! что осталось теперь тебѣ отъ всѣхъ великихъ сокровищъ, коими ты обладалъ? . . . Нѣскольکو пшена и яду. . . Чтожъ! сваримъ сіе вмѣстѣ. Пускай оное будетъ послѣднее мое кушаніе!

Саладинъ кладетъ пшено и ядъ въ горшокъ; ставитъ на огонь, и говоритъ:

И такъ я покидаю жизнь! покидаю еще нѣчто оной драгоценнѣе! покидаю любовь Фатъмы! Фатъмы, которая меня любила, и соединилась бы со мной наисвященнѣйшими узами! о Магомедъ! такъ я сего лишуюсь! . . .

Такъ безъ сомнѣнія. Не хочешь ли Саладинъ распочинеть, промывавъ всѣ богатства своихъ родителей, во зло употребивъ всѣ благосклонности Фатъмины. . . не хочешь ли и послѣдняго оставшагося у нее опиять? не желаешь ли ввергнуть ее во ужасную бездну несчастій?

Пусть прежде исчезнетъ и самый пепелъ костей моихъ! . . . сотворенъ ли ты былъ для того, чтобъ соединиться тебѣ съ наичистѣйшею добродѣтелю! . . . Увы! не спокрашно о томъ я думалъ; не спокрашно говорилъ я воспламененному моему сердцу:

сердцу : туши огонь тебя пожирающей : но слова мои исчезали всегда на воздухъ.

Все уже скончалось! . . . Я иду умереть. . . . О честь! гласъ швой я слышу ; повелѣнїе швое будетъ исполнено. . . . Я долженъ былъ переменить свое поведенїе ; уста мои заклипались въ томъ предъ *Фатьмою*! . . . Я измѣнникъ своей клятвы! . . . Послѣ такого беззаконїя лучше осмѣлюсь я сморѣть на смерть, нежели на *Фатьму*.

Но какого сокровища лишаю я самъ себя ! всякій день видалъ я *Фатьму* ; разговаривалъ съ нею ; слушалъ ее. Сколь любезна была она моему сердцу ! Какимъ благополучїемъ, о небо ! наслаждался я , сидя подлѣ нее ! Какое удовольствїе ощущалъ я , слыша приходъ ея !

Сїе удовольствїе , погружавшее чувства мои въ неописанной восторгъ , приводило сердце мое въ глаза мои , а душу привлекало къ опверствїямъ слуха моего.

О *Фатьма* ! и ты также меня любила ! цвѣтъ весеннихъ розъ не бываетъ столько свѣжъ и нѣженъ , какъ румянецъ лани въ швоихъ , когда любовникъ швой признавался тебѣ во своей горячности.

Увы ! какова рана будетъ швоему сердцу , чувствительная и несчастная *Фатьма* ! когда слухъ о моей смерти тебя достигнетъ ! я уже вижу тебя блѣдну , изумленну ; вижу нѣжныя швои руки рвущи волосы швои ,

раздираючи одѣжду твою, и ударяючи во шрепѣющую грудь твою.

Но когда и хотѣлъ бы я, избавить тебя отъ печали о моей смерти; я бы оную только на нѣсколько отвратилъ времени. Что говорю я, несчастный! тыбъ меня одну минушу удержала на концѣ пропасти: плачевная моя склонность будучи привязана къ моему жребію, скоробъ и тебя вовлекла и низвергнула судажъ со мною вмѣстѣ! и шакъ и при смерти былъ бы виновникомъ и твоихъ несчастій и твоея смерти.

Саладинъ готовится къ смертоносному кушанію. Но чтобъ не помѣшали ему въ послѣдніе часы, хочетъ запереть двѣри. Запвора я оныя, видишь *Фатъму*. Со превеликимъ страхомъ отскакиваетъ прочь отъ двѣрей, а *Фатъма* вѣщаетъ: Съ какою радостію паки вижу тебя, любезный *Саладинъ*! я весьма уснула, и имѣю нужду въ пищѣ: сыщи мнѣ какую нибудь.

Сал. *Фатъма!* у меня нѣтъ никакой.

Фат. Однако ты варишь сіе пшено. . . . Не уже ли приготавливаешь оное кому нибудь милѣе *Фатъмы*?

Сал. О небо! будетъ ли мнѣ къпо милѣе тебя! ахъ *Фатъма!* ты въ шомъ не вѣришь!

Фат. Да для чегожъ ты мнѣ онаго не подаешь?

Сал. Для чего? . . . Не ужъ ли сомнѣваешься ты въ *Саладиновомъ* сердцѣ?

Фат.

Фат. Нѣтъ, дражайшій любовникъ! но мнѣ сперва показалось, будто ты мнѣ опазывалъ. Проспи меня!

Фатъма беретъ изъ рукъ *Саладиновыхъ* блюдо со пшеномъ; онъ не имѣетъ силы въ помъ ей воспротивиться. Но *Фатъма* имѣя усуремленные глаза свои на него, вскричала:

Что вижу я? о небо! въ какое ввергаешь ты меня смущеніе! лице пвое измѣняется! ты смотришь на меня боязливими глазами! руки пвои прясущя! власы вздымающя! не новое ли какое несчастье тебѣ приключилось? говори поскорѣе.

Саладинъ бросается къ ногамъ *Фатъминымъ*, и удерживаетъ ее за руку въ то самое время, когда она несетъ пшено ко ршу. . . .

Постой, *Фатъма*! что ты дѣлаешь? берегись къ оному прикасаться.

Фат. Для чего?

Сал. Это пшено. . . .

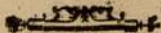
Фат. Что же?

Сал. Оно ядомъ напоенное. . . .

Фат. О небо! не пыли его гошвилъ! на какое упорбленіе ты то дѣлалъ? я содрагаюсь. . . . Варваръ! ты хощь покуситься на жизнь свою; я это вижу.

Сал. Правда.

Фат. Несчастный! кто могъ тебѣ къ тому принудить?

Сал. Чеснь. . . . Спрашная нишета, до копорой я дошелъ своими безпущспвами. . . . Спыдъ , что сдблалъ замбшательство во швоемб благополучїи. . . . Спрахъ, что бы и тебя не учинишь сполько же несчастну , сколько себя. . . .

Фат. Есть ли для меня большее несчастїе швоей пошери ? . . . Твоя участь перембнилась : я ничего больше не успрашаюсь. Я видбла *Кадилеска* : я доказала сдбланную тебб покражу : шы вступишь во владбнїе швоихб имбнїй, и болб уже ни что не сопропивляенся нашему благополучїю.

Любезный *Саладинб* ! впредь не опчаявайся милосердїя Божїа. Если Провидбнїе его позволяетб иногда , что бы несчастїя наши до крайности доходили; по конечно дблаетб сїе для шого , дабы испышатб швердосць нашего духа , или очиспипь сердце и душу нашу отб оскверняющихб оныя пороковб , и по томб содблатб насб доспойнбїишими истиннаго счастїя , когда просвбпясь отб мрака, насб ослабплавшаго, содблаемся шаковыми , каковыми человеку быши подобаетб.

А П Р Ъ Л Ъ

ДНИ	числа	перемѣны Луны	А С П Е К Т Ы
☉	1		♂ ☾ ♀. ♂ ☾ ♀. 6. ч. ппн.
☾	2		♂ ☾ ♂. 2. ч. ппн. ♂ ☾ ♄. 5. ч. ппд. ☐ ☾ ♄. 12. ч. ппд.
♂	3		♂ ☾ ♀. Петербург.
♀	4		
♄	5		♄ ♀ ♀. 3. ч. 40'. ппд. Δ ☾ ♄.
♀	6		
♄	7		* ☾ ♄. Δ ☾ ♂. Δ ☾ ♀.
☉	8		
☾	9	☾ 2. ч. 55'. ппн.	☉ вб ☽. 3. ч. 1'. 58". ппн. ♂ ☾ ♄. ☐ ☾ ♀ 4. ч. ппд. ☐ ☾ ♀. 12. ч. ппд.
♂	10		☐ ☾ ♂. 2. ч. ппн. ☐ ☾ ♄. 4. ч. ппн. ♂ ♂ ♀. 9. ч. ппн. ♂ ☾ ♄. 0. ч. ппд. ♂ ♄ ♀. 1. ч. ппд.
♀	11		♂ ♄ ♂. 4. ч. ппн.
♄	12		☐ ♄ ♀. 6. ч. ппд. Δ ☾ ♄.
♀	13		♂ ♄ ♀. 4. ч. ппд.
♄	14		Δ ☾ ♄. ♂ ♂ ♀. 9. ч. 47'.
☉	15		♂ ☾ ♄. ♂ ☾ ♂. Гамбург.

ДНИ	ЧИСЛА	переменны Луны	АСПЕКТЫ
☾	16	☉. 3. ч. 6'. ПН.	☐♃♂. ☉☾♄. 7. ч. ПН. ☉☾♀. 6. ч. ППД. ☉☾♂. 7. ч. ☐☾♃. 8. ч. ППД.
♂	17		☐♃♂. 1. ч. ☉☾♀. 8. ч. 56'. ПН. ☐♃♀. 1. ч. ППД.
♀	18		☉♂♀. 7. ч. ПН. ☉☾♀. Гамбу. ☉☾♄.
♃	19		
♀	20		Δ☾♄. *☾♂.
♄	21		☉☉♄. 9. ч. 52'. ПН. Берлин. ☉☉♄. 0. ч. 16'. ППД. Лондон.
☉	22	☽. 6. ч. 29'. ППД.	☉☾♃. 2. ч. ППД. ☐☾♄. 4. ч. ППД.
☾	23		☐☉♃. ☉☾♃. 2. ч. Берл. ☐☾♂. 10. ч. ПН. ☐☾♀. 1. ч. ППД.
♂	24		☐☾♀. 9. ч. ПН. *☾♄.
♀	25		Δ☾♂. Δ☾♀.
♃	26		
♀	27		☐☉♃. 3. ч. 15'. ППД. Лондон.
♄	28		*☾♃.
☉	29		☉☾♄. 6. ч. 29'. ППД.
☾	30	☽. 2. ч. 8'. ППД.	☐☾♃. 10. ч. ПН.

УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

ЧАСТЬ II.

мѣсяцъ Абрѣль.

печашано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
пушнаго Шляхетнаго Кадетскаго Кор-
пуса,

1778 года.

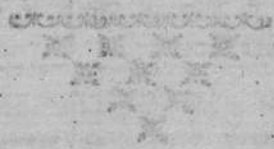
УТВЕРЖДЕНО

ЕКАТЕРИНСКОЕ

УПРАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ II

Содержание

ПОДПИСАНО

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

в Типографии Императорского Ученого
Историческаго Общества

1778 года

*Имена подписавшихся Особъ въ Апрѣлѣ
мѣсяцѣ въ Санктпетербургѣ.*

Ея Сіятельство Княгиня Ирасковья Ивановна Голицына, 1 эксем. 5 руб.

Его Высокоблагородіе Михайло Радіоновичъ Ланской, 1 эксем. 5 руб.

Петръ Семеновичъ г. Роговиковъ, 1 эксем. 5 руб.
Неизвѣстный, 1 эксем. 5 руб.

Его Высокоблагородіе Василій Ивановичъ Борисовъ, 1 эксем. 5 руб.

— Благородіе Дмитрій Лазаревичъ Аспрелинъ, 1 эксем. 5 руб.

Для Санктпетербургскаго Купечества, 6 экс. 31 руб.

Его Благородіе Иванъ Миничъ Табалинъ, 1 эксем.

— — Василій Тимоѣевичъ Трескевичъ, 1 эксем.

— — Петръ Ивановичъ Перкинъ, 1 эксем.

— Высокородіе Иванъ Филипповичъ Сибилевъ, 1 эк.

Ростовскій Купецъ Семенъ Шелудяковъ, 1 эксем.

Шпалерной Манифактуры Масперъ Семенъ Васильевичъ Куликовъ, 1 эксем.

Дементій Алексѣевичъ Зоринъ, 1 эксем.

Его Высокопреподобіе Юсафъ Архимандритъ Троицкїя-Сергіевы пущыни, 1 эксем.

Иванъ Ивановичъ Туликовъ, 1 эксем.

Николай Семеновичъ Козловъ, 1 эксем.

Кіевопечер. Лав. Иеромон. Теофанъ Чернявскій, 1 эк.

Въ Епифанѣ.

Его Высокоблаг. Федотъ Гавриловичъ Гладковъ, 1 эк.

Епифанской Купецъ Иванъ Егоровичъ Бородинъ, 1 эк.

— — Федоръ Ивановичъ Бородинъ, 1 экс. 8 руб.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Разсужденіе Сенеки о счастливой странѣ жизни - - - - - 285

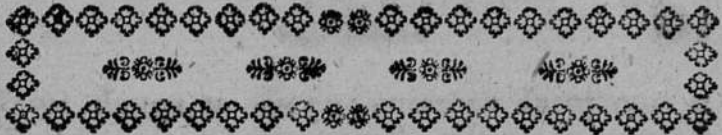
II. Продолженіе сна Іакова Всегдапуща 339
погрѣ-

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ МАРТѢ МѢСЯЦѢ.

страни:	спр.	напечатано	читай.
246	17	на раненыхъ пред-	на раменахъ Пред-
		водителейъ сво-	водителейъ своихъ
		ихъ и проч.	и проч.
247	1	Фанировъ	Факировъ

Извѣстiе о записавшихся вновь приходитъ для обученiя въ Екаперининское Училище.

1. Болховскаго купца Ивана Мерцалова, сынъ Яковъ.
2. Лейбъ-Гвардiи Семеновскаго Полку умершаго солдата Леонтья Машрошонкова, сынъ Петръ.
3. Золотарнаго мастера Ивана Иванова сына Долгова, дочь Аграфена.
4. Коммерцъ-Коллегiи подканцеляриста Михайлы Никишина сына Тишова, сынъ Романъ.
5. Санкцшпешербургскаго купца Григорья Афанасьева сына Горбункова, сынъ Александръ.
6. — Мѣщанина Ивана Мѣдведева, сынъ Иванъ.
7. Придворнаго Тафельдекера Ивана Пешрова, сынъ Иванъ.
8. Сенатскаго живописца Алексѣя Шершнева, сынъ Иванъ.
9. Умершаго крещьянина Петра Яковлева, сынъ Александръ.
10. Столярнаго мастера Андрѣя Плошникова, сынъ Андрѣй.
11. Лейбъ-Гвардiи Семеновскаго Полку солдата Ивана Рыкина, сынъ Андрѣй.
12. Придворнаго гейдука Осипа Арефьева, дочь Марья.
13. Умершаго купца Семена Вѣпошникова, сынъ Николай.

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЕ СЕНЕКИ о счастливой жизни.

Дражайшій брагъ Галіонъ! Всякъ жа-
лаетъ жить счастливо; но никто не въ-
даетъ, какимъ образомъ сего достигнуть:
и для того не только трудно приобрести
жизнь счастливую; но ежели потеряешь
путь истинный, ведущій къ жизни сей, по-
чѣмъ болѣе гонишься за блаженствомъ, тѣмъ
далѣе отъ него усстраняешься. Во первыхъ
должно намъ изяснить, чего мы ищемъ?
по томъ сыскать крапчайшій путь, веду-
щій насъ ко искомому. Шествуя путемъ
симъ, (ежели онъ истинный,) почувствуемъ,
сколь много мы каждый день приближаемъ
къ сему намѣренію, къ которому вле-
четъ насъ врожденная склонность наша,
и которое есть конецъ и предметъ всѣхъ
желаній нашихъ. Въ противномъ случаѣ,
если скипаемся на удачу, слѣдуя не еди-
ному путевождению, но многимъ, (ежели

Можно такъ назвасть шумъ и крикъ мно-
жества голосовъ, въ различныя дороги насъ
зовущихъ,) по жизнь наша проходитъ
въ заблужденіяхъ, хотябъ денно и ночью спа-
ралися приобрѣсть истинну. И такъ дол-
жно назначить мѣсто, куда мы шество-
вать желаемъ, выбрать путь къ оному ве-
дущій, и взять съ собою искуснаго чело-
вѣка, знающаго положеніе мѣста сего. Пу-
тешествіе сіе не есть изъ числа обыкно-
венныхъ, въ которыхъ, что бы не заблу-
дился, довольно и того, когда навѣдаемся
отъ жишелей той земли, или послѣдуемъ
по дорогѣ наиболѣе пробѣжанной. Здѣсь
совсѣмъ инаково: ибо путь наиболѣе про-
топтаный, и о которомъ вамъ всего бо-
лѣе говорятъ, есть самый худшій. Боль-
шая часть человѣковъ слѣдуютъ одни за
другими, на подобіе овецъ. Что же касае-
тся до насъ, то мы не будемъ шествовать,
куда прочіе идутъ; но пойдѣмъ куда дол-
жно. Большая часть зла происходитъ отъ
того, когда слѣдуемъ молвъ и мнѣніямъ
просто народа, представляя себѣ по наи-
лучшимъ, что большая часть приемлетъ
и похваляетъ; и живемъ не такъ, какъ
предписываетъ намъ разумъ нашъ, но какъ
другіе живутъ: а сіе по и рождаетъ мно-
жество погрѣшностей и несчастій. Ты
знаешь, что происходитъ во время замѣ-
шательства и убійства. Народъ обратив-
шійся въ бѣгство шеснился; и никогда
не

не случается, чтобъ кто упалъ не уронивъ другаго, ибо переднїе суть причиною паденїя имъ послѣдующихъ. Подобное сему производимъ и въ обществѣ: проснупокъ единаго частнаго челоука бываетъ причиною, что и многіе въ оный впадаютъ. Ничто такъ не опасно, какъ слѣпо слѣдовать по снєзямъ и мнѣнїямъ другаго; но но несчастїю бывъ склоннѣе върять, нежели разсуждать, мы всегда въримъ, а никогда не разсуждаемъ: заблужденїе, въ которомъ многіе шествовали, легко и насъ обманываетъ и въ подобное звергаетъ. И такимъ по образомъ погубляютъ насъ примѣры. Но оставимъ многолюдство сіе: народъ незнающій разсужденїя, вооружается противъ оного, и упрямо защищаетъ проснупокъ свой. Въ семъ случаѣ приключается то же, что и въ народныхъ собранїяхъ, гдѣ тѣ, кои въ жару выбора наименовали Преторовъ, разсуждая по шомъ съ холоднымъ духомъ, сами удивляются, что ихъ назначили. Мы одну вещь и хвалимъ и порочимъ. Таковъ по конецъ всѣхъ разсужденїй, по большинству голосовъ чинящихся.

Когда дѣло идетъ о *благополучной жизни*, то не надлѣжитъ мнѣ отвѣчать, какъ въ сенатѣ: *здѣсь большинство голосовъ*: ибо сіе самое доказываетъ прошивное жизни сей. О! колько бы счастливы были челоуки, ежелибъ то, что есть лучшее, нравилось изъ нихъ большей части! Но увы!

сего нѣтъ: избраніе многихъ служилъ доказательствомъ, что избранная вещь есть худшая. Поищемъ же не того, что болѣе употребляется, но что всего лучше сдѣлано; поищемъ того, что можеть намъ доставить счастье непоколебимое; а не того, что превозносится шоль худымъ знакомъ, каковъ есть просполодимъ. Просполодимыжъ находятся во всякомъ соспоаніи, между народомъ и между сенапорами, не разбирая ихъ одѣжды. Для познанія челоѣка, не надѣжишь употребляшь грубые плѣсные очи; я имѣю другій вѣрнѣйшій свѣтъ, посредствомъ котораго различаю истинну отъ неправды, то есть очи разума. Да и въ самомъ дѣлѣ, кому пристойнѣе открывать благо душевное, какъ не самой душѣ, которая едина можеть знать истинную цѣну онаго? О! ежели душа моя нѣкогда успокоится, войдетъ сама въ себя, и разсмотритъ себя съ холоднымъ духомъ; то съ какимъ удовольствіемъ сорветъ она завѣсу мѣчпы, познаетъ истинну и сама себѣ скажетъ: *желала бы я, что бы все мною учиненное, только лишь теперь чинить, и все мною сказанное, только лишь теперь говорить надѣжало.* Когда я подумаю, то могушь ли и величайшіе мои злодѣи желати мнѣ того, чего я самъ себѣ желалъ? То, чего я опасался, о Боги! то преимущественно предѣжелаемымъ мною! я ненавиждѣлъ, я возвратилъ дружбу мою, (если оная можеть подѣйствовать

вашь во злыхъ людяхъ,) единъ я, котораго еще по сіе время любилъ не началъ. Я употребилъ всѣ мои возможности, что бы превзойти другихъ и оплечиться какимъ нибудь дарованіемъ. Но чтожь чрезъ сіе выигралъ? Увы! я учинился цѣлью спрѣламъ злонавія, и далъ случай дѣйствовать зависти. Воззришы на сихъ, которые хвалятъ краснорѣчіе, гоняются за богатствомъ, ласкашельствуютъ знашнымъ, и возносятъ могущество ихъ до небесъ; всѣ они неприязнели, или что поже самое значить, таковыми учинишся могутъ. Колико удивляющихся, шодико и завиствующихъ.

Лучше спарашься приобрести благо, которое было бы полезно, или которое таковымъ бы я признавалъ; а не такое, которое шокмо во глаза мечешся. Что привлекаетъ множество народа и взглядъ онаго, и что удивляющійся глупецъ показываетъ глупцу удивленному; то сіетъ шокмо съ наружи, а внутренно нищета есть. И такъ поищемъ не сіяющаго или лѣпообразнаго блага; но блага болѣе существительнаго, нежели показывающагося такимъ; блага швердаго, непремѣннаго, имѣющаго величайшія свои красоты въ томъ, что наиболѣе въ немъ сокрыто, и которое чѣмъ прилѣжнѣе разсматриваемъ, тѣмъ болѣе къ себѣ привлекаетъ. Обнажимъ благо сіе; оно не далеко отъ насъ, и конечно найдешся, ежели шокмо узнаемъ,

съ которой спороны приисупишь къ нему. Мы подобно слѣпымъ, оспавляемъ истинное благо подлѣ насъ находящееся, гоняемъ за ложными благами, и наслаждаясь оными, себя погубляемъ. Но что бы мнѣ не разпространишься, по я мнѣнїя другихъ пройду мимо: ибо желая ихъ раземонрѣшь и опровергнушь, принужденъ бы я былъ упопрѣбишь многое время. Довольспвуйсяжъ только однимъ мѣнѣемъ нашимъ. Подлѣ словомъ *наше* разумью я, что оно не соглашаю съ особеннымъ мнѣнїемъ ни одного изъ славныхъ оныхъ Споиковъ. Я самъ довольно имѣю швердоспи и силы, сказати, какъ мнѣ что кажеться. Когдажъ буду слѣдовалъ одному, и занимашь нѣчто отъ другаго, по ежели по томъ спросятъ и моего мнѣнїя, можешъ быть я изъ ириведеннаго перьвыми и ни чего не опкину, а скажу шокмо: *вотъ что я еще ко мнѣнїю ихъ прибавляю*. Послѣ дуяжъ соглашенїю всѣхъ Споиковъ, прилѣпляюсь ко природѣ, яко произродишельницѣ всѣхъ дѣйсвїй нашихъ; и истинная премудроспъ соспоинѣ въ томъ, что бы отъ нее никогда не удаляшья, но во всемъ слѣдовашь законамъ и примѣру ея. И такъ чтообъ бышь счастливу, надлѣжитъ согласовашъя со своею природою. Счастїе предполагаешъ душу здравую, и здравую всегда. И если она исполнена швердоспи и силы, по прекрасна и шерпѣлива; умбешъ располагашья по времени, и любо-

любопытствуешь о пѣлѣ своемъ и о принадлежашемъ къ оному; прогоняешь скуку и прищворство; не гоняешься за вещами мѣрскими, но наслаждаешься богачствами, не удивляясь, и не раболѣяствуя имъ. Хотя я и не говорю, но ты самъ уже чувствуешь, что такой человекъ будетъ навсегда спокоенъ и воленъ, какъ скоро удалитъ отъ себя чрезмѣрныя склонности, пустые спрахи, однимъ словомъ все, что насъ раздражаетъ и приводитъ въ ужасъ. Чегожъ не доспаетъ ему, что бы веспи жизнь счастливу?.. Сласполюбія?.. Но вмѣсто сихъ крапкихъ, маловажныхъ, и въ самое то время, когда ими наслаждающся, вредящихъ веселій, будетъ онъ чувствовать радость всегда ровную, ничемъ несмущенную, чистую; радость души спокойная, соединяющія согласіе съ великостію, и которая хотя велика, однакожъ приятна и человекѣлюбива. Ибо жестокость производитъ отъ слабости и робости.

Наше благо можно изъяснить другимъ образомъ, и тоже самое мѣнѣе сказать иными словами. Подобно, какъ войско иногда разпягаясь, занимаетъ мѣсто пространное, иногда спеснясь занимаетъ весьма малое, или иногда загибаетъ свои крылья, а иногда спановится въ одну линію; однакожъ всегда имѣетъ единую силу и единую волю, что бы во всѣхъ сихъ положеніяхъ защищать свою сторону; равнымъ

образомъ и изъясненіе высшаго блага можеть бысть иногда обширно, а иногда ограничено, и въ самомъ себѣ заключенно. И пакъ все одно, когда я скажу: *высшее благо состоитъ въ душѣ, презирающей благодѣянїя нечаянности, и почитающей единую добродѣтель*: или, оно есть неразрушимая сила души, познающая всѣ вещи: тиха и приятна во своихъ дѣйствїяхъ, и препровождаема неопи- саннымъ человеколюбїемъ и почтенїемъ ко дру- гимъ. Кпо не знаетъ ни блага ни зла, какъ шокмо одно по доброй, а другое по худой его споронѣ; кпо другъ честности; кого добродѣтель чинитъ радостнымъ и доволь- нымъ, а своенравїе счастья ни возвыситъ ни унизитъ не можеть; кпо величайшими благами почитаетъ шѣ, кои онъ самъ се- бѣ доставитъ можеть; и кпо находитъ истинное удовольствїе во презиранїи сла- сполюбїя; шотъ есть равномѣрно шакїй человекъ, котораго называю счастливымъ. Если захотимъ, шо сіе можемъ еще подро- бнѣе описать, принявъ самую шуже вещь въ различныхъ смыслахъ, и разсмапривая оную со всѣхъ споронѣ, не перьяя ни мало силъ и существа ея. Ибо кпо препяп- швуемъ намъ, полагаемъ счастье въ душѣ вольной, высокой, швердой, которую ни- что не беспокоитъ; въ душѣ безъ страха, ужаса и подлаго честполюбїя; въ душѣ по- читающей честность единымъ благомъ, безчестїежъ единымъ зломъ. Оставшееся за симъ

симъ ничего уже не значить: ибо представляешь такія вещи, коихъ множество не возвышаетъ цѣну, и которыя приходятъ и отходятъ, не причиняя истинному благу ни вреда ни пользы; однимъ словомъ, нимало не прибавляя и не нарушая счастія жизни. Человѣкъ, имѣющій таковыя свойства, не можетъ быть печаленъ, хотябы онъ самъ сего желалъ; но такъ сказать и спросивъ воли своей, будетъ восхищаться безпреспанною радостію и величайшимъ веселіемъ, въ полъ изящномъ источникъ начало свое имѣющимъ: ибо онъ веселился тѣмъ, что въ себѣ находить, и ничего болѣе не желаетъ. Для чегожъ бы сіи преимущества не положить на вѣсы со сластолюбіемъ? Сполъ сладостное и постоянное спокойствіе души не спойтъ ли сихъ слабыхъ, маловременныхъ и пущихъ исполненныхъ веселій тѣла? Когда мудрый не приспуненъ ко сластолюбію, тогда неприспуненъ онъ и къ болѣзнямъ.

Ты видишь, въ какое несносное и жестокое рабство пошь себя ввергаетъ, который надъ собою даетъ власть такимъ колѣбляющимся и мучительнымъ владыкамъ, каковы суть болѣзнь и сластолюбіе. Свергнемъ власть ихъ; подемъ въ объятія вольности; презримъ богатство! и тогда будемъ мы свободны. Мы будемъ владѣть почтеннѣйшимъ изъ всѣхъ благъ; будемъ,

говору, обладать спокойствіемъ души отъ всѣхъ бурь безопасныя, величествомъ, чистѣйшею радостію, что познаніемъ истинны избавилися спраховъ всѣхъ, и сладостію по всему нашему сердцу распространяющеюся. Ахъ! колікое восхищеніе причиняетъ сіе, не яко благо, но яко произржденіе собственнаго блага своего.

Когда уже зачалъ я говорить поль проспранно, то продолжая скажу, что и того называю я счастливымъ, который съ разсужденіемъ ничего не желаетъ и ничего не спрашиваетъ. Я говорю *съ разсужденіемъ*: ибо хотя каменные горы и живошныя не имѣютъ ни спраха ни печали; однакожъ не думаю, что бы кто сказалъ, что существо, не имѣющее понятія о счастіи, можетъ вести жизнь счастливую. Въ сіе же число полагаю я людей грубыхъ и малосмысленныхъ, кои по незанію самихъ себя, и по малому чувству, чинятся подобными прочимъ живошнымъ. Какое находится между ними различіе? Одни совсѣмъ лишены разсудка, а другіе имѣя малую шокмо онаго часпицу, шѣмъ болѣе заблуждаютъ и вредятъ себя. Нѣтъ счастія безъ истинны. И такъ жизнь счастливая есть ша, которой первое основаніе положено здравымъ и прѣсвѣщеннымъ разсудкомъ: ибо въ такомъ случаѣ душа наша чиста, и толико отъ всѣхъ золъ свободна, что шокмо не можетъ быть ими раздираема, но и малѣйше

ше обезпокоена, а находясь во швердомъ и непоколѣбимомъ соспоянїи, мужеспвенно пропивишя ударамъ несчастїя. Умолчимъ о сласполюбіи. Я знаю, что оно на подо- біе быспраго ручья, по всѣмъ жиламъ раз- проспранияетъ приапноспи свои, и сладос- спїю своею восхищаетъ душу; однимъ сло- вомъ, нѣтъ часпи пѣла нашего, копорую бы оно не приводило въ движенїе. Но кто изъ челоуѣковъ будетъ споль мало чело- уѣкъ, что бы день и ночь хотѣлъ перлѣтъ такїя волненїя, и оспавя свою душу, спа- рашься токмо о удовольствїи пѣла?

Но говорятъ, что и душа будетъ имѣтъ свои удовольствїя? да наслаждается она ими, сколько хочетъ; да владычеспвуетъ она сладострастїемъ, и присупствуюя при всѣхъ веселїяхъ чувствъ, упояетъя оными; да торжеспвуетъ она, воспоминая о прошед- шемъ, представляяже предшедшїя веселїя, пишаетъ себя сладчайшею надеждою, и учинивъ свое пѣло тучнымъ, проспираетъ радость свою и о будущихъ забавахъ. Все сіе кажется мнѣ сожалѣнїя доспойно: ибо что можетъ быть глупѣе, какъ зло почи- тать благомъ! Безъ здравїя души не мо- жетъ быть блаженспва; но шотъ не имѣетъ онаго, и пѣтеряетъ свой разумъ, кото- рый спараетъся получить вредное и нена- виспное, называя оное изящнымъ. Счасп- ливъ, кто довольспвуетъ пѣмъ, что онъ имѣетъ, или малымъ что у него еспь, бы- ваетъ

заесть другомъ собственнаго своего блага. Счастливъ и пошъ, кто употребляя свой разумъ, довольствуется соспоянїемъ своихъ дѣлъ, каково бы оно ни было. Почитающіе сластолюбіе высочайшимъ благомъ, усмопрѣвъ въ какой они мѣрзостное полагаютъ, отрицаютъ, что бы сластолюбіе раздѣлялось съ добродѣтелію, и утверждаютъ, что кто живетъ честно пошъ живетъ радостно, а кто живетъ прилично, пошъ живетъ честно. Что принадлежитъ до меня, то я не понимаю, какимъ образомъ возможно соединить толь между собою различныя вещи. Я прошу тебя, скажи мнѣ, для чего добродѣтель не можетъ раздѣлена быть отъ сластолюбія? Не для того ли, что всякое благо произтекаетъ изъ добродѣтели, и слѣдовательно оно есть источникъ нашихъ склонностей и желаній? Еслибъ сіи вещи должны были между собою неопредѣленно сопряжены; то для чегожъ видимъ мы вещи приличные, кои супъ нимало не честны, другія же весьма пристойны и честны, но грубы и неприличны, и коихъ не приобретаемъ мы безъ болѣзни?

Въ какую же поносную жизнь влечетъ насъ сластолюбіе, гонимое добродѣтелію! Коликое множество несчастныхъ, учинившихся таковыми единственно отъ сластолюбія! Но когдабъ сластолюбіе было сопряжено съ добродѣтелію, (которая часто бываетъ

бываетъ лишена онаго и никогда нужды въ немъ не имѣетъ,) по ничего бы таковаго не приключилось. Для чего соединяешь ты поль несходныя и между собою противныя вещи? Добродѣтель есть нѣчто великое, высокое, царское, неупомимое, непобѣдимое; сластолюбіе же нѣчто подлое, раболѣпствующее, робкое, дряхлое, и нездоровое: оно обипааетъ въ поносныхъ мѣстахъ и кабакахъ. Добродѣтель обипааетъ во храмахъ, въ огромныхъ малахахъ, въ Сенахъ, на стѣнахъ осажденнаго града; покрыва пылю, загорѣвшая, и имѣющая руки отъ прудовъ заскорблыя. Сластолюбіе по большей части скрывается и ищетъ тѣмноты. Ты найдешь его въ баняхъ, при рѣкахъ и другихъ мѣстахъ суди спрашающихся, опрысканна спиртами и благовонными духами, нѣжна, изнуренна, блѣдна, раскрашенна, и такъ сказать различными благовоніями балзамированна. Высшее благо есть безсмертно; оно вошедъ единожды въ сердце никогда уже его не оставяетъ, и равномѣрно ни отвращенія, ни раскаянія не производитъ. Душа благая не чувствуетъ угрызения, не имѣетъ прощиву самой себя ненависти, и такъ изящна, что никакой переменѣ неподвергнута. Сластолюбіе же погасаетъ въ самую ту минуту, въ которое оно наиболѣе насъ увеселяетъ; оно занимаетъ мѣсто весьма малое, и для того

мы скоро имъ наполняемъ; когда первое его спремленіе минуется, тогда чувствуемъ мы отвращеніе, скуку и тоску. Всякое шбло, коего существо есть движеніе, не можетъ быть твердо и непоколебимо; да и по равнымъ образомъ не можетъ быть твердо, что скоропечно, и что въ мину-ту наслажденія исчезаетъ: ибо оно уже приближилось къ тому времени, гдѣ долженствуешь преспать, и почти при началѣ своемъ уже кончается.

Какъ! развѣ сасполобіе не бываетъ въ людяхъ добрыхъ, равно какъ и во злыхъ? Люди испорченныхъ нравовъ находятъ увеселеніе себя безчестить, подобно какъ честный человекъ веселился, чиня дѣла великодушныя. Для сего то и совѣтують намъ древніе, слѣдовать жизни лучшей, а не прятнѣйшей, и не почищать сасполобіе путеводинелемъ, но собесѣдникомъ разума. Природа одна имѣетъ право управлять нами, и самъ разумъ нашъ, послѣдующій за нею, къ тому насъ призываетъ. И слѣдовательно, какъ по намъренъ я показъ, жить счасливо есть ничто иное, какъ жить согласно съ природою. Жить же слѣдуя природѣ, есть ничто иное, какъ сохранять со всякимъ стараніемъ, однако и безъ боязни, благо шблесное данное намъ природою, и взирать на оное, какъ на нѣчто переходящее, вѣренное намъ для сбереженія на весьма крапкое время; не желать

дасть блага чуждаго и не раболѣпствовати
 оному; а по, что нравишься тѣлу нашему
 и приходишь съ наружи, не почишати вы-
 ше, и не полагаешься на него болѣе, какъ ар-
 мія на союзную помощь, или на легкія вой-
 ска. Надлѣжитъ спараться, что бы всѣ сѣ
 вещи повиновались, а не повелѣвали нами;
 и тогда по душа наша получитъ отъ
 нихъ пользу. Добродѣтельный человекъ дол-
 женъ быть неприступенъ внѣшнему благу;
 и кромѣ мужества своего ни на что не по-
 лагаешься; бывъ строителемъ собственныя
 своей жизни, долженъ онъ приготовить
 себя равномерно ко счастью и несчастью.
 Однакожъ попребно, что бы надежда его
 была поспоянна и просвѣщенна, и по что
 ему единожды понравилось, навсегда бы нра-
 вилось; однимъ словомъ не переменять ни-
 когда предпріянія своего. Хотя бы я и не
 извяснился, однакожъ всякъ можетъ себѣ
 предсавить, что такой человекъ дол-
 женъ быть во всѣхъ своихъ дѣлахъ воздер-
 женъ, умѣренъ, тихъ и великодушенъ. Пря-
 мое разсужденіе производишь отъ чувствъ,
 но для того, что бы управляшь чувствами.
 Чувствы суть начало, источникъ и под-
 пора разсужденія; изъ нихъ получаетъ оно
 свои силы, грядетъ къ открытію истин-
 ны, и вскорѣ паки въ себя возвращается.
 Какъ Небо, объемлющее всѣ вещи, и Богъ
 управляющій всемъ міромъ, проспирается
 на все внѣ его сущее; но однакожъ всегда

и отъсюды паки въ себя возвращается; подобно сему и душа наша должна шворити: ибо когда послѣдую своимъ чувствамъ, разпространилась она на вещи наружныя и внѣ ея сущія, то должно ей имѣти власть надъ сими вещами и надъ собою самою, и чпобъ, ежели сказать можно, высшее благо содержала она во своей подчиненности. Симъ способомъ будещъ въ чловѣкѣ единая шкмо сила, единое могущество само съ собою согласное; а разсужденіе отъ нихъ произшедшее основательно, безъ малѣйшей недовѣрчивости, непоколѣбимо во своихъ мнѣніяхъ и въ шомъ, о чемъ оно себя увѣритъ желаетъ. Когдажъ разсужденіе доидетъ до шакого степени, тогда само оно учинится истиннымъ благомъ; ничшо не будещъ для него худо или сколько; но швердо во всѣхъ своихъ предприятіяхъ, ничшо не возможетъ ему препятствовать или причинитъ паденіе.

Такое разсужденіе присутствуетъ повсюды; ничшо не приключится нечаянно; всѣ предприятія имѣютъ счастливыя концы; все чинится съ поспѣшностію и безъ всякаго препятствія: ибо лѣность и сомнѣніе означаютъ нерѣшимость и непоспоянство. И такъ смѣло сказать можно, что согласіе души есть оное высочайшее благо: гдѣ находится добродѣтель, тамъ находится согласіе и союзъ; одни пороки между собою не согласуются. Но ты самъ, скажутъ мнѣ,

мнѣ, ты самъ прилѣпляешься къ добродѣтели единственно для счасполюбія, котораго ты опѣ нее надѣешься. На сіе отвѣчаю: ежели добродѣтель и обѣщаетъ какое либо услажденіе, то не слѣдуетъ изъ него, что бы спарались прибрѣсти одну для другаго; ибо добродѣтель не производитъ счасполюбія и обѣ ономъ не печется. Но хотя она и не ищетъ счасполюбія, и занимается предѣлами благороднѣйшими; однакожъ иногда вспрѣчаетъ его въ пупи своемъ, подобно какъ на вспаханномъ полѣ неожиданно произрастаютъ цвѣты. Сіи цвѣты, увеселяющіе взоръ нашъ, произошли сверхъ чаянія нашего, ибо конечно не для нихъ спарались засѣвать землю. Такъ и веселіе есть ни награда ни причина добродѣтели, но нѣчто нечаянное; оно нравится намъ не для того что приятно, но для того приятно, что нравится. Высшее же благо состоитъ во изящномъ разсужденіи, и въ наилучшемъ положеніи души, которая наполнивъ все свое пространство и ограничивъ себя во своихъ предѣлахъ, учинила сама себя высшимъ благомъ, непозволяющимъ уже далѣе проспираться желаніямъ ея. Ты желаешь вѣдать, что мнѣ въ добродѣтели приятно, и чего я опѣ нее ожидаю? Въ добродѣтели ищу я самую добродѣтель, ибо ничего нѣтъ лучше оныя, и бывъ не оцѣненна, такъ что ни съ чемъ сравниться не можетъ, бываетъ сама себѣ наградою.

Я говорю тебѣ, что истинное благо есть непоколебимое поспоянство, прозорливость, здравіе, свобода, согласіе, пишина, красота и сила души. . . . Еще ли тебѣ не довольно? Чему ты другому все сіе приписать можешь? Тщешно именуешь ты сластолюбіе; я ищу благо человека, а не удовольствіе мамона, приспойное болѣе скопамъ, нежели людямъ.

Ты припворяешься, будто меня не разумьешь, отвѣчаешь мнѣ; я утверждаю, что не живъ честно не можно жить весело; что конечно не приключился со скопомъ и почищающими мамонъ свой богомъ. И еще тебѣ здѣсь повпоряю, что жизнь, которую называю я радостною, не можешь быть безъ помощи добродѣтели. Но (кому неизвѣстно:) самые глупѣйшіе люди не упоаюшь ли во сластолюбіи своемъ? не раждается ли множество веселій подъ ногами злодѣевъ? сама душа, споль поврежденная, не причиняетъ ли имъ тысящу родовъ веселій, споль же гнусныхъ и мерзскихъ, какова она сама? Что скажу я о сей дерзости, о семъ высокомъ мнѣніи, которое сами о себѣ имѣють? о гордости, заславляющей всѣхъ презирать, почищая единаго себя; о слѣпой и безразсудной любви ко всему намъ принадлежачему? о веселіяхъ преходящихъ, о безмѣрной радости, причиняющейся бездѣлками и робячествомъ; о сихъ шумныхъ и язвительныхъ словахъ; о семъ надмѣнномъ
высокомъ брїи;

высокомѣри; о лѣности и разплѣннѣ под-
лаго сердца, усыпленнаго веселїями?

Добродѣшель опгоняешѣ всѣ сїи пороки,
и дѣлаешѣ насѣ оспорожными; однакожѣ
она не всегда бываешѣ непріяшельницею
забавы: иногда и сама упопреляешѣ оныя;
но прежде наслажденїя оными, опвѣдываешѣ
ихѣ, а копорю насладися, ту не почи-
таешѣ уже болѣе важною; если же упо-
преленїе ея увеселяешѣ, по сїе чинися,
послику забава сїя презва и умѣренна. А
какѣ умѣренность сїя чинися на счешѣ
сластолюбія; по слѣдственна должна бы
она чинися и на счешѣ добродѣтели? Ты
обѣмлешѣ сластолюбіе; а я его мѣшаю и
умаляю; ты упиваешся имѣ, а я его
упопреляю; ты считаешѣ его высочай-
шимѣ благомѣ, а я и благомѣ его не назы-
ваю; ты все для него предпринимаешѣ, а я
ничего. Говоря, что я ничего для него не
дѣлаю, говорю я именемѣ мудраго, копо-
рому ты одному позволяешѣ сластолюбіе.

Я не называю того мудрымѣ, кто не
токмо веселостями, но чѣмѣ бы то ни бы-
ло, управляешся. Возможно ли, чтобѣ сла-
столюбецѣ сносилѣ работу, предавалѣ себя
опасностямѣ, перилѣ бѣдностѣ и сопро-
тивлялся поликому множеству золѣ, ко-
порыя нападающѣ и угрожающѣ на жизнь
человѣческую? Какимѣ образомѣ возможешѣ
онѣ перилѣ бользни, и возрѣшѣ на смерть
кѣ нему приближающуюся? Бывѣ уже побѣ-

жденъ поль слабымъ сопротивникомъ, оспашся ли ему средство, выдержавъ крикъ, ужасную прескапню и усугубляемые удары поль многихъ и поль спрашныхъ неприятелей?... Онъ все то сдѣлаешъ, что повелишъ ему сласполюбіе.... Но не предвидишъ ли ты, что оно повелишъ ему? Ничего подлаго, говоришъ ты, ибо оно соединено съ добродѣтелию. Не усмаприваешъ ли ты еще, что будешъ съ высшимъ благомъ симъ, которое что бы оспашся благомъ, должно бышъ подѣспраженъ? И такъ добродѣтель будешъ сохранена? Кѣмъ же? Сласполюбіемъ. Но ежели добродѣтель есть ничто иное, какъ послѣдовапельница сласполюбія, то какимъ же образомъ можешъ она управляшъ имъ? кто послѣдуешъ, тотъ повинуется, а кто предлѣдуешъ, тотъ повелѣваешъ. И такъ ты дѣлаешъ главу хвостомъ. О прекрасной порядокъ! Изрядное упражненіе добродѣтели, вкушавъ и угощавливавъ сласполюбіе! Разсмотримъ же, можешъ ли добродѣтель пребывать у шакихъ людей, кои споль ругапельски съ нею поспупають, съ нею, которая не можешъ бышъ презрѣнна, не потерявъ даже имени своего. Имѣя здѣсь случай, означу я людей испощившихъ прелести сласполюбія и сокровищи счастья; людей злонравныхъ, которыхъ ты будешъ принужденъ признашъ шаковыми, хотя и не споль еще злонравными, каковы супъ совершенные сласполюбцы. Возри ты на

Номсанпана

Номеантана и Апиція, ищущихъ всѣ благи земли и моря: (такъ они ихъ называютъ:) они могутъ вамъ показатъ на сполѣ своемъ всѣхъ животныхъ вселенныя. Се ложе, на кошоромъ возлѣжа кушаютъ, смотрятъ на свою кухню, слышатъ наилучшіе голоса ; взираютъ на позорище счастья , увеселяющее зрѣніе ихъ; наслаждаются вкусъ свой различными яствами ; все пѣло ихъ наперпо наилучшими вонями ; покои ихъ исполнены божественнаго благоуханія, такъ что прочія чувствва завидуютъ обонянью. Какое великолѣпіе ! какая пышность ! не покажется ли, что они опдаютъ послѣдній долгъ сасполобію ? по крайней мѣрѣ признаешь ты, что не бывало еще людей шoliko сасполобивыхъ. Но чтожь ? они недовольны, ибо по чѣмъ они наслаждаются, не есть истинное благо.

Ничего нѣтъ естественнѣе , какъ недовольствія, наисчастливейшимъ приключаются: онѣ производятъ отъ множества безпокойствъ, случающихся въ жизни сей ; ибо и въ самыхъ недрахъ благополучія рождаются тысяща прошивностей и неприятныхъ произшествій. Однакожь не менѣе справедливо , что всѣ сіи глупцы и непосоянные, коихъ ты видишь подвластными владычеству своенравія, а по томъ разкаянія , наслаждаются наивеличайшимъ удовольствіемъ, такъ что кажется, будто они споль же удалены отъ недовольствія,

какъ и отъ здраваго разума и разсужденія: и какъ по примѣчается, они соспавляють родъ веселыхъ глупцовъ, собспвенной глупоспи своей смѣющихся, или смѣючись, бѣшенными чинящихся. Какое же различіе между веселіемъ мудраго! Веселіе его скромно, болѣе шихо, нежели умѣренно, и такъ воздержностію скрыто, что едва оно усмопрѣшь можно. Такое удовольствіе не ищется, но само приходитъ. Однакожъ мудрый человекъ о томъ не радуется и не поржеспвуется: поелику воздерживаетъ онъ свою радость, пополику и удовольствіе свое получаетъ съ большею приапностію, нежели какъ самъ онъ чувспвуетъ. Удольствіе сіе подобно цвѣпамъ нечаянно по пупи нашему разбросаннымъ; ихъ сокрывають для того, что находятъ подъ ногами; или почиають его забавою и провожденіемъ времени, подающимъ отъ важнѣйшихъ дѣлъ отдохновеніе. Такимъ по окомъ мудрый человекъ взираетъ на сласполюбіе; онъ въ веселіяхъ своихъ споль же задумчивъ и равнодушенъ, колико сласполюбецъ ко своимъ ненасытимъ и жадеиъ.

И такъ да преспануть соединять двѣ вещи, споль мало между собою согласныя. Соединяя сласполюбіе съ добродѣтелію, ласкашельспвуютъ порочнымъ, и причиняють, что пороки гордятся. Успоающій въ любви и винъ слыша, что добродѣтель нераздѣльна со сласполюбіемъ, подумаетъ отъ

онѣ добраго сердца, что живете добродѣ-
тельно, ибо живете во сластолюбіи. Не
удовольствуясь еще симъ, и украшая
злая свои склонности, прекраснымъ име-
немъ мудрости, являете онѣ мерзости, не-
достойныя видѣть свѣтъ. Не *Эпикуръ* раз-
вращаетъ разумъ ихъ; не его нравуученіе
ввергаетъ ихъ въ шаковый безпорядокъ; но
имѣя склонность къ порокамъ, всюду сбѣ-
гающа во множествѣ, гдѣ шокмо выхваля-
ютъ сластолюбіе, стараясь прикрыть себя
одѣяніемъ философіи, сдѣланной для обли-
ченія пороковъ, а не для сокрытія и утвр-
жденія оныхъ. Не вѣрьте сему. Что касается
до меня, то я никогда имъ чести сей не
дѣлаю, дабы думать, что бы сіе спремле-
ніе клонилось ко сластолюбію *Эпикура*:
сіе для нихъ весьма мудро и умѣренно.
Одно имя онаго влечетъ развращенныхъ
сихъ, ищущихъ шокмо ложныхъ причинъ
и покрывало поступкамъ своимъ. И ша-
кимъ образомъ, теряютъ они и послѣднее
благо, которое имъ въ развращеніи ихъ
оспавалось, то есть стыдъ. Теперь уже
стыдяща имѣетъ оный; чего прежде кра-
снѣлись, то нынѣ превозносятся похвалами
и славятся пороками. Пожалѣемъ о юности,
неимѣющей болѣе прибѣжища и надежды
къ возстановленію своему, когда уже наи-
презрительнѣйшая праздность, получила
шшло почтенныя.

Вотъ для чего опасно выхвалять сла-
сполоубіе. Мы прилѣпляемся ко внѣшности
насъ прельщающей, не касаясь до правилъ
честности скрытыхъ подъ оными. Чпобъ
ни говорила Секта наша; однакожъ я осмѣ-
люсь сказать, что *Епикуръ*, ежели разсмо-
тришь его прилѣжибе, не училъ насъ ни
чему кромѣ истинны, свяспости, и даже
довольно печальнаго. Возможно ли заклю-
чилъ сласполоубіе въ предѣлы сего песнѣй-
шіе? Онъ подвергнулъ его равнымъ законамъ
сѣ добродѣтелию, и пребуешъ, чпо бы оно
повиновалось природѣ. Но по чпо для при-
роды доспащочно, весьма мало для сласпо-
любія. Въ чемъ же состоилъ сіе славное и
цѣломудренное сласполоубіе *Епикура*? Кпо
называетъ блаженствомъ лѣносное спо-
койствіе, и безпреспанную перемѣну весе-
лія, постѣли и спола, шопъ въ хорошемъ
дѣлѣ призываетъ весьма худаго свидѣтеля.
Дошедъ до такого степени, слѣдуетъ онъ
сласполоубію, не шому, копорому его на-
учаютъ, но шому чпо онъ сѣ собою принесъ;
а какъ скоро увѣрился, чпо пороки его со-
гласны сѣ правилами, копорыя онъ слы-
шалъ, шо оставя спыдъ, не спарается уже
болѣе скрывать оныхъ, но пускается въ
оныя безъ всякаго воздержанія, шакъ чпо
уже и самъ себя болѣе не почитаетъ.

И шакъ я сѣ большею частію собра-
тій моихъ не соглашаюсь, чпо бы *Епикуро-
ва* Секта научала злодѣйству. Правда, она
имбешъ

имѣетъ худую славу, и ее называютъ школою безстыдства; но сіе весьма несправдливо, ибо никто объ ней почнаго понятія не имѣетъ, кромѣ допущенныхъ во внутренность оныя. Всѣ разсуждаютъ по поверхностямъ, которыя не только для нее весьма бесполезны, но и возбуждаютъ еще худое мнѣніе. Секша сія уподобляется женскому платью, на сильнаго мужчину надѣтому. Твоя добродѣтель еще невредима, ибо ты сохраняешь стыдливость твою; тѣло твое не знаетъ безстыдства, но ты вездѣ проповѣдуешь его. Избери лучше какуюнибудь почтенную надпись, котораябы возбуждала душу твою, поразила непріятелей ея, пороки. Видишь ли ты сего человѣка, по пупи добродѣтели идущаго? онъ еще только вступилъ на оный, но уже подаетъ доброе мнѣніе о нравѣ своемъ. А сей другій, какъ можетъ быть великимъ и великодушнымъ? онъ предался обьятіямъ любви; не имѣетъ ни силы ни мужества; пружины тѣла его и души разстроены; однимъ словомъ это человѣкъ развращенный, для котораго въ короткое время ничего мерзкаго и безчестнаго не будетъ. Вотъ до какого презрѣнія нравовъ приводитъ насъ сластолюбіе, ежели не научимся мы различать различные онаго роды, какъ тѣ, кои ограничены въ желаніяхъ естественныхъ, такъ и безчисленное множество прешедшихъ предѣлы сіи, кои бывъ тѣмъ бо-

лѣе ненасытими, что наиболѣе спараются ихъ удовольствовати, на конецъ приводящъ человека къ погибѣли его. Да предводительствуетъ добродѣтель, тогда всѣ пути будутъ безопасны. Чрезмѣрное сасполобїе всегда бываетъ вредно. Одна добродѣтель, въ которой неумѣренность безвредна, ибо она сама границы себѣ полагаетъ.

Всякая неумѣренность не можетъ быть полезна. Хотя разсудительнымъ людямъ и ничего лучшаго, какъ разсудокъ, предложить не можно; однакожъ ежели нравились имъ союзъ сей, и ежели въ провозденіи семъ желаютъ они достигнуть счастья; да шествуетъ предъ ними добродѣтель, и освѣщаетъ ихъ, а сасполобїе, на подобіе тѣни слѣдующей тѣламъ, да провоздаетъ оную. Добродѣтель, наивысочайшая изъ вещей всѣхъ, услуживаетъ наиподлѣйшей! Такая мысль не можетъ пираема быть, какъ разумомъ никогда и ничего великаго непринимающимъ. Да слѣдуетъ во первыхъ добродѣтель несущая знамя; тогда безъ сомнѣнїя будетъ съ нами и сасполобїе, ежели мы токмо научимся повелѣвать ему, и умѣряемъ спремленіе его. Оно будетъ насъ просить, но не повелѣвать нами. Предпочитающіе добродѣтели сасполобїе, ни того ни другаго не имѣютъ: ибо они первую теряютъ, а второго не имѣютъ, ибо оно уже владычествуетъ ими. Не достаетъ имъ сасполобїя; мучающа: излишествуютъ;

задыхаются : несчастливы, ежели оно ихъ оставяетъ; еще несчастливѣе, когда ихъ упѣсняетъ. Въ такомъ случаѣ уподобляющіяся они носимымъ бурей, копорюю иногда выбрасываются на песокъ, а иногда погребаются въ волнахъ. Таковы по бѣдспвенны слѣдствія неумѣренности и сласполюбія. Справедливо слово сіе: „ опасно получишь желаемое, когда просишь зло вмѣсто блага. „ Есть такія веселія, кои походятъ на дикихъ звѣрей, за копорыми гоняся, подвергаются великимъ трудамъ и опасностямъ; пойма же ихъ, приходятъ еще въ большее предѣ прежнимъ замѣшательство и безпокойство, ибо часто пожираютъ они хозяевъ своихъ. Великое сласполюбіе производитъ великое зло, и покоряетъ желающихъ покоришь его. Чѣмъ удовольствій и сласполюбія больше, спремительнѣе и многочисленнѣе, тѣмъ менѣе предспавляется мнѣ человекъ сей, коего просполюдимы называють счастливымъ : ибо тѣмъ болѣе имѣетъ онъ владыкъ, коимъ онъ угождать долженъ.

Я продолжаю сравненіе мое : подобно какъ человекъ, полагающей удовольствіе свое въ ловленіи звѣрей, распавляя сѣти и окружая лѣса собаками, не радѣетъ о важнѣйшемъ, оставяетъ дѣла свои и должность ; однѣмъ словомъ все бросаетъ для бездѣльнаго увеселенія сего ; такъ и предавшейся сласполюбію, жертвуетъ оному всемъ,

всемь, даже и самую драгоценную вольноспию, копорю онъ наслаждался, а шеперь перяетъ для увеселенія своего: можно сказатъ, что не онъ споль дорого покупаетъ сласполюбіе, но самъ ему продаетъ себя.

Но что же, говорящъ, препяшпвуешъ добродѣтели и сласполюбію, соединитъ такимъ образомъ, что бы онъ составили одно цѣлое, состоящее изъ честнаго и пріяшнаго, цѣлое, копорое бы было высочайшее благо? Для того, что не можно ни имѣть части честнаго, не имѣвъ всего, ни сохранить чистоту его, когда что нибудь къ нему примѣшаетъ, копорое не споль изящно, какъ оно само. Самая радость рожденная добродѣтелию, веселость и спокойство, хопя и произпекаютъ изъ чистѣйшихъ источниковъ, не сочиняютъ однакожъ части совершеннаго блага; правда и онъ суть блага: но такія, кои суть слѣдствія высочайшаго блага.

Не возможно соединитъ двѣ споль различныя вещи, каковы суть добродѣтель и сласполюбіе: ибо мужество одной сласполюбіемъ другаго прищупляется; и сія вольность всегда шоржеспвующая, доколѣ не знаетъ ничего себя драгоценнѣе, приходитъ на конецъ въ порабощеніе. Ибо что можетъ быть жесточаѣ невольничества сего, какъ признаватъ счастье нуждою? Опъ сего то происходитъ жизнь споль бѣдная, безпокойная, боязливая, исполненная сомнѣнія и страха

страха о приключаемся, преданная произшествіямъ и корыспямъ времени. Ты полагаешъ добродѣтели основаніе весьма слабое и скользское, а не швердое: ибо чшо можешъ бышь зыбчѣе, какъ ожиданіе нечаянности! Чшо болѣе подвержено перемѣнамъ, какъ не пѣло и дѣйспвующее на оное? Какимъ образомъ повиновапсья Богу, и принимапсь сѣ благодареніемъ все, чшо ему угодно безъ всякаго роппанія, когда уже малѣйшее чувспво болѣзни или веселія, приводитъ насъ въ безпокойство? Предавшейся сласполюбію не можешъ бышь добрымъ защитникомъ и мспителемъ опечеспва и друзей своихъ. Высшее благо обитаетъ въ жилищѣ, изъ коего ни какая сила изпоргнушь его не можешъ; шуда не приспупаютъ ни болѣзнь, ни надежда, ни ужасъ, и ни чшо могущее ослабипсь благо сіе, или помрачипсь изящеспво онаго; одна добродѣтель имѣетъ шуда пущъ свободный. По ея спезямъ должно слѣдовапсь ко благу сему. Добродѣтель шверда; она подвергаетъ себя всякому произшествію не шокмо шерпѣливо, но и охотно, почитая всѣ шрудности необходимыми законами природы: подобно какъ храбрый воинъ шерпитъ раны, изчисляетъ свои рубцы, и бывъ весь изколопъ, умираетъ, но умирая еще любитъ своего государя, за котораго лишается онъ жизни своей; такъ и добродѣтель всегда взираетъ на древнее правило сіе: *слѣдуй Богу.*

Кшо

Кто жалуется, плачетъ и вздыхаетъ ; пошъ приказанное ему дѣлаетъ прошивъ воли ; однакожъ для того не менѣ повинуется. Можно ли допустить до того, что бы насъ влекли съ такимъ стыдомъ , когда мы своевольно можемъ слѣдовать ? какая глупость ! какое невѣденіе соспоянія своего ! Удивляться тому , чего ни предвидѣть, ни предупредить было не можно ; не виноваться безъ ропшанія, и при малѣйшемъ неприятномъ приключеніи произносишь жалобы, однѣмъ словомъ, не умѣешь сносить то , что добродѣтельному равно какъ и порочному приключается , я хочу сказать, несчастія, болѣзни, смерть, и всякое зло жизни сея ! Подвергнемъ себя мужественно всему , что зависить отъ сошворенія міра ; мы кляпвенно обѣщались сносить все смертное, и не ужасаться того, чего мы не имѣемъ силъ избѣгнуть. Мы рождены въ царствѣ міра, то и остаемся намъ одна свобода, повиноваться Богу.

И такъ добродѣтель соспавляетъ истинное блаженство. Что же совѣшуетъ тебѣ добродѣтель сія ? Не называть благомъ или зломъ, что не чрезъ добродѣтель и не по злости чинится ; не ужасаться зла приключающагося отъ блага ; подражать Богу , по елику то возможно. Что же обѣщаетъ тебѣ добродѣтель за славные подвиги сіи ? нѣчто великое, и почти божественное : ты не учинишь ничего прошиву

тиву воли твоея; не будешь имѣть никакой нужды; ты будешь воленъ, швердъ, отъ всякаго зла безопасенъ; ничего не будешь предпринимать въ пунѣ; ничего не будешь для себя запрещеннаго; исполняйся всѣ желанія твои; ничего не приключится тебѣ прошивнаго, нечаяннаго, или прошиву воли твоея. И такъ довольно ли единой добродѣтели, сей совершенной и божественной добродѣтели, что бы доставить намъ жизнь счастливую? О! болѣе нежели довольно: ибо чего не доставитъ человѣку, желанія неимѣющему? какую помощь и нужду имѣешь въ помощи другаго, копорый въ самомъ себѣ всѣ благи соединяетъ?

Но шѣ, кои шеспевуютъ по пупи добродѣтели, хотя и довольно къ ней приближаются, однакожъ борясь противъ возжеленій человѣческихъ и стараясь разорвать узы, соединяющія ихъ съ плѣнностію, имѣютъ нужду въ лучахъ счастья. Какое же между сими людьми различіе? одни связаны, другіе привязаны, а иные еще сильнѣйшимъ образомъ спеснены. Ты видишь сего человѣка, копорый далѣе и выше всѣхъ, его узы весьма уже слабы. Хотя онъ и не совсѣмъ еще свободенъ, однакожъ я почишаю его таковымъ, ибо онъ желаетъ имѣ учиться.

Послушаемъ шеперь непріятелей философовъ и самой философіи. Вотъ обыкновенныя ихъ рѣчи. Ты лучше говоришь, нежели

нежели живешь; ты робокъ предъ высшими шебя, имъешь необходимость въ деньгахъ, чувствительенъ къ упрямъ, плачешь о смерти супруги своей и друга, любишь свою славу, и досадуешь, когда спараются опныя у шебя оную. На что ты имъешь лучшую деревню, нежели пребуешь опъ шебя необходимость? на что такъ чисто и порядочно убранъ домъ твой? къ чему пьешь вино, которое шарбе шебя? для чего насаждаешь деревья единую тбнь производящія? Твой погребъ богатбе всбхъ; ни у кого нбтъ лучшаго серебра какъ у шебя; дворецкой разкладываетъ кушаніе свое; ты имъешь пажей великолбно одбпыхъ; ты выдумываешь всякіе способы, что бы у шебя наилучше услужено было. Какіяжб серги у жены своей! въ ушахъ своихъ носишь она доходы изрядной фамиліи? Прибавь къ сему, ежели хочешь, что я и за моремъ имбю деревни, да и пакія еще, коихъ я никогда не видалъ; что я такъ незначителенъ, что не знаю малаго числа служителей моихъ, или уже въ такой живу роскошб, что по множеству служителей моихъ, память моя не въ состояніи упомнить всбхъ имена ихъ. Я помогу тебб бранить меня, и столько самъ себб на скажу, что ты и не вздумаешь. Но на пеперешнее время будь доволенъ опвбпомб симб: я не есмь мудрый, и (что бы тебб досадишь) никогда онымб не буду. Все что, чего я ищу, состоишь не въ помб, что бы

бы сравняшься съ лучшими, но что бы учи-
 нись лучшемъ, нежели злымъ. Довольно
 и того, ежели я каждый день освобожда-
 юсь отъ одного изъ заблужденій моихъ и
 угнѣтаю мои пороки. Здравіе души моей не-
 совершенно, и никогда паковымъ не будетъ.
 Для подагры моей упопребляю я болѣе
 облегчительныя, нежели совсѣмъ прогоняю-
 щія оную лѣкарства; счастливымъ, ежели она
 приходишь будетъ не такъ часто и не съ
 такою жестокою болью. Въ сравненіи лег-
 коспи своихъ ногъ, я буду скороходъ весьма
 дурной.

Я не говорю здѣсь для извиненія себя,
 ибо упопаю въ порокахъ, но въ оправданіе
 своихъ, кои не много отъ оныхъ свободились.
 Разговоры твои, ты говоришь мнѣ, съ
 образомъ твоей жизни весьма различны; а
 ты попрекаешь меня своимъ, чѣмъ уже самые
 злонавычные и явные неприятели добродѣ-
 тельнѣйшихъ, попрекали Платона, Эпи-
 кура и Зенона: ибо всѣ сии великіе люди
 не говорили, какъ они сами жили, но какъ
 жить должно. Еще разъ повпоряю, не о
 себѣ говорю я, но о добродѣтели; и объ-
 являя войну порокамъ, зачинаю съ соб-
 ственныхъ моихъ. Я буду жить какъ дол-
 жно, когда по учинишь въ состояніи бу-
 ду, и тогда вся твоя злость, и весь ядъ
 изливаемый тобою на другихъ, однакожь
 тебя одного убивающей, не возмогутъ меня
 отвратить отъ пути истиннаго, и не

Часть II. Ф возпре-

возпрепятствуюшѣ хвалишѣ жизнь, хотя не шу, которую веду, по крайней мѣрѣ шу, которуюбѣ весши мнѣ долженспововало. Ежели не возмогу возлѣшѣ къ добродѣтели, то буду ползашѣ по спезямѣ ея, и хотя изѣ далека, обожашѣ ея. Я не ожидаю, что бы злодѣи непощадивше ни *Рутилла*, ни *Катона*, почитали что нибудь за свято? Люди, непочитающіе *Димитрія Сциника*, довольно убогими могушѣ множество найшшѣ богатыхѣ. Кто есть изѣ человекѣ, спрожѣ, къ самому себѣ жестоко, и противѣ желаній своихѣ болѣе вооруженнымѣ, какѣ не *Димитрій* сей! Все, что онѣ самѣ себѣ возбранялѣ имѣшѣ, все что запрещалѣ онѣ и просилѣ. Онѣ сприцаешѣ, что бы мудрый имѣлѣ нужду. Возри на него, онѣ не оказываешѣ добродѣтель, но бѣдность.

Не говоритѣ ли, что *Діодорѣ* философѣ Епикурической лишившій самѣ себя жизни, побужденѣ къ дѣйствию сему, не Епикуровымѣ ученіемѣ? Одни обвиняющѣ его безуміемѣ, а другіе легкомысліемѣ. Однакожѣ сей мудрый счастливый оспавляя свѣшѣ сей, самѣ себѣ засвидѣтельспововалѣ: онѣ выхвалялѣ покойную и тихую жизнь свою; онѣ сказалѣ: я жилѣ и исполнилѣ теченіе жребіемѣ мнѣ предписанное: слова сіи слушалѣ ты съ такимѣ неудовольспвіемѣ, какѣ бы нѣкогда и самѣ долженспововалѣ подражашѣ ему. Ты спорилѣ о жизни сего

и о смерти другаго. Ты ругаешь, услышавшюкмо единое имя человека славнаго, чрезъ какое нибудь великое дѣло учинившагося безсмертнымъ, подобно какъ собаки лаютъ на прохожихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ неприятно видѣшь людей, почитающихся добродѣтельными, ибо добродѣтель ихъ облачаетъ пороки швои; сіяющее чистѣйшимъ свѣтомъ уподобляешь ты самому мерзостному. Зависпливый безумецъ! не видишь ли ты, koliko перяешь во уподобленіи сего. Когда уже и послѣдующіе добродѣтели суть скупы, развратны, честолюбивы, то что же будешь ты, копорый даже имя добродѣтели не навидишь? Слѣдуя мнѣнію швоему, никто не дѣлаешь того, что говоришь, и не располагаетъ поступки по словамъ своимъ. Во истинну удивительно сіе, что не можно скоро приобыкнуть къ назидательнѣйшему, и что презрѣніе буръ жизни сея, легче въ теоріи, нежели во исполненіи! Но не довольно ли сего, что бы спарашься изпоргнуть себя изъ пороковъ, къ коимъ ты самъ себя прилѣпляешь. Ведомые на казнь, вѣщающіе каждый на приугошовленную для него висѣлицу. Вошедшіе сами въ себя, находящіе полико же мученій, колорими сражаемы неистовствами. Что касается до злословцевъ, то я почитаю ихъ приятными злодѣями, коихъ со удовольствіемъ слушаю, когда они говорящъ худо о ближнемъ своемъ. Я бы вѣрилъ имъ, когда бы они даже бывъ повѣшены,

повѣшены, не плевали въ лицо взирающихъ на нихъ.

Хотя философы не дѣлаютъ того, что говорятъ; но много уже и сего, когда пускаютъ во свѣтъ полезныя вещи, рожденныя разумомъ ихъ. Весьма были бы они счастливы, ежелибъ поведеніе ихъ отвѣтствовало словамъ. Но должно ли для сего презиратьъ преизящныя рѣчи, и душу, пользагя мысли произведшую? разсужденія и изысканія о наукахъ полезныхъ достойны конечно похвалы, хотябъ и безъ дѣйствія оставались. Какое чудо, что авторы ихъ не могли болѣе возвыситься! Смотри, къ чему побуждаются они добродѣтелию: не взирая на паденіе, ты принужденъ похвалять спремленіе ихъ. Во истинну похвально, располагаться болѣе по силамъ природы, нежели по собственнымъ своимъ, упореблять всю возможность, предпринимать дѣла великія, и въ разсужденіи своемъ созидать такія предприятия, коихъ и самыя величайшіе умы исполнишь не могутъ. Кто утвердилъ сіе въ разумъ своемъ? Я воззрю на смѣрть такимъ же окомъ, какъ въ то время, когда только говорятъ о ней; я перенесу всѣ труды и работы, каковыбъ они ни были; я доволенъ буду имъ съ силъ въ мужество моемъ. Хотя имѣю богатство, или не имѣю, всегда его презрю, и никогда имъ не возгоржуся; безъ сожалѣнія буду взирать, когда опъ меня преидетъ оно ко другому. Ла-
скаемъ

скасмѣ ли я счастьемѣ, или оное отѣ мене удаляется, ничшо мене не пронешѣ; на всѣ земли взираю я равнымѣ окомѣ, какѣ будшо бы онѣ мнѣ принадлежали; а на собшвенныя мои, равно будшобѣ онѣ были всего свѣпа. Я буду жить шакѣ, какѣ бы рожденѣ для другихѣ, и возблагодарю за сіе природѣ, что произвела шаковымѣ. Она опдала мене всѣмѣ челоукамѣ, а ихѣ всѣхѣ опдала мнѣ. Во имѣнїи моемѣ не буду я ни скупѣ ни разпочишелемѣ: ибо шокмо данное мною моимѣ я почишаю. Не положу цѣны благодѣянїямѣ моимѣ, ни по числу ни по количесшву ихѣ: ибо получившїй ихѣ знаетѣ насшоящую цѣну ихѣ. Кто достоинѣ благодѣнїй моихѣ, шого не могу я наградишѣ довольно. Послѣдую правосудїю, а не жадности ко слашѣ. Всю вселенную почту свидѣшелемѣ найсокровеннѣйшихѣ дѣянїй моихѣ. Буду пишѣ и ѣшѣ, единшвенно для удовольшсшвованїя нуждѣ моихѣ, а не для наполненїя и изпражненїя желудка моего. Веселѣ сѣ моими друзьями, пишѣ и ласковѣ сѣ непришшелями; не буду ожидашѣ, что бы о чемѣ мене просили; но всякую прозьбу чешшную предупредишѣ посшпараюсь. Весь свѣшѣ будешѣ мое опечешшво; я буду думашѣ, что надо мною и во кругѣ мене вездѣ находяшсшя Боги, Боги судїи дѣлѣ моихѣ и разговоровѣ. Когда же природа попрешшуетѣ жизнь мою, шогда умирая свидѣшельсшвованѣ буду, что лю-

билъ благую совѣсть и полезныя науки, и не токмо сохранилъ въ цѣлости собственную мою вольность, но и не былъ причиною, что бы кто лишился оной.

Кто предприиметъ, кто пожелаетъ, кто испытаетъ учинить мною сказанное, тотъ послѣдуетъ путемъ, Богами ему начертаннымъ. А хотя и случится ему паденіе, по крайней мѣрѣ, предпріялъ онъ такое высокое намѣреніе, коего и самое паденіе есть похвально. Но ты, ненавистникъ добродѣтели и послѣдующихъ оной, ты ничего новаго не сдѣлалъ. Слабыя очи не возмогутъ сносить солнца; ночныя птицы спрашиваютъ древаго свѣта, и пораженны страхомъ, увидя показывающуюся упренную зорю, всюды ищутъ себѣ убѣжища, и сокрываются въ первую скважину, копорая имъ вспрѣпится. Кричите, колико вамъ угодно; изощряйте змѣиной языкъ вашъ прошиву людей честныхъ; озлобляйтесь прошиву ихъ: прежде сокрушались зубы ваши, нежели вы ихъ уязвить можете. Для чего человекъ сей будучи полицо богатъ, учился философїи и велелъ жизнь полицо добрую? Онъ говоритъ, что богатство, жизнь и здравіе суть презрительны; однакожъ для чего онъ богатъ, живетъ, и хотѣлъ бы еще быть здоровѣе? Если ему вѣрить, то изгнаніе есть одно пустое слово, и что нѣтъ никакого зла перемѣнить землю; однакожъ, ежели по возможно, охотно

шно состарѣется онѣ въ опечесствѣ своемѣ. Чпо въ томѣ нужды, говоритѣ онѣ, живемѣ ли мы много или мало? Однакожѣ старается продолжитѣ печеніе жизни своей, поелику по возможно; радуется, видя себя бодрого во старости. Онѣ говоритѣ, чпо ежели все сіе презираютѣ, по презрѣніе сіе соспойтѣ болѣе во спокойномѣ наслажденіи, нежели въ лишеніи себя оныхъ: ибо мудрый не отвергаетѣ ихъ; но ежели поперяетѣ, тогда безѣ всякаго смятенія для возвращенія оныхъ принимаетѣ наилучшія мѣры. У кого же могутѣ безопаснѣе бытѣ благи счастья, какѣ не у того, который всегда готовѣ возвращитѣ вѣренное ему безѣ всякаго ропшанія? Когда *Маркѣ Катонѣ* похвалилѣ *Куріа Карункана*, и томѣ вѣкѣ, въ которомѣ Цензоры наказывали пресупленіе, имѣтѣ хотя малый кусокѣ серебра, тогда самѣ онѣ имѣлѣ миліонѣ: конечно сіе менѣе нежели богатство *Красса*, однакожѣ болѣе, нежели *Катона* Цензора. И такѣ онѣ превзошелѣ въ богатствахъ правѣда своего болѣе, нежели *Крассѣ* его превозходилѣ. Однакожѣ ежелибѣ и еще получилѣ онѣ богатство сего величайшее, по конечно не опказалѣ бы его: ибо для чегобѣ мудрому почипатѣ себя недоспойнымѣ благодѣяній счастья? Онѣ не любитѣ богатства; но онѣ лучше желаетѣ имѣтѣ, нежели бытѣ лишену онаго. Онѣ не получаетѣ ихъ во свое сердце, но въ свой домѣ

онѣ не отбрасываетъ ихъ, но сохраняетъ, дабы служили онѣ пищею и сіянїемъ добродѣтели.

Какое шупѣ сомнѣнїе, что бы мудрый не оказалъ болѣе своего мужества во изобилїи, нежели въ бѣдности: ибо чѣмъ шупѣ можетъ онѣ показашъ добродѣтель свою, кромѣ какъ не допуская себя поработитъ оному? Но въ богатствѣ сколько случаевъ оказашъ добродѣтель свою! Какое пространное поле воздержности, щедрости, прилѣжанїю, доброму порядку и великодушїю! Мудрый не презритъ себя для того, ежели онѣ малъ ростомъ, но пожелаетъ бытъ больше. Онѣ не будетъ досаждать, видя себя слаба и крива; однакожъ восхощетъ бытъ крѣпкаго сложенїя: ибо тогда почувствуетъ въ себѣ болѣе совершенствѣ и крѣпости. Онѣ сноситъ худое здравїе, но желаетъ лучшаго. Есть шакїя вещи, кои въ разсужденїи цѣлаго почти ничего не значашъ, и могутъ отъ него бытъ отдѣлены, не причинивъ ему вреда; но однакожъ онѣ усугубляющъ радость, причиняющуюся добродѣтелию. Богатства дѣйствуютъ на мудраго и увеселяющъ его, подобно какъ способный въперѣ причиняетъ удовольствїе мореплавателю, или какъ хорошей день, или мѣсяцъ, во время зимы нагреваемое солнцемъ. Кто не соглашается изъ мудрыхъ нашихъ, что и самыя вещи, кои называемъ мы равнодушными, имѣющъ свою цѣну,

и что одинъ изъ нихъ лучше, нежели другія? Нѣтъ ли изъ нихъ такихъ, которыхъ почитаемъ мы много, а другія, которыхъ мы почитаемъ менѣе? На конецъ, чтобъ себя не обмануть, скажу тебѣ, что богатство есть изъ числа тѣхъ благъ, кои наиболѣе нами почитаются. Для чего же, говоришь ты, смѣешься надо мною, ежели ты самъ равно со мною богатство почитаешь?... Ты обманываешься: мы не почитаемъ богатство въ одной степени съ тобою. Пусть счастье меня оставитъ, оно лишитъ меня одного богатства; но ты въ такомъ случаѣ будешь спользунутъ, что предскажишь себѣ, будто бы оно тебя съ самимъ тобою разлучило, и такъ сказать, самого тебя съ собою унесло. Я ему даю мѣсто; ты почитаешь его первѣйшимъ благомъ: короче сказать, богатства суть мои, а ты принадлежишь богатствамъ.

И такъ преспань запрещать философамъ, пользоваться богатствами; никогда не была мудрость осуждена къ бѣдности: философъ будетъ имѣть великое богатство сѣ, ни у кого неопытное, и неприобрѣтенное пролитіемъ крови ближняго. Никто не скажетъ, что онъ его обидилъ; никто не попрекнетъ ему, что онъ не честно его нажилъ; онъ взираетъ равнымъ окомъ, получая и лишаяся ихъ; одинъ зависплавый о томъ спрадаетъ. Умножай ихъ, колико тебѣ угодно: онъ честны; и хощя

многіе желяють ихъ опорочити, однакожь
 никшо и ничего не находятъ. Мудрый че-
 ловѣкъ не откинетъ благодѣяній счастья;
 онъ не превознесетъ и не усмыдитъ бла-
 гоприобрѣщеннымъ наслѣдствомъ. Ежелижь
 онъ превознесетъ, то сіе случится по-
 гда, когда отворивъ двѣри своего дома,
 и впустивъ всѣхъ для осмотрѣнія своего
 имѣнія, можетъ сказать безъ страха, бѣ-
 рите каждой, что кому принадлежитъ. О!
 честный человекъ! koliko заслужилъ онъ
 то, что имѣетъ, ежели по данному отъ
 него позволенію, имѣніе его останетъ во
 прежнемъ состояніи! Во истинну такій че-
 ловѣкъ смѣло называтъ можетъ богатымъ,
 когда весь народъ не нашелъ у него ничего,
 что бы долженствовало быть взято: ибо
 все что онъ имѣетъ, справедливо.

По елику не имѣетъ онъ ничего ху-
 донажишаго, то и не отброситъ онъ вели-
 каго богатства, подарокъ счастья и плодъ
 его добродѣтели: ибо для чего учинитъ
 онъ сіе? Да идутъ онъ къ нему, и наполня-
 ютъ сундуки его: онъ не будетъ для того
 щеславиться и держатъ ихъ во узахъ:
 первое есть свойство малоразумнаго, а
 послѣднее малодушнаго, который кажется
 спрашивая, что бы не ушло богатство
 его. Еще менѣе будетъ онъ бросать его за
 окошко: ибо чѣмъ оправдитъ безуміе сіе?
 Для того ли что богатства бесполезны,
 или для того, что не умѣетъ ими поль-
 зоваться?

зоваться? Человѣкъ, имѣющій и здравые ноги, согласился однакожъ лучше Ѣхать, нежели путешествовать пешкомъ. Таковъ есть мудрый: ежели онъ имѣетъ случай, по согласился бытъ богатымъ; но богатство сіе считаеъ такимъ плѣннымъ благомъ, котораго онъ ежеминутно лишиться можетъ. Онъ не согласился, что бы оно ему или другому кому въ пятосъ было. Онъ щедро будетъ раздавать его. Услышавъ ты слово сіе, подставилъ уши, и уже протягаеъ руку твою. Постой! честный ли ты человекъ, или, хотя можно ли надѣяться, что бы ты такимъ учинился? ибо мудрый даеъ разбирая людей; онъ даеъ однимъ добрымъ, и кои заслуживаютъ благодареніе его; онъ даеъ себѣ отъ себя во приходъ и расходъ; и для того выборъ его управляется побужденіями справедливыми, или которыя такими кажутся; несправдливое подаваніе есть безчестная потеря. Кошелекъ безъ труда долженъ открываться; однакожъ не надѣжись, что бы онъ и продранъ былъ; умъ даеъ есть по же, что умъ не перьятъ.

Подаваніе не есть вещь легкая. Оно долженствуеъ бытъ просвѣщенное, благоучиненное и пристойное, а не такъ, чтобъ безъ всякаго разсужденія бросить его на вѣтеръ. Одного обяую, другому отдаю, сему помогаю, онаго сожалѣю, инаго дѣлаю доспащнымъ, ибо нахожу его доспойна, бытъ

бышь изпоргнушу изъ убожества. Есть и
 такіе, кой находящя въ нуждѣ; однакожъ
 я имъ ничего не дамъ для того, что бла-
 годѣяніе мое не возпрепятствуетъ имъ бышь
 въ недоспаѣ, и минушу сгустя учиня-
 ся паки бѣдными. Однимъ я предлагаю,
 другихъ принуждаю принимаѣ, и обо всемъ
 пекуся. Никогда не имѣемъ мы сполько за-
 имодавцевъ, какъ въ то время, когда даемъ.
 Для того ли ты даешь, что бы возвра-
 шить паки? Нѣтъ; но для того, что бы
 не поперяѣ; подаяніе не должно бышь пре-
 буюмо, но возвращено; это сокровище за-
 рытое во глубинѣ, дабы въ нуждѣ имъ поль-
 зоваться. Ты видишь всѣ средства, кои
 имѣетъ человекъ богатый, что бы учинишь-
 ся благодѣтельнымъ; ибо щедрость не кло-
 нится къ однимъ токмо знающимъ. Бышь
 полезну человекамъ, есть наспавленіе при-
 родою намъ данное; нѣтъ нужды неволь-
 никъ ли, вольный ли, изъ добраго до-
 му, или освобожденный; имѣетъ ли воль-
 ность отъ природы, или оная дана ему;
 повсюду мѣсто есть благодѣяніямъ. Бо-
 гатый можетъ благодѣянія свои ограни-
 чить на единыхъ токмо своихъ служите-
 лей. Всякъ свободенъ, говоритъ свѣтъ, ока-
 зываѣ свою щедрость, какъ ему угодно.
 Онъ не будетъ награждаѣ людей подлыхъ,
 разпочишелей и недостойныхъ его мило-
 сти; но и не устанетъ однакожъ творить
 благо; послѣдняя его щедрость не спойтъ

болѣе перьвой, лишѣ бы кто былѣ оныя достоинѣ. И пакѣ не долженѣ пы шолковашѣ вѣ худую спорону шо, что любипели мудроспи вѣ разговорахѣ своихѣ упошребляющѣ чеспнаго и високаго. Я прошу швоего вниманія кѣ слѣдующему: любипѣ премудроспѣ и учипсѣ оной, не еспѣ, доспигнушѣ премудроспи, и пользуетѣ ея. Иный шибѣ скажетѣ, что хопя я живу дурно, однакожѣ весьма хорошо говорю. Ты шребуешѣ, что бы я вѣ шочности слѣдовалѣ ученію моему; но на чемѣ основываешѣ пы шребованіе швое? Не довольно ли, что я испышываю силы мои, привожу себя вѣ совершенство, и спараюсь доспигнушѣ образца моего? Если на конецѣ доспигну я намѣренія моего, а поведеніе мое не будетѣ шакже опвѣчалѣ словамѣ моимѣ, шо шогда пы будетѣ имѣшѣ право, попрекашѣ мнѣ. Но и шогда вопрошу шебя, какое право имѣешѣ пы судипѣ людей, кои лучше шебя? Я шибѣ скажу, не пы одинѣ, копорый увѣряешѣ меня о добродѣтели моей: ибо всѣ злые уже меня ненавидяшѣ. Но что бы дашѣ шибѣ опчешѣ, копорого никому я не опказываю, и вѣ двухѣ словахѣ сказашѣ образѣ моихѣ мыслей; послушай, на что я согласенѣ, и какѣ я каждую вещь почишаю. Я оприцаю, что бы богатство было благо: ибо ежелибѣ оно имѣ было, шобѣ всѣхѣ его имѣющихѣ учинило добрыми. Кѣ сему еще прибавлю, находящееся

вѣ

въ рукахъ злыхъ не можетъ быть благо. И такъ опшнмемъ у богатства шшло ему неприличное; признаемъ однакожъ, что имѣшь его должно, что оно полезно, и причиняетъ великое спокойствіе въ жизни.

Согласившись такимъ образомъ о пользѣ богатствъ, оспается мнѣ токмо показать, для чего не полагаю ихъ въ число благъ, и какую получаю отъ нихъ выгоду, тебѣ еще неизвѣстную? Ежели меня приведутъ въ домъ, наполненный злата и серебра, и позволятъ упошреблять оное, разполагаясь по волѣ моей; то для шого не почну я себя выше: ибо хотя вещи сіи у меня, однакожъ изъ дома сего пусть перенесутъ меня и на деревянной мостъ; хотя я тогда и буду принужденъ находиться въ числѣ убогихъ, и купно съ ними просить милосшыни, однакожъ ни мало себя не презрю. Въ комъ сила есть умереть, тотъ мало думаетъ о недостаткѣ хлѣба. Но ежели ты спросишь, что я предпочитаю домъ или мостъ; то скажу тебѣ безъ всякихъ околичностей, что домъ я предпочитаю. Пусть дадутъ мнѣ наибогатѣйшіе уборы, великолѣпнѣйшія и сладчайшія яства, я не почну себя болѣе счастливымъ. Мягкая постель и богатое убранство дома моего суть вещи, нималѣйшаго дѣйствія на счастье мое неимѣющія. Равнымъ образомъ не назову себя и несчастнымъ, когда упрудившись работою, принужденъ

жденъ буду валяться на рабскомъ пюфякѣ,
 изъ коего сквозь разодранную проспину вид-
 на шерсть, а вмѣсто подушки имѣть
 буду кошель съ сеномъ. Однакожъ хорошую
 пуховую постелю почипаю я гораздо луч-
 ше; и болѣе желаю бытъ одѣпу, нежели на-
 гу; не для того, что бы нагота причи-
 няла мужеству моему спыдѣ; но для того
 что мужество мое находить болѣе удоволь-
 ствія, бывъ одѣпу, нежели обнаженну. Я не
 чувствую къ себѣ болѣе любви, видя повсе-
 дневно счастье мое возрастающее, и слыша
 поздравляющихъ меня о томъ друзей моихъ.
 Пусть премѣнится счастье, пусть дни по-
 лико прекрасные помрачатся облаками
 проливности, пусть буду я окруженъ ги-
 белью, плачемъ, и каждый часъ вѣщаетъ
 мнѣ новое несчастіе; всѣ будутъ о мнѣ сожа-
 лѣть, и почтутъ меня ударами несчастія
 такъ сказать давленнаго; друзья мои бу-
 дутъ меня оплакивать; одинъ я буду твердъ
 подобно каменной горѣ, біемой разъяренны-
 ми волнами; и видя себя посреди поликихъ
 несчастій, не буду однакожъ несчастенъ. Я
 ни копорого дни проклиная не буду: ибо
 благодаря моей прозорливости, нѣтъ та-
 кого дня, копорый бы могъ учинить меня
 несчастнымъ. Но видя упорность свою, ска-
 жу себѣ, что я желаю болѣе веселія, не-
 жели печали. И самъ бы Сократъ себѣ
 сказалъ: учини, что бы я покорилъ всѣ на-
 роды; что бы сидя въ *Либертовой* велико-
 лѣпной

лѣпной колесницѣ , проѣхалъ въ триумфѣ
отъ Воспока до самаго Феба, и чшобъ Ца-
ри перскіе подвергли себя моимъ законамъ.
Но хощя отъ всѣхъ спранъ буду я почитаемъ
вмѣсто Бога ; однако же и тогда не воз-
мню быши себя болѣе челоуѣка. Пустьъ съ
высопы сего величешва буду я свергнутъ,
заключенъ во узы , и чшо бы увеличишь
болѣе паденіе мое , влекомъ въ оковахъ за
гордѣйшимъ и надменнѣйшимъ изъ побѣди-
пелей ; но и тогда душа моя не будетъ
болѣе унижаться и сеговатьъ , какъ она
радовалась и тордилась во своемъ счастіи.
Я мало уважаю благо счастія ; однако же
ежели дадутъ мнѣ волю, то нѣкоторыя
изъ нихъ изберу. Все чшо мнѣ ни доспа-
нется, очистишься въ рукахъ моихъ : одна-
ко же я предпочитаю легчайшее, прият-
нѣйшее, способнѣйшее ко приведенію въ луч-
шее соспояніе, и то чшо причиняетъ менѣе
замѣшательствъ и безпокойства. Всякая
добродѣтель сопряжена со трудами; единая
пребуетъ побужденія, а другая воздержанія.
Подобно шѣлу, которое возходя на гору
усиливается, а сходя съ оной воздержи-
вается; шакъ и добродѣтель должна бытъ
возбуждаема или обуздываема, смотря по
обспоятельству, когда ей на крупое
мѣсто возходитъ или съ онаго сходитъ
долженствуетъ. Терпѣніе, великодушіе,
поспоянство и другія добродѣтели, сопро-
тивляющіяся несчастіямъ, и ищущія пора-
ботити

богитишь себѣ форпуну, безѣ всякаго сомнѣнїя должны возходитишь, усиливаешься и сражаешься. Но кто усомнился также, что бы щедрость, умѣренность и милосердіе, кои даѣшь себѣ свободное печеніе, находятъ удовольствіе, не менѣе первыхъ преобладали побужденїя? Здѣсь должно себя воздерживать, дабы шедѣ скоро не упасъ, а тамъ возбуждаешь и напрягаешь силы свои, что бы одолѣешь предлѣжащїя препятствїя. И такъ прошивѣ бѣдности проспремѣ сильныя руки добродѣтели, приобыкшія сражаться и побѣждаешь, а богатству такїя, кои дѣйствуютъ тихо, и въ состоянїи токмо носить тяжесть свою.

По таковомъ раздѣленїи, почишаю я лучше нѣ добродѣтели, которыя можно исполнять спокойно, нежели нѣ, коихъ исполненіе совокуплено со кровавымъ попомѣ. И такъ, скажешь мудрый, я живу сходно словамъ моимъ; но ты меня не разумѣешь. Слова мои причиняютъ токмо звукъ въ ухахъ твоихъ, о смыслѣ же оныхъ ни мало ты не безпокоишься. Возвратимся пакы ко спору нашему. Мы оба спараемся приобрести спокойность жизни: какое же различїе между мудрымъ и проспымъ человекомъ?— Великое. Мудрый управляетъ богатствомъ, а глупый управляется онымъ; мудрый ничего ему не позволяешь, глупый же во всемъ ему повинуется. Ты такъ прилѣпляешься къ богатству, какъ бы увѣренъ былъ всегда владѣть онымъ; но мудрый тогда

еще болѣе помышляешъ о бѣдности, когда видишъ себя въ нѣдрахъ богатства. Государь не такъ покоится во время мира, что бы не приготавливалъ себя къ войнѣ: ибо копья и не производитъ оную, однакожъ не достаетъ одинаго шокмо объявленія. Богатый домъ дѣлаешъ себя чрезмѣру гордымъ, и ты думаешъ, что онъ ни огнемъ ни временемъ въ ничто превращенъ бытъ не можетъ. Ты возхищаешся и забывашъ себя, взирая на свои богатства; видя себя, не можно ли сказать, что онъ ни опасностямъ ни несчастію какому неподверженъ? Ты веселишся въ покой, копорымъ онъ тебя усыпляетъ, а не предвидишъ предспоящихъ имъ опасностей. Кому тебя лучше уподобишь, какъ не варварамъ осажденнымъ во крѣпости, копорые не видавъ никогда военныхъ машинъ, спокойно взираютъ на движенія ихъ, не понимая ни движеній сихъ ни намѣренія, для чего онъ чинялся. Ты обратишь все вниманіе свое на единое богатство, не думая о угрожающихъ тебя со всѣхъ сторонъ случаяхъ, кои лишашъ тебя всѣхъ твоихъ сокровищъ. Чѣмъ же разумнѣе поведеніе мудраго? Опшимающій у него все богатство его, оставляешъ однакожъ собственно ему принадлежашее; бывъ доволенъ настоящимъ, спокойно взираешъ онъ на будущее. Вопъ къ чему я прилагался, скажешъ *Сократъ*, или кпо другой изъ великихъ людей, имѣющій съ нимъ равное

равное право, судишь о дѣлахъ человѣческихъ, не будишь подвластнымъ, и не разполагаешь по своимъ мнѣніямъ жизнь свою. Собирайшесь для вашихъ обыкновенныхъ разговоровъ; я не почту ихъ за ругательство, но за робячей шумъ. Всякъ мудрый мужъ скажетъ самое то же; каждый, коему непорочные его поступки даютъ право порочить другихъ, и который выговариваетъ порочнымъ не по злости къ нимъ, но единственно что бы исправилъ пороки ихъ, присовокупитъ еще слѣдующее: я желаю славы вашей не для себя, но единственно для васъ самихъ: ибо ненавидѣшь и гнашь добродѣтель, означаетъ человѣка неимѣющаго оныя. Меняжъ обижаешь ты сполько, какъ разрушающіе олтари Боговъ. Но хотя они и не въ состояніи причинить вредъ, однакожъ показываютъ злое намѣреніе свое. Глупыя насмѣшки твои споль же для меня чувствительны, какъ Юпитеру вранье спихотворцевъ, изъ которыхъ одинъ даетъ ему крылья, другій рога; иные дѣлаютъ его прелюбодѣемъ, ночнымъ бродягою, жестокимъ въ разсужденіи прочихъ Боговъ, несправдливымъ въ разсужденіи людей, хищникомъ, развратшелемъ юношей знатныхъ и своихъ ближнихъ, опущубицею, похитшелемъ чужаго царства и царства собственнаго отца своего. Какій же бы произошелъ плодъ изъ такихъ вздорныхъ воображеній,

ежелибъ челоѡвки имъ вѡрили ? злодѡйство являлося бы съ опкрытымъ лицемъ. Меня сіе ни мало не прогаешъ; и повпоряю тебѡ еще для собспвенной швоей пользы: почидай добродѡпелъ; вѡрь знающимъ оную, кои кричашъ тебѡ громогласно, что добродѡпелъ естъ нѡчто великое, и копорая день отъ дня еще большею кажешся; почидай добродѡпелъ равнымъ образомъ, какъ почипаешъ ты Богоръ, а исполняющихъ оную жрецами оныхъ; когда говорашъ о ней или шоржествуюшъ оную, то вспомошеспуй имъ почпеннымъ молчаніемъ.

Еще для тебѡ полезнѡе, ежели ты не чиня ни малаго шума, будешъ со прилѡжаніемъ слушаешъ все, что произойдетъ изъ устъ *Оракула* сего. Ты знаешъ, что когда кто хочешъ увѡришъ, что онъ по Божіему повелѡнію во свирѡль играешъ: когда кто искусный разсѡкашъ мяса, окроровляешъ свои плеча и руки: когда какая женщина по улицамъ ползая на колѡняхъ, производитъ ужасный ревъ: когда какій спарецъ обернувшись вѡ холспину, нося лавровый вѡнецъ, и по среди дня ходя съ фонаремъ, кричешъ, что нѡкто изъ Боговъ раздраженъ: тогда весь народъ сбѡгаясь на позорище, слушаешъ его съ великимъ вниманіемъ, и умножаячи одинъ удивленіе другаго, вопіюшъ: О чудо! о божественный челоѡкъ! — Се *Сократъ* выходитъ изъ шемницы, копорую очиспилъ

очистилъ онѣ входомъ своимъ, и присупсп-
 вѣемъ своимъ учинилъ чеснѣе и благороднѣе
 всякаго судебнаго мѣста; онѣ вопіетъ предъ
 всѣми: какое бѣшенство, какое чудовище,
 какій неприятель Боговъ и человекѣвъ, дер-
 знувшій прогнать добродѣтель, изліялъ ядъ
 клеветы на величайшую святость? Ежели
 можете, то выхваляйте добродѣтель; ежели
 же нѣтъ, то молчите: когда же не въ состо-
 яннѣ обуздашь языка, то усремляйте его
 одинѣ прошивъ другаго: Ибо когда бѣшенство
 ваше усремишя на добродѣтель, или на
 Небо, то не только не учините святошаш-
 сшва, но и вопщѣ поперяете пруды ваши.
Аристофанѣ представилъ меня нѣкогда въ ко-
 медіи; колико другихъ, пускавшихъ въ меня
 ядовитыя стрѣлы свои! стрѣлы поперяння,
 или лучше сказаць, счастливыя по тому,
 что прославили добродѣтель мою: ибо сра-
 жаясь съ добродѣтелію дѣлають ее явною.
 Что бы увѣдашь силу ея, надлѣжитъ учи-
 нить на нее нападеніе. Чтобъ чувствоватъ
 крѣпость камня, должно объ него ударить.
 Я представляю себя на подобіе каменная
 горы, стоящія посреди моря, копорая
 хотя часто бѣется бурей и волнами, одна-
 кожъ и по прошесшвіи шолкихъ уже въ-
 ковъ, не можетъ быть поколѣблема. Напа-
 дай на меня, усугубляй силы твои; сопро-
 шивленіемъ моимъ побѣжденъ будешь. Когда
 ударяють о твердое и непоколѣбимое шѣло,
 то удары чувствуются шокмо шѣмъ, кшо
 ихъ

ихъ наноситъ. И такъ ищи сущесства нѣжнаго, которое бы уступило бѣшенству твоему, и могло поражено бытьъ спрѣлами твоими. Но доспаешъ ли тебѣ времени изчислять раны другаго, и осуждать когобъ по ни было? — Для чего философъ сей владѣетъ такимъ великолѣпнымъ домомъ, и наслаждается приятнѣйшими яствами? — Ты покрышь весь чирьями, а спараешся примѣчать прыщики находящіяся на лицѣ моемъ, подобно какъ человекъ, имѣющій преждеспочайшя шолуди, смѣялсябъ лѣпообразному человеку, у которагобъ было малое пяпно или всрушка.

Когда языкъ твой ничего уже не щадитъ, по попрекай *Платону*, что онъ просилъ денегъ; *Аристоту*, что онъ бралъ ихъ; *Демокрипу*, что презиралъ ихъ; *Епикуру*, что онъ издерживалъ ихъ; а меня попрекай *Алкивиадомъ* и *Федромъ*. Тебя, поспавляющаго себя цензоромъ, колико почту я ечасливымъ, ежели хощя по увижу, что ты начнешъ подражать порокамъ нашимъ. Воззри лучше на собственныя свои недуги, и опасайся, чтобъ чинимыя ими со внѣ и внутри опуспошенія, не учинили все тѣло твое единою проказою. Дѣла человеческія не дошли еще до такого степени, [хощя ты еще и не знаешъ, кпо ты таковъ], чтобъ ты имѣлъ довольно оспальнаго времени, употреблять языкъ твой на злословіе людей dospойныхъ.

Ты сего не разумѣешь, а показываешь лице совсѣмъ непристойное счастью своему. Ты смѣешься и забавляешься на счетъ ближняго, имѣя въ собственномъ домѣ своемъ печаль и смерть. Войди самъ въ себя. Мудрый съ высоты добродѣтели, изъдалече видя въ восстающую бурю. Уже скоро преломится облако сіе, и громъ гонимый поразитъ тебя и богатство твое, все превратитъ во прахъ, хопя и останется въ тебѣ чувствованіе весьма слабое. Тебѣ должно чувствовать заблужденіе разума твоего, и мракъ, удерживающій тебя въ побѣгъ твоемъ: оно играя шобою, возводитъ тебя на высоту, что бы по томъ низвергнушь въ бездну.

II.

*Продолженіе Сна Іакова
Всегдашнѣ.*

Господа Издатели *Утренняго Свѣта!*

Подлинно, какая странность! между толкимъ числомъ сочленовъ вашего общества, нѣтъ ни одного *Іосифа!* Возможно ли этому спастись? Я очень знаю общество наше, и вѣдаю, сколь много достохвальныхъ случаевъ мы имѣемъ, чтобъ искуснѣйшимъ *Іосифомъ* сдѣлаться. И такъ не полагайтесь много на мое легковѣріе, и разсмотрите хорошенько, какія слѣд-

ствія произойти могутъ, когда опказы-
 ваете неопступной прозьбѣ своевольнаго и
 избалованнаго чловѣка. . . . Но бытъ уже
 такъ. Теперь я еще не хочу съ вами ссо-
 риться. Мысль, что мои сочиненія вамъ
 всего болѣе нравятся, когда я сплю, меня
 нѣсколько успокоила; а честполюбіе срав-
 няясь съ вашимъ сочленомъ, которому
 сны видятся и разныя лица кажутся, такъ
 мною владало, что я совсѣмъ забылъ
 испишь вамъ за неисполненіе моей прозь-
 бы. — А знаете ли, что я сдѣлалъ? Я пе-
 ресмотрѣлъ съ поспѣшностію разныя о ис-
 толкованіи сновъ писанныя книги, какія
 только могъ достать у моихъ приятелей
 и приятельницъ, и въ которыхъ уповалъ
 найти еще какіе либо спомоществующіе
 ко сновидѣнію способы, кромѣ моихъ соб-
 ственныхъ вамъ уже извѣстныхъ. Долгъ
 благодарности требуетъ отъ меня, не
 умолчать предъ вами о оказанной въ семъ
 случаѣ услугъ моей почтенія достойной
 тетушки. Безъ нея въ немаломъ числѣ со-
 бранныхъ снополковательныхъ книгъ, а
 при томъ и безъ учиненныхъ ею въ нихъ на
 многихъ мѣстахъ примѣчаній, не могъ бы
 я конечно во столь краткое время достиг-
 нуть моего намѣренія. Сія въ сновидѣніяхъ
 и снополкованіяхъ искусная женщина, едва
 токмо узнала мою заботу, вынула изъ
 кармана игру картъ, и разложила ихъ на
 столѣ на подобіе ворожебнаго зеркала. (На-
 добно

добно знать, Государи мои, что сія оспорожная женщина ничего безъ сей своей ворожбы не предпринимаетъ, и что ея покойной мужъ, какъ по меня увбряли, не смблъ прежде съ нею спать, пока червонной король не ляжетъ подлб червонной крали; напрошивъ того червонной хлапъ имбетъ другое означеніе.) Сей Оракулъ вышелъ для меня счастливо: ибо моя пепушка встала съ своего мбста съ видомъ удовольствіе изъясляющимъ, вынула изъ своихъ книгъ *Абдаллу*, и отдавая мнб оную, сказала: „Воптъ тебб, любезный плбмянникъ; слбдуй предписаніямъ сего мудраго мужа; ты будешъ въ соспоянїи пользовашься сновидбніями во всякое время, на всякомъ мбстб, и о чемъ пожелаешъ, — Теперь не должно вамъ, Государи мои, меня спрашивать, что я по предписанію сей книги дблалъ; сіе принадлежитъ до магонства сновидчиковъ, и пребываетъ неразрбшимою тайною. Довольно для васъ, что знаете имя того, копорой меня вывелъ изъ подземной пещеры, въ коей вы хотбли меня оставитъ безъ всякаго сожалбнїа. Скажу вамъ только, что я по правиламъ моего арабскаго учителя заснулъ, и вскорб по томъ увидблъ себя въ томъ же самомъ положенїи, и на томъ же мбстб, гдб отъ перваго сна пробудился.

Вы, Государи мои, конечно помните, что оспановилось на томъ, какимъ обра-

зомъ познать упошребленіе любезнѣйшаго моего ключа, и шѣспраны неба, кои предписаны мнѣ были на дощечкѣ иѣполированной спали. До сего совѣшповался я о ключѣ сѣмоимъ перспнемъ, такъ сказашъ мимоходомъ; а шеперь, когда уже опѣперваго спраха и безпокойсшва нѣсколькo освободился, освѣщаль я оный по надлѣжащему и со всякою почноспію. Какуюжѣ удивленія доспойную обрѣль я въ немъ шайну! Сей споль искусно вырабошпанной ключъ имѣль въ себѣ еще нѣкопору пошпенную пружину, кою пожавъ нѣсколькo, спановился онѣлибо длиннѣе или короче, шолще или шонѣе, а по надобноспи и раздѣлялся на двѣ часпи. Тогда получаль онѣмногоразличныя виды, и дѣлался споль способнымъ, чшо и самыя шѣсныя скважины не могли ему пропишиться, и никакой замокъ опѣнего запершѣ не оставался.

Теперь помышляль я, какимъ бы образомъ сыскашъ мнѣ *Востокъ*. Въ черпогахѣ свободныхѣ наукѣ примѣшилъ я *Птоломѣеву систему мѣра*, кошпора я чрезѣмашину *безпрешаннаго движенія* казалось имѣла свое обращеніе. Я чаяль найши въ ней нѣчшо магнишное; и мнѣніе мое было не несправѣдливо. Какъ скоро я къ ней приближился, шо солнце всшупило во знакѣ Овна; Мѣсяцѣ спаль сѣСашурномъ въ пропшивошоложеніи, а сѣМеркуріемъ въ шештой

той части свѣща. Въ подножїи увидѣлъ я, ко чрезмѣрной моей радости, преизрядную магнишную свѣчку. Тогда поднялъ я сіе искусное сотвореніе, и понесъ въ залу, гдѣ было 50 двѣрей. Ежели, Государи мои, желаете, чшобъ я не умолчалъ предъ вами ничего изъ моего сновидѣнія ; то не могу здѣсь сокрышь небольшого щеславїя, которое и во многихъ бдящихъ смершныхъ моглобъ произродиться. Когда на раменахъ моихъ несъ я сію систему міра, то казался самъ себѣ подобнымъ *Ираклу* (*Геркулесу*), который снявъ съ *Атланта* бремя, взвалилъ оно на рамена свои. Не издѣвайтесь надъ симъ новымъ слабощнымъ *Иракломъ*. Великодушный левъ обвивается часшо хвощомъ своимъ, когда гощовишься ко брани. Вы не можете повѣришь, сколь великое шершнїе и швердощъ влїяло въ мое сердце сіе мечшашельное воображеніе. Я освободился опъ всего моего недоумѣнія въ сихъ общощпельсшвахъ, и увѣрялъ себя шполь много во сшасшливомъ окончанїи сего моего предпрїяшїя, чшо уже въ мысляхъ пренебрегалъ всѣми шрудами, шпанїями и опасностями. Шполь шо легко чщовѣщескому сердцу, возвышались самимъ собою, даже и при малѣйшемъ видѣ благополучнаго въ дѣлѣ своемъ успѣха. О пы! пылающее шпремленїе наше ко блаженсшву, сколь далеко проспираетшъ предѣлы швоего владычсшва, дабы во власшь шобъ врученное

ное твореніе привести на пущь испинный! — Исполненъ сего, ежели вамъ угодно такъ назвашь, легкомысля, но и опяченъ шбмъ большимъ бременемъ, пришелъ я въ залу, гдѣ были помянутыя 50 двѣрей. Я поставилъ оную махину, направивъ оную по чешыремъ Спранамъ свѣша; и тогда узналъ, что десятая двѣрь спояла прямо на *Востокъ*, а прочія 40 ошъ 7 до $7 + \frac{1}{5}$ градусовъ въ окружности одна ошъ другой опдѣлялись.

Съ какимъ поспѣшеніемъ удвоилъ я шаги мои къ сей показанной двѣри! По многихъ щещныхъ покушеніяхъ опперъ я оную, и пропивъ чаянія моего опворилась она необычайно, непримѣпно и тихо. Когда намѣрялся переспустить чрезъ прагъ оныя, усиленно хотѣлось мнѣ покуситься, опворишь также и прои послѣднія двѣри: но разсмотрѣвъ нѣсколько мой перспень, примѣтилъ я, что мнѣ должно было слѣдовать единственно шому наспавленію, которое предписывало мнѣ выходъ чрезъ десятую двѣрь. И такъ возвратился я, для взяпія съ собою пламеннаго моего мѣча, который ошъ чрезмѣрно великой радости едва было не позабылъ. Лишь шолько переспустилъ я чрезъ оную двѣрь, шо она опяшь зашворилась сама собою споль же непримѣпно и тихо, какъ и опворилась.

Тогда увидѣлъ я себя въ великолѣпнѣйшемъ сданіи, каковое врядъ ли гдѣ во свѣтѣ
нахо-

находится. Казалось, что оно избѣчено изъ задней части той каменной горы, въ которую вошелъ я съ другой стороны чрезъ темную пещеру. Здѣсь искусство и природа соединялись съ такимъ порядкомъ, что по всюду блиспаль величественный видъ и совершеннѣйшее равномѣріе. Посредствомъ ключа моего, прошелъ я безпрепятственно чрезъ всѣ покои, не обрѣтая однакожъ нигдѣ нималѣйшаго слѣда пребыванія человека, хотя тамъ находилось все, что могло служить и ко удовольствованію величайшихъ государей. Всѣ стѣны, выключая разныхъ драгоцѣнныхъ и преизящныхъ уборовъ, были украшены достойными удивленія картинами славнѣйшихъ живописцевъ. Въ залѣ между прочими спояла одна писанная *альфреско*, которая по видимому была работы славнаго кипайскаго *Ма-ина*. Сей художникъ умѣлъ споль искусно составлять и класъ свои краски, что чѣмъ болѣе смотрѣли на его картины, тѣмъ болѣе казалось, будто изображенные на оной люди и звѣри дышали. Одна изъ сихъ картинъ побудила меня къ величайшему вниманію. На ней представлена была въ преизящнѣйшемъ блескѣ горящая колесница, на которой сидѣлъ прекрасный и сильный юноша, держащій на главѣ своей глобусъ, и коего лице и все тѣло окружено было священнымъ сіяніемъ. Правую руку опираясь на обвисшую лаврами лиру, указывалъ

валъ онъ съ величественнымъ видомъ на стоящее въ самомъ полднѣ солнце ; а въ лѣвой держалъ семь горящихъ свѣтъ , кои спарался попушашь во крови лунной. За спиной его висѣлъ вызолоченной на лентѣ небеснаго цвѣта привѣщенной колчанъ , а на бѣдрѣ древняго воспочныхъ спранъ вкуса мечъ, копораго головка украшена была презрядно сдѣланною короною. У ногъ его на колесницѣ лѣжала мершвая голова съ обыкновенными костыми. Подъ чепырьмя колесами сей колесницы лѣжали грызущая сердце свое изъ челоуѣко-ненавидѣнїя и злобы *зависть* , надупая глупоспїю , самолюбїемъ и высокоумїемъ *гордость* , испощенная вѣроломствомъ , обманомъ , хищроспїю и всѣми другими пороками *скупость* , и разслабленное пьянствомъ и похотїю скопское *сластолюбїе*. Атмосфера сихъ пороковъ была споль ядовица и заразишельна, чю сама природа опъ того успрашалась, и зеленая шрава опъ каждого ихъ шага , или гдѣ они хвапали руками или лѣжали спиною, увядала и изсохшею казалась. Чепыре коня запряженныхъ въ сїю колесницу , во всѣхъ своихъ положенїяхъ являли шокмо огонь , силу , дикоспѣ и бодроспѣ ; изъ ноздрей своихъ испускали единспвенно дымъ, курево и шуманъ ; но при всемъ помъ правилъ ими прияшный *Зефиръ* съ особливою легкоспїю шелковыми водянаго цвѣта шонкими возжами. По угламъ сѣя карпины

карпины изображенные въпри являли подобно искусва, чпо казалось, будпо удерживали свое дыханіе и въяшь не хотѣли, дабы не умножишь пламени, представленнаго на сей превосходной карпинѣ. По одну сторону оныя спояла другая споль же прекрасная, на кошорой была изображена щедрая и величественная *Юнона*, когда на горѣ *Идѣ* сокрывалась съ *Юпитеромъ* за облаками среброцвѣтными, и тамо его усыпляла; по другую же сторону была представляющая баснь *Бибиссы* и *Кауна*, *Ифисы* и *Юнита* съ такимъ искусвомъ, чпо не можно было сморѣшь на оную, не быѣ въупренно пронупу судьбою и правленіемъ склонносшей, кои споль много дѣйсвующи въ мѣрѣ.

Я оставилъ сіи карпины съ крайнимъ себя принужденіемъ. Направляя пупъ мой всегда къ *Воспоку*, вошелъ я на конецъ въ кабинетъ изъ кедроваго дерева сдѣланный. Тамъ увидѣлъ я сидящаго на софѣ весьма почтеннаго древняго спарца, въ бѣломъ апласномъ съ красными опворошами одѣяніи. Главу его украшалъ вѣнецъ о 9 зубцахъ, а надъ онымъ блиспала свѣтлосіяющая звѣзда. Въ правой рукѣ держалъ онъ злапый для писанія грифель, а лѣвою облокпился на изсеченную изъ лазореваго камня ариѳметическую доску. Предъ нимъ лѣжала ципра и *Меркуріевъ* жезлъ. Подлѣ него спояло въ драгоцѣнномъ криспальномъ судѣ

судь чудотворное древо о 6 сучкахъ на каждой споронѣ, коего листья съ одной спороны бѣлые, а съ другой черные. Природа и свойство сего произрастѣнія казались доспойными прилѣжнѣйшаго его разсмаприванія: ибо онѣ по видимому былѣ крайнѣ углубленѣ въ оное. Долгое время споялѣ я поодаль съ чиспѣйшимѣ къ нему высокопочипаніемѣ, и не зналѣ, удались ли мнѣ опѣ него или приближись. Но онѣ увидѣвъ меня, поклонился мнѣ весьма благосклоннымѣ образомѣ; и взирая на меня исполненными челоѣколюбія очами, говорилѣ приятнѣйшимѣ голосомѣ слѣдующее : „ Добро пожаловать , счастливый „чужестранецѣ, въ сіе жилище мудрости „и добродѣтели. Уже прошекѣ почпи челоѣвческій вѣкъ, чпо я ни кого изѣ смерпныхѣ здѣсь не видѣлѣ. Сядь здѣсь подлѣ „меня, какѣ для опдохновенія опѣ иного „пуши, шакѣ и для полученія новыхѣ силѣ „и наставленія къ совершенію начинающагося прямо шруднаго пушешествія. „

По изѣявленіи ему всевозможнаго почпенія, слѣл я и говорилѣ ему шакѣ: Толь челоѣколюбивое меня приняшіе швое , высокопочтенный спарецѣ, въ сихѣ для меня неизвѣспныхѣ и спранныхѣ мѣстахѣ, напоянѣшлѣ признапельное мое сердце чиспѣйшею благодарностію , почпеніемѣ и любовью. Уже не малое время видѣлѣ я себя погруженна въ важномѣ и философическомѣ

фическомъ разсужденіи о семъ деревѣ , и не осмѣлилсябъ прервать онаго , когдабъ ты самъ , толь лестнымъ и мою пользу изъясляющимъ привѣспвіемъ , не позволилъ мнѣ къ себѣ приблизиться. „Привѣспвіемъ „моимъ , возлюбленный чужеспранецъ , не „имѣлъ я намѣренія ни показать тебѣ ла- „скапельства , ниже возбудить въ тебѣ „задмѣнность. Мнѣ довольно извѣстны „сїи чудовища , человѣческой родѣ порпя- „щія ; и по тому не могу я ниже на единос- „мгновеніе ока разсѣвати похвалы , копо- „рыхъ онѣ съ ненасытнымъ желаніемъ опѣ- „людей пребуютъ. Ты по справѣдливости „въ нѣсколько лѣтъ есть первый , копо- „раго я имѣю удовольствіе здѣсь видѣть. „Но чѣмъ ты удостоиваешься твоего здѣсь „пребыванія ? Не всѣль человѣки для того „сочворены , чшобѣ имъ всѣми силами „искать мудрости и добродѣтели ? При „вспупленіи твоемъ сюда , совершилъ ли „ты больше , нежели къ чему должность „и званіе твое тебя обязываютъ ? и какимъ „образомъ исполнялъ ты сїи твои долж- „ность и званіе ? Не мнишь ли , чшобѣ ты „пришелъ сюда безъ нѣкоей высшей помощи ? „Самъ ли ты сдѣлалъ сей перспень , ко- „порый тебѣ такъ въ пору , и споль ча- „сто подавалъ тебѣ полезныя совѣты ? „Твоимъ ли искусствомъ сдѣланъ сей изящ- „ный ключъ , опворившій тебѣ всѣ двѣри „даже до сего мѣста ? Кто сковалъ для

Часть II. Ц „тебя

„тебя сей пламенный мечъ, которымъ раз-
 „шибъ ты оную блестящую каменную го-
 „ру, побѣдилъ мерзское чудовище, и со-
 „храняешься и днесъ отъ всякаго бѣдствія?
 „Во истинну, сынъ мой, присутствіе
 „швое здѣсь не должно тебѣ льстиши,
 „ни чинишь тебя надмѣннымъ. Меня же
 „можетъ оное отвратишь отъ того мнѣ-
 „нія, по которому было начиналъ почи-
 „пашь родъ человѣческой споль испорчен-
 „нымъ, что будпо въ немъ уже не можно
 „болѣе найти ни единого друга истин-
 „ныя премудрости и добродѣтели. Не
 „удивляйся, что нашелъ меня разсуждаю-
 „ща о семъ деревѣ. Въ юности моей почи-
 „палъ я оное за химеру; всѣ его свойства
 „казались мнѣ невѣроятными и против-
 „ными разуму. По истиннѣ, мнѣ прихо-
 „дитъ на память, что когда я еще учил-
 „ся, гордоспъ споль много владѣла мною,
 „что мнилъ себя быти знающимъ во всѣхъ
 „наукахъ; и въ сей гордоспи пребывая, вы-
 „хвалялъ дѣла величайшей хулы доспой-
 „ныя, а презиралъ тѣми, кои превосход-
 „ную похвалу заслуживали; и горе тому
 „было, который со мнѣнїемъ моимъ не со-
 „глашался. Колико же спѣснялъ я самъ
 „пушь къ познанію истинны! Но нынѣ и
 „еще прежде сего, когда уже началъ при-
 „ближаться ко спарости, спалъ я совсѣмъ
 „инако мыслишь. Я примѣчалъ, куда свой-
 „ство сего дерева склоняло амвросическія

пары свои, хотя изысканіе свойства онаго и соединено съ споль многими затрудненіями; и мои о томъ размышленія споль великое причиняють мнѣ удовольствіе, что не вижу какъ бѣжитъ время, подобно быспропекущимъ морскимъ волнамъ; и о семъ только единомъ жалбу я при моей глубокой спароспи „.

Я не могу удержаться, описывавъ я, чтобъ не удивляясь тебѣ, достопочтенный спарецъ, видя между побою и мною споль различныя и пропироворчуція другъ другу склонности. Тебѣ кажется, что время проходитъ весьма скоро; а я думаю, что дни мои и сопряженное съ ними счастье, идуъ такъ сказано на коспыляхъ, или ползуъ подобно черепахъ. Сіе естъ причиною, что я время первыхъ лѣтъ моихъ весьма прилбно старался всячески умерщвлять: каршошная игра, льянспво, и другія время сокращающія удовольствія, какъ то ихъ называютъ во свѣтъ, поглотили первая мои лѣта, такъ что я не знаю, куда онѣ дѣвались; и я не утверждаю, чтобъ произродившее во мнѣ спремленіе ко премудрости и добродѣтели, не происходило болѣе отъ чрезвычайной скуки отъ картъ, вина и проч: нежели отъ прямаго желанія премудрости. Со всѣмъ тѣмъ благодарю Провидѣніе, что ты человекскимъ во мнѣ слабостямъ далъ только удачный оборотъ, и извергъ меня изъ пагубы посмѣянія

посмѣявїя достойнаго свѣта, подобно какъ
 горящее полѣно изъ огня. *онъ шепнулъ мнѣ*
 „Подлинно, сынъ мой! говорилъ спа-
 „рець, лошакъ, на кошоромъ ты ѣхалъ,
 „былъ звѣрь неукротимый; почему для
 „пользы твоей и надобно было, чпо бы
 „ты въ обморокъ и безсилїи упалъ предъ
 „пещерою, когда надѣжало тебѣ другимъ
 „образомъ снискашь истинный путь къ
 „добродѣтели, и по оному шеспвовашь.
 „Се ешь обыкновенный жребїй человѣче-
 „скїй, чпо они не прежде приходящъ ко
 „истинному познанїю самихъ себя, пока не
 „возчувспвуютъ въ душѣ своей нужды, бѣд-
 „спвія и печали. Еслибъ ты нѣсколько ме-
 „нѣе употреблялъ твоей перспень, тобъ
 „безъ сомненїя ввергнулся въ бездонную про-
 „пасть, и послужилъ къ пищѣ спремя-
 „щихся тамъ на тебя кровожаждущихъ
 „звѣрей; чпо бы для тебя и для блага
 „твоего учинилось уже невозвратимымъ.
 „Теперь же, преодолѣвъ самъ себя споль
 „много, послѣдуй совѣту, кошорый я
 „тебѣ подаю намѣренъ; и тогда не сомнѣ-
 „ваюсь, чпо ты благополучно доспи-
 „гнешь конца твоего путешествїя. Сей
 „мой совѣтъ даю я тебѣ со удовольспві-
 „емъ, ежели чувспвуетъ въ себѣ желанїе
 „онъ выслушашь и ему слѣдовашь. Я не
 „мало шому удивляюсь, чпо ты хопя
 „уже и имѣлъ шолїко опытовъ; однакожъ
 „еще оспашься въ томъ мѣстїи, чпо время
 „твое

„швое протекаетъ весьма медлѣнно. И такъ
 „совѣтую тебѣ, читать долгошу онаго,
 „когда имѣешь желаніе учись еще мно-
 „гимъ вещамъ. Свѣтскія препровожденія вре-
 „мени, какъ по карпошныя игры, балы,
 „маскерады и проч: суть разумныя изобрѣ-
 „шенія полипики, чрезъ кои величайшіе
 „празднолюбцы привлекаются ко упражняю-
 „щей ихъ праздности, и удерживаются
 „отъ разныхъ бесполезныхъ и пустыхъ
 „разговоровъ и преисполненныхъ пороками
 „дѣлъ, яко двухъ неразлучныхъ соповарицей
 „праздности: а для тебя и подобныхъ тебѣ
 „почитаются сіи упражненія неприсли-
 „тельнойю праздностию. И такъ не теряй
 „на нихъ драгоценнаго своего времени: но
 „паче употребляй самую большую онаго
 „часъ на *изслѣдованіе познанія Бога и*
 „*дѣлъ его*; да опверзущя очи твои къ
 „размопрънью природы; да внемлютъ уши
 „твои ученіямъ оною тебѣ предлагаемымъ;
 „и да успа твои возвѣспятъ честь и хва-
 „лу Того, который все сіе сотворилъ;
 „остальныежъ часы твои употреби на ша-
 „скія науки, кои обществу и тебѣ полезны
 „быть могутъ. Таковымъ разположеніемъ
 „времени, исполнишь опредѣленіе бытія
 „швоего въ мірѣ.”

Мнѣ кажется, опче мой, что я уже
 всѣ нужныя для меня вещи выучилъ: ибо
 я большую часъ употребилъ въ
 общежитіи языковъ разумью; о прочихъ

же наукахъ, мнился мнѣ, нѣтъ нужды много заботишься, видя чшо по причинѣ ихъ несовершенства, нѣтъ ни въ одной такого учителя, который бы своего ученика могъ довести до желаемого конца. На примѣръ *Философія*, которая изъ всѣхъ наукъ должна бытъ справедливѣйшая и досто-вѣрнѣйшая, есть однакожъ ничто иное, какъ сошканіе невѣжества, дерзости и истинны, есть сданіе, которое въ древнемъ своемъ главномъ жильѣ твердо и прочно, а въ новыхъ придѣлкахъ и побочныхъ пристройкахъ стоить безъ надежныхъ и крѣпкихъ подпоръ. Не въ такомъ ли же состояніи и *Астрономія*, *Физика* и *Врачебная наука*?

Юриспруденція не уподобляется ли сдѣланному изъ картъ домику, который отъ малѣйшаго обстоятельства, случая, или вѣтра падаетъ? или лучше сказать, не представляеть ли она паушину, въ которой малыя мухи зацѣпляются, а большія про-рываются? Откуда бы взялись крючкотворцы, когдабъ не было въ томъ или другомъ случаѣ *въ пользу служащаго и противнаго толка*? Какія вкрались заблужденія въ *Богословію*! Есть ли болѣе одной всеобщей истинны? Однакожъ богословы приняли оную въ различномъ смыслѣ, и чинимые ими о томъ споры никогда конца не имѣютъ. Сего по самаго, о опче мой! хотя и не имѣю своея опытности, не могу я похвалить; и ежели былъ я неприятель ученія, то сіе произошло

произошло не отъ чего другаго, какъ что я примѣшилъ, что почти никто не достигъ настоящія мѣры науки. Сверхъ того не должно и не можно презирать всегда гласомъ прослыхъ людей: ибо мнѣніе ихъ, а особливо когда основывается оно на опытахъ, бываетъ часто справедливо. Для чего мыслящъ и утверждающъ они, что ученые суть безбожнѣйшіе люди; и что они за сѣ ихъ безбожіе должны быть наказаны? По истиннѣ думашъ надобно, что они имѣли по несчастію довольно опытовъ, принудившихъ ихъ къ такому разсужденію. — Со всѣмъ тѣмъ, не взирая на все мною теперь сказанное, признаю я, что отъ Небеснаго Ученія не должно насъ ничто отвращати, и что оному долѣетъ служить главнѣйшимъ предметомъ нашего разсужденія и размышленія: ибо оное прияли изъ Божественныхъ устъ самая истинны. Однакожъ я всегда остаюсь въ тѣхъ мысляхъ, что въ совершенствѣ человеческой мудрости есть нѣкоторой недоспашокъ, и что окружность разныхъ ученій и другихъ наукъ, не достигла еще всего къ нимъ относящагося.

„Бышь можешъ, сынъ мой! И ежели ты злоупотребленіе и тѣхъ наукъ, кои уже на нѣкоторый степень высоты вознесены, производишь отъ ихъ несовершенства, то ты въ томъ правъ. Однакожъ я не охотно съ тобою соглашусь, знаніе

„новѣйшихъ языковъ почиташь наукою,
 „хотя ученіе ихъ и нимало не опровер-
 „гаю: мнѣ извѣстно, что они весьма нуж-
 „ны для Государей и для подданныхъ ихъ,
 „ради управленія дѣлъ со иносстранными
 „державами. Я даже знаніе оныхъ почитаю
 „превосходнымъ отъ Бога даромъ, каковъ
 „распространилъ Онъ на Апостоловъ своихъ,
 „и который весьма разнествовалъ отъ низ-
 „посланнаго имъ гордымъ строителямъ стол-
 „па Вавилонскаго. Что сей раззоряетъ, то
 „первый ищетъ паки собрать и соединити.
 „И по тому знаніе таковыхъ языковъ почи-
 „таю за науку, поелику потребны они для
 „ученія и настоящаго уразумѣнія подлин-
 „ныхъ сочиненій древнихъ мудрецовъ и на-
 „шихъ книгъ священныхъ. — Въ этомъ ко-
 „нечно согласишься ты со мною, когда при-
 „ведешь себѣ на память, сколь много за-
 „блужденій произошло во всемъ свѣтѣ отъ
 „худыхъ и неисправныхъ переводовъ, и ко-
 „лико пучь несчастій, бѣдствій и нуждъ
 „собралось чрезъ то на человековъ. И такъ
 „не надобно ли пуститься на испытаніе
 „всего, для отвращенія сего столь велика-
 „го зла? Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ нашихъ
 „не совсѣмъ ли проливныя тому пупи про-
 „лагаютъ? Что презрѣннѣе такъ именуе-
 „мыхъ изъ презрѣннѣе мертвыхъ языковъ?
 „Дабы гордость и незнаніе свое прикрыви,
 „признаютъ ихъ бесполезными и излиш-
 „ними. Чтoby только болшашь по Нѣмец-
 „ки,

ки, Французски и Испаліянски и на дру-
гомъ языкѣ, пренебрегаешъ иный своимъ
природнымъ, котораго познаніе одна-
кожъ несравненно нужнѣе чтенія книги
systeme de la Nature и тому подобныхъ.
Мнѣніе, что знанія должно приобрѣ-
щать единственно отъ новѣйшихъ со-
чиненій, есть предразсужденіе отъ вос-
питанія происходящее, разпространен-
ное учеными бродягами, и подкрѣп-
ляемое послѣдователями ихъ. Ибо ко-
му изъ человѣковъ запрещается прибли-
жаться самому ко источникамъ произро-
дившейся купно со свѣтомъ истинны? и
можетъ быть гораздо надежнѣе и прият-
нѣе почерпать самому то, что другіе по-
даютъ намъ уже вычерпанное? И такъ еже-
либъ благородное сокровище своего време-
ни употребляли на изученіе такихъ язы-
ковъ, кои истинныя науки составляютъ;
иноежъ для того, чтобъ послѣдовать мо-
дѣ, употребляется на языки, кои не
суть наукою; то изъ того неоспоримо
слѣдуетъ, что сіе заключаешъ въ себѣ
безразсудную поперю величайшей драго-
цѣнности, которою человѣки обладають.
Полагающейся на переводы подобенъ
слѣпому слѣпымъ же водимому. Часто
переводчиками дѣлаемая примѣчанія раз-
сѣваюшъ мысли, и не рѣдко уподобляютъ
ся блудящимъ свѣпиламъ, которыя пуще-
шесшвующихъ со прямой дороги совращая,
Ц 5 „ведущъ

„ведупѣ въ пополи и болопа. Сколько же
 „оспаешя пеперь, сынѣ мой, изѣ пой нау-
 „ки, коею ты хвалишя? Еще ли мнишѣ
 „ты имѣшѣ справѣдливую причину, заспа-
 „вляющую тебя почитапѣ другія науки
 „споль маловажными, для того, чпо онѣ
 „еще не всю окружность своего совершен-
 „ства привели въ соединеніе? Ежели ты не
 „видалѣ еще никого изѣ учащихя, кпобѣ
 „доспигѣ предмѣпа или цѣли его науки,
 „то слѣдуешѣ ли изѣ того, чпо наука
 „никакого предмѣпа и никакой цѣли не
 „имѣешѣ? И пакѣ ежели по другимѣ безчи-
 „сленнымѣ причинамѣ и по и другое мо-
 „жешѣ бышѣ произведено: то учиненное
 „шобой о семѣ заключеніе, купно со мнѣнїемѣ
 „о томѣ проспыхѣ людей, кажешя скоро-
 „поспижно. Тѣ шолько ученые почитапашя
 „въ числѣ испинныхѣ ученыхѣ, копорые
 „учились разпроспраненію своихѣ душев-
 „ныхѣ силѣ и исправленію сердца. Всѣ же
 „прочїе сущѣ чудовища, и достойны обще-
 „народнаго прокляпїя. Но ты, сынѣ мой,
 „конечно не восхощешѣ изѣ злоупошребленїя
 „науки заключипѣ о вредности опѣ оной?
 „Какїя оспались бы тогда для тебя полез-
 „ныя испинны? По справѣдливости ника-
 „кихѣ. Подумай еще, какѣ ты сюда при-
 „шелѣ? Не веденѣ ли ты былѣ прямою до-
 „рогой чрезѣ залу семи свободныхѣ наукѣ?
 „Не у нихѣ ли паки искалѣ прибѣжища,
 „когда не умѣлѣ пользовапшя ключемѣ пво-
 „„имѣ,

„имѣ, ни сыскашь *Востока*? Не сїи ли сво-
„бодныя науки показали тебѣ способъ,
„копорымъ ты въ десятой двѣри нашелъ
„выходъ къ *Востоку*? И шакъ да будущъ
„онѣ до нѣкопорого времени вѣрными слу-
„гами и помощниками, пока на конецъ
„сами сдѣлаются господами и полными
„власпелинами. Безъ услугъ и помощи
„ихъ не можешъ ты конечно, достигнуть
„многаго во праславляемомъ побою Небе-
„сномъ Ученїи. Тотъ единъ признается
„за испиннаго мудреца, копорый паче
„всего любитъ испиннаго и единаго Бога.
„Какой человекъ можешъ любить того,
„копорого не видишь, когда прежде не
„начнешъ познавать и любить видимое?
„Естество, сынъ мой, и познанїе насъ
„самихъ и другихъ, есть лесъвица,
„по копорой должны мы восходишь на
„нѣкую звѣздную высоту. По сему не-
„обманчивому пупи шеспвовали всѣ ис-
„спинные мудрецы: и свяпѣйше мужи до-
„шли по оной до точнаго познанїя ис-
„спиннѣ словъ вѣчныя Испинны. Тако и
„ты, сынъ мой, испывай умы; паче же
„всего испывай самага себя оселкомъ
„вѣчнаго Слова: ибо, когда погрѣшаешь есть
„жребїй человекскїй; по всякая онымъ
„испытанная совѣсть, почтешъ опытъ сей
„досповѣрнымъ. По семъ ступай къ совер-
„шеннѣйшему познанїю естества; понеже
„все происходитъ отъ Бога, все паки об-
„рацается

„ращается къ Богу, все держишься Богомъ;
 „а вѣчное Слово естъ всѣмъ управляющій
 „скипетръ; естъ еспиво же послушный ис-
 „полнитель его повелѣній, копорый жили-
 „ща тѣлесъ уготовляешъ для души и ду-
 „ха. Но возвратимся ко прежнему нашему
 „предмѣшу: да будешъ главнымъ пвоимъ
 „упражненіемъ размышленіе о времени; раз-
 „дѣли какъ возможно почтѣе употребленіе
 „онаго, и предайся всѣми силами испыта-
 „нію правосудія и истинны. Моли всевыш-
 „няго Бога о просвѣщеніи тебѣ въ дѣлахъ
 „духовныхъ и божественныхъ. Спрегись,
 „чпобъ пороки не завели тебѣ обратно въ
 „лабиринтъ мѣра. По пути справѣдливости
 „гряди въ передъ прямо. Да ни единый день,
 „ниже единый часъ времени твоего проше-
 „чешъ въ бесполезномъ упражненіи; разно-
 „ложи и направи всѣ дѣла и поступки
 „твои ко славъ Божіей и къ пользѣ твоего
 „ближняго—„

О достопочтеннѣйшій отче! о какихъ
 превосходныхъ дѣлахъ вѣщаешъ ты мнѣ! да
 не испребятся онѣ никогда изъ моего сер-
 ца и моей души! Внупреннее чувствованіе
 удосповѣрило меня совершенно во истиннѣ
 каждаго изъ сихъ ученій. Желалъ бы я ис-
 просить дальнѣйшихъ изъясненій онымъ;
 но не знаю, поступаюль въ семъ случаѣ
 сходно со благоразуміемъ, ежели попребую
 оныхъ обо всѣхъ сихъ ученіяхъ вообще, или
 на каждое особливо?

„Ни то, ни другое для тебя, сынъ
 „Мой, не полезно; и по шому ни кошораго
 „и отъ меня ожидать не долженъ. Для
 „чего носишь ты сей перспень? Явившей-
 „ся тебѣ старецъ не совѣповалъ ли тебѣ
 „упошреблять его со всякимъ раченіемъ?
 „Зачѣмъ же хочешъ уподобляться лающе-
 „му псу, который лежа на сѣнѣ, ни самъ
 „его не ѣстъ, ни другимъ не даетъ? На что
 „дана тебѣ сила мыслишь? Развѣ достпояніе
 „швоего духа, которое едино содѣлываетъ
 „тебя существомъ разумнымъ, хочешъ за-
 „рыть въ землю? Какой дашъ отпечатъ въ
 „семъ вѣренномъ тебѣ пенязѣ, когда го-
 „сподинъ дому придетъ и онаго отъ тебя
 „пошребуетъ? Не всеобщей ли хулы до-
 „стойна лѣность, когда люди, которые
 „могутъ и должны разсуждати, не хотящъ
 „упражняшь въ размышленіяхъ? Я знаю,
 „что самая большая часть людей, ради
 „другихъ своихъ дѣшскихъ упражненій, не
 „дають себѣ времени на размышленіе, и
 „еще надмѣваясь глупою гордостію шребу-
 „ють, чшобъ истинна падала къ нимъ съ
 „небеси, подобно маннѣ: но тебѣ не могу
 „я никакъ просшишь, ежели впредь похо-
 „чешъ уподобляться въ семъ случаѣ изба-
 „лованному свѣшу. Долгъ мой естъ тебѣ
 „совѣповать, а швой испытывать сей
 „совѣшъ во всѣхъ околичностяхъ онаго, и
 „лучшему послѣдовать.„

Достопочтенный старецъ! я ощущаю всю важность словъ твоихъ. Признаюсь съ величайшимъ стыдомъ въ моей поспѣшности, хотя по истиннѣ сердцу мое стараюсь внутренно обвинять тебя въ чрезмѣрной прошивъ меня строгости, и вселяешь въ меня мнимо справедливую мысль, что претребованіе мое изъясненій словъ твоихъ происходило отъ чистѣйшаго желанія, получишь наставленіе и премудрость.

„Знаю, сынъ мой! что свѣтъ въ семъ случаѣ говоритъ одинакимъ языкомъ съ твоимъ сердцемъ; и ты весьма похвально дѣлаешь, что не слушаешь сего прельстительнаго языка: ибо обыкновенно послѣ того слѣдуетъ неблагодарное презрѣніе претребуемой вещи, ослабленіе и сонливость во швореніи блага; напротивъ того истинна, которую либо чрезъ общенное наше размышленіе обрѣли, или уже найденную другими утвердили въ себѣ новыми основаніями, получаетъ двойную цѣну; во первыхъ, яко истинна сама по себѣ; а во вторыхъ по тому, что чрезъ ея обрѣшеніе или утвержденіе сами шворцами оныя сдѣлались. Сіе поощряетъ насъ къ дальнѣйшему размышленію; сіе возбуждаетъ насъ ко непрерывному разпространенію силъ нашего духа, когда оныя достойно употребляемъ. И такимъ образомъ становимся непримѣнно добрыми хозяевами
„вами

ми, которые будучи въ малѣ вѣрны, а въ многимъ поспавлены будемъ,,

Теперь, опче мой, ничего я поалико не желаю, какъ узнатьъ мудрыя свои учения, и онымъ послѣдоваць. Сердце мое чинишь себя, яко величайшаго во свѣтѣ мудреца; и ты найдешь во мнѣ не неблагодарнаго и нелѣностнаго ученика.

„Не пришло еще по время, любезный чужестранецъ, въ которое буду я непрерывно пользоваться своею бѣседою. Твоя судьбина спѣшишь сюда удвоенными шагами, дабы проведя себя по нѣкоторымъ труднымъ спезямъ, и испытавъ твою добродѣтель, учинишь себя истиннымъ познашелемъ премудрости. Гряди съ мужествомъ и смѣлостію во спрѣшеніе сей твоей судьбинѣ. Слѣдуй шокмо во всѣхъ случаяхъ своея жизни симъ малымъ правиламъ, кои тебе предписать, я едва столько времени имѣшь буду. —

„Снищи себѣ ясное, совершенное и долювѣрное познаніе должностей своихъ.

„Сохраняй прилѣжно сіе прензачное познаніе опѣ заблужденій.

„Обращай сіе познаніе непрестанно на свое сердце и жизнь; приугововляй себя благоразумно къ каждому дню, и по испеченіи онаго испытывай себя наиспрощайшимъ образомъ.

„Спарайся начертать въ души твоей живыи и доспойный образъ Божіею совершен-

„шен-

„шенства; имѣй оный всегда предъ собою,
 „не взирай на него никогда безъ глубочайшаго
 „шаго почтенія; и совокупляй сей способъ
 „ежедневно съ своею молитвою.

„Сопрошивляйся чувственнымъ впечатлѣніямъ,
 „лбніямъ, и омрачительнымъ воображеніямъ;
 „умѣрай свои склонности; хощеши,
 „онѣ сами по себѣ и были позволительны;
 „онѣ непозволенныхъ же при самомъ
 „началѣ ихъ удерживайся; а въ непревладимыхъ
 „ныхъ представленіяхъ, оживляюмихъ
 „склонности, призывай благоразуміе.

„Спайся невольно научась и
 „знавать себя, людей и свѣтъ.

„Пекись о здравіи своего плѣа; одерживай
 „накожѣ безъ боязни, но согласуясь единственно
 „своимъ плѣосложеніемъ и пераменомъ.

„Спрегись наиприближнѣйше, превозноси
 „сись предъ другими во крѣпости, силѣ,
 „богатствѣ и спокойствіи; снись шакъ
 „дары, которые не примѣтнымъ образомъ
 „легко во зло употреблять привыкнешь.

„Удерживайся отъ надмѣнной гордости,
 „спи, чпобѣ въ краспѣ у людей въ мнѣніи,
 „дѣлѣ, силу и уваженіе; пускай большіе
 „говорятъ свои добрыя дѣла, нежели слова;
 „и плѣмъ единымъ принудь всѣхъ твоихъ
 „друзей и неприятелей, тебя хвалити.

„На конецъ, когда не можешь быти
 „с пражею кедровъ Ливанскимъ, то буди
 „доволенъ спереженіемъ мха на стѣнахъ

„распу-

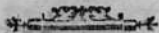
„распускаго: ибо не на препорученную лю-
 „дямь должность смошряпшь, но паче на
 „исполненіе оныя. „

По сихъ словахъ почтенный старецъ
 вспалъ со своего мѣста, обнялъ меня и
 сказалъ: „ Слѣши, сынъ мой, ко берегу, ко-
 „торый найдешь не подалеку отъ сюда ;
 „туда придетъ корабль, чшобъ шебя
 „взяшь ; и когда промедлишь сію мину-
 „ту, то всѣ твои пруды и работы по-
 „гибнутъ. Сядь смѣло на сей корабль: но
 „не говори ни слова съ правителемъ она-
 „го. Какъ же скоро достигнешъ другаго
 „берега, то немедленно выскочи изъ корабля
 „и не оспавайся на берегу, но спупай
 „пошь часъ во внутренность земли, сколько
 „возможно будешь далѣе ; прочее же уз-
 „наешь само. „ Онъ обнялъ меня вшорично,
 и далъ мнѣ свое благословеніе. Я пошелъ
 отъ него въ низъ, по сдѣланной изъ зеле-
 наго мрамора лѣспьницѣ, и вспунилъ въ
 алею, насажденную изъ пальмовыхъ и кедро-
 выхъ деревъ.

Идучи вдоль по сей алеѣ, имѣлъ бы я
 случай осмошрѣшь всѣ безчисленные садовыя
 украшенія, покрышыя ходы, бѣседки, водоме-
 пы и шому подобное, еслибъ наставленіе по-
 чтеннаго старца не было у меня во свѣ-
 жей памяти, чшобъ я не упустилъ прибы-
 тія корабля. Чѣмъ ближе подходилъ я ко
 берегу, тѣмъ болѣе представлялось мнѣ пре-
 пяшпствій, покушавшихся останавляпшь

меня въ продолженіи пупи. *Сирены* пѣли
ангельскими гласами, и предспавлялись
глазамъ моимъ со всѣми своими красами.
Нимфы спарались распалаять меня при-
шворною своею стыдливостію, и примани-
вать къ себѣ хитростію прелеспныхъ взгля-
довъ; а инья опшверженіемъ всякаго стыда и
заспенчивости, надѣялись бытъ удачнѣе.
Словомъ сказасть, все, что токмо роскошь
и сладоспрасптіе выдумасть могутъ, каза-
лось согласились, оспанавливать меня во
предприятомъ мною пупи. Но я шѣмъ болѣе
поспѣшалъ къ моему предмѣшу; и когда
успавши и разгорячась дошелъ до морска-
го берега, то увидѣлъ въ маломъ разспоя-
ннн приближающейся ко мнѣ корабль, отъ
изящеспва и великолѣпнн копораго я при-
шелъ во испупленіе. Корма и мачшы онаго
были какъ жаръ вызолочены и украшены са-
мою мѣлкою чеканною работою, изображаю-
щею подвиги *Нептуновы*. Парусы были изъ
бѣлой шелковой матеріи съ вышканными по
ней небеснаго цвѣща и золопными полоса-
ми; флагъ изъ золопной парчи по зеленой,
а вымпелы по пунцовой съ бѣлымъ землѣ;
веревки же и канашы изъ сученаго шелку
жаркаго цвѣща. Сколь скоро приблизил-
ся онъ къ берегу, то я немедлѣнно взошелъ
на него, и даже при самомъ всходѣ при-
мѣшилъ, что онъ уже опяшь пошелъ въ
море. По выходѣ моемъ на палубу, увидѣлъ
я чудо человѣческое. Капитанъ корабля
былъ

былъ преужасной величины; всѣ его члены были сразмѣрно оной споль полсты и крѣпки, походка и взглядъ его являли такую грубость и непросвѣщеніе, что я безпреспанно опасался его суровости: и по тому предписанную мнѣ молчаливость наблюдалъ шѣмъ болѣе, а особливо примѣшивъ, что онъ не выпускалъ меня изъ глазъ, и самъ про себя ворчалъ, какъ скоро я двигался съ моего мѣста. Впрочемъ казался онъ мнѣ искуснѣйшимъ кормчимъ, каковаго я никогда не видывалъ; онъ весьма точно зналъ, гдѣ находились подводные камни и мѣли; онъ поворачивалъ своимъ кораблемъ, какъ я примѣшпть могъ, съ оптмѣнною легкостію, на которую спорону хопѣлъ; разрѣзалъ наивеличайшія волны съ такою искусною поспѣшностію, что казалось, будто и самое ярящееся море имѣло къ нему великое почтеніе. Я почелъ бы его весьма легкомысленнымъ и безпечнымъ, еслибъ онъ не оказывалъ прошивъ меня споль великой недоувѣренности, что при всякомъ случаѣ гошовъ былъ выброситъ меня въ море. При восхожденіи солнца увидѣлъ я землю, къ которой мы прямо ѣхали, и которая казалась мнѣ островомъ. Едва только вышелъ я на берегъ, какъ паки ободрился и спросилъ капишана корабля, какъ называется то море, по которому мы плыли, и кому принадлежитъ та земля, на кою онъ меня выса-

диль? На сіе вскричалъ онѣ мнѣ яростнымъ голосомъ: „Злосчастный! еслибѣ сіе любопыпспиво вспало шебѣ на умѣ нѣсколько минушѣ прежде, шо отвѣшѣ для тебя былъ „уже пригопвленѣ„. По сихъ словамъ пуспился онѣ опяшѣ въ море, а я къ величайшему моему спраку, увидѣлъ поспѣшающаго ко мнѣ *Крокодила* чрезвычайной величины. Пропивѣ сего ужаснаго чудовища, не могѣ меня зашпшпшѣ ни разумѣ мой, ни же вся моя смѣлоспѣ; и шакѣ не было другаго способа, какѣ спасашѣся бѣгомъ. Сей звѣрь спарался всячески, чшобѣ меня догнашѣ; однакожѣ величина и шягоспѣ его возпрепашспвовали ему въ ономъ: и шакимъ образомъ ушелѣ я на конецѣ изѣ его виду, и пробирался неосшанавливаясь во внутрѣ земли.

Ушомленѣ и обезсиленѣ, пришелѣ я на конецѣ къ одному испочнику, копораго вода бѣлизною своею уподоблялась молоку; я напился оной, и нашелѣ ее споль превосходнаго вкуса, чшю предспавлялось мнѣ, будшю пилѣ наилучшей медѣ. По томѣ нарвавѣ нѣсколько шравы, роспшей около сего испочника, поѣлъ оной; и сія пища казалась мнѣ приашпѣ наилучшихъ бѣшвѣ. Я удивлялся плодородію и многоразличноспѣ произведеній природы, копорой благоугодно было, споль полезныя растѣнія произродишѣ въ шоль уединенномъ мѣспѣ; и благодарилѣ Небо, чшю почиая себя

себя погибшимъ, высаженъ по крайней мѣрѣ на такомъ оспрову, гдѣ не могъ опасаться, умереть отъ глада и жажды. Со всѣмъ тѣмъ не могъ я быти спокоенъ отъ дикихъ звѣрей; страхъ, чтобъ не послужить пищею *Крокодилу*, или другому ему подобному звѣрю, преляпсывовалъ мнѣ, хопя нѣсколько вкусить покоя, сколь ни великую имѣлъ я въ немъ нужду.

Я пошелъ въ лѣсъ, копорой весь состоитъ изъ деревъ аловыхъ и сандалныхъ. Прощедъ по оному шаговъ съ приспа, вступилъ я на лугъ, усѣянный разными цвѣтами, копорые приятнымъ благоуханіемъ своимъ наполняли весь воздухъ, и казалось предвѣщали Вѣсну никогда неувядаемую. Посреди сего луга стояло чрезвычайно высокое дерево совсѣмъ опмѣннаго рода, крего далеко распроспершыя вѣтви и густота листьевъ составляли весьма приятную тѣнь. У корня его подъ шапромъ изъ золотой матеріи стояла софа, на копорой увидѣлъ я человека, показавшагося мнѣ спящимъ. Правая его рука была просперша на золотомъ ящикѣ, а превеликой *Драконъ*, лѣжавшей подлѣ него, держалъ въ пасти своей балзамъ, копорой иногда подносилъ ему къ носу. При семъ взглядѣ объялъ меня новый ужасъ. Ахъ! сказалъ я самъ въ себѣ, что мнѣ въ томъ пользы, что ушелъ отъ страшнаго *Крокодила*, когда шеперь отъ сего крылашаго чудовища никакъ не могу

спаси́ся? И ша́къ вмѣсто́ того, ч́шобѣ́ ос-
мѣ́лишья́ подо́йти кѣ́ ша́пру бли́же, по-
бѣ́жалѣ́ я и сокры́лся вѣ́ куспа́рникѣ́, гдѣ́
сѣ́ бѣ́ющимя́ онѣ́ стра́ха се́рдцемѣ́ сѣ́лѣ́ вѣ́
ша́комѣ́ поло́женіи, ч́шо мо́гѣ́ безпре́станно
имѣ́ть вѣ́ виду́ спя́щаго че́ловѣ́ка и *Драко-*
на. Находя́сь вѣ́ семѣ́ соспо́яніи нѣ́сколь-
вре́мени, уви́дѣ́лѣ́ я *Драко́на* выше́дша сѣ́
поспѣ́шностію изѣ́ ша́пра; онѣ́ подня́лся на
возду́хъ и во мгнове́ніе ока пропа́лѣ́ у меня́
изѣ́ виду́.

Удале́ніе се́го звѣ́ря меня́ па́ки обо́дри-
ло; я имѣ́я неперпѣ́ливное жела́ніе говори́ть
со спавши́мѣ́ на софѣ́, поше́лѣ́ поспѣ́шно вѣ́
ша́перѣ́. Прибли́жась кѣ́ нему́, примѣ́шилѣ́
я че́ловѣ́ка, ко́порому ка́залось бы́ть око-
ло́ 136 лѣ́тъ, ко́гда дол́женѣ́ бы́лѣ́ преда́ть-
ся во вла́сть сме́рти; и при́ томѣ́ видѣ́но
бы́ло, ч́шо онѣ́ то́лько за нѣ́сколь-
ко́ дней сконча́лѣ́ пече́ніе сво́ей жи́зни, хо́пя онѣ́
на семѣ́ мѣ́стѣ́, ка́къ о́ томѣ́ узна́лѣ́ послѣ́,
уже́ мно́гіе го́ды симѣ́ поко́емѣ́ насла́ждал-
ся. Я нѣ́сколь-
ко́ вре́мени смо́трѣ́лѣ́ на не-
го́ сѣ́ почтене́мѣ́ и уди́вленіемѣ́; по́ томѣ́
взя́лѣ́ золо́той ящи́чекѣ́, опперѣ́ оной при-
вѣ́шеннымѣ́ кѣ́ нему́ алма́знымѣ́ ключе́мъ, и
наше́лѣ́ вѣ́ немѣ́ весе́ма дре́вніе со́ изобра-
женіемѣ́ каба́лиспиче́скихѣ́ фи́гурѣ́ парга-
меншны́е ли́сты, изѣ́ ко́порохѣ́ на одномѣ́
написа́но бы́ло на дре́внемѣ́ сирско́мѣ́ язы-
кѣ́ слѣ́дующее: „Спа́рецѣ́, ко́порого види́шь
„ты подѣ́ симѣ́ ша́промѣ́, е́сть *Азефѣ́*, сынѣ́
„*Баркіа* ,

„*Баркіа*, и первый министръ великаго
 „*Соломона*. Когда узрѣлъ себя приближаю-
 „щагося къ концу моея жизни, избралъ я
 „сію пустыню, дабы дань смерпи въ оной
 „оставишь. Путешественникъ! познай изъ
 „досповѣрнаго моего примѣра, что ни пре-
 „мудрость, ни милость Царская насъ,
 „смертными сотворенныхъ, отъ сего вѣчна-
 „го успава освободишь не можешь. Гряди и
 „пы на вспрѣшеніе сему неизбѣжному пре-
 „дѣлу такимъ образомъ, чтобы въ разсуж-
 „деніи нечаянности пришествія онаго ни-
 „чего не спрашился; и помни, что оный
 „отъ дня рожденія своего во всѣхъ спезяхъ
 „своихъ за тобою слѣдуетъ. Когда имѣешь
 „довольно мужества, то въ послѣдствіи
 „узнаешь, для чего сей островъ преимуще-
 „ственно предъ прочими избралъ я для
 „моего успокоенія. Не мни, чтобы когда
 „нибудь увидѣлъ ты семью твою и свое
 „опечество, когда не имѣешь сего непобѣ-
 „димаго мужества. Когда ни что не мо-
 „жетъ тебя устрашити, то днѣсь напра-
 „ви путь твой къ Западу: тамо хотя и
 „не безъ трудностей, обряцешь входъ на
 „нѣкую гору; и если минуешь всѣ ложныя
 „дороги, то оный приведетъ тебя безопас-
 „но въ пикій *Іерусалимъ*.

Я поцѣловалъ съ несказаннымъ по-
 чтеніемъ сіи *Азефовы* начертанія; и по-
 томъ спавъ на колѣна и возведъ очи и
 ружь мои на Небо, взывалъ тако: Господи

и другъ челоѡковъ! Ты обо мнѣ милосерду-
ешъ и не хочешъ погибели моя на семъ
преисполненномъ опасности пущешествїи,
успроивая мнѣ пущь ко Твоему дому мира
и пишины. Не оприни меня и впредь опъ
защищенїя Твоего! даждь мнѣ крѡпость и
силу ко преодолѣнїю всѣхъ предспоящихъ
опасностей и препяпствїй, и просвѣти ме-
ня свѣпомъ Твоимъ, въ окружающей меня
темнолѣ Египетскихъ запмѣнїй! — Немед-
ля нимало, пошелъ я, со швердою на Про-
видѣнїе надеждою, къ Западу, и достигъ ско-
ро посредспвенной широты рѣку, въ копорой
вода была чрезмѣрно мушная, шакъ чпо по
причинѣ своей густоты едва печенїе имѣла;
чрезъ оную былъ мостъ изъ наведенной го-
лубою краскою спали, а по шу спорону сдѣ-
ланы вороша изъ мѣди подъ бронзу, кои
пущь совсѣмъ заграждали. На сихъ воро-
пахъ изображены были по всюду волшебнo-
кабалистическїя начертанїя, копорыя
споль разнообразно и искусно составлены
были, чпо я принужденъ бы былъ издать
цѣлую книгу, еслибъ похотѣлъ сполько
описать оныя. Въ верху на нихъ споялъ
прозрачный небесный глобусъ, на копо-
ромъ находилось больше обыкновеннаго по-
люсовъ, поясовъ и круговъ, копорыя худож-
никъ вмѣсто всѣхъ другихъ фигуръ, укра-
силъ опверзспыми очами. На семъ глобусѣ
уптвержденъ былъ старой золошой Крестъ;
изъ чешырехъ онаго угловъ блиспали двѣ-
надцать

надцать огненныхъ лучей, а во срединѣ видны были пять Еврейскихъ буквъ, со- спавленныхъ изъ предорогихъ алмазовъ, испускавшихъ Божественное сіяніе.

Позади сихъ воротъ слышалъ я непре- рывной шумъ, подобящейся иногда волно- ванію свирѣпаго моря, иногда лаянію псовъ, иногда вою грызущихся волковъ, львовъ и пигровъ, иногда ворчанію мѣдведей, иногда гусиному крику, дерущимся бабамъ, бурла- камъ и проч. Сіе приводило меня въ шрепѣтъ и ужасъ. Долгое время былъ я въ недоумѣ- ній, отворяшъ ли мнѣ сіи ворота и продол- жать мой путь? но вдругъ изъ чистаго возду- ха спустилась прекрасная бѣлая птица, имѣющая носъ, глаза и ноги красные. Она распустивъ свои крылья, порхала надо мною; и подлетѣвъ къ моему рпу, впустила въ меня нѣкій прохладный сокъ, который былъ Божественнаго вкуса, и какъ сердце шакъ и всѣ члены мои укрѣпилъ чрезвычай- но. Тогда подошелъ я къ воротамъ и отперъ оныя моимъ ключемъ. Они отворились со шрескомъ, подобнымъ грому, ударяющему вскорѣ послѣ блеснувшей молніи, и по томъ съ прерывающимися спугами въ дали по нашей атмосферѣ распроспраняющемуся. Съ равною силою и спугомъ оныя опять за мною затворились: и въ то время увидѣлъ я предъ собою весьма узкую пропінку, обро- сшую по всюду шильною травою, дерниною, крешовникомъ, волчецомъ и шому подоб-

ными правами. Иногда принужденъ я былъ ползсти подъ симъ куспарникомъ, а иногда перелазать черезъ оный; изъ чего легко заключить можно, что вскорѣ всѣ части моего пѣла были изколопы. Труднѣйшимъ и скучнѣйшимъ для меня преписвѣемъ, при которомъ иногда и мѣчемъ моимъ оборонялся, были какія то сѣрыя, а иныя черныя сухощавыя швари, которыя лицомъ хопя и ходили на людей, но нѣкоторыя изъ нихъ имѣли посреди лба одинъ или два долгихъ рога; иныя были съ собачьими хвостами, другія отъ пояса имѣли спанъ ящерицъ; иныя ходили на *Скорпионовъ*, имѣя подъ носомъ усы, а на головѣ парики съ локонами; другія сходствовали съ лепучими ужами во французскихъ игуменскихъ парикахъ и въ ожерельяхъ со складками; иныя споль же щеголевахъ были наряжены, какъ наши пепиметры и вольнодумцы, имѣя крылья лепучихъ мышей, съ зайчьими, бычачьими и свиными головами, и причесаны *а ла кокъ*, *а ла грекъ*, *а ла помпадуръ*, *а ла марешаль* или *а ла мускетеръ* и проч. Нѣкоторой родъ осъ, жуковъ и спреказъ въ убранныхъ на каркасахъ чепчикахъ, производили въ воздухъ ужасной шумъ, и кучами лепали мимо моихъ глазъ, носа и ушей. Другія же будучи въ совершенномъ женскомъ видѣ, имѣли упячьи и журавлиные носы, и пѣшущьи хвосты, а за иными несли хвосты

павлиньи. Словомъ, наисильнѣйшее воображеніе не можеть изобрѣсти ничего польспраннаго и разпусшнаго, что я здѣсь въ самомъ дѣйствіи нашель и въ его злости и дурачествѣ узналъ. Каждое изъ сихъ существвъ пропотивоборспвовало одно другому по своему виду и природѣ; и сколь скоро онѣ меня увидѣли, по всячески спарались, соврапиль меня силою съ моей дороги, или по крайней мѣрѣ спыдомъ, срамомъ, презрѣніемъ и поношеніемъ привеспъ въ заблужденіе и удержашъ. Рогатыя чудовища были всѣхъ ужаснѣе и свирѣнѣе; по чему я весьма опасался, чтобъ не бышь поражену ихъ долгими и толспыми рогами. Имбющія собачьи хвосты были наиопаснѣйшія: онѣ приближались ко мнѣ по большей часпи мотая хвостами; и часпо не успѣвалъ я оглянупься, какъ онѣ хвашали меня такъ крѣпко и больно, что я не рѣдко едва могъ избѣгашъ вреда и смерти. Чего не принужденъ былъ я сносить еще опѣ прочихъ уродовъ! и колико долженъ былъ вершеться и оборачивашъ, что бы не бышь пораженну опѣ ихъ нападеній! Коликокрапно ощущалъ я совершенную слабоспъ моего человекеспва! Сколь часпо была мнѣ нужна вся сила моего перспня и моего мѣча, дабы не потеряшь вовсе моя спвердоспи и постпоянспва! Особливо же нѣкопорое приключеніе съ одною женщиною было для меня гораздо чувспвишель-

шельнѣ и прискорбнѣ, нежели всѣ тѣ, кои я самъ испыталъ и чувствовалъ. Едва только прошелъ я третью часть сея пропинки, какъ увидѣлъ въ дали одну любви доспойную женщину, на которую нападали совокупно всѣ вышеописанныя чудовища. Она была одѣта вся въ бѣломъ платьѣ; и хотя на лицѣ ея висѣлъ часпой зеленой флѣоръ, однакожъ по наружной ея пошупкѣ, стану и роспу можно было безъ всякаго сомнѣнїя заключить о величественномъ ея видѣ, швердоспи духа, добродѣтели, человеколюбїи и справѣдливости; въ правой рукѣ держала она горящее сердце, а въ лѣвой искусно сплетенную веревку изъ шолку крамозиннаго цвѣта, на концахъ копорыя прикрѣплены были двѣ большія киспи, изъ золота и шолку сдѣланныя. Сїи шокмо два были ея орудїя, коими она опѣ всѣхъ оныхъ чудовищъ оборонялась. Какъ скоро меня увидѣла, то съ печальнымъ и дрожащимъ голосомъ поднявъ руки свои, вскричала: „Поди „сюда! избавь меня! спѣши ко мнѣ на по- „мощѣ! о ты благословенный сынъ премудрости и добродѣтели!“ При окончанїи сихъ словъ, увидѣлъ я ее падающую на колѣна опѣ обморока и слабости. Я усугубилъ оставшїяся мои силы, для скорѣйшаго къ ней приближенїя, и для учиненїя ей помощи. Но между шѣмъ, пока пробирался сквозь прошивоспоявшїя мнѣ само-

му

му препяпствїя и опасности, и пришелъ на то мѣсто, гдѣ ее видѣлъ, она уже исчезла, и мнѣ предспавлялось, будто бы восхищена была на Небо на огненной колесницѣ: ибо во свѣпломъ воздухѣ примѣпилъ я еще лучи серебрянаго цвѣта, яко слѣды пупи ея. И такимъ образомъ спарался я тогда единственно о моемъ собственномъ защищенїи, пробираясь непрестанно далѣе, дабы достигнуть объявленной мнѣ *Азефомъ* горы и ея отверстія.

По несказанныхъ упружденїяхъ и опасностяхъ, даже и послѣ часпья борьбы съ самою смертію, пришелъ я на конецъ къ нѣкопору весьма приятной горѣ, состоящей изъ сѣровапой и шемнокрасовапой земли, при подошвѣ копоря находился шемной входъ, къ коему прямо примыкалась ша пропинка, по копорой я шелъ. Полагаясь на сообщенное мнѣ *Азефомъ* извѣспїе, вошелъ я охотно въ сіе уединенное и шемное отверспїе, и ласкалъ себя, что не буду имѣть въ ономъ больше опасности отъ гонящихъ меня чудовищъ. Не успѣлъ я спупить прехъ шаговъ, какъ увидѣлъ прекраснаго челока въ сіяющемъ одѣянїи, держащаго въ рукахъ пламенную розгу (прущъ) и споящаго на преглавномъ лепучемъ змѣѣ. Я весь задрожалъ; но онъ говорилъ слѣдующее: „Буди смѣлъ, сынъ *Адамовъ*, и не ужасайся! „Сей змїй побѣжденъ ради шебя. Отъ нынѣ да не спрашишя ты никакія опасности: „спи:

„спи: Богъ внимаетъ бѣдамъ чадъ своихъ, и
 „смиранныхъ вѣнчаетъ милостію. — Спре-
 „мись ко предлѣжащему тебѣ пужи; но
 „со оспорожностію и разумомъ. „ Послѣ
 сего показалъ онъ мнѣ иппи въ шемнопу сея
 пещеры. Я вспуилъ въ сей пущь съ вели-
 чайшею надеждою, и примѣчанія доспой-
 нѣйшее было то, что я спранспвовалъ въ
 сей шемнопѣ сорокъ дней безпрестанно, не
 имѣя ни малѣйшей склонности къ пищѣ,
 пипію, или покою. Уповашельно, причиною
 тому былъ влѣяный въ меня сокъ выше-
 упомянутой прекрасной ппицы. О пупе-
 шеспвіи моемъ тамо не могу я ничего бо-
 лѣе сказать, какъ шолько, что я часшо то
 восходилъ на верьхъ, то спускался въ низъ
 подобно какъ еслибъ такой человекъ былъ,
 кошорой бы могъ ходишь по колеблюще-
 муся морю. При семъ случаѣ наблюдалъ я
 движеніе моего сердца, и примѣчалъ ско-
 ро въ себѣ малодушіе, когда спускался
 въ низъ, кошорое паки проходило, когда я
 на верьхъ поднимался. На конецъ у подошвы
 сея горы вышелъ я, какъ мнѣ кажется,
 на противу споящую спорону. Я увидѣлъ
 предъ собою чрезвычайно приятную долину,
 кошорья предлѣовѣ не могъ я обозрѣшь сла-
 быми моими очами. Солнечное сіяніе было
 чрезвычайно ясно и чисшо; балзамическій
 прохладный паръ наполнялъ ашмосферу; и
 мнѣ казалось, будшо вся земля шолько лишь
 производила отъ руки своего Создателя,
 младою,

младую , свѣжею , свѣплою , приятною и благодарною. Послѣ шоль многихъ безпокойствѣ , все сіе восхищало меня таковымъ внушреннимъ удовольствіемъ , что я безъ памяти упалъ на землю , и лѣжалъ долгое время въ семъ соспоянїи безъ всякаго чувствїя , подобно какъ обьяпый внушреннымъ обрадованїемъ. Я не знаю лучше описать сего соспоянїя ; но знаю , что мое внушренно пронупое сердце болѣе чувствовало , нежели бы всѣ наилучшія мысли изьяснить могли. Я уже не знаю , какъ пришелъ въ себя ; но знаю то , что во ухахъ моихъ слышенъ былъ гласъ , вѣщавшій мнѣ : „ Ободрись со- „вершенїя ради. „

Я открылъ глаза и увидѣлъ совершеннолѣпнаго юношу въ лучшемъ цвѣтѣ его возроста. Онъ сидѣлъ на бодромъ и спашномъ конѣ розовой шерспи , покрытомъ шипымъ золопомъ , серебромъ и жемчугомъ великолѣпнымъ уборомъ. На юношѣ было верхнее плашье бархашное салатонаваго цвѣта , украшенное по всѣмъ мѣстамъ большими алмазами и другими драгоценными каменьями. Весь его видъ показывалъ величество , храбрость , мужество и великость ; во всѣхъ дѣлахъ являемая оспрошаоживляла его , будучи при томъ спровожаема шихимъ человѣколюбїемъ ; слѣдовательно при первомъ на него взглядѣ , привлекалъ онъ къ себѣ ошъ всѣхъ почпенїе и любовь. Онъ говорилъ мнѣ : „ Для чего ошано-
вляешься

„вляешься ты на своемъ путешествіи ?
 „здѣсь не найдешь ты ни шѣни, ниже ночи.
 „И такъ поспѣшай, но поспѣшай со благо-
 „разуміемъ, дабы не привелъ тебя во изне-
 „моженіе зной солнечный. Не ищи пробъз-
 „жей дороги ; но слѣдуй свѣжимъ слѣдамъ
 „моего коня, они поведутъ тебя по испин-
 „ному пути. Помни , что ты видѣлъ и
 „слышалъ ; укрѣпи сіе во своемъ сердцѣ ; и
 „пребуди другъ и рабъ вѣчнаго Божества. —
 Выговоря сіе оставилъ онъ меня и поѣхалъ,
 какъ мнѣ кажется, въ Южновосточную спо-
 рову. —

Я избралъ себѣ показанную имъ дорогу.
 Долина , въ которой я находился , спанови-
 лась часъ отъ часу прекраснѣе, чѣмъ долѣе
 я шелъ по оной. Великолѣпнѣйшій садъ ,
 какой шокмо представишь себѣ можно, бу-
 депъ единая шѣнь сего чуда еспешва ;
 и я не найду словъ, коимибъ могъ описатьъ
 видимыя мною шамъ вещи. По всюду сіяло
 неудобопонянное плодоносіе. Польза и кра-
 соща были здѣсь неразрывные соповарищи.
 Тысяща родовъ неизвѣстныхъ мнѣ цвѣтовъ
 украшали сіе мѣсто, пленяющее своею не-
 винностію и проспымъ расположеніемъ.
 Безчисленное множество птицъ разныхъ
 перьевъ, наполняли воздухъ любезнымъ сво-
 имъ пѣніемъ. Приятные Зефиры развѣвали
 прелестную и при томъ прохлаждающую
 гармонию въ сихъ божественныхъ поляхъ.
 При споль многихъ всѣ воображенія превос-
 ходящихъ

ходящихъ предмѣшахъ не могло сердце мое не чувствовашь нѣкое опмѣннаго внушеннаго движенія. Будучи пронупѣ величественною лѣпошою всего мною видимаго ; будучи пронупѣ несказаннымъ множествомъ преизящнаго богатства , среди котораго зрѣлъ себя такъ сказашь центромъ ; будучи пронупѣ Всемогуществомъ и Премудростию все сіе Сотворшаго ; будучи пронупѣ Его безконечною и неизчерпаемо-изливаемою милостию и благодатию ; будучи пронупѣ достовернымъ признаніемъ, что я вовсе оныхъ недостоенъ ; проливалъ слезы благодарности по ланішамъ моимъ, разпалившимся любовію, крепостию и почтеніемъ.

Въ семъ моемъ состояніи, едва только прошелъ я около 63 верстѣ, какъ въ дали на прищномъ холмикѣ увидѣлъ чрезвычайно блистающій городъ, котораго стѣны были изъ золота, а верхи изъ драгоценныхъ камней. Казалось, что во срединѣ онаго обитало Солнце Правды ; ибо тамошнее сіяніе гораздо величайшимъ сіяніемъ умножалось. Я удваивалъ свои шаги къ оному, и пришелъ къ нѣкоторому рву, коего вода чистою и свѣтлостію сходствовала съ падающею въ Маѣ рососою. Хотя между симъ рвомъ и городомъ была нарочито великая и пространная поляна ; однакожь могъ я примѣшпшь, что можно было входпшь въ городъ чрезъ 12 серебряныхъ

воротѣ, кой запирались изумрудовыми замками. Долгое время удивлялся я сему городу; и вдоль рва пошелъ къ оному, хопя не могъ найсти чрезъ оной моста. Едва токмо перешелъ я около половины берега сего рва, какъ увидѣлъ младаго въ бѣломъ одѣяннїи человѣка, копорый мнѣ вѣщаль: „Будь доволенъ шѣмъ, что ты видишь и познаешь: не пришелъ еще пвой часъ, чшобъ бышь обиташелемъ сего великаго града. Послѣдуй другой судьбѣ, копорая тебѣ неминуемо назначена. Я буду впредь швоимъ насшавникомъ и пушеводителемъ; слѣдуй токмо моему насшавленїю и пушеводству. Возми сію спрѣлу въ руку вмѣстѣ со мною; послѣ нѣсколькихъ минушъ будемъ мы шамъ, куда желаемъ.“ Признаюсь, что сіе извѣстїе меня не много опечалило, когда я счишая себя столь близка ко блаженной шинишѣ, узналъ, что мнѣ другїя судьбы предназначены. Я хотѣлъ было опвѣшшествовать моему новому пушеводителю; но взглянувъ на него, шпалъ наполненъ столь великою къ нему довѣренностїю, что взялъ, не говоря болѣе ни слова, держащую имъ за другой конецъ спрѣлу. Вскорѣ по шомъ почувшвовалъ я, что мы оба поднялись на воздухъ съ такою скоростїю, что я неоднократно лишался дыханїя. Такимъ образомъ пролетѣлъ я безконечныя небесныя сферы. Я видѣлъ шакїя вещи, копорыя шребовали

требовали особливаго описанія , и мог-
либъ соспавить цѣлую книгу. Я проле-
тѣлъ мимо 2000 солнцевъ , изъ копорыхъ
каждое соспавляло нѣкую гармонію съ дру-
гими подлѣ споящими ; и шаковыхъ сол-
нечныхъ системъ насчиталъ я 64 и болѣе.
На конецъ пролетѣли мы сквозь плане-
тныя сферы , гдѣ увидѣлъ я порядокъ чу-
десъ Премудрости и Всемогущества. Ког-
да мы приближились къ *Марсу* , и въ по-
же самое время къ нашему Солнцу ,
шо спало мнѣ шакъ жарко , что выпу-
пилъ изъ меня потъ. Заняшъ будучи мы-
слями позабылъ я , что не должно мнѣ бы-
ло покидать спрѣлу ; и шакъ шую же ру-
кою , копорою за нее держался , взялъ мой
плапокъ , чшюбъ опереть лице. Едва шоль-
ко опустилъ мою руку , шо полетѣлъ
въ низъ испугавшись. Онѣ сего 32. 830. 470.
мильнаго паденія я проснулся. Сколь сча-
спливѣ я , Государи мои ! что въ добромъ
здравіи и на яву могу васъ увѣрить о осо-
бливомъ высокопочитаніи , съ копорымъ
есмь

Вашъ преданнѣйшій слуга

Іаковъ Всегдашъ

Конецъ мѣсяца Апрѣля

и

второй части.

В

М А И Й

ЛНН	ЧИСЛА	перемѣны Луны	А С П Е К Т Ы
♂	1		♂ ☾ ♂. 1. ч. ппн. ♂ ☾ ♀. 6. ч. ппд.
♀	2		♂ ☾ ♀. 8. ч. ппн. Δ ☾ ♃.
♃	3		
♀	4		* ☾ ♃.
♃	5		
☉	6		Δ ☾ ♂.
☾	7		□ ☾ ♃. 6. ч. ппн. ♂ ☾ ♃. 10. ч. ппд.
♂	8	☾. 4. ч. 38 ¹ . 10. ч. ппд.	ппд. Лонд. Петерс. Берлинской
♀	9		□ ☾ ♂. 1. ч. ппн. Δ ☾ ♃. □ ☾ ♀. 9. ч. ппд. □ ☾ ♀. 9. ч. ппд.
♃	10		☉. □. 3. ч. 43 ¹ . ппн. ♂ ♀ ♀. 7. ч. ппд. ♂ ☉ ♃.
♀	11		* ☾ ♂.
♃	12		Δ ☾ ♃. * ☾ ♀.
☉	13		* ♃ ♀. ♂ ☾ ♃. 8. ч. ппд.
☾	14		□ ☾ ♃. 10. ч. ппн.
♂	15	☉. 10. ч. 35 ¹ . ппн.	♂ ☾ ♂. 2. ч. 20 ¹ . ппд. Лондон.

ДНИ ЧИСЛА	перемѣны Луны	АСПЕКТЫ
♀ 16		♁ ☾ ♀. 1. ч. 48 ¹ . ппн. ♁ ☾ ♀. 2. ч. 51 ¹ . ппн. * ☾ ♃.
♃ 17		♁ ☾ ♂. Петербург. Δ ☾ ♃.
♀ 18		♁ ☾ ♀. ♁ ☾ ♀. Петербург.
♃ 19		□ ☾ ♃. 8. ч. ппд. * ☾ ♂.
☉ 20		♁ ☾ ♃. 2. ч. 7 ¹ . ппд. * ☾ ♀. ♁ ♂ ♀. 11. ч. ппд. Берлин.
☾ 21		♁ ♂ ♀. 9. ч. 37 ¹ . ппд. Париж. 2. Лексель 12. ч. ппд.
♁ 22	☽. 4. ч. 35 ¹ . ппн.	□ ☾ ♂. 2. ч. □ ☾ ♀. 5. ч. ☉ ☉ ♀. 7. ч. ппн.
♀ 23		♁ ☉ ♂. 5. ч. ппд. □ ☾ ♀. 7. ч. ппд.
♃ 24		Δ ☾ ♂. Δ ☾ ♀.
♀ 25		* ☾ ♃.
♃ 26		♁ ☾ ♃. 7. ч. 29 ¹ . ппд. Δ ☾ ♀.
☉ 27		□ ☾ ♃. 9. ч. ппд.
☾ 28		♁ ☾ ♂.
♁ 29		♁ ☾ ♀. 7. ч. ппн. 2. Лексель Δ ♃ ♀.
♀ 30	☽. 5. ч. 51 ¹ . ппн.	♁ ☾ ♂. 2. ч. ппн.
♃ 31		* ☾ ♃.

7 17782

54 2.2.

(M/90) N 1-4